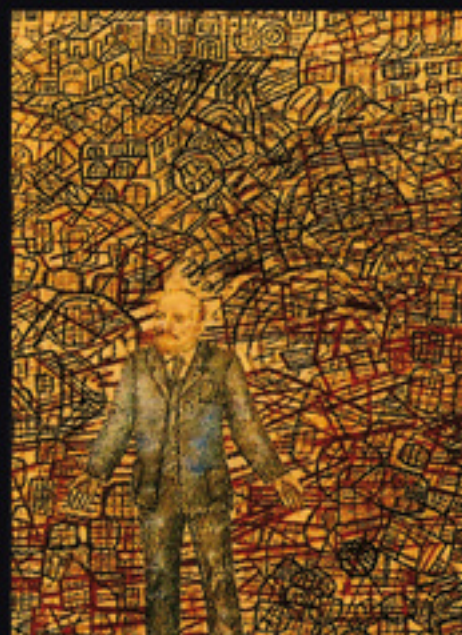

**МИХАИЛ
ГЕФТЕР**

В РАЗГОВОРАХ
с ГЛЕБОМ
ПАВЛОВСКИМ

**ТРЕТЬЕГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
НЕ БУДЕТ**

**РУССКАЯ ИСТОРИЯ
ИГРЫ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ**

Глеб Павловский

**Третьего тысячелетия не
будет. Русская история
игры с человечеством**

«Европа»

2015

Павловский Г. О.

Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством / Г. О. Павловский — «Европа», 2015

Книга бесед великого историка и философа Михаила Гефтера (1918–1995) содержит наиболее полное изложение его взглядов на советскую историю как кульминацию русской. Возникновение советской цивилизации и ее самоубийство, русский коммунизм и русский мир – сквозь судьбы исторических персонажей, любивших, ненавидевших и убивавших друг друга. Многих из них Гефтер знал лично или через знакомых. Необычны и проницательны наброски интеллектуальных биографий В. И. Ульянова (Ленина) и Иосифа Сталина. В разговорах Михаила Гефтера с Глебом Павловским история предстает как цепь поступков, где каждое из событий могло бы быть другим, но выбор политически неизбежен и уйти от него нельзя.

© Павловский Г. О., 2015

© Европа, 2015

Содержание

От составителя	14
Рассказ о моих пяти жизнях в ночь на 5 октября 1993 года	17
Часть 1. Теология исторического и ее политика	24
1. Саморастворение в истории. Мышление вопросами без ответа.	24
2. Коллективное прозрение, освобождение сверху и исчерпание истории.	25
3. О времени, параллельном мире и немотивированности человека. Будущее прошлого.	26
4. Публичные девки случайности. Детерминизм и ужас финального результата. Происхождение мужицкого царя. Поражение Ленина и поражение Ганди.	29
5. Ленин превращает себя в обстоятельство русской истории. Тень Чаадаева.	31
6. Поступок-событие-бифуркация. Зачем царь Александр пошел навстречу Гриневицкому?	32
Часть 2. Крымский тупик мировой истории. «Красавец-кроманьонец» уходит от смерти	33
7. Марр и тупики истории. Ранний Мир был не примитивней, а сложнее нашего	33
8. Осевых времен было много. Загадка человеческого разбегания по Земле. Человек переначинается.	36
9. Красавец-кроманьонец и открытие смерти. Культура – темное начало. Не-нормальность и невсеобщность культуры	38
10. Номо mythicus и империи-изоляты. Человек способен замкнуться.	40
11. Пирамиды. Прижизненная смерть фараона. Жизнь оборачивается сервисной функцией.	41
12. Египет и крито-минойцы. Культура способна переходить в другое вне собственного дома.	42
13. Иудейский запрет и римская терпимость. ИИСУС и апостол ПАВЕЛ. Человечество становится бескомпромиссной идеей.	43
14. Номо historycus. Заполненность человека историей. История неостановима изнутри.	44
15. Исторический человек как «новая тварь». Ленин – банкрот-финалист истории. Нам мешали историю изобретать.	45
16. Утопия оппонирует мифу. Коммунистическая утопия. Антиутопия и террористический эгалитаризм Сталина.	46
17. Исторический компромисс Павла и нищие духом Иисуса.	47
18. Судный день и время конца. Исполнимость и неисполнимое в истории.	48
19. Действие смерти, переоткрывающей жизнь. Спасение мертвых.	49
Часть 3. Политика и теология альтернативности.	50
20. Октябрьская революция и коммунистический акт спасения. Предшественники превращаются в «пережитки».	50

21. Эпоха Голгофы и Великой французской революции. Термидор как человеческая попытка остановить себя средствами революции.	52
22. Человек-самообманщик. Заданность и повторное рабство. Мир завершен, но не закончен.	54
23. Тайна Судного дня. Утраченные возможности. Ликвидаторы прошлого – убийцы будущего.	56
24. Российская Федерация – злополучный термидорианец. Неудовлетворенная заявка России на обыкновенность.	57
25. «Мы». Советские люди вернулись домой и нашли там полевых командиров.	58
26. Что такое альтернатива и альтернативность в истории? Пример погибшей преальтернативы.	59
27. Была ли у Бухарина «бухаринская альтернатива»? Исключаемые преальтернативы собираются в превентивную однозначность.	60
28. Теология безальтернативного космоса. Задано: исключить исключающего.	61
29. Человек повседневный. Борьба с повседневностью и ангел-фальсификатор в мире холодной войны. Повседневного человека вербуют в убийцы.	62
30. Опровержение заданности как опровержение смертности. Лишние исторические существа. История есть делаемая история.	64
Часть 4. Категории русской и советской истории.	66
31. Историческое невежество российских лидеров. История России состоит из цезур.	66
32. Беглецы от власти формируют власть. Русский как человек, втягиваемый во власть. Русский Мир и русское человечество.	67
33. Краткосрочность русской истории. Евразийские империи выгоняют внутреннее противоречие наружу.	68
34. Царь Иван Грозный и евразийские инновации. Государев двор, опричнина и холопы.	69
35. Злодеи развития. Царь Петр на Евразийском пространстве экспансии. Крепостничество, колонизация, самодержавие.	70
36. «Новые люди» против холопства. Просто рабы и рабы потерянной роли.	72
37. Народа нет, но ему принадлежит будущее. Листовка Чернышевского как заявка на народность. Декабристы народной народников.	73
38. Невольный компромисс князя Трубецкого.	74
39. Погоня за временем и «жертвы надменности». Выход ПУШКИНА на сцену. Завязка спора с Чаадаевым. Писатель Гоголь: мертвые души – это мы и наши товарищи.	75
40. Пушкин ищет в России личность. Царь Николай как «второй Петр». Совесть – не нравственность, личности прощительно почти все.	76
41. Пушкин защищает авантюристов и едких вольтерьянцев XVIII века.	77

42. Кто такие индивидуалисты XVIII века? Князь Барятинский и русский портрет.	78
43. Пушкин «как вылитый». Оттиск его судьбы в программе русской культуры и тайной полиции.	79
44. Карамзин, историк русской власти. Трагедия слабой власти в России.	81
45. Николаевская идея Александра ПУШКИНА. ЧААДАЕВ, настаивающий на своем. Бенкендорф.	82
46. Пушкин как изобретатель диссидентства в России. Три варианта ответа на чаадаевский вопрос. Герцен. Дуэль как монархическая утопия.	84
47. Конец тирании НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Хрупкость империи и ее успехи. Утопическая спекуляция графа Витте.	86
48. Пространство наперегонки с временем в России. Чичиков как триумфатор.	88
49. Логический тупик чаадаевского коана. Ставленники Петра Яковлевича.	89
50. Форма как заговор. Достоевский после каторги – продолжение «Мертвых душ».	91
51. Взрывоопасные банальности Достоевского. Ставрогин.	92
52. Персонажи сороковых и пятидесятых годов XIX века. Ставрогин как разрушитель идеи «Бесов».	93
53. История как оппонент культуры. Лермонтовское в Достоевском. Первородный грех.	95
54. Советское человеческое пространство. Как стать сувереном своих невзгод?	96
Часть 5. Ленин. Советский мир как русский.	97
55. «Мы пойдем другим путем». Тезисы о биографическом Ленине. Фактор Чернышевского.	97
56. Молчаливый финал XIX века. Русское в советском.	101
57. Грехи и грешники XIX века. Тайнопись этического самовыяснения.	102
58. XIX век как Родина. Этика поступка в XIX веке и диссидентстве. Общество всея Руси невозможно.	103
59. Короленко сопротивляется русским безумцам. Расклеенные и разошедшиеся частицы мозга.	105
60. Портреты людей «мыслящего движения». Серно-Соловьевич, Александр Михайлов.	107
61. Александр Михайлов и кульминация «Народной воли». Казнь 1 марта 1881 года.	108
62. Вера Засулич, Маша Коленкина и героические мужчины.	109
63. Поражение как мотив человека в истории. Вера Фигнер в эпоху затворничества.	110
64. Валентинов о перепаханном Ленине. Явление лидера, не дающего совести собой руководить.	111
65. Ленинская непринужденность насилия – от любви к дворянским усадьбам до ВЧК.	112
66. Разночинские презумпции в русском мире без Кьеркегора. Окончателность поступка.	113

67. Личность ли Ленин? Плеханов и Федосеев в его судьбе. Русская идея царубийства и макиавеллизм правого дела.	114
68. Таинственная загадочность Ленина.	117
69. Как Чернышевский сделал Ленина политиком. Экзистенциальный разрыв со Струве в декабре 1900-го.	118
70. Ульянов изобретает личность строителя партии. Любовь к партийному функционеру. Партия как внутренний оппонент революции.	119
71. Был ли Ульянов ставленником Чаадаева? Философская катастрофа польской войны. Мировая революция в одной стране.	121
72. Ленин внутри и вовне капитализма по Карлу Марксу. «Манифест коммунистической партии» отменяется.	124
73. История с «Всемирной историей».	127
74. Тайная переписка с народниками. Письмо Маркса Вере Засулич.	128
75. Проект Маркса для России. Три круга развития.	129
76. Аграрная проблема в России. Несносность существования и «черный передел».	130
77. Крестьяне Маркса на полях Михаила Бакунина. Осуществима ли не-унитарная революция?	131
78. Карл Маркс, заскучавший за «Капиталом». Конфликты всемирных альтернатив.	133
79. 9 января 1905 года. Царский штандарт.	137
80. Первая русская интеллигентская революция. Историк как плохой лидер. Взлет и провал кадетов.	138
81. Революция 1905 года – фиктивность любой возможности. Столыпин как палач-душеприказчик.	140
82. Почему Столыпин потерпел фиаско?	141
83. Столыпин как интеллектуальный оппонент ленинской концепции партии.	142
84. Была ли столыпинская альтернатива осуществима?	143
85. Существовало ли государство в Российской империи? Казенная модернизация: организации или институты?	145
86. Существовали ли в 1917 году меньшевистские альтернативы Ленину?	147
Часть 6. Технология и мистика Октябрьской революции. Уход «Первого» и выход «Второго».	150
87. Две революции в 1917 году, народная и коммунистическая. Проблема руководимых множеств.	150
88. Десуверенизация государства Советов. Военный коммунизм. Конфедерация республик Европы и Азии как альтернатива сталинизации.	153
89. Черный передел средствами мировой революции. Коммуна и мужик.	156
90. Главная тайна 1917 года: почему Россия не распалась? Интеллигентско-мужицкая целостность русского мира. Русское удержалось советским.	157

91. Чудо Брестского мира. Первый крах Бухарина с левым коммунизмом. Триумф военно-коммунистической практики.	159
92. Коммунистическая революция универсальна. Ленин и Сталин – универсалисты. «Мы снова станем отсталыми».	161
93. Как Ленину отделаться от РКП(б)? Между мужиком и интеллигентом.	162
94. Как «нэповская Россия» не состоялась из-за польского батрака.	163
95. Дойти до Темзы или до Шпрее? Первый съезд партии без ЛЕНИНА. Рождение канона советского косноязычия.	164
96. Последняя утопия Ленина: русская цивилизация между Западом и Азией. Наследство, наследники и эпигоны.	165
97. Володя Ульянов в Горках – возвращение в XIX век. Жизнь онемевшего ума.	168
98. Раб Ульянов освобождается.	172
99. Писал бы ЛЕНИН мемуары, как ТРОЦКИЙ? «Первый» уходит в смерть, а «Второй» – на мокрое дело	173
Часть 7. Сталин, таинственный сценарист.	175
100. «У него мужественное лицо».	175
101. Культура 1920–1940-х. Шостакович как советский историк. Перепутья революционной архаики.	176
102. Управление слухами. Громкий хохот тридцатых и сталинская режиссура.	179
103. Почему никто не убил тирана? Сильные люди 1937 года перед незамеченным выбором.	181
104. «Организатор убийц». Сталинский перенос преступлений на жертвы.	183
105. Логика вражеского окружения. Бухарин на Лубянке. Теология Человека Слабого.	184
106. Упущенные альтернативы 1930-х годов. Заговор Сталина-хозяина против Сталина-лидера нормализации.	186
107. Телеграммы Сталина как симптомы бессознательного.	189
108. Что такое революция сверху?	190
Часть 8. Ленинский «субъект субъекта» в аду персонификации.	191
109. Сталинист Маркс о владычестве в Индии.	191
110. Принуждение неразвитых к глобальности. Полицейские функции коммунистической революции.	192
111. «Калужское тесто» и управление обратным ходом вещей. СТАЛИН как гений изничтожения.	193
112. Лексическая история сталинизма. Пятая колонна, враги народа и народы-враги.	195
113. В «ежовых рукавицах» – Сталин «начальников поредил». Народный миф о Сталине.	196
114. Роковая фраза Каменева «Мы ввели рынок» – нэп в стольпинском тупике.	197
115. Кадровые бонусы катастрофической коллективизации.	198
116. Никаких «люмпенов» не было.	199
117. «Сталинская оттепель» и сталинские метания. СТАЛИН против сталинцев.	200

118. Бухарин и Сталин: высокий абсурд советского диалога.	201
119. Интеллектуальная потребность Сталина в Бухарине – основа расстрельного сценария.	203
120. Январско-февральский пленум 1937 года. Мертвые как живые в сталинском уме.	204
121. Анна Ларина, жена расстрелянного: Сталин платит долги убитому другу. Что я жалею в Сталине?	205
122. Советское освобождение самовыговариванием.	207
123. Американское чудо в советской степи – Сталинградский тракторный. Пошаговая стратегия Михайлова-Иванова.	208
124. Фотографический сталинизм 1930–1940-х.	209
125. Убитая оттепель и страх оказаться лишним.	210
126. Культ результата. «Возвращение» Троцкого. Империя антифашистского могущества – упущенный вариант.	212
127. Катастрофа под рубрикой «1940 год».	214
128. Осевое время подготовки мировой войны. Сталин, Рузвельт и Гитлер.	215
129. После Дюнкерка. Гитлер или Сталин – кто был опасней для СССР?	217
130. Ерусалимский и Молотов в кабинете Сталина. Как редактировали геополитику.	218
131. Гитлер, раскусивший сталинскую игру.	220
Часть 9. Война и возвращение с войны	221
132. Гроссман – о комиссарах. Эренбург как советский спаситель.	221
133. История комиссара Зоркого.	223
134. Мой несостоявшийся плен.	224
135. Власов, несостоявшийся маршал СССР. Стратегическая патология сталинского ума.	225
136. Выход из войны. Победа – праматерь зла. Сталинский победительный плебс.	226
137. Его добрый юмор и злая память: «Как, вы забыли своих врагов?».	228
138. Злая память слабеет: академик Панкратова стала членом ЦК вместо подследственной.	229
139. Разжалование в советские академики: Сталин и Майский. Академик Курнаков и конкурс институтских Оль.	231
140. Академик Михаил Тихомиров, Дмитрий Лихачев и моржи-патриоты.	233
141. Туалет академиков на Волхонке. Академик Нечкина и языкознание Сталина.	234
142. Третьей мировой войны быть не могло в принципе.	236
143. От короткой корейской войны – к долгой холодной.	237
144. Последний универсальный враг Сталина: еврей.	238
145. Сны 1953 года. Нашествие врачей-убийц. Яркий Хрущев – лидер блеклого и лживого антисталинизма.	240
Часть 10. Путаница десталинизации.	242
146. Почему в Крыму не было голодомора? Крымские и украинские страхи.	242

147. Светлана Аллилуева и причуды ее «папки». Раздельное обучение и пять ворот. Бериевская перестройка.	244
148. Никита Хрущев и «волчья стая». Непереводимость сталинской советской системы в иное состояние.	245
149. Срыв середины 1950-х. Апостол Павел в лагере Кенгир. Коммунизм и Архипелаг ГУЛАГ.	247
150. Михаил Лифшиц ждет «советского ТОЛСТОГО». Обоснование ленинской революции по Солженицыну.	248
151. Почему советский антисталинизм 1950-х остался пацифистским? Кеннеди, президент, которого должны были убить.	250
152. Центральные фигуры времени: Сахаров, Твардовский, Солженицын.	251
153. «Большевики открывают космос». Хрущевские поколения вступают во внутреннюю войну.	252
154. У советского коммунизма не нашлось подлинного судьи.	254
Разговор в СССР в августе 1991-го	255
Часть 11. Есть ли будущее у прошлого.	257
155. Советская действительность была русской. Второй русской действительности может не получиться.	257
156. Случай Юрия Трифонова. «Дом на набережной» – прошлое, с которого совлечена его святость.	258
157. «Россия, которую мы потеряли» и другие тренировки ненависти.	259
158. Советские люди – народ наследников падших.	260
159. Эффект Варлама Шаламова. Лагерный человек пересоздаваем.	261
160. Волково кладбище как свалка постсоветской истории.	262
161. Шлиссельбург. Врагов прошлого переделать нельзя.	263
162. Отказ от советского прошлого в порядке подчинения. Гибель утопии братства.	264
163. Мои причины гордиться советским человеком. Обыски, лагеря и блокада Ленинграда.	265
164. Чудесное явление послевоенной прозы.	267
165. Советское как великое утраченное навсегда. Пастернак на высоте нерешаемой задачи.	268
166. Homo soveticus по Мамардашвили и без него.	269
167. Отличие советского человека от нацистского: социальное бескорыстие.	270
168. Метафизика лагерей в СССР и Германии. Советский криптонцизм и российское историческое невежество.	271
169. Советское сопротивление повседневностью. Власть над душами, Солженицын и Порфирий Петрович.	272
170. Бегство из-под трупов XX века. «Огоньковская культура» как репрессия сопереживания. Терапия образом.	273
171. Причастность русской культуры к насилию над людьми. Беззащитность советской культуры перед чекизмом.	274
172. Россия дня и Россия ночи. Разорение культуры при слиянии с реальностью. Обвал стратификаций.	275

173. Советская привычка к культурному инструктажу. Генезис современной «чернухи».	276
174. Нашествие людей с поддельными биографиями. «Не хочу быть вашим полезным фашистом».	277
Часть 12. Теология убийства. Фашизм: идут съемки.	278
175. Демократическая глухота. Убийство узурпирует политическую повестку.	278
176. Фашизоиден ли президент фашизоидного псевдогосударства? Поговорим о нашем фашистском будущем.	280
177. Рухнувший человек упрощает убийствами. Суверенный убийца и потешный победитель.	283
178. Endl sung и «коммуно-коричневый заговор». Язык окончательных решений.	285
179. Неуправляемая Россия в Мире: торговать страхом или сдерживать.	286
Часть 13. Персонаж Ельцин и герои конца русской истории.	287
180. Вы не знаете, что делать? Вам нужен Ельцин.	287
181. Либеральная революция как захват партийной недвижимости.	288
182. «Коллективный Ельцин» и персонифицированно-закрытая властная система.	289
183. Эталон победы и повторное изобретение права убивать.	290
184. Заявка Ельцина на первенство и заявка улицы на Событие.	291
185. Тайные технологии Ельцина-сценариста.	292
186. Иллюзорная десталинизация предполярной Евразии. Пара Жириновский – Ельцин.	294
187. Жириновский – ельцинское альтер эго. Соблазн управляемой политики.	295
188. Гайдар «вводит рынок», и силовые структуры оживляются.	297
189. Как советская система выбрала наихудший вариант. Гайдар в прогрессе безальтернативности.	298
190. Провинциальный бартер. Самопоедание системы, власть как товар. Что такое Администрация президента?	299
191. Нельзя «вводить» естественные процессы в неестественном социуме.	301
192. Государство Россию можно строить только в отступлении.	302
Часть 14. Приключения демократии в социуме власти.	303
193. Социум власти – это конвейер производства угроз.	303
194. Человеческий ресурс советской системы – человеческие импровизации. Кто там остался живой?	304
195. Советское человеческое пространство.	305
196. Порча советской результативности.	306
197. Демон «отмирания государства». Пространство лимитирует унификацию Евразии.	307
198. Кейс унифицированной реформы: Рыжков, Алиев, кефир.	308
199. 1933–1993: две революции сверху. Гайдаровская машина люмпенизации.	309
200. Российский лагерь как преступление российской демократии.	311

201. Тупик непарламентской оппозиции. Растление идет по вертикали из центра на места.	312
202. Демократия как хорошо адаптированная революция	314
Часть 15. От холодной войны к третьей мировой.	315
203. Американская диктатура именем счастья человеческого. Дефицит вариантов сопротивления.	315
204. Горячие точки как институт социума власти. Противоальтернативные войны близкого будущего.	316
205. Вселенский черный передел в XXI веке не исключен.	318
206. Кто доказал, что человек сумеет выжить? «Не от нуля, но с начала».	319
207. Можно ли защититься в мире будущих войн? Маршал ЖУКОВ и советский способ приходить вовремя.	320
Часть 16. Русские страны. К будущей суверенизации России.	322
208. Демократизация как суверенизация «снизу».	322
209. Протivoестественна ли Россия? Полковник Алкснис. Русский мир среди остальных миров.	323
210. Советская и русская идентичности. Русские были советскими. Новый тип человека старой власти.	324
211. Необходимо восстановить русские земли, существовавшие до административных сталинских реформ. Президент – лидер союза стран, составляющих Россию.	325
212. Русский вопрос – это не национальный, а главный государственный вопрос.	326
213. Фикция российской нации – реальность нерусской власти.	327
214. Множественность стран русского мира или «русский сионизм»?	329
215. Россия-диаспора. Ксения Мяло и Зеев Жаботинский. Надо ли жить метеком.	330
216. Новгородский осколок Руси, не ставший Россией: рукодельщина. «Единая и неделимая» Россия – русофобская идея. Россия – страна стран.	332
217. Возвращение чадаевского вопроса. Плюрализм наследства и русские суверены.	334
Часть 17. Теология постчеловечества.	336
218. Творимое время XX века.	336
219. Время и преждевременное в истории. Бесчеловечность постисторического.	337
220. Человек превращается в ресурс выживания рода. Истощение разнообразия. Духи первописьлок.	338
221. Новая смертность рода Homo sapiens. Задача переоткрытия жизни.	342
222. Светлый ужас конца века.	343
Последний разговор в феврале 1995-го.	344

Михаил Гефтер
Третьего тысячелетия не будет.
Русская история игры с человечеством.

© Павловский Г. О., 2015

© Издательство «Европа», 2015

* * *

От составителя

На обложку я вынес слова, которые Михаил Яковлевич Гефтер часто повторял в последние годы жизни: *третьего тысячелетия не будет*. И это был не пессимистический жест, а справка по очередным вопросам русской истории. Гефтеровская версия русской истории вполне необычна и начинается довольно давно.

Гефтер видел в *Homo sapiens* существо, однажды неясным способом ускользнувшее от естественной видовой обреченности. Побег из эволюции через черный ход – долгое странствие, которое не выглядит жутким лишь при чтении книг из *New Oxford World History*. Мировая история по Гефтеру – это радикальная выходка человеческого существа, но не первая и, как знать, не последняя. Истории предшествовало существование, которое было человеческим, но историей не было и запросто могло бы не стать. По Гефтеру, *Homo historicus*, Человек Исторический, лишь эпизод. Еще одно отклонение в родовой судьбе *Homo*, у которого есть начало (даже не одно!) и финал. Историческими инновациями, такими как утопия, революция, церковь, нация и глобальность, человек предпринял попытку пересоздать себя. Паролем попытки стало человечество, а ее самой жаркой сценой – русская революция и советский коммунизм.

Но это не «конец истории» по Гегелю и Фукуяме. Третьего тысячелетия не будет, поскольку счет эпох от Рождества Христова значим только внутри истории, как ее датчик или метроном. На выходе время финала становится другим. Гефтер хотел понять, как мы оказались именно там, где последний трюк завершается. Кто в финальной сцене Россия – неудачливый плагиатор или великий актер, выложившийся без остатка и умерший на сцене? Неизвестно, но только тут способ говорить о России сегодня сколько-нибудь всерьез.

Может быть, главное, но почти не замеченное в том, что советское общество вместе с политической потерпело и речевую катастрофу. Гефтер первый обратил внимание, что в русском речевом поведении возник болезнетворный Двойник, бегущий от будущего, отрицая реальность прошлого. Притом его речи переполнены историческими терминами и именами. Всему этому так же опасно верить, как сантиментам невротика. Гефтер не считал фатальными самые страшные падения. Человек очень расположен злодействовать – как-то бросил он походя в разговоре. Речевое поведение важнее морального, в котором мы себя непрерывно виним. Фатальной он считал готовность смолчать, уйти в себя, подменить ресентиментальной болтовней. Фатален только обрыв связи.

В разговорах Гефтера русская сцена очерчена такими разнопорядковыми персонажами, как царь Иван и царь Петр, Пушкин и Чаадаев, Маркс и граф Витте, Ульянов и Сталин, Платонов и Мандельштам. В два великих русских века, XIX и XX, Россия вызвалась сбыться в человечестве не смиренным присоединением, а «русским человечеством», или «Русским миром» – внедрением глобальности в повседневность. Имя надрыва хорошо известно: Союз Советских Социалистических Республик.

Сегодня РФ придумывает себе другую историю, столь пошлую, что в позапрошлом веке ее не взяли бы ни в один журнал, даже реакционный. В новой родословной РФ русских обманывают, соблазняют и даже «кодируют» под гипнозом – но нация пребыла чистой и, как Соня Мармеладова, уже хочет спасать других. Симптом ложных родословных Гефтер относил к амнезу суверенных убийц. Перед его глазами были только ранние кавказские и югославские прецеденты. Гефтер не ждал, что масса вновь завладеет идеей укрыться от прошлого в текущем моменте, но знаки беспамятства он различал. Заметкам Гефтера о Российской Федерации как плоду амнезии посвящена одна из последних глав книги.

Если многие довольно легко согласятся с Гефтером в том, что русская история суть «цепочка цезур – обрывов перенацатия», то явно трудней соглашаться с тем, что *советское в целом есть нечто упущенное*. Почему Гефтер со странной болью говорит об обществе, кото-

рое в 50-е годы «банально проводило Сталина на тот свет», – но тут же сочувственно задается вопросом, отчего среди советских 1937 года не нашлось тираноубийцы – русского полковника Штауффенберга?

Ключ в гефте ровской постановке вопроса – *есть ли будущее у прошлого?* Эта формула, как многие другие, при жизни Михаила Яковлевича его друзьям казалась излишеством. А она была лишь строкой опроса – действительно ли мы готовы остаться без будущего? Поскольку будущее никогда в истории не выросло из так называемой «современности» – нестойкого коллективного консенсуса вокруг статус-кво. Страх будущего, развернувшийся в патологии наших дней, внешне выражен во фьюжене российской амнезии. Если посмотреть спокойно, без осуждения, то модель «внедрения российского» Лужковым в Москве и Собчаком в Ленинграде никак технологически не отличима от подхода реконструктора Стрелкова к истории. Государственную современность строили вокруг идеи забыть советское и пришли к утрате умения быть русской.

Проблему Гефтер видел в том, что мы никак не выйдем из своей же финальной исторической интриги. Ставить вопрос об истории внутри нее, согласно Гефтеру, значит ставить вопрос, на который нет ответа, но сам вопрос посягает на личность спрашивающего. Проблема не в том, что с нами происходило, а в том, как мы об этом говорим. Язык, которым говорил Гефтер, оставляет открытым работу над будущим – другие языки ее исключают.

Читая эти записи, надо помнить, что с историком Михаилом Гефтером тут говорит *не* историк. В начале 90-х я был радикальным активистом. Это расспросы политика, более всего интересующегося ресурсами русского прошлого для воздействия на актуальный процесс. (Речь Гефтера и сегодня видится мне единственным русским языком, который остается открыт актуальному политическому процессу.) На мои провокации Гефтер отвечал своими «вопросами без ответа», однако невольно адаптируя их внутренний порядок и строй. Историк или философ задали бы ему совершенно другие вопросы. Но коллег не осталось – одни умерли, другие отпрянули еще в 1970-е, когда встречаться с опальным Гефтером стало небезопасно, а через 20 лет просто забыли его телефон. И если последние годы жизни Гефтера стали зрелостью его ума, то, с другой стороны, они были коммуникационной катастрофой. И вероятно, я сам был частью проблемы, ведь расспрашивая о том, что меня задевало, без уточнений пропускал интереснейшие «политически незначимые» темы. А также почти всю его историческую теологию.

Уместно ли появление в подзаголовке слова «теологический»? Думаю, да. Не только потому, что это слово меня уже не пугает. Гефтер видел историю в полюсах событий Голгофы и Страшного суда. Он полагал, что история, как выходка *Homo sapiens* – беглеца от обреченности, мистична в ее прозаичных «зачем» и «почему». Почему люди разбегались по земле друг от друга, зачем давали друг другу имена? Что за безумие было лезть в пещеру и в темноте там что-то разрисовывать? Что решает *Homo historicus* тем, что убивает, и зачем ему это страшное упрощение?

Книга заканчивается рефлексиями Гефтера о новой России и катастрофе выхода из холодной войны: провал попытки он распознал еще в середине 90-х. Человечество кончилось, а постчеловечество не дается. Ослепительная скорость финала всех отбрасывает к какому-то переначанию. И зачем отсчитывать тысячелетия от *той* Голгофы существу, которому она вновь предстоит?

Россия лишь место промежутка. Место, где человек вдруг догадался о том, что с ним случилось, и пугливо отвернулся от будущего – не исключено, что зря.

* * *

Этим томиком завершается публикация моих разговоров с Михаилом Яковлевичем Гефтером в конце 80–90-х годов¹. Он отличается от ранее опубликованных мною книг², хотя в основе и тут записи «устного Гефтера», а не его тексты. Но я позволил себе освободить записи от диалогических излишеств беседы, отобрав фрагменты, трактующие собственное видение Гефтером истории русской и человеческой. При этом я, как правило, удалял свои запальчивые наскоки (20 лет спустя мне их и самому бывает стыдно читать).

Во втором томе я надеюсь развернуть свои мысли о Гефтере, здесь же скажу лишь то, что стоит учесть читателю. Моя цель была в том, чтобы собрать и систематизировать взгляды Гефтера на русскую и мировую историю. Но едва лишнее было удалено, как выяснилось, что оставшееся не собрать в монолог «истории по Гефтеру». Тогда я просто перестал мешать этим фрагментам быть тем, что они есть – коллекцией рассуждений, тематически рассортированной. Мои вопросы сокращены и оставлены там, где этого требует форма ответа. Книга в целом от этого приняла вид большого интервью.

Читатель найдет внутри только три сравнительно полных фрагмента гефтеровского разговора – в начале (октябрь 1994-го), в середине (август 1991-го) и в конце (февраль 1995-го, за неделю до смерти). Они оставлены, чтобы показать сложное движение внутреннего диалога Гефтера на самых острых сломах перспективы. Предчувствия его, казавшиеся даже мне темными и чрезмерными, сегодня оправдались чересчур.

Гефтер ценил свои тексты, а не свои речи. Он всегда что-нибудь писал на бумаге, эти блокнотики ждут публикации. Но для меня вход в его мысли почти всегда пролегал через разговор с ним. Эта книга лишь пролегомены к его текстам. Она не претендует на большее, чем дать будущему читателю мотив обратиться с письменным Гефтером прилежней, чем сумел я. Мотив и, возможно, ключи.

Автор выражает глубокую признательность венскому институту Institut für die Wissenschaften vom Menschen за предоставленные для работы покой, безответственность и библиотеку. Разговор с ректором и создателем IWM профессором Кшыштофом Михальским (ныне, увы, покойным) об апокалиптической метрике исторического времени был важен для уяснения мной ряда темных мест Гефтера. И только в Вене я мог решиться на дело, столь запоздалое и преждевременное одновременно.

*Глеб Павловский,
Москва, 7 ноября 2014 г.*

---

¹ Следующий том должен выйти вдогонку. В нем помещены предметный и именной указатели и материалы о Гефтере исследовательского и биографического характера.

² Павловский Г. О. Тренировка по истории (Мастер-классы Гефтера). – М.: Русский Институт, 2004. – 192 с.; Павловский Г. О. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. – М.: Издательство «Европа», 2014. – 364 с.

Рассказ о моих пяти жизнях в ночь на 5 октября 1993 года

Я могу сказать, что прожил несколько жизней. И от каждой из жизней осталось ощущение, что это жизнь человека, с которым я просто хорошо знаком и знаю о нем несколько больше, чем все остальные. Таково мое свойство характера.

1

Сначала был провинциальный мальчик из Симферополя. Мальчик, у которого детство прошло без отца, но были мама и любимая бабушка, очень важный человек в моей жизни. Бабушка – уроженка Херсона. Ее мать рано умерла, и она как старшая дочь осталась главой семьи. Отец был рабочим на бойне. Ее выдали замуж за пожилого человека – вдовца, просветителя, устроителя еврейских школ. У моего дедушки довольно известные дети, среди которых особенно знаменит одесский юрист Герман Блюменфельд.

Роль бабушки в моей жизни не связана с религиозными или чисто еврейскими веяниями. Около меня всегда было доброе без сентиментальности существо, хорошо меня понимавшее и не стремившееся командовать. С детства обделенный тем, что есть у детей в смысле материального достатка, я чувствовал себя свободным и хорошо защищенным.

Бабушка первой приобщила меня к истории. Любимым рассказом детства была ее история о еврейских погромах в Одессе. Каждый раз, когда я просил, ее рассказ повторялся, и я уже знал, что будет дальше. С замиранием сердца ждал момента, когда погромщики приближаются к дому – пьяные физиономии, страшные уличные сцены, вопли, судорожное ожидание и кульминационный момент – с двух сторон дома выходят знаменитые одесские самооборонщики! Их звали *аиды-самооборонщики*. Они в упор стреляют в погромную толпу, та рассеивается. История впервые вошла ко мне с этим рассказом.

То были 1920-е годы. Мы были открыты совершающемуся и легко входили в новую жизнь по ее самоочевидным законам. Мы были послереволюционные дети, и революция в Крыму еще не стала вчерашним днем. Она жила в людях, в рассказах, в легендах. Вместе с тем она стала бесспорной самоочевидностью и формировала такое же отношение к жизни.

Крым – земля интернациональная. В 1920-е годы там жили немцы, болгары, татары, евреи, русские, греки, украинцы. Национального момента как значимой темы в моем детстве не было. Естественным с детства был интернационализм, который позднее так же естественно перешел у меня в космополитизм. У меня не было никакого ощущения железного занавеса – были мы, и был другой, старый мир. Но и другой мир так же реально присутствовал в моей и общей жизни. *Мир был дома*.

В школе я был активист. Меня рано повело в эту сторону – активный пионер, комсомолец, член президиума Крымского областного бюро пионеров. Жизнь не состояла только из Сталина и моей бабушки. Моей средой стали директора школ, секретари комсомольских организаций, горкома и райкома. Сомнений у такого мальчика, как я, быть не могло. Но парадоксальное явление: этот мальчик в силу того, что не сомневался, позволял себе говорить вслух все, что думает.

– **И что думал мальчик?**³

– Мальчик славился тем, что дерзит. Мы же строили социализм, где такие мальчики, как он, могут говорить вслух все, о чем думают. Дерзкий мальчик написал письмо Постышеву,

---

³ Здесь и далее слова Глеба Павловского выделены отдельным шрифтом.

жалуясь, что местные власти неправильно обходятся со школой, где я учился. Постышев ответил мне письмом. Секретарь партячейки горно выговаривала директору школы: «Гефтер у вас троцкист!» – а мы лишь смеялись. Мальчику везло – моя дерзость ни разу не была жестоко наказана, хотя неприятные случаи бывали.

На рубеже школы мальчик перенес тяжелую болезнь, неясно какую, после думали – энцефалит. Это отразилось на его сознании – открылись вещи, о которых до этого не слышал. Мальчик открыл для себя Пушкина, и, когда ему было очень плохо, скрывая болезнь от мамы и бабушки, он плакал, читая Пушкина. Мальчик менялся, но к политике это почти не имело отношения.

Проболел с 1935 по 1936 год, был пионервожатым в детском костно-туберкулезном санатории. В 1936 году мальчик из Симферополя едет в Москву в университет и в поезде читает про расстрельный процесс Зиновьева и Каменева. Мальчик едет с открытой душой учиться истории, а страница истории тем временем для него уже перевернулась.

2

Московский университет – тогда еще не имени Михаила Ломоносова, а имени историка Михаила Покровского. Мальчик попал на истфак, где деканом-основателем был Фридлянд – автор известнейших книг о Марате. Поскольку Фридлянд занимался Французской революцией эпохи террора, в 1937 году его самого сделали «террористом». Из окна своего кабинета на улице Герцена он якобы собирался метнуть бомбу и попасть в Сталина, в чем сам «сознался» на суде.

Первые мои месяцы на истфаке были наполнены тем, что до часу ночи шли комсомольские собрания – студентов осуждают за то, что вовремя не разоблачили родителей. Когда в Москве арестовали моего дядю, и я едва не был исключен из комсомола. Мне объявили строгий выговор с предупреждением со стандартной формулировкой: «за утрату бдительности, выразившейся в неразоблачении дяди, врага народа». Но мальчика любили и в комсомоле оставили – мальчику опять повезло.

Мальчик тогда думал так: всех арестовали правильно... кроме моего друга Жени Мельничанского! Все правильно... кроме моего Муси Гинзбурга! Когда Женю Мельничанского обсуждали на комсомольском собрании, мы ему сказали: «Молчи, говорить будем мы». Но Женя сознался, что был однажды у Томского на елке. Отец его, крупный профсоюзный деятель в Штатах, вернулся в СССР и был казнен. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» есть фраза: «разложившаяся профсоюзная верхушка – Томский, Догадов, Мельничанский и другие». Так что Женя был из проклятой семьи – странный, глухой и очень наивный. Но его самого смерть в 1937-м обошла – Евгения Мельничанского, учителя истории из Ижевска, где он проработал всю свою жизнь и недавно умер.

Вот такие мы были мальчики. И защищали, и возражали, и иногда даже некоторым из нас это сходило с рук. Я вправе сказать, что мальчик Миша Гефтер учился на истфаке в неплохое для него время. Курс был замечательный. Почти не было рабфаковцев и «парттысячников» – курс мальчиков и девочек, только окончивших советские десятилетки, медалистов. Поначалу на курсе столичные задирали нос, но вскоре утвердились мы, провинциалы.

Мальчик был комсомольский деятель, изучал историю революций, но за ним водились странности. Так, будучи атеистом, я ожесточенно спорил в общежитии о том, что Христос – реальное историческое лицо. У мальчика был свой взгляд на русскую историю. Когда только пошла патриотическая волна, мальчик редактировал студенческий научный бюллетень, где подвергал зубодробительной критике «Александра Невского» Эйзенштейна и подобные вещи.

Но вот пришел 1939-й, памятный год в жизни мальчика. Миша Гефтер – общественный деятель, сталинский стипендиат. Его кормит советская власть, он любимец тоталитарного

стройка. Как вдруг в августе 1939-го СССР вступает в пакт с Гитлером – страшное событие в жизни мальчика! Плохие события почему-то случались вокруг моего дня рождения, в конце августа.

До этого один эпизод в самом детстве впервые заронил страх в мою душу – у дома напротив ночью убивали человека. А в Крыму на окнах ставни, и по ночам их наглухо закрывают. Человек бился в закрытые ставни, ему не открыли. Выбежав утром с мальчишками, я увидел на стекле отпечаток кровавой ладони. С этого времени мальчик познал страх. Страх вошел в его жизнь, и всю остальную часть жизни он станет ему противиться.

Пакт 1939-го тоже обернулся страхом – мальчик испугался, что потеряет веру в этот родной ему антифашистский строй. В общезжитии мы до утра спорили, даже переставали разговаривать друг с другом из-за проклятого пакта. Возникло новое отношение к сражающейся Англии. Для мальчика сопротивление Англии стало великим событием его личной жизни. Тогда, в 1940 году, я последний раз был дома в Крыму и в последний раз видел живыми свою маму и свою бабушку.

Вторая жизнь закончилась прологом сомнения – страхом потерять веру. Я произнес антифашистскую речь на комсомольском собрании в «Коммунистической аудитории» факультета, где читал лекции сам Василий Иосифович Ключевский, и меня проводили овациями. Я вслух говорил антифашистские резкости – меня не тронули и не посадили, а ведь шел сороковой год. Так что дети тоталитарного режима бывали разными.

3

В 1941-м началась третья жизнь мальчика – война, где мальчики уже не мальчики. В двадцать три года я стал командиром студенческого батальона МГУ на строительстве оборонительных сооружений вдоль линии фронта. Принимал самостоятельные решения, впервые головой отвечал за жизнь товарищей. Никакого особенного героизма не было, но вроде справлялся. И тут на том направлении, где мы стояли, началось главное немецкое наступление на Москву. Я имел грузовик и, вывозя своих, по глупости попал к немцам в руки. Всего на час, но и это стало событием в жизни для мальчика.

Вот юноша Гефтер стоит на шоссе, 4 октября 1941 года, машина забарахлила. Смоленская область, ясный голубой день после двух дней бомбежки. Он стоит на шоссе, а навстречу по обочине бредет красноармеец. Я спрашиваю его: «Что там такое?» – «В лесу уже немецкие танки». А я ему, каюсь, не поверил! Это теперь навсегда в моей жизни – голубое небо, полная тишина, а в леске напротив – вражеские танки. Так я стал понимать, что в истории все может случиться, особенно с теми, кто верит, не смея сомневаться. На своем грузовичке я и попал к немцам в лапы, но сбежал, успешно перепрыгнув кювет. В чей-то дом, к счастью для меня, не пустили хозяева, и я с остальными, со своим лучшим другом, который позже погиб на фронте, пешком дошел до Малоярославца. Здесь я остался один и уехал в Москву за пятнадцать минут до сдачи Малоярославца. В Москву прибыл знаменитой ночью на 16 октября 1941 года – дня паники, эвакуации и бегства начальства из столицы. При обороне Москвы записывал в блокнот свою первую философию истории, считая, что здесь под Москвой решается судьба рода человеческого.

Изменился ли я? Мои перемены теперь носили, как принято выражаться, экзистенциальный характер – для них требовалось личное страдание. Попал к немцам, ушел от немцев – это еще не страдание. Страданием было, когда мы с другом, идя от Малоярославца, впервые увидели в небе наш самолет с красными звездами: мой друг плакал – а я нет. Вот что было страданием.

Война для меня из-за тяжелых ранений в августе 1942-го оказалась недолгой. Мучительных воспоминаний немного, вот два штришка. Первый. 1941 год, мы уходим от немцев, те

идут по пятам – деревня, высоко стоящий дом. Я, мой друг Валя Вайсман с каким-то майором выходим из окружения. Навсегда запомнил фразу майора. Он был кадровый военный и мне сказал: «Ты думаешь, это Гитлер на нас идет? На нас тридцать седьмой год идет!» А мне нечего было ему ответить.

Еще одно воспоминание, из самых страшных – бомбежка госпиталя. Наша палата большая, люди без рук, без ног, а то и без того и другого. Рано утром началась бомбежка. Представьте людей, которые с трудом сбрасывают себя с коек и, ампутированные, ползут по полу. Мы накрывались простынями от кусков летящего стекла, а у окна – *лицом к нам!* – медсестричка, которая ничем не может помочь.

Моя война кончилась. В 1943 году был списан из армии по тяжелому ранению, вернулся к истории. Потерял близких – их всех расстреляли немцы в Симферополе, уничтожая крымских евреев.

Молодой Гефтер растерян. Он знал, что теперь должна начаться новая жизнь, но любимый друг погиб, погибли родные и почти все друзья. Он не знал, как сложится его жизнь, и чувствовал себя одиноким, хотя до этого ему казалось, что он знает все. Жизнь надо было устраивать самому. Внешне я был тем, чем и раньше, – активистом, теперь партийным. Работал в ЦК комсомола, из-за ранения часто и много болел. Впервые серьезно занялся историей в аспирантуре, где стал учиться думать, хотя внешне это было не очень заметно. Я чувствовал тяготение к актуальным темам, но появилось *нежелание* писать в диссертации обо всем, что лично меня глубоко задевает. Пришлось перейти на экономическую историю.

Я учился в аспирантуре, когда написал письмо Сталину о том, что Вознесенский в своей знаменитой книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» не прав, когда писал, что Вторая мировая война стала справедливой только в 1941 году. Я считал, что война стала справедливой в силу сопротивления поляков и англичан Гитлеру. Меня выгнали из института, имела значение и пятая графа, но мне опять повезло – я понравился работнику ЦК, которому поручили объяснить мне мои ошибки.

Этот человек вызвал меня и долго объяснял, что я абсолютно не прав, что у англичан буржуазный строй и т. д. Но ему я понравился, хотя он жаловался, как меня трудно переубедить. Он вскоре умер, хороший был человек. По его звонку меня взяли на работу в Институт истории.

Начались плохие вещи, по отношению к которым следовало самоопределиться. Понимание пришло не сразу, и тут Гефтер иногда выглядел не лучшим образом. «Борьба с космополитизмом» была вещью жестокой – можно было пропасть, а можно подняться наверх. С войны мы вернулись военным поколением – поредевшим и с большими утратами, но сильным. Сталину удалось превратить поколение победителей в расколотую на части, атомизированную массу. Впервые нас так грубо, резко и успешно поделили по национальному и иным признакам. Связанным с жизнью, карьерой, покорностью и т. д. Такие вещи не проходят даром. Моя боль выражалась не столько в переоценке строя, сколько в несогласии и сильном, глубоком страдании от того, как мы себя выдали на моральное растерзание. Могут сказать, что это от того, что я еврей, – нет, только отчасти. До моего еврейства дело тогда не дошло. Уже умер Сталин, а я еще каждую ночь просыпался от стука в дверь, хотя Сталина не было.

Не думай, что я обрадовался, когда Сталин умер. Не помню точно, но, вероятно, я плакал и, во всяком случае, сильно переживал. Страданиями я менялся. Вероятно, стал другим и шел к чему-то, чего еще не знал. Это какая по счету жизнь – уже третья? Где-то здесь она обрывается.

4

Для моих ранений и моей контузии я слишком трудно жил. Один умный доктор сказал мне: «Человек, который так живет после такого ранения, долго не проживет». Его прогноз немножко не оправдался, хотя в 1956 году я заболел настолько, что ощутил себя смертником. Три года почти не мог работать, практически я не жил. На карачках доползал до письменного стола.

Заболел я на почве оскорбления. Оттого что сам, опоздав освободиться, когда с XX съездом освобождение пришло сверху, я его не принял. Я по сей день не приемлю свободы, приходящей извне. Постепенно во мне начались некоторые умственные подвижки, и я стал одним из главных действующих лиц в проекте большой советской «Всемирной истории». Тогда началась моя четвертая жизнь.

Теперь ко мне долго благоволили. Я добился от ЦК официальной реабилитации народничества и так далее и тому подобное. Работа над «Всемирной историей» была важна. Я вдруг обнаружил, что не могу как марксист увязать воедино истории разных стран и народов. Что-то опять передумывалось, и страдание опять ворвалось в мысль. Каким был итог? Итог был тот, что надо говорить вслух то, что думаешь. Теперь этот не очень молодой человек Михаил Гефтер знал, что может сильно пострадать, но уже не мог иначе. Что-то начало сопротивляться тому, чтобы жить как живется.

В Институте истории я вел сектор методологии истории. Идея, которой я заслужил пристальное внимание Лубянки и будущее изгойство, сегодня звучит банально: *новое прочтение марксизма*. За мной обнаружился страшный грех отрицания исторического материализма, *истмата*. Я утверждал публично и вел сектор на основе принципа, что *теории истории вне исследования истории нет и не может быть*. Что «общие законы», для которых история, творимая и влекущая людей, является лишь иллюстрацией, – это отмена исторической науки. И я твердил, что нельзя остаться на почве знания и понимания, не рассмотрев открытыми глазами все, что пережил коммунизм после Октября и во времена Сталина. Сталин несчастен для коммунизма, утверждал я.

Так я стал *инакомыслящим*. Но инакомыслящий заведовал сектором методологии Института истории АН СССР! Быть инакомыслящим в фаворе – очень странная роль. Я был членом редакции первого тома «Истории КПСС», и академик Пospelов говорил: «У меня ни разу в жизни голова не болела, но когда я говорю с вами, у меня раскалывается голова!» Инакомыслящий в фаворе, легитимный диссидент – странная, нестойкая помесь. Сказавши «а», надо было идти к «б» – иначе заболеешь и снова рухнешь на больничную койку.

Руководя коллективом историков, я отказался от задания написать историю Октябрьской революции – на том основании, что при нынешнем уровне знаний в рамках марксизма ее написать нельзя. Начинался коллективный поединок Института истории АН СССР с отделом науки ЦК КПСС – противостояние внутри системы, равного которому в СССР 1960-х годов не было. Целый академический коллектив открыто противостоял Кремлю и всевластной тогда Старой площади. Кончилось тем, что нас примерно наказали – Институт истории разбили надвое, и он с тех пор нелепо разбит на «всеобщую историю» и «российскую».

Шел 1970 год. В этой четвертой жизни – мой биографический взлет, мой звездный час. Такого коллектива, как сектор методологии, и того дыхания, что было у Института истории в те времена, потом в русской исторической науке не было и нет по сей день. Это большое счастье, хотя в то время я был уже очень больным человеком, почти инвалид.

Последней акцией моего сектора стал сборник о Ленине, рассыпанный в верстке. В нем – моя статья, послужившая окончательным поводом к отлучению от советской науки. Эпиграф из Пастернака сочли по меньшей мере неуместным. «Он управлял течением мыслей, и только

потому – страной». Сказали, что так писать о Ленине бестактно, а статья, хоть и осталась ими непонятой, была сочтена ревизионизмом. Один важный на Старой площади человек, который мне до этого покровительствовал, Анатолий Черняев, сказал: «Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!» И после этого на годы забыл мой адрес и телефон.

Я не входил в партбюро Института, но достаточно влиял. Имел несчастье первым выступить с публичной критикой заведующего отделом науки ЦК Сергея Трапезникова. За мной уже числилось и много другого. Я единственный человек в СССР, которому партбилет при всесоюзном обмене вручили в последний день. Требовали, чтобы я признал ошибки – какие угодно! Мне предоставлена была великая советская льгота – самому придумать свою «ошибку» и ее безопасно признать. Я отказался.

Меня не выкинули из партии, в последний момент дали партбилет. Не выкинули из института, но лишили сектора и права печататься. Однако зарплату платили. И я почувствовал, что все это настолько тягостно, что так можно снова заболеть, как в 1956-м. Четвертая жизнь кончилась тем, что в 1976-м на правах инвалида войны я ушел из института на пенсию. Уйдя, я стал, с одной стороны, свободным пенсионером, с другой – бедняком и преследуемым человеком. Я принял участие в двух последних больших самиздатских проектах – журналах «Поиски» и «Память». Стал диссидентом уже по всей тогдашней форме – с обысками, с арестами друзей.

В 1982 году вышел из КПСС, но очень скромно, без всяких заявлений о противостоянии. Написал короткое заявление, что в соответствии с Уставом партии, предусматривающим добровольное вступление, а стало быть, и добровольный выход, прошу с такого-то числа не считать меня членом КПСС. Ранее я этого не делал лишь потому, что не желал ставить бывших коллег в скверное положение, когда им пришлось бы голосовать за мое изгнание из партии.

К тому времени арестовали всех моих молодых друзей. Валерий Абрамкин, Виктор Сокирко и Глеб Павловский из «Поисков». Сеня Рогинский из редакции «Память». Я решил поставить точки над *i* и отправил письмо генеральному прокурору с требованием освобождения политзаключенных.

5

Итак, я перешел в свою *пятую жизнь*. Я не стал антисоветским, вообще приставка «анти» меня оскорбляет. «Анти» – это мордобой, я в таком не участвую. Я стал собою, перестав писать, как раньше писал. Моей профессией в истории становятся *вопросы без ответа*.

Можно прочесть у Черняева о том, как реагировал Горбачев, когда они вместе читали мое письмо об освобождении политзаключенных. Говорят, оно сыграло некую роль, и я этому счастлив, но думаю, главную роль сыграла смерть Анатолия Марченко. Он несколько месяцев голодал в Чистопольской тюрьме и там умер от голодовки. Наверное, Горбачеву объяснили, что Сахаров такого не перенесет, объявит очередную голодовку и на этот раз, вероятней всего, тоже умрет. Когда вернувшийся Андрей Дмитриевич прочел мое письмо к Горбачеву на эту тему, он сказал: «Ну, лед тронулся».

– Какая эволюция шла в твоём политическом мировоззрении и настроениях периода перестройки?

– До 1987 года внешних перемен в моей жизни нет. Без работы, без денег, без публикаций – только одна сторона, и не самая важная. Зато теперь я думал сам.

Поначалу перестройка мне не понравилась. Мне казалось, что все должно происходить иначе. Моя программа была короткой. Первое – немедленно вернуть всех диссидентов их семьям. Второе – выпускать из СССР желающих и обратно впускать. Третье – дать думающим людям печататься независимо. Вот и вся моя тогдашняя программа. Меня не увлекали ни «ускорение», ни «борьба с алкоголизмом». Но мне понравилось, что у Горбачева есть помощ-

ник Толя Черняев, которого, если про мужчину так можно сказать, я любил. Он и правда хороший парень.

В 1987 году, когда вернулся из ссылки Глеб Павловский, мы сделали мое интервью в журнале «Век XX и мир» под заголовком «Надо ли нас бояться», на котором цензор написал: «Автор считает, вероятно, что надо?» А председатель КГБ Чебриков по поводу этой публикации написал специальное письмо Горбачеву, чтобы тот обратил внимание на вредную статью. (Потом для сборника «Иное не дано» я интервью расширил под названием «Сталин умер вчера».)

Ничего этого я тогда не знал, потому что сам – умирал, у меня был инфаркт. В тот момент пришел мой смертный час, я стал умирать, но благодаря врачу, которого упомянул бы в любой биографии, остался жив. Началась та жизнь, которая идет и по сей день. Жизнь, в которой я пришел к другим идеям и мне все видится в несколько ином свете.

– **В ином свете видится и марксизм?**

– С Марксом у меня общий предмет – человечество. Я свой предмет в окно не швырял. А кто вышвырнул, думаю, себя обеднил.

Когда мой сектор закрывали, а я отказался писать челобитную в ЦК, чтобы чуть продлить его существование, я уже знал: если хочешь быть независимым человеком, за это надо платить. И в диссидентские времена я знал, что, если я в общем ряду диссидентов, это не означает согласия с каждым. Ныне я утвердился в своем праве и возможности быть *аутсайдером*. Полагаю, малые группы людей нужны нашему роду, чтобы остаться родом человеческим. И аутсайдеры показаны мысли, чтобы та оставалась мыслящей. Я не избирал себе амплуа, просто иначе я не могу. В данный момент я переживаю сильный внутренний кризис – то ли зажился, то ли еще раз пора все начинать с начала? Я не сторонник клоунад и политических фраз ради фраз, но у меня есть чувство ответственности и за то, к чему я не причастен. Какая-то моя жизнь кончилась в ночь с 4 на 5 октября 1993 года. Стреляли не в меня, а попали в меня, человека и историка. Кое-что теперь я должен выговаривать иначе. А может быть, и иначе думать.

Часть 1. Теология исторического и ее политика

1. Саморастворение в истории. Мышление вопросами без ответа.

– Читателю трудно примириться с твоими текстами, где суждения историка всегда так переплетены с суждениями о себе и личными воспоминаниями.

– Иногда должно пойти путем, который самому кажется научно незаконным, индивидуалистичным и субъективным. *Некий человек я*, определенным образом формируясь, вложилась до саморастворения в некоторый мир. Мир стал рушиться с легкостью, оскорбительной для саморастворенного в нем существа. Существа, которое принимало все, и ужасное этого Мира, касавшееся самых близких, как цену чего-то абсолютно необходимого всем. Как частность исторического масштаба.

Этим он поощрял себя к поступкам, которые, вообще говоря, имели бы для него плохие последствия; но саморастворение охраняло. Потом вдруг обвал, катастрофа. И катастрофа эта – легковесных отречений, которые видятся ему мнимыми. Происходящее с собой естественно вписано в тот же масштаб, что прежняя самовключенность, и в объяснениях уже нельзя ограничиться чем-то банальным. Он вынужден идти дальше и дальше – пока не дойдет до пределов Мира, в котором действует *Homo historicus* и который этот *Homo* создал.

Мир рушится, и это возвращает мою мысль к Миру, где человек явился впервые. Миру, который создал его и который им создавался.

Разве это личная трудность? Разве это лишь частное крушение при общем крушении обанкроченной жизни, перед тем еще и опозоренной гнусностями системы? Или это глобальное возмущение, в универсальности которого у меня нет сомнений?

Я долго не умел называть вещи их именами. Путался, искал ответ в пределах речи, которой говорил, – не замечая, что язык мой начал меняться и я уже не смогу писать по-прежнему. Тогда я начинаю импровизированно и все упорней писать иначе. Что по совпадению обстоятельств 1950–1960-х годов – «Всемирная история», сектор методологии Института истории АН СССР и так далее и тому подобное – привело к тому, что у меня меняется весь взгляд на историю. Поначалу еще недотягивая до взгляда на существо истории человека, но в нем начинают главенствовать образы исторических отклонений, все эти евразийские кентавры, Атлантисы Платона и декабристов, Россия Маркса и Ленина.

Вот моя мыслительная ситуация, как я теперь ее знаю. В чем истинная трудность? В том, что, получив первые ответы, я поначалу затвердился в них и стал их исповедовать, наставлять, в силу этого стал повторяться.

В сущности, застрял я на *вопросах без ответа*. Они, знаешь ли, странная штука. Не в том застревание, что, мол, пора бы на них и ответить. Нет – пора поставить вопрос о *природе вопросов без ответа*. Вышел ли я из этих занимающих мое любопытство трудностей, когда начал мыслить вопросами без ответа? Или, шагнув в эту сторону, я еще раз застрял?

2. Коллективное прозрение, освобождение сверху и исчерпание истории.

– Суждение из средневековой еврейской каббалистики, не помню чье, – что зла вообще нет, зло – это невостребованное добро. В оболочке зла добро действует как невостребованное. И мое личное чувство исчерпания истории, ее финальности возникло очень личным путем и было связано с тяжелой болезнью, пережитой в конце 1950-х годов.

– **Она кончилась для тебя лично, или ты познал ее как оканчивающуюся?**

– Я уже не мог от этого уйти. Это стало наваждением, я все теперь видел в свете окончания истории.

– **А откуда вообще у тебя явилась идея финала истории? Когда мы встретились в 1970 году, она уже была, и на ней мы легко сошлись. Из Гегеля или от Маркса «коммунизм есть решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»?**

– Нет, от сознания интеллектуальной катастрофы. Катастрофа заключалась в том, как же я не разглядел того, что было на виду и в чем участвовал? Как мог я отдаться тому, чему нормальному человеку отдаваться нельзя? А раз отдавался, то обязан теперь себе объяснить, *в силу чего?* Что повело меня к этому – карьеризм или страх? Или сложная смесь нескольких интеллектуальных страстей?

Но еще сильней было отвращение к современникам, которое я скрывал. Откуда такой соматический срыв? Потому что я не смел поддаться чувству искреннего отвращения, которое во мне рвалось наружу. Отвращения к тому, как советские люди торопились *коллективно прозреть*. Я не выпускал неприязни наружу, я с ней боролся и надорвался в борьбе. Все во мне клокотало против этого благодетельствования освобождением! А ведь, казалось бы, все шло навстречу, даже лично – реабилитация любимого дяди... Все было так комфортабельно, но над всем довлело уже нечто бедственное. Начавшая рушиться сталинская система виделась мне столь масштабной, жуткой и столь глобальной, что я отверг спущенное сверху и раздаваемое по мелочи освобождение. Даже в тех случаях, где оно действительно было освобождением, я предчувствовал неопознанный нами обман. Западню, куда мы поспешим провалиться. Но я не давал этим мыслям выйти наружу, еще и боролся с ними в себе, пытаюсь одолеть. И мой контуженный мозг, мои ржевские раны не выдержали.

Почему я отказывал «коллективному прозрению»? Ведь на отказе теперь свихнулся сам автор термина, Юрий Власов. Так же свихнулся тогда и я, но иначе. Мне казалось, что я не смею более существовать как человек, если цепь мировых событий, где восставали и гибли люди, открывались горизонты слова и преображались континенты – где вмиг погибло мое поколение! – все это уходит, как пустая бессмыслица. Мне не жаль было уходящего, это глупо. Я не испытывал тоски по прошлому. Я испытывал чувство двоякого оскорбления: ничтожеством своей втянутости и еще больше – *дешевизной освобождения сверху*.

Ошибкой было бороться с этими переживаниями, не дать им выйти наружу – и они вышли страшной болезнью. Только болезнью я узнал о нас нечто новое. Когда три человека в Беловежской пуше отменяют Советский Союз, я это прямо ввожу в то, что кончилось нечто тысячелетнее – Землю оставила идея человечества как внешнедогового родства людей. Идея покидает мир вот таким именно образом: покидая, не уходит, – но творит комиксы Беловежья, с куклами старосоветских персонажей и иные сложные мистификации Homo sapiens.

3. О времени, параллельном мире и немотивированности человека. Будущее прошлого.

– Разве история – это «все, что менялось во времени»? И есть история Млечного пути, история амебы? Нет. В строгом смысле, история бытует в единственном числе – *всемирная история однократна*. С условно иудеохристианского рубежа, в его сложной связи с азиатскими очагами, история строилась как *проект человечества*. Проект столько всего дал людям, но оказался неосуществим, ведь в зародыше его – утопия. Вневидовое родство людей не состоялось в виде человечества, хотя и не исключает далее других видов осуществления. В этом драматизм переживаемого момента.

Человек ведет большую, незримую и опасную игру в прошлое (в которое люди не могут не играть). Ставка в игре – *встреча*, не более. Не думайте добиться большего – это максимум, это идеал! Все, что нам нужно, – встретиться с прошлым, но только не влезайте в него! Не пытайтесь заместить своим резонерством, судом и убогими поучениями жизнь ушедших людей – она сильнее вашей. Прошлое сильнее всех вас, живущих.

Существенные моменты, разъясняющие места преткновения историка, – *немотивированное* появление человека думающего; необъяснимое появление речи; непонятное разбегание людей по лику и лону Земли.

Когда мы эти три вещи сопоставляем, мы обнаруживаем связь между тем, что люди, заговорив, обрели странное свойство – *длящегося* и не имеющего пределов понимания. Речь сняла предел понимания. Понимание делается бесконечно варьируемым, углубляемым, но и бесконечно затрудненным для себя самого. Воспроизводящим пороговые трудности, рубежи, до которых понимания не было, – здесь вам не плавное течение мысли.

Внезапность появления кроманьонца, человека, совершенно ничем от нас не отличающегося. А физически даже в лучшую сравнительно с нами сторону. Мы, видимо, потеряли и продолжаем терять многое из того, что он умел и что соответствовало тому, каким он создавался. Его появление не выводится из предшественников целиком, а значит, *вообще никак не выводится*. Это я связываю с речью, по отношению к которой определенно известно нечто негативное – что та принципиально отлична от всех видов коммуникации любой сложности. Это, кстати сказать, сегодня подтверждается тем, как перегруженно-интенсивная, перенасыщенная глобальная коммуникация отупляет человеческое понимание. Разрушая изнутри самоё речь, она начинает мешать выживанию Homo.

Если все эти моменты рассмотреть вместе, они неизбежно приобретают вид *одномоментного* происхождения человеческого существа. Разумеется, оно имело свои прологи, преддверие, свой генезис, и все было где-то увязано с временем. С этой точки зрения идея Achsenzeit (осевого времени. – Г. П.) у Ясперса интересна ничуть не его конкретными приложениями, а *увязанностью прачеловека с временем*.

Возникает мысль: а что, собственно, собой представляет история? По отношению к тому бытию человека – *уже человека!* – которое было *еще доисторическим, предысторическим и протоисторическим?* И которое также ни из чего не выводимо. Я уж не говорю – *несводимо*, это само собой, но и не выводимо прямо из предшествующего состояния. Какую бы роль ни сыграли так называемые «случайности» (а те занимают в истории грандиозное место, требуя ввести их в самый предмет исторического), история немислима вне осознания. Она немислима вне таких созданных человеком мыслительных конструкций, как *прошлое и будущее*. Потому что прошлое и будущее с точки зрения их временного протекания не сводимы к физикалистскому времени макромира.

В сущности, есть три времени: время макромира, с его размеренно-календарным протеканием времени; скажем, «тривиальное время». Есть микромир, где все приобретает световые

скорости. И есть мир человеческой мысли, трактуемый мной как *припоминание*. За невозможностью по-другому представить его движение, при негодности для этого таких слов, как озарение, наития или сны. Вообще говоря, человеческий сон – одно из оснований человечности, сопоставимое с речью. И воспоминания во сне играют роль, и сама терминология снов существенна.

Про историю важно знать, что та возникает *сама*. Прошлое и будущее возникли единойжды. Собственно говоря, как бы возникла история, если не возникает то необычное состояние, которое трактуют как *состояние прошлого*? Как особенную встречу воспоминания, которое *вводит нас в то, чего не стало*? И в чем смысл будущего, по отношению к которому заранее дано, полагается, что оно в чем-то выше, достойнее того, как человек живет «сегодня».

Будущее не просто то, что предстоит. *Будущее – то, что предстоит, выбранное из некогда отбракованного в прошлом, чего не стало и не вернется уже никогда*. Из такого модуса будущего и возможно истинное припоминание прошлого.

– Становление системы есть движение от энтропии, от хаоса к какому-то информационному порядку.

– Прости, но суждение о будущем антиэнтропийно всегда. Это преодоление, полагающее само понятие будущего. Ты можешь мыслить будущее как угодно, представляя его в сколь угодно живых, конкретных образах! На игре в это построена масса вещей, и без нее, кстати, невозможна идеология.

При мышлении будущего само течение времени реально меняется. Когда задумаешься о том, что предстоит, время уже не протекает так, как оно протекало. Войдя в себя, вдруг обнаруживаешь, что оно и текло иначе. *Инопротекание времени и есть прошлое*. Если истории нет, откуда эта принципиальная аритмия времени, откуда его уплотнение? Эти дни, часы или годы, которые по масштабу событий, по необратимости происходящего равны векам. Но что такое историческое *событие* с этой точки зрения?

В истории дан модус узурпации этого параллельного мира. История – это попытка построить человеческую жизнь, которая не может состоять из одного только сознания и мышления. Она не равна только эволюционности и невидовым актам существования. История есть попытка втянуть всю жизнь в акт ее осознания и сказывания.

С этой точки зрения история возникает единойжды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства.

Пора посмотреть, что такое вопрос без ответа. И не-церковная идея параллельного мира, которая, впрочем, тесно, интимно соприкасается с теологией. Эта идея не прихоть обстоятельств. В тот момент, когда вопросы без ответа стали связаны с моим существом и моим именем, во мне проснулось еврейское начало в каком-то староеврейском смысле. Светлана Неретина отчасти права, называя мои взгляды *исторической эсхатологией*, что-то в этом действительно есть. Но как бы мне при этом не оттолкнуть свою идею не *конца, но исчерпания истории*? Поскольку сама история есть вид *узурпации параллельного мира* – с переносом его скоростей во внешнее действие и с попытками универсального овнешнения.

Мое любимое место из гегелевского «Введения» в его «Философию истории» о хитрости абсолютного разума, ты ведь его помнишь, правда? Если этот абсолютный дух – в котором нет начала, поскольку он уже есть, и его дело в том, что он движется к себе-имеющемуся, от полноты, которой недостает рефлексии, чтобы полнота стала человеком – осознанно, принято, – чего недостает? И когда Дух овнешняется, он застревает в человеческой истории и не может освободиться из застревания вне людского содействия, которое по природе человека – природе, именуемой *страстью*, – не может не быть избыточным, а избыточному нельзя не стать падением, самопокаранием за избыточность!

И как тогда звучат эти последние строчки из «Феноменологии духа»? Когда абсолютный Дух возвращается уже к себе после всей своей одиссеи, после своего трудного путешествия. Он возвращается к себе, уже равнопринятому, равнораскрытому рефлексией и отождествленному в соответствующей этому форме человеческого устройства жизни. Он не может не оглянуться назад, и это воспоминание есть его Голгофа, без которой не могло быть его полноты.

Место знаменитое, хрестоматийное, и никакой заслуги в том, что оно сразу засело в моем сознании, нет, но оно стало очень личным. Мистика этих слов меня всегда увлекала. Именно в 1950-е годы, годы десталинизации, для меня очень личным стало овнешнение, застревание, эта *страсть покаяния*. Это и есть *историческая теология*. Поскольку, если человек узурпирует и овнешняет параллельный мир, в свете этого можно, наконец, подобрать ключ к иероглифу: *будущее прошлого*.

– **Этот иероглиф твой был для меня всегда особенно труден.**

– Будущее прошлого находится в принципиальном несовпадении с двумя банальностями: *все, что было*, и *все, что предстоит*. Банальности эти не только не прошлое и не будущее – они им перпендикулярны и просто лживы. Здесь не календарные – здесь другие скорости, другая природа самого времени. Тут иное время самого человека. И тут же размещено то самое, что сопротивляется истории, – человеческая повседневность. Она сопротивляется своей регулярностью. И тут же обитает культура в ее вечном споре с историей. Споре, который пытается вынести повседневность на сцену разыгранных трагедий, а трагедию – в избывание горя без крови и жертв.

4. Публичные девки случайности. Детерминизм и ужас финального результата. Происхождение мужицкого царя. Поражение Ленина и поражение Ганди.

– Ты уже несколько раз обращался к теме случайного – как незаданного, однако задающего ход истории.

– В одном романе есть точный афоризм о случайности: что она такое? Случайности – это публичные девки, но и они гуляют по хорошо известным местам. Отменно! Значные места предопределенности и роль случаев, которые заводят махину истории, распалая детерминационную похоть. Отсюда родом все суперперсоны политиков XX века.

– Я в восторге от афоризма! А можешь привести пример, как в XX веке находят гулящую девку?

– Изволь, известный пример. Едет Ленин в Россию, апрель 1917 года. Едет безумный утопист с установкой делать в России мировую революцию. Он все рассчитал, уже написаны пять «Писем издалека». Он едет в Россию, зная, что его партия не готова, не говоря про остальных. На подъезде к Петрограду спрашивает: время ночное, мы найдем извозчика? Встречающие говорят: «Владимир Ильич, что вы, какие извозчики! Увидите, сколько народа вас ждут!» Биографы не сталкивают между собой эти два факта: Ленин уже знал нечто, ради чего должен переломить всех, начиная с близких товарищей, – но не понимал еще, чем стала жизнь массы людей в России. Он вообразить не может себя через час – на броневике, говорящим речь перед сотысячной толпой!

Вот другой случай. Накануне октябрьских событий Ленин сидит взаперти, скрывается от Временного правительства. Те его настойчиво ищут, а это изолирует его от ЦК. Добравшись до Смольного, он находит там подлинного властелина событий – Льва Давидовича Троцкого. Ночью, когда формировали правительство и придумывали, как называть его членов: министры, комиссары, народные комиссары, – эта бумажка сохранилась – Ленин сказал Троцкому: главой правительства будете вы.

– Тот отказался – вроде по «5-му пункту»?

– У Троцкого вечная отговорка – мне нельзя, я еврей. Таким образом он отказался от Предсовнаркома. Когда назначали председателем Реввоенсовета, он опять было стал возражать: как так – еврей во главе русской армии? Ленин говорит: «Лев Давидович, еще раз такое скажете, и я буду настаивать на исключении вас из партии. Чтобы вы больше этот личный вопрос никогда не поднимали!» Когда Ленин умер, Троцкий если и мог выиграть бой, то только по национальному вопросу, где покойник оставил ему козыри. И опять его остановило, что он как еврей не смеет давать бой великорусскому национализму, даже красному большевистскому. А не ставши на этот путь, Троцкий далее терял все. Говорят: Троцкий не победил, ему Сталин не дал. Да не мог победить Троцкий – *он не хотел побеждать!*

Итак, вышел Ленин из блокады, а в ЦК готовятся к заседанию 2-го съезда Советов. Гениальна политическая идея Троцкого, соединить съезд с восстанием в Петрограде. По вопросу о земле – это, кстати, еще мы раскопали в нашем секторе – доклад сперва поручают делать Ларину и Милютину. Грех покойников обижать, но я легко представляю этих догматиков, особенно сумасшедшего Ларина. Что они от имени РСДРП(б) предложат мужицкой России? Какие-то совхозы! Но в последний момент появился Ленин, и вопрос о докладчике отпал: о земле вправе выступить только он, это ясно всем. Ленин идет к трибуне – он совершенно не готов! Тогда он просто достает из кармана эсеровский наказ о земле, добавив к нему пару вступительных фраз, его зачитывает – и все! Игра сыграна. Программой большевиков стал наказ мужиков-эсеров – а в Советской России появился мужицкий царь.

Ну а если б Ленин еще день пересидел в подполье и эти двое ортодоксов выступили с национализаторской программой РСДРП(б)? На этом для Ленина и большевиков все бы кончилось. Вот что такое *история*: встреча несовместимых. Историческое начинается там, где вещи, доселе не совместные, оказываются совмещены! Таинственная вещь, но если этого не понять, не занимайтесь историей.

В момент, когда несовместимое станет совмещено, является харизматический лидер. Человек, который извлек из кармана чужой наказ и объявил его всей России как программу советской власти. Совпадающую с политической монополией большевиков.

– Да, случай красив. Но согласись, что случай чертовски кровав. Махатма Ганди этого не одобрит.

– Но почему? Почему? Ленина и Ганди роднит спонтанность главного хода и немыслимость выбранных средств. Плюс интуиция Мира в рамках локальных задач.

Известнейший случай 1930 года. Индийский национальный конгресс в противоборстве с Англией зашел в тупик – лидеры в тюрьме, мирные средства исчерпаны. Радикалы берут верх, ради независимости прибегая к самым свирепым действиям. Тогда Ганди идет к берегу моря и начинает выпаривать соль. Призвав народ Индии делать то же – не покупать соль и не платить налогов британской короне.

Ганди, нашедший не прямой ослепительный выход из плохой ситуации, подобен Ленину осенью 1917 года. Россия уже перестала существовать. Власть и фронт рушились, мужик на селе озверел и никого не слушал. Ленин, который просто взял наказ о Черном переделе и озаглавил его «Декрет о земле», – чем не Ганди, выпаривающий морскую соль?

Теперь погляди на результат. *Разве результат Ганди не страшен?* Миллионы убитых в резне, разделившийся Индостан и его собственная гибель разве не доказательства его поражения? Разве финал Ганди не сопоставим с мучительным финалом Ленина, потерявшего власть над ходом вещей, который он начал? Исторический деятель вымеряется не тем, что опередил время, – иногда ему лучше отстать.

В случайный момент он улавливает единственное, немыслимое средство, чтоб двинуть к цели массу слепо возмущенных людей. Обратив слепоту в сообразное их умам действие. В эти минуты лидер воплощает собой историю. Таков Ленин в октябре, таким был Ганди. Но деятель измеряется не только звездными часами, но и в равной мере – поражениями. Опыт поражений – великое наследие людей. И в наследии Ленина для меня наиболее интересен интеллектуальный опыт поражения.

5. Ленин превращает себя в обстоятельство русской истории. Тень Чаадаева.

– Введем понятие *исторического деятеля* как проблему, позволяющую разъяснить почему Ленин – человек без биографии. С Ленина смыто все личное – это возмездие или законная расплата? Или он сам намеренно загонял личное внутрь, до неузнаваемости и невидимости его? А последующее смыло личность, напрочь и навсегда.

Чтобы восстановить невидимое, надо работать с понятиями «история» и «исторический деятель». Отклоняя то, что исторический деятель произведен от истории, а история просто синоним всего, что с людьми бывало. «Ты впущен на прием к случайности, – писал Пастернак в “Спекторском”, – ты будущим подавлен...» Главное тут слово *подавлен*, понимаешь?

– Полагаю, тебе скажут иначе – Ульянов просто человек, который случаем и стечением обстоятельств попал в центр событий и своей маниакальной сосредоточенностью на власти сумел повлиять на все.

– Дело в том, что Ленин сам обстоятельство. Громадное, сильное и очень стойкое обстоятельство русской истории. Творя обстоятельства, он сам стал обстоятельством, которое надо объяснить. Вот загадка Ленина.

Было нечто, что прошло с ним сквозь всю его жизнь. Назовешь это нечто партией – сегодня прозвучит как ругательство. Назовешь, следуя его выражению, *архимедов рычаг* – прозвучит напыщенно.

Человек положил себя, свою мысль и свою жизнь на то, чтобы восполнить нечто, чего, как он верил, недостает русской истории, чтобы ей стать универсальной историей и войти в общий ход дел человеческих. В XIX веке про таких говорили: *исступленные имманентицики!*

Собственно, Владимир Ленин из ряда, который начинается человеком, писавшим лишь по-французски, – Петром Яковлевичем Чаадаевым. Он в ряду людей, которые искали восполнения органического порока русского исторического процесса. Который делал существование России бытием вне истории, а им надо было *сделать Россию исторической*.

Сквозная мысль, сквозная идея всего русского XIX века. Ленин мог и не знать, от кого он изначально идет, – я не верю, что он толком не знал Чаадаева. Хотя, затвердив и любя Чернышевского, Ленин не мог пройти мимо его статьи «Апология сумасшедшего», где Чаадаев очень подробно изложен.

6. Поступок-событие-бифуркация. Зачем царь Александр пошел навстречу Гриневицкому?

– Нас с тобой занимают люди и то, как поступок, не выводимый из обстоятельств, преобразует не только последующее, но и все ему предшествующее. Вот мания человеческой жизни – она поступком образует *свое собственное предшествующее*. Зачем человеку так потребен поступок? Он же не только очищает путь к чему-то, что за поступком будет или мнится, что будет.

– **Покойный Генрих (Батищев. – Г. П.) сказал бы: человек опредмечивает, овнешняет то, что этому предшествовало...**

– Да, но *предшествующее само тогда становится обстоятельством*. Действуя индетерминистски, человек формирует ультрадетерминистские реальности. Детерминизм – это детище человека. Он его выдумывает, его лепит, его изобретает – и становится пленником того, что сотворил. С Андреем Дмитриевичем, кстати, я сколько ни говорил про это, всякий раз его последнее слово было *бифуркация*. Таков его взгляд: *поступок-событие-бифуркация*.

Но как пробиться с этим, когда нынешним либералам так дороги их мистификации?

– **Любимейший либеральный миф, будто царя Александра убили в момент, когда он «даровал России Конституцию» и вышел погулять.**

– А ведь никакой Конституции там не было. Был граф Лорис-Меликов, который только под давлением народовольцев на Зимний дал гласность печати и приостановил казни. Когда началась лорис-меликовская «диктатура сердца», был перерыв в терроре, объявленный народовольцами. Трудно сказать, сколько бы он еще продлился, потому что у «Народной воли» была своя идея – революция ради конституции. Но тут Лорис-Меликов проявил слабых характерность. Испугавшись, что в глазах правых выглядит слабым, он опять разрешил казнь народовольца. И этим сам приговорил Александра Второго.

Рысаков кинул бомбу наугад и не глядя – не попал, убил кучера. Царь вышел из кареты. Изображают это в сентиментальных красках: мол, беспокоился о жизни раненых. Ничего подобного, ошеломленный Александр вывалился из коляски и бессмысленно кружил. Полицейские уговаривали ехать во дворец. Схваченный Рысаков бормотал дурацкую фразу вроде «Не вышло, вот и кончилась жизнь». Гриневицкий со второй бомбой стоял у парапета, но сбегались люди, и он не мог ее бросить: толпа народу, царь в толпе. Как вдруг Александр сомнамбулически пошел прямо к нему, сквозь толпу.

Царь подошел к Гриневицкому – зачем? Тот стоял, расслабленно облокотившись о парапет, как Онегин. Масса людей, бросать бомбу уже нельзя. Но когда царь сам подошел к нему абсолютно вплотную, глядя в глаза, он покорился случаю – и уронил бомбу под ноги им обоим. Потрясающе!

Мы не знаем, что далее воспоследует, но мы *обязаны сделать* то, что продиктовала натура, наш внутренний голос. Тем самым мы создаем одну из возможностей последующего, а прочие закрываем. Мы рабы заданности, творимой нашими спонтанными действиями.

Вернусь к тому, о чем говорил вначале: *судьба-жизнь*. Судьба, до конца включенная в мыслящее движение. Запертый внутренний мир, внутри которого продолжалась борьба Ленина с самим собой. Когда я все это разглядел, оказалось, что передо мной один из самых великих и страшных русских опытов начинался. Он прямо вводит в наш сегодняшний день. Если мы готовы войти в него сознательно, не рассчитывая на безгрешность и не надеясь остаться безответственными.

Часть 2. Крымский тупик мировой истории. «Красавец-кроманьонец» уходит от смерти

7. Марр и тупики истории. Ранний Мир был не примитивней, а сложнее нашего

– Как я впервые ощутил прикосновение к истории? Почти детское воспоминание, крымское, очень сильное и странное. У нас в Симферополе тогда был один только книжный. Если идти от банка вниз по улице Горького, там был магазин «Книги», а в нем знакомая девушка, но не это важно. Я очень его любил. Магазин был затемненный, прохладный, и под стеклом лежали книги. Не полки, а закрытые прилавки со стеклянным верхом, под которым разложены книги. Однажды я увидел под стеклом брошюру в зеленой обложке, издательства «Известия»: Марр «В тупике ли история материальной культуры?» На меня это произвело ошеломляющее впечатление. Как? Разве в нашем советском мире что-то может быть в тупике?

– **Ты верил, что тупиков в истории не бывает?**

– Конечно! Сам вопрос казался абсурдным, отчего эпизод врезался в память со стереоскопической ясностью; я помню даже освещение места, где лежала книжка. С тех пор вопрос об исторических тупиках вставал передо мной не раз.

– **Исторический материализм вообще тупиков с катастрофами не любит. Старый спор прогрессистов с катастрофистами.**

– Плюс неистовый Марр, для которого вообще нет миграций – только автохтоны на разных фазах развития.

Марр был кавказовед. Вел знаменитые раскопки в Урарту, древнем армянском царстве. Занимался сравнительным языкознанием и вышел на сопоставление – вот языковые семьи, вот их перемещение – носители языка, перемещаясь, переносят язык с собой. Но однажды он обнаруживает структурное сходство древнегрузинского языка с баскским – и концепция рухнула: какая миграция из Испании в Грузию? Тут его осенило, а был он уже чуть с сумасшедшинкой, – что вообще никаких перемещений нет! А повсюду идет трансформация человеческой речи. Марр ввел все эти сходства в стадиальное развитие языка. Непостижимым образом придумал несколько первых слов – сал, йон, бекш, которые якобы есть во всех языках мира. И далее, конечно, уже повсюду их находил. Естественно, Марр первым горой стал за исторический материализм, «истмат». У него были ученики, школа, великая слава.

– **Вождь всех советских языковедов и культурологов.**

– Да, он и в партию вступил. Кого-то притеснял, но не со зла – время такое было: уверовавший в идею просто не понимал, что можно думать иначе. В ней есть нечто интересное, в его идее. К ней еще вернуться.

Но во времена моего студенчества внимание привлекал Крит с Микенами. Советская историография выстроила формации как ступени прошлого, отсчитывая их обратно от Октябрьской революции. Вот дошли они до крито-микенской культуры – а та в схему формаций не встраивается! Был такой Богаевский, крупный археолог, он посвятил уйму сил, доказывая, что цивилизация Крита – первобытное общество. Признать, что была цветущая цивилизация, а после санторинского цунами с дорийским нашествием Греция заново начала с примитива – такое в рамки истмата не влезало.

Тогда уже утвердился непререкаемый, «марксистский» якобы взгляд на движение истории от низшего к высшему. Как поверить, что в темные века одиночка Гомер сочинил две вечные поэмы человечества? Не могли поверить, пока не убедились.

На почве истмата, где всюду одни аборигены и автохтоны и повсюду стадияльность формаций, крито-минойскую цивилизацию надо было куда-то вставить и разъяснить. Сделав ее автохтонной, но ранней. И ради этого выдумали «военную демократию Крита» для культуры, у которой вообще ни одной фрески военной! Были огромные статьи Богаевского о том, что Крит – военная демократия, мы в студенческие годы ими зачитывались.

У нас и теперь снисходительное отношение к древности как к милому примитиву. Отсюда эти бесконечные гипотезы про инопланетян. Что-то кажется нам невозможным – это же предшественники наши, жили задолго до нас, и им следует быть «малоразвитыми». А чуть где не так – ищи «гостей из космоса»!

Ранний Мир нам видится простым, а он был, наоборот, крайне сложным. Человек шел от законченной и закоченевшей сложности к более простому, открытому и проблематичному. Вспомни сложность первобытного устройства семьи. В работах этнографов поражает и подавляет невероятная сложность родственных связей. Это было изощренно-сложное и в своей сложности остановившееся образование.

Экстраполяция незаконно распространяет современную точечность происшествий на промедления, длящиеся тысячелетиями, где нечто копится, переходя из одной предфазы в другую, которая также предфаза. Например, любопытно, какому сдвигу в существовании отвечало человеческое *имя*?

Мания именовать все была, но поперек ей шла табуизация, которая прямо запрещала назвать все. Разве поименование людей было изначально всеобщим? Было коллективным поголовным действием? Или у появления имен есть нечто общее с явлением пещерного художника? Тут схватка противоположных влечений, их накопление и взрыв. Сколько видит глаз, человек выступает уже поименованным существом. Поименование же не могло сбыться вне речи.

Я склонен к *синхронистическому мышлению*, которому культуры видятся одновременными. Тогда понятия низших и высших уходят, и возникает идея неповторимых *событий*, где все человеческое начинается сызнова. Никакой заданности этого движения в принципе нет.

– Что поделаться, в европейской ментальности нет иного способа отнестись к этому, кроме идеи равенства культур. А та недостаточна и превращается в невротическое вытеснение инаких.

– Русская культура могла, не будь она так разрушена. В русских есть ресурс эмпатии.

– Могла бы – что? Русская культура в классический период, честно говоря, мало отзывчива. Она не восприимчива к инокультурному, хотя утверждает обратное и гордится «всечеловечностью».

– Да-да. Это от одержимости «вселенскостью». Нам трудно принять, что великая русская культура, ее сказочное развитие в XIX веке началось попросту с переводов! Пушкин, Жуковский на три четверти – переводы или оригинальные пересоздания чужих текстов.

И минойская культура в чем-то «пересоздательница» египетской, которая, даже застыв, была невероятно изысканной. Понятие великого локализовано в столь малом, что человек, летящий самолетом, уже не ищет всемирности в пространственно ничтожных пределах.

– Видел я пролив между о. Саламин и Афинами – лужа шириной с Лужники, и понял, как жители «подбадривали воинов криками». Они могли не только подбадривать, но и камнем с берега врагу запустить в глаз. И в этой потешной луже прошла битва, определившая ход европейской истории!

– Что показывает, какую роль со времен греков в человеческой истории играет воображение. При наших пространствах и бездорожьях, читая «Одиссею», трудно усвоить, что это за лоскуток моря. А ведь все в «Одиссее» видится гигантским. Колоссальное странствие с приключениями и столкновениями. Гомеровский мир – вещь непостижимая, как путешествие морем, прозрачным до самого дна: тоже момент моего крымского мироощущения.

И снова заблуждение – будто эллинская культура лежит в основе всей новой европейской цивилизации. Но она же была самодостаточной, жила в своих пределах и в них же себя полностью израсходовала. Вот и «тупик истории культуры». Эллинская культура уничтожила саму себя в Пелопоннесской войне. Лишь благодаря тому, что новоевропейская цивилизация стала разворачиваться в Мир, включенные в нее Возрождением античные предшества стали восприниматься как всемирно исторические. Когда локальная цивилизация Европы двинулась завоевывать Мир, Античность попала в истоки всемирной истории, но сама Греция стала периферийной страной. Так что зря мы глядим на греков как на отцов европейского общества.

– **Да и мы сами в том же примерно отношении к русской, пушкинской России.**

– Конечно. Если не меньше.

8. Осевых времен было много. Загадка человеческого разбегания по Земле. Человек переначинается.

– Дадим отчет в односторонности всего, что делаем. Выражаясь истрепанным языком, мы держимся европоцентристской картины истории. Мы исходим из данного глобализированного состояния Мира, где люди вовлечены в гигантские перемещения и информационные волны. Миграции, иммиграции, новости, смена вкусов и мод. Нельзя не считаться с фактом, что нынешний перепутанно-связный и запутанно-движимый Мир говорит, а стало быть, отчасти и думает *по-английски*. Во-первых, потому, что люди на нем договариваются друг с другом, а на это еще наложился компьютерный язык. Замечательно про компьютер мне Лена (Высочина. – Г. П.) сказала: «*Машина, она же англичанка!*»

Но, отправляясь во времени, мы отдаем себе отчет в двух вещах. Во-первых, все не задано и не извечно. Во-вторых, глобальная экспансия не свидетельствует о превосходстве обслуживающей ее цивилизации Запада.

Еще недавно Мир жил иначе, не зная передовых и отсталых. Мир был странным сожитием разных цивилизаций и насквозь аритмичен при этом. Он не группировался по признакам «отсталые», «развитые», «развивающиеся»... Сама эта терминология чуть глупа, как если бы развитый терял способность быть развивающимся. Тем не менее что-то здесь есть.

Говоря о том, что Мир не был таким, что люди в нем сосуществовали по-разному и в разной ритмике, мы помним и то, как однажды все переменялось. И раз так произошло, отправляясь в прошлое, надо себе в этом дать отчет. По одной причине хотя бы, ведь причина – Россия. Русская Евразия как пограничье глобального процесса. Русская часть картины *сопри-сутствия-пограничья* по отношению к процессу, в котором одна-единственная из цивилизаций – новоевропейская – сделала заявку на Мир. И ее реализовала, хотя не в полной мере.

С этой точки зрения возникает ряд логических и конкретных трудностей.

В отношении людей как таковых можно говорить об их общей первобытности. Когда-то мы говорили о «единой первобытности», теперь уже только *о более или менее единой*. По-прежнему дискутируемый вопрос: из одного ли африканского очага все пошло или развитие было разноочаговым? Как появился этот кроманьонец, *Homo sapiens*, имея в виду его разных предшественников – китайских, африканских, яванских, европейских? Неясен и неандертальский компонент.

Тем не менее условно мы еще можем говорить об общей первобытности. Но где-то она начала глубоко расщепляться и дифференцироваться. Она вступила на путь закрытых моделей самовоспроизводства. Возникли объединения родов, громады династий, изнашивались, уходя в небытие, и вновь собирались из тех же элементарных кирпичей. Но как-то раз процесс пошел *по-другому*.

Помню, на конгрессе антропологов у меня зашел разговор с Лесли Уайтом, известным американским антропологом. И он говорит в процессе спора: «Вы марксист. Энгельс написал работу “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, работа очень интересная. Но во времена Энгельса уже был востоковедческий материал. Почему у него все построено на первобытности по Моргану, который исследовал только американских индейцев?»

Я ему тогда сказал: «Вы не думаете, что Энгельс полагал, что частная собственность и государство возникают только единожды и в одном месте? И то, что мы распределяем этот генезис на все земли планеты, некорректно? Искусственная операция, с помощью которой мы категории наблюдения и выводы, извлеченные из опыта доминирующей цивилизации, экстраполируем на всех».

Мы обдумываем историю культуры на перемычке двух образов. Один образ таков: мы имеем дело с чем-то универсальным, что именуем Миром. Надо распознать, где это нечто

возникло. Правомерно говорить о средиземноморском мире – но можно ли говорить о центрально-азиатском мире или о тихоокеанском мире? О китайском мире, с его многообразными разветвлениями и приложениями? Или все-таки *мир* в строгом смысле слова появляется где-то единожды и впервые самое себя распознает и понятое называет *Миром*? Мир средиземноморский, который и получил первое имя мира *Pax Romana* – *Римский Мир*.

Восток не притязал на глобальность. Он мыслил себя космически, оставаясь в своих пределах. Строители средиземноморского мира выломались из зашедших в тупик цивилизаций Востока. Они выстроили Мир, развернувшийся в заявку на всю планету, обоснованную идеей апостола Павла – идеей внеродового родства.

Конечно, человек уже был. Была человеческая речь, разбегание людей друг от друга по земному шару. Все эти вещи вышли за рамки понятия рода и связаны с наличием сознания. Но совсем другое дело – осознание *человечества* как универсальной программы.

– **Это по Ясперсу?**

– По Ясперсу? Едва ли. *Осевого времени как единоразовой эпохи нет*. В феномен «осевого времени» Ясперс переименовал христианское начало, чтоб избежать европоцентризма немецкой школы. Европоцентризма я не боюсь, он не знак качества. Что поделаешь, если история, где участвуют евреи, неевреи и антисемиты, получила вселенскую вертикаль? Не понимаю, почему это нельзя обсуждать.

Мы имеем дело с историей, а та не энциклопедия описаний всех экзотических культур и цивилизаций. Мы имеем дело с чем-то, что себя ограничивает и объединяет понятием Мира. Важный момент этого – всемирная история, и в связи с ней – мировая культура.

– **Но тогда мировая культура – россыпь всех земных культур и субкультур. Или у нее нечто общее с мировой историей?**

– Мы ступили на опасную территорию: есть два полярных взгляда на развитие человека. Один – тот, что с момента, когда человек стал человеком, он как существо уже не претерпевал сколько-то принципиальных изменений. Он поднимается со ступени на ступень, но в качестве субъекта подъема, того, кем он себя видит, человек не меняется.

Для меня это не так. Я настаиваю на том, что по пути человек переиначивается, и более того – он переначинается как человек.

Мы вернулись к страшно увлекательному, но и самому темному моменту возникновения человека. С какого-то времени человек уже относим к иному роду по отношению ко всем прочим родам живого, ко всем формам жизни без исключения. *Homo sapiens* – это восставший против эволюции род. Здесь возможны самоутраты, зато возможны и самовозобновления – переначатия человека как человека. По отношению к средиземноморскому миру таким я вижу рубеж конца *Pax Romana* – Голгофу. В следующее время переначатия мы входим только сейчас.

9. Красавец-кроманьонец и открытие смерти. Культура – темное начало. Ненормальность и невсеобщность культуры

– Человек современного типа – аналог Большого взрыва для человеческой истории. Известно, когда возник, – неизвестно, как и почему. Вдруг ниоткуда является наш красавец-кроманьонец, с человеческой речью, которую к коммуникации зверья не сведешь, она исходно другую роль играет.

Появление человека современного облика – это открытие смерти в связи с открытием речи, то есть чего-то, что не было коммуникацией, пусть сложной и утонченной, и не укладывается в это понятие. Почему, открыв смерть, человек тут же стал разбегаться, заселяя Землю?

Ухудшение условий выживания не могло быть причиной этой дисперсии разбеганий. Была саванна, в этот период наполненная массой травоядных животных, – лови, хватай, ешь! Слово «разбегание», по-моему, лучшее. Не освоение, а *разбегание*, с превращением земной суши в Мир, где человек может расселяться. Мир в его сознании становится ойкуменой, созданной лишь для того, чтобы он жил.

Кроманьон – человек, который открыл свою смерть и от этого открытия уйти не может. Открытие порабощает его и гнетет. Вместе с тем превозмогание открытой смерти делает его человеком, вводя в сферу вневидового развития. Вопрос таков: что если культура изначально происхождения связана с открытием смерти? С тем, что, не имея возможности уйти от жуткого открытия, человек превращает его в *открытие жизни*, и жизнь приобретает для него новый смысл? Человек отторгает ситуацию своей смерти, он видит себя в свете вторичного открытия жизни. Культура стала ему сном и явью, она его хранит от безумия и суицида. Самоубийство ввиду смерти замаячило очень серьезно.

Культура не просто работает с открытием смерти. Она как вегетативная нервная система – запомнив болезнь, ее бесконечно воспроизводит, так что человек подчас одной корой полусарий может подавить хворь. Так и культура воспроизводит и воспроизводит момент открытия смерти. Это открытие воспроизводится в наготе и беспощадности, впитывая прошлые открытия.

– Интересно упоминание вегетативной нервной системы. Внедряется ли этот воспроизводящий открытие смерти механизм в само тело существования?

– Конечно, он и есть культура. Сжатую дефиницию ты дал: *культура как механизм, воспроизводящий открытие смерти*. Но и механизм превозмогания этого открытия, отстранения его от себя, с возвращением в новых формах обратно.

Воспроизведение – вещь нешуточная: это не припоминание, а *исчерпание*. Культура исчерпывает противодействие открытию смерти, претворяя его в творчестве, в пересоздании человека. «И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход» – одному без другого нельзя! Без «гад морских» культура – ничто, сахарная водичка.

Поразительная особенность культуры в том, что она откладывает в себе не только моменты преемственности, но и *катастрофы перенацелений*. С этой точки зрения культура и хронологична, и вневременна. Мы можем разглядеть в ней и нечто распределенное во времени, и нечто сопричастующее *против времени*. То, что именуют пыльным словом с продавленным сиденьем: *вечное*.

Пульсация открытия смерти сопряжена с истощением форм и энергий обращения в творчество. Форма существенней реалий, с которыми работает, – *форма* выходит вперед. Она эйдос Платона.

Воспроизведя открытие смерти, речь беднеет. Здесь поле разгула некультурности, и правит бал ее сленг, ее имитации, оборотничество. Есть силы, которые это эксплуатируют, однако мы и с ними остаемся в поле культуры. Культуру не надо сластить, она не только нечто, якобы противостоящее темному началу...

– **Культура сама темное начало.**

– Она сама темная.

– **Она сама темное начало, но не будем сластить и некультуру. Рассмотрим некультуру как сопротивление «культурной механике» выживания Homo sapiens. Опасной с эволюционной точки зрения.**

– Культура не всеобща по определению. Она идет от индивидуума ко многим, уже зная обратный ход, от многих к одиноким. При застреваниях вступает в силу пространственный фактор – разбегание с подключением свежих людей и пространств. Культура идет, включая в себя новые пространства. С этой точки зрения сопоставления от Египта и Pax Romana до Средиземноморья и доколумбовой Америки имеют основание. В доколумбовой Америке и малоазийских культурах страшно представлена смерть. В оголенном виде, как чудовищный «футбол» отрезанными головами и расписанные черепа.

– **Не было ли разбегание по планете попыткой условно «нормальных» людских существ отделаться от соседства с условно «ненормальными»? Люди ведь поначалу производили друг на друга жуткое впечатление. Проявления культуры в твоей трактовке могли быть подобны вспышкам безумия. Жить сообща у людей не очень-то получалось и в позднейшие времена.**

– Не получается и сейчас.

– **Попытки элиминировать смерть приобрели вид образованского заклинания, которое все-таки возвращает к обреченности. И универсальность представлена лишь суммой неудач в наших пробах уйти от обреченности.**

– Совершенно верно. Это и есть генезис открытия смерти: *суммой наших неудач.*

10. Homo mythicus и империи-изоляты. Человек способен замкнуться.

– Если поделим человеческую историю на части, не сопоставимые по времени, но в чем-то близкие по важности, то первый, гигантской долготы отрезок был Homo mythicus. Человек Мифический не изобретает мифы, он в мифе живет. Миф как способ жизни человека.

Степень завершенности в каждом из типов колоссальна, а выход человека за рамки этой завершенности всякий раз был невообразим до того, как случался. Ниоткуда не видно и никем не доказано, что человек вообще мог перешагнуть через миф! Зато легко представить, что род Homo sapiens на Mythicus'e и закончился бы.

Едва человек в неких пределах обживется и умеет в них почти все, как оказывается, что это его не устраивает. Такой высшей точкой первого человека, выходящего за пределы, не обладая еще достаточной энергией поселения в ином, стали эллины.

Как эллинская мудрость спокойно уживалась с мифом? Почему миф ее не стеснял? В эллинской сложности есть что-то замыкающее, сковывающее, лишаящее ситуацию хода в измененные состояния. Это важный момент: изощренность входит в обеспечение замкнутости.

Пример Египта: мы видим изумительную и богатую цивилизацию. Великий знаток Ростовцев находил у египтян даже «государственно-монополистический капитализм». Неве­роятно сложная цивилизация, которая все ходит и ходит кругами, дойдя до того, что все существуют, чтобы обеспечить загробную жизнь одного. И он сам, фараон, – пленник своего посмертного состояния.

Речь идет о гигантских изолятах. Человек способен замкнуться, тысячелетиями расходуя энергию, материальную и духовную силу. А после мы изумлены тончайшими расчетами пирамид, их видом и геометризмом.

11. Пирамиды. Прижизненная смерть фараона. Жизнь оборачивается сервисной функцией.

– Интересно рассмотреть круг Средиземноморья, идя от египетской цивилизации, которая ни на что не похожа. Она сочетает изощренность жречества, проникновение в космогонию с нарастающей иррациональностью, воплощенной в вершине ее – пирамидах. Эти цивилизации обладали парадоксальным свойством: необходимая деятельность, лежащая в основе их зарождения – регулирование работ и так далее, – приобретала самодовлеющую силу. Выделившийся управляющий слой уже не является функцией, зато жизнь оборачивается в функцию по отношению к этому слою. В конце концов, в Египте дошло до того, что деятельность всех направлена на обеспечение загробной жизни фараона. То есть фараон уже заложник смерти – он заранее мертв. Он живой покойник ради сооружения пирамид, феномена строительного искусства невероятной точности. До сих пор неясна техника воздвижения при их ориентации по направлениям.

На примерах этих речных или доколумбовых цивилизаций, этих изолятов, мы видим, к чему эта тенденция вела, если б не было обмена контактов.

12 Египет и крито-минойцы. Культура способна переходить в другое вне собственного дома.

– Египетская цивилизация, невероятная по изысканности, взаимодействует с другими: она что-то им отдает и что-то получает. Но главное, она во что-то переходит не у себя дома.

Вот что позволила культура – передавать себя другому, *переходить в иное вне своего дома*.

Египет – и крито-минойцы. Египет – и евреи; хотя был ли египетский плен евреев, сомнительно.

В конце концов именно египетская культура приводит к тому, что люди сознательно строят средиземноморский смешанный Мир-ойкумену уже на почве эллинизма и Рима. А что с изолятами доколумбовой Америки? В чем-то схожие с египетской цивилизацией, они шли в никуда.

– **«Никуда» – это взгляд из форточки Средиземноморья? Почему – в никуда? Потому что их уничтожили Писсаро с Кортесом?**

– Передавать им некому и нечего. Я не говорю, что это было предрешиено, но показываю отличие. Вот европейский тип, где происходит передача своего в иное, а в процессе передачи возник интерес к чужому, тяготеющий к созданию мира культуры. Где эллинизм вернется в Египет Александрийской библиотекой, и далее – повторяемость.

– **Почему в одном месте повторяемость, а в другом месте прекращаемость? Может, надо объяснять не повторяемость, а как она оборвалась?**

– Каждая новая цивилизация принимает самопожирательный характер. Вот парадокс развития этих ранних деспотий – их первоначальная функция не может быть выполнена в малых размерах, а большие ведут к самодовлению правящего слоя и жречества. И к внутренней смерти при жизни. Непонятно много, но погляди на пейзаж Египта – с этим Нилом, с этой пустыней... Были цивилизации, привязанные к календарю природы, непосредственно космические. А в мире маленькой Эллады почти нет привязки к календарю природы, зато неслыханная разноликость условий существования.

Ты прав, культура имеет дело с непонятным, но человек распознает непонятность собственную. Может быть, это и есть суммирующий момент. Я пытаюсь определить культуру как отношение к тому, что человеку не дано непосредственно, но имеет для него спасительно-преобразующее значение. Культура – это сумма средств, которыми человек облегчил себе ношу первооткрытия смерти, пользуясь речью, возможно, в связи с этим и возникшей.

Культура тяготеет к тому же, что первичное разбегание людей, – творя взаимную удаленность, она оппонирует отчуждению групп и этносов друг от друга. Культура привержена к своему и вместе с тем тяготеет к чужому; она запутана в этом узле. Человек совершает двойное движение. Он уходит от непосредственности смерти, и из заложенных в него витально повторов делает свою жизнь бытием повторения! Сквозь обреченность проступает нечто иррациональное, но постигаемо сложное.

– **«Человек», о котором ты говоришь, он кто – индивид или личность?**

– Личность по отношению к индивидууму не надстроенная высшая форма – она более поздний ход, вступивший с индивидуацией в спор. Личность в оппозиции к индивидуальности. В некотором смысле христианство менее индивидуализировано, чем прежние формы жизни. Личность – это выбор, форма преодоления тесного круга своих с выходом к чужим.

13. Иудейский запрет и римская терпимость. ИИСУС и апостол ПАВЕЛ. Человечество становится бескомпромиссной идеей.

– В общем-то, до евреев истории нет – это они придумали историю как историю. Бог не награждал евреев избранностью как вечным алиби. Это не статическое состояние, все движется в отступлениях от Завета и возвращениях к нему. Избранность состоит в *праве нарушать целеустремленно*, что и есть история в первоначальном виде.

Но римская надстройка, ее нивелирующая сеть отношений, налагаемая на безразличные власти отличия, все сокращала до частных вариантов. Вечно задевая тех или других, пятых, десятых. Но Иудею это задевало непоправимо: надстройка закрывает путь человека к Богу, человека-иудея – к иудейскому Богу. Убери слово «иудей» и «иудейский» – и вот Иисус, и просто – путь Человека к Богу. Где открылся путь человека к Богу, там власти нет. Примирение с властью требует расчистки пути к Богу от всякой дополнительной регламентации.

Раскол назареев с ортодоксальными евреями переживался почти инстинктивно – ортодоксальных отталкивала их спешка, их сумятица веры, их упрощения. Ортодоксы двинулись путем скрупулезной детализации всего, что войдет в канон. А простота и неопределенность, свойственные христианской спешке, – это формы преодоления табуизации.

Отношение Иисуса к запрету страшно интересно, оно преодолевает эту изоэтрность. По принципу, по масштабу внутренней открытости, под которой разумелась незавершаемость, – христианство выводит на личность как на проблему. И столкновение между Иерусалимом и Афинами, между эллинским и иудейским миром, между Платоном и Павлом – их диалог, их спор вращается вокруг проблемы: что личностней? В узком кругу – эллинское начало, в безгранично широком и всеохватывающем – христианское.

Человечество стало бескомпромиссной идеей.

14. *Homo historicus*. Заполненность человека историей. История неостановима изнутри.

– Христианство переводит *Homo mythicus* в состояние *Homo historicus*'а, утопического человека. Модусом существования человека в истории стала утопия, а не миф. Появляются понятия человечества, исторического времени и многое другое. Христос (в отличие от пророков) категорически утверждает, что время Страшного суда настало – Второе пришествие начало обратный отсчет. Время отсчитывают от будущего, а отсчет формирует место для прошлого, сетка предшествований во времени. Мысль Павла: в момент спасения и воскрешения первыми воскрешаются мертвые – всё! А лишь затем живые, которым еще должно это добыть своей жизнью.

На чем тогда основывалась идея *человечества*? Она прямо не идет от Павла. Но чем больше все становилось светским, человечество становилось доминирующей, исключительной идеей и императивом существования. Речь уже не шла о том, что есть Путь, а прочее должно быть с ним увязано, поелику не мешает и не заслоняет. Нет, теперь уже все должно быть включено в Путь, на принципиально иных началах.

С тех пор как человек вышел из синкретической жизни в мифе и стал заниматься собой, каждая из его проекций тяготеет к абсолюту, заполняющему собой всё. В нашем поколении история стала исчерпывающей проекцией существования. История посягает на то, чтобы овладеть человеком и каждые его сутки, каждый шаг его включить в историю. В дни революций история полностью вытесняет и заменяет собой повседневность. Ее экспансия вытесняет собой всё. Но самое страшное, что в точках наивысшей экспансии история вообще не останавливается изнутри.

В чем риск восприятия истории? Мы начинаем видеть ее как нечто (по замаху, по внутреннему замыслу) всечеловеческое. Таким всечеловеческим она стала уже в маленьком локусе Европы, чтоб затем развернуться на всю планету – и не смочь развернуться до конца. Есть силы истории этому противодействующие, и есть токсины, которые вырабатывает сама история.

Люди живут в контексте повторяемости и естественной заданности – жизнь истории идет поперек заданности, в оппозиции к ней. Эти нарушения и есть история.

История, политика, революция достигают гигантских высот, выдвигая великие фигуры. Но все они сопряжены с претензией на всезаполненность человека. Когда Ленин произнес чудовищную для нас фразу – нравственно все, что делается в интересах коммунизма, – в нем говорил максимализм истории, достигший запредельности. С этой точки зрения я рассматриваю и угрозу культуре. Когда говорят, что «культура – это наше всё», мне это слово не нужно. Это грозит культуре не только политически. Это разрушает ее изнутри пафосом и ликованием включенности, в обмен на влияние, которую культура приобретает.

15. Исторический человек как «новая тварь». Ленин – банкрот-финалист истории. Нам мешали историю изобретать.

– Крушение → страдание → кара → возобновление – так возникает понятие *новая тварь*. Откуда еще было возникнуть первому образу истории? Моисей водит людей по пустыне, чтобы поколения вымерли, и следующие, свободные от давления первозаданности, смогли начинать заново, согласно избранничеству. Но никто не обещал, что так будет единожды!

Пришел сын Человеческий и распространил избранничество на всех. Он ввел исторический компромисс: кесарю – кесарево, а Богу – Богово. С рабами я раб, со свободными я свободный. Все состояния сохранны, и вместе с тем все отменяются состоянием, которое *над* всеми и образует их истинный ход. Оно *состояние-путь*, с финальным временем Второго пришествия. С утопически привлекательной идеей Павла, что все мертвые *воскреснут*, а живые *изменяются*, где первым обусловлено второе. Вот образ истории, вот кто внушил историю людям. Почему это было так? Трудно понять, как и то, почему наш обреченный предок сумел из своей обреченности восстать Ното, воздвигнуться до Эйнштейна, Сахарова – и до способности всех уничтожить.

Мы же не знаем, почему на этом клочке земли придумали историю. Но сегодняшняя история лишена предназначения, ей выданного, ее уже нет. Самоуверенно заверять, будто нам известно, почему она кончилась. Но позволь сказать, что *для меня она кончилась*.

Но нет, мы твердим по-прежнему, что история – это «все что было». Тогда для нас несчастный человек в Горках, безъязыкий Ленин – просто банкрот. А что если Ленин *банкрот-финалист*? Ленин в финале истории, и она истошилась в нем и при его участии.

Впрочем, история не закончится вполне, пока есть вещь, которая ее перекрывает, и если та тоже кончится, с ней закончится человек – это память. Играющая невероятную роль в жизни людей. Нас уже почти обеспамятили, так что мы судим об этом с большей основательностью, чем другие.

– Ты имеешь в виду многократное переписывание истории советским «министерством правды»?

– Плохо же ты прочел Оруэлла. Разве процесс обеспамятливания заключался в том, что историю переделывают в угоду злобе дня? Напротив – нам мешали историю изобретать. Нашей памяти диктовали единственный, неприкасаемый вариант. Пожалуй, Сталин и вправду поверил, будто история такая же точная наука, как другие. Хотя, если можно говорить об исторической строгости, то лишь в меру исторической неточности.

Столько лет выбивали из историка *человека помнящего*, глупой идеей «объективности», как цензуры над его чувством свидетеля. Люди пишут, устранив себя как людей из того, чем они занимаются, они различимы только манерой письма. Добросовестный *систематик* материала боится сознаться, что это *он так свидетельствует*, а другой вспомнит совсем другое. Его субъективность для данного случая как раз и есть его строгость свидетеля, поскольку оставляет поле для *иной памяти*.

16. Утопия оппонирует мифу. Коммунистическая утопия. Антиутопия и террористический эгалитаризм Сталина.

– Возьмем два понятия, *миф* и *утопия*. Ясно, миф не то, что люди придумали, – миф – это их способ жить. Они живут в мифе, их мифы – это они же сами. Думаю, миф вообще уйти до конца не может. Зная, насколько это глубокий слой прошлого бытия, разве мог человек его начисто весь утратить? Миф – это первичная подпочва цивилизаций и культур, он не уходит. Миф возвращается, и важен анализ его возвратных движений.

– Утопия разве не модернизированный миф?

– Нет, утопия не утонченная форма мифа, а его оппонент. Миф имеет свойство обращать все в настоящее – все, что было, в то, что будет; ведь те, кто был и кто будут, равно *сущие*. Утопия бросает вызов мифу – она разделяет времена. Первой истинно мощной заявкой на утопию я вижу первоначальное христианство. Мысль о новой твари, о новом человеке краеугольна для утопии. Равно представление о людях всего света как человечестве – *едином объекте* и предмете проектирования.

– Человечество и новые люди – разве не мифологемы?

– Мифология революции нарастает поначалу как сбывающаяся утопия. Как выглядело совмещение революционного мифа и осуществленной утопии в 1920-е?

Оно в атмосфере, в воздухе, в документах. Это не только мужик, который отбирает себе землю и *в силу этого* голосует за мировую коммуну. Это и трибунал Республики, состоящий из пролетарских революционеров, для которых юстиция есть вид классовой борьбы. Вместе с тем они люди утопически грамотные и, смягчая расстрел, приговаривают к заключению в лагере *до победы мировой революции* – и не лицемерят. Но далее разделение утопии и мифа нарастает.

Победу Сталина можно рассмотреть как победу антиутопии, а поражение Ленина как уход утопии с прорывами в нечто иное, новое, чему нет соответственных слов. Идет перестройка революционного мифа в мифологию с выраженной ритуальностью, которая, вытеснив утопию, подчиняет ритуалам поколение за поколением. Духовное торжество Сталина, его способность втеснить себя намертво в сознание и привычку миллионов душ были немислимы без новой мифологии. Которая сперва импровизировалась им или творилась другими, а далее субординировалась в институтах. Порождая изощреннейшую атрибутику советских ритуалов. О сочетании обряда и таинства в СССР надо говорить специально.

– Итак, советское общество – возврат к всеохватывающей общине Мифа?

– Справедливая община равных. Сюда хорошо вписывается выравнивание тем, что я назвал бы *террористическим эгалитаризмом* Сталина. Сталинское выравнивание связано с избавлением от двойной морали утопистов Октября: когда одно мыслится в судьбе и в партии, другое – в отношении всех, кто вне коммунистической миссии.

17. Исторический компромисс Павла и нищие духом Иисуса.

– А «блаженны нищие духом» – что значит? Почему с этого начинается Нагорная проповедь, с заповедей блаженства?

– Таково решение духа! Дух обнаруживает себя тем, что внутренне выравнивает ситуацию нищего человека. Вот справедливый способ открыться свободе: соединиться с другими людьми вам не дано, пока не признаете самых убогих нищих равными себе. Иисус Христос же сам добровольно нищий. «Сын Человеческий не имеет где преклонить голову».

К кому обращается Иисус первой фразой: блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное! Первое, что Христос говорит, – блаженны те, кто решением духа ставит себя в положение нищего, ну а дальше: блаженны плачущие, блаженны кроткие. То есть блаженны *нищие по велению собственного духа*, а не обнищавшие духовно. Перевод нехорош: «нищие духом» теперь читаются как духовно бедные.

С учителями во Израиле Он дискутирует как с коллегами, но суть и тон Иисусовых речей исключительны: выслушавший должен уверовать – либо станет врагом. Кто не со мною, тот против меня, и отсюда неизбежность трагического конца. А потом пойдет присвоение идеи уже огосударственным этносом, новой христианской империей. Возникает воинственность различия «верующие-неверующие»; антагонизм, оправдывающий любое насилие. Идея справедливой многоликости этап за этапом выявляет свою неосуществимость. Но она движет, и она порождает.

Эта особенность заложена в христианстве – с одной стороны, императив Иисуса, с другой – Павел, вносящий компромиссную гибкость. Непрерывно порождая ереси, христианство вместе с тем частью включает их и вбирает в себя, отрезая всех прочих. И этим обновляется.

– С чем-нибудь это сравнимо вне религиозных рамок?

– С коммунизмом, с идеей коммунизма. «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой», то есть без участия промысла. Тут сама активность человека достигает уровня Божественного промысла. Божественный промысел заменяется универсальным действием человечества. Коммунизм берется воскресить всех прошлых падших, воскресить в человечестве.

18. Судный день и время конца. Исполнимость и неисполнимое в истории.

– *Бытие конца* – странное словосочетание, правда? Поскольку бытие – это жизнь, а конец – ее прекращение. *Жизнь, заключенная в прекращении*, как-то не вяжется? На самом деле мы возвращаемся к той первичной точке человека, откуда пошла идея *Судного дня* как финала, *равно* затрагивающего смерть и жизнь. Еще раз вспомню апостола Павла: мертвые воспрянут, а живые изменятся. В центре обоюдность События, взрыв памяти, взаимное сопряжение сущего всеми его былыми предшествованиями. Вторжение всех прошлых внутрь данного момента – гигантская живая *сфера конца*.

А без этого не может сбыться, что люди станут иными. Очищая землю от скверны неправильности, в живых оставляя верных – наедине со всей страшной памятью, среди опытов всех мертвых всех поколений.

Надо иметь в виду особое устройство момента Суда, не хронологически точечное и не календарное. Суд может длиться день, а может составить эпоху – то, что вслед Павлу зовут эпохой. К чему бы оно, если Страшный суд лишь конец? Значит, это не исчерпание времени, а *особого рода время*. Когда жизнь катастрофично итожит себя, не переставая быть жизнью. Сохранен даже человеческий быт – в эпоху Конца зачинают детей, в дни Страшного суда рождаются дети. Но «горе рождающим!» Время несет уже на себе печать неясности, из которой творится Начало.

– **Что имеется в виду? Разве Страшный суд не конец миру сему?**

– Люди не исчезают. Не тот случай, когда вымарывались цивилизации и народы – не Атлантида, не Троя, совсем другой ход. Суд не противостоит жизни, а открывает в ней какую-то другую жизнь. Трудную, но обнадеживающую.

Только опыт истории отчасти раскрыл человеку, о чем тут речь. Начиная от Крестовых походов, Лютерова переворота, от Англии Кромвеля и Франции Революции, все ближе к России – проект *исполнимости*. В нем прячется нечто безмерно вдохновляющее, ведущее человека, и в нем же – драма *неисполнимого*.

19. Действие смерти, переоткрывающей жизнь. Спасение мертвых.

– Но сказано же, что смерти больше не будет?

– Возьми исходный пункт – идею сопряженности спасения мертвых с шансами всех на спасение. Шансы каждого человека на спасение, не исключая из спасения никого, сопряжены с возвращением в жизнь всех мертвых.

Величественная идея! Исходный пункт Иисуса-Павла и кокон всемирной истории. Потом историю разводит в стороны, дробит и заново сводит – но на каждом рубеже легко проследить действие смерти, переоткрывающей жизнь. Неверно, что мертвые синоним косности, и неверно, что смерть препятствует исторической жизни.

Смерть – союзник жизни в борьбе с обреченностью и геноцидом.

Часть 3. Политика и теология альтернативности.

20. Октябрьская революция и коммунистический акт спасения. Предшественники превращаются в «пережитки».

– Привыкли считать, что главная цель революции – *создать нового человека*. Это не восходит к 2000-летней попытке христианства обновить человеческую натуру?

– Проще пересотворить человека. Новая тварь – новый человек. Это значит, что на человеке есть долг. Он должен переначинать себя, значит, обязан отказать себе прежнему. Он участвует в коллективном действии самоотрешения, где каждый призван к этому действию, – откуда появится новый человек, как не из тебя самого? Вот почему, когда Павел вводит формулу: «Все мертвые воскреснут», этим он ведет к компромиссу. Решающим является, что в этом действе человек не смеет опереться на прежнее – переначиная себя, он прошлое пересоздает. Воскрешение мертвых – это пересоздание предшествований с их обращением в свои прологи. Мертвые люди уже не где-то в геенне сами по себе – они мои пропилены, они мой пьедестал! Тогда все выстраивается.

– Но революция началась с того, что мы отреклись от старого мира с его историей.

– Из известных нам классических революций (которые, регионализируясь, пространственно отграничивают себя, затвердев в нациях) только Октябрьская революция притязала на буквальную планетарность. Она отрешает всех и каждого от всего, что было. Она берется пересоздать все вообще – буквально всякое прошлое обратить в свой пролог и преддверие! Конкретно же действует суженно: из преддверий отбирается Французская революция как момент исторической кульминации.

Но Октябрь обещает, что в России все не закончится, как у Конвента. Отсчитывая себя от Великой французской, русская революция рассматривала ее как то, чем она не станет. Советская Россия с буквалистской горячностью рухнула в катастрофу 1930-х только потому, что русский Термидор в 1920-е не удался. В России не нашлось основной посылки термидора – отринуть пограничность духа, буквализм прямого вхождения в человечество.

Ничего не понять вне замаха русской революции на пересоздание человека, совершенствование его одномоментным коммунистическим актом. Сгущение во времени проливает свет на одноактность перемены. Ее планируют буквально в планетарном масштабе – в прологе у Октября *все прошлые*. Все истории революций сжаты до одноактности, и мы всюду их обнаруживаем как свои предпосылки. Все реформы, все революции – все якобы «уже было», раз все они в нашем сознании. Измеряя революцией результат всемирной истории, мы злоупотребляли словом *предпосылка*, – изобличая операцию обращения былых существований только в наши преддверия, в наш пролог.

– Изменяя людей живьем, советские не желали принять мертвых просто такими, какие те есть?

– Прочитай «Чевенгур», читай Платонова 1930-х – тот в ужасе. Он видит, как, всех загоняя в прологи к себе, мы их всех обратили в мертвых *вместо* оживления! Вместо того чтобы оживить их, отсекаем их в «пережитки» – мертвим. Мертвого прошлого в жизни скапливается все больше.

Мы омертвляем прошлое, допуская его лишь в качестве континуума предпосылок. Уже в 1930-е прошлое – наш упорный враг. Он растет из сломанности старых бойцов, из коварных намерений противников, и мы к этому привыкаем. Как еще в 1937 году всякого человека

можно было изобразить врагом? Это результат первопосылки: раз прошлое *только* преддверие данного настоящего, оно то, чем ты *не* вправе быть. Тогда прошлое надлежит устранить вместе с живыми его носителями – с нами!

Возьмем «дело врачей» – передовую «Правды» 5 января 1953 года, куда Сталин вписывает сокровенную фразу: мы думали, что пережитки капитализма что-то абстрактное, но нет – это *живые люди*, которые бродят среди нас. Что это означало? Они живые, они хотят нас убить – и нам, чтоб остаться в живых, следует *убивать первыми*. Так развернулась каверза, заложенная в первопосылке, что «все мертвые воскреснут, а живые – переменятся».

– **Неожиданный сталинский вывод из Послания к коринфянам.**

– Обрати внимание на распрю людей августа 1991 года. Их первонастроение, когда они взяли верх, – им подарен успех, им дарована власть, теперь *сделать можно все*. Но так же думали все – Ельцин, что ему теперь все можно, Хасбулатов с Руцким думали, что могут все, Дудаев тоже, и еще биржевики и журналисты, и твои солнцевские бандиты. В какой-то момент все противоборство претензий собиралось в точку, где выход один: *убить!*

– **Почему только убить?!**

– Остановить революцию – значит дать ей *термидором* новую альтернативу, либо утопить в крови. Гекатомбы трупов либо вторжение извне. Хорошо тому, кто вовремя терпит поражение, кому Ватерлоо и ссылка на Святую Елену – а каково победителю? Тому, кто вернется с парада Победы?

21. Эпоха Голгофы и Великой французской революции. Термидор как человеческая попытка остановить себя средствами революции.

– Человек исторический, в общем, всегда готов себя переначать. Цепь событий, в которую он встроен, и наследований, которым подчинен, стимулирует утопический мотив – начать все сначала, свободным от всех зависимостей. Человек в истории освобождается от своей заданности и очень сильно, глубиннейшим образом задает себя снова. Привязываясь к чему-то в прошлом как к своей предпосылке или прологу.

– **История повернута к нему расколом сознания?**

– Не только раскол сознания, но и движение расколом. Движение неосуществимостью, создающее собой нечто новое, незаданное.

Движение нелинейно и выражено рядом: *История-Человечество-Утопия-Революция*. В революции оно фокусируется, обретая самую духоподъемную, но и наиболее мрачную ипостась. Люди в истории долго дотягивали себя до состояния, которое можно разместить между ситуацией Иисуса и Французской революцией. Поскольку мы говорим в конце XX века, эпоха от Французской революции до сего дня представима как один отрезок. Единая эпоха, где уплотненно, с предельной интенсивностью, взлетом и с наибольшим падением разыгрывается желание превзойти самое себя. Осуществить неосуществимое и в нем воплотиться.

Но этот же мотив предстанет перед нами как Термидор. Накапливаясь веками, от парадигмы компромисса, заданной Иисусом и Павлом. Опуская гигантское Иисусово предварение, можешь поставить в начало эпохи странное событие – штурм пустой тюрьмы в Париже 14 июля 1789 года, а завершить Всеобщей декларацией прав человека 1948 года. Но можно завершить иначе, например Беловежскими соглашениями. На этом двухсотлетнем отрезке развернулась не только цепь восстаний, ересей и оборотничеств, что очевидно. Столь же развернута и той же напряженности цепь попыток человека *остановить себя* в этом. Самообузданием взыскав новую упорядоченную действительность.

Если история реальна, то здесь она достигает максимума интенсивности. Никогда прежде практикующее сознание до такой степени не соучаствовало во благе и в кошмаре. Не бывало такого, чтобы сознание в той же степени дирижировало всем процессом бытия, как в фильме Феллини. Потому сей двухвековой отрезок (с Иисусовым его предварением, как я уже говорил) можно рассмотреть как *предел сбыточности неосуществимого* – но и как попытку человека уйти, выскользнуть из исторического кошмара. Кошмара, который и есть взлет.

– **Но роль термидоров в этом мне непонятна.**

– Попытка бегства из истории, которая также сама по себе исторична, носит имя Термидора. Потому что Термидор обращен и против Революции, и против Утопии, и против Человечества – на каждую из ипостасей истории он дает основательный ответ.

Против Революции – Термидор направлен тем, что объявляет ее вне закона, противопоставленной добрым людям, обещая, искоренив ее, сделать так, чтобы та больше не повторилась. Впрочем, та продолжается, но уже в формах Термидора.

Против Утопии – Термидор направлен попыткой ее рационализировать, заместив политикой текущих задач. От целеутверждающих скачков переходят к учету проблем. Проблема получает вид задачи и решается либо нет, за ней – следующая проблема. Это царство Поппера, его «открытое общество», где люди просто озадачены, а не пророчествуют о будущем. Изучая, как проблемы решались раньше, они решают новые. Но действительно ли это? Так ли это даже в пределах Запада, а тем более планеты, расселенной в разных мирах?

Против Человечества – Термидор выдвигает нацию, а Истории предписывает концепт национального развития. Возвращаясь к принципу древних: Мир завершен, но не закончен. Полноценная жизнь возможна и в раз навсегда завершенном Мире, разве нет? Я когда-то говорил Сереже Чеснокову – не назад к Платону, а вперед к Платону!

Революция-Утопия-Человечество-История, принадлежащие нам, заставляют отнестись с тем же уважением к Термидору, который – *противореволюция, антиутопия, нация* вместо человечества и «конец истории». Тогда и к людям начинаешь относиться иначе. Термидор, представленный в людях, уравнивает их. Вот Французская революция и Дантон, с его великой формулой отказа эмигрировать, – отечество не унести на подошвах сапог! Вот Робеспьер, который снес голову Дантону и далее посек столько голов, помогаясь равнодействующей по Руссо, что под конец склонил свою голову, не сопротивляясь. Равные? Да, и они нам равня. Деятельность воспоминания не то чтобы параллельна обычному существованию, но не вполне с ним совпадает, – и обе совершаются в одном человеке. Чем нас поравняло, расстоянием? Что говорить, дистанция мирволит; но не только этим.

Вот я смотрю на Карибский кризис 1962-го и думаю – кто сегодня мне ближе: Хрущев или Кеннеди? Или предатель Пеньковский, без измены которого Карибский кризис мог кончиться катастрофой? Если вся эта великая эпоха – подвиг неосуществимого, то она же эпоха, которая сделала все, чтобы неосуществимое – остановить. Не дать ему чудовищно *сбыться в качестве неосуществимого*. Та эпоха моя. Она раздвоена? И я раздвоен.

22. Человек-самообманщик. Заданность и повторное рабство. Мир завершен, но не закончен.

– Все, что происходит с человеком, вообще-то проверить нельзя. Человек ведь самообманщик. Занятый собой человек не может проверить относящееся к нему, он непременно это чем-то подменит. На вопрос «почему?» тоже ответить нельзя, хотя можно высказывать догадки.

Человек – это животное, которое самообманывается. А что такое самообман? Это уяснение себе задним числом, что представлявшееся идеальным оказалось чем-то другим. Что осуществленное оказалось неосуществленным. Выходит, ты себя обманул? Но что бы ты делал, если б не твой самообман?

Человек в огромной степени запрограммирован обстоятельствами, начиная с рождения, воспитанием, унаследованным опытом – с этой точки зрения он почти целиком задан! Но есть в нем щель незаданности. Человек не примиряется, пытается раздвинуть эту щель до освобождения от заданности, – это невозможно, это никому не удалось. Но на этой почве выросли утописты, пророки, революционеры, вожди, харизматики. Строго говоря, все люди делятся на две группы, одна из которых – большинство, отчасти удовлетворенное своей заданностью (вполне ею не доволен никто). А есть люди, которые активно пытаются раздвинуть эту щель, таких меньшинство.

Они и есть герои самообмана. То, что Гегель выразил в знаменитой тезе о хитрости разума. Поскольку мы имеем дело, в общем, с Промыслом, именуемым Абсолютным духом, осуществляющим свое движение, проделывая циклы овнешнений, а овнешнение духа в человеческой истории – это застревание. Он застревает, и ему не освободиться без усилий людей – а усилиям нужна человеческая страсть. Которая всегда совершает больше, чем нужно для освобождения, и за это расплачивается.

Я по устройству ума более податлив на самообман. Плюс обстоятельства жизни, где многое действовало в эту сторону.

Что до Ленина, тот думал, что идет путем истинным и что он свободен. Я допускаю даже, что катастрофа, которая с ним случилась, не укладывалась в его понятие о самообмане. Я допускаю, что Ленин не нуждался и в чувстве свободы – зачем она ему, если есть истина, как он полагал? Помню, до меня дошел несколько смешной смысл фразы: «марксизм не догма, а руководство к действию» – ведь руководство к действию и есть то, что делает истину догмой! В действии нельзя быть одновременно то тем, то иным. Сделав шаг, нельзя застыть в рефлексии – не сложится действие! Естественно, что там, где сочиняют руководства к действию, поначалу допуская гипотезы и варианты, мысль все больше ограничивает себя. И самообман растет. Это уже не доброкачественная опухоль живого ума, а рак деятельного мозга.

Самообман либо некое привычное состояние, либо крушение, пережитое тем, кто опознал свой самообман. Одно дело жить самообманом, а другое – ощутить как самообман всю жизнь.

В конце концов, на чем зиждется христианство? На идее Второго пришествия, которое не состоялось, но задало вектор. Вызвало к жизни духовную энергию, породило движение, организацию, вступило из культа в сферу культуры. Был человек эволюционным существом; был после существом историческим, полагавшим себя в состоянии изменить Мир посредством преобразования в Номо повис. Теперь человек на ином уровне приходит к пониманию того, что знал вообще-то каждый эллин: Мир завершен, но не закончен, другого Мира не будет.

– Приведет ли это к свободе от самообмана?

– Человек – аномалия. Наш предок был обреченная тварь. Некое обреченное существо выскользнуло из своей обреченности и из того, что ее обуславливало, сумев сбыться чело-

веком и не ведая, куда это заведет. Самообман есть уяснение в драматических для человека обстоятельствах, что он попытался делать нечто запретное, противэволюционное, несовпадающее с тем, что вообще человеку доступно. Потому и обреченный Ленин тревожно интересен. Может быть, он из фигур, которыми кончается мир самообмана? Который в равной мере должно назвать миром истории, пытавшимся осуществить человечество – несбыточную эволюционную идею.

23. Тайна Судного дня. Утраченные возможности. Ликвидаторы прошлого – убийцы будущего.

– Таинственная бессмертная фраза о Судном дне: все мертвые воскреснут, а живые изменятся – она ведь прочитывается, что мертвые воскреснут *только* в тех, кто изменится. В каком смысле мы должны измениться, чтобы мертвые воскресли для нас? Это неременное условие и квинтэссенция истории, но откуда потребность в Судном дне? Человек принимает в себя воскрешаемых мертвых, поелику меняется сам, и в меру того, как изменится. Дело в том, что, когда он, перестав изменяться, выйдет за пределы истории – наступит некоторая завершенность. Что тогда: перестав меняться, он повторяется? Нет. То, что он вышел за пределы истории, не означает, что все задано. Можно осознанно отнестись к мировой завершенности и начать действовать уже в рамках нового ее понимания.

Но в истории человек мотивирован желанием переначатся. Он движим этой потребностью, пока не убедится в ее неосуществимости – тем, что обрел, и тем, что потерял. Более всего это выражается в постоянно преследующей нас идее-фикс *утраченных возможностей*. Откуда эта идея, что за «утраченные возможности»? Это ж бессмыслица: утраченные по отношению к чему, и почему – утраченные? Потому что человек видит, что не вполне нов, и слишком дорого заплатил, пытаясь стать новым. Здесь меняется модус.

Россия – страна-пограничье Мира, она опережает и безнадежно отстает. Нечто давая другим, она в то же время не в силах позволить себе то, что есть у них. В России вовсе не умеют работать с настоящим. В ней буквализм понятия «прошлое будущего» доведен до предела: ликвидатор прошлого буквально готовит себя в убийцы всего, чреватого будущим.

24. Российская Федерация – злополучный термидорианец. Неудовлетворенная заявка России на обыкновенность.

– Сталкиваются глубиннейшие вещи. Обрушилась и пошла ко дну *та необыкновенная Россия* – перенапряженная, пограничная Европе себе в укор, себе в страдание. Выдохлась она, кончилась. И люди, которые без нее сами ни на что не способны, кроме как быть обыкновенными, сегодня – лживо наследуя той, необыкновенной! – расстреливают и убивают других людей.

– Вот, казалось бы, самый момент для перехода к хорошей термидорианской политике. Разве это не термидорианская ситуация?

– Мы действительно в коллизии Термидора. Но кто мы в ней? Коллизия по происхождению старая европейская, набравшая силу вынудить или соблазнить всех. Европейским проектом соблазняют всех, кто ни есть на земле. Причастные к тому, что состоялось на Западе, все – невольные доноры европейского проекта, который вместе с тем саботируют. Но ни из чего не следует, что все смогут жить Европой, обязаны заново прожить ее драму, что та им вообще показана!

Россия втянута в драму как соавтор европейской заявки и соавтор сопротивления ей. Не хочет принять Революцию, бунтует против Утопии и свою историю начала, объявив – устами чудака Чаадаева, жившего в Москве на Старой Басманной полтора столетия тому назад, – что Россия вообще вне истории! Буквалистски восприняв идею человечества, Россия рвется в него извне – как та единственная, без которой человечеству якобы не бывать, но без которого не умеет существовать только она сама. Пока не войдет, полностью истратившись на вхождение, и ценой именно европейских своих укладов.

Ведь и Термидор в России не привился. С Термидором у русских ничего не вышло из-за желания *утопизировать саму повседневность*. Не выровнялись История с выходом из Истории, Человечество – с отказом ему во имя Нации. И заменой Термидора пришла *сталинская антиутопия тридцатых*.

В 1993 году Россия выявила окончательную неприемлемость для себя пограничного участия в европейской коллизии. Бессмыслицей поведения и селекцией бесполезных людей Россией сделана повторная *заявка на обыкновенность*. Заявка, которая, как доказал Чаадаев, не давалась ей прежде и не дается теперь.

25. «Мы». Советские люди вернулись домой и нашли там полевых командиров.

– Из всех порождений холодной войны мы, советские люди, – самое трудно передельваемое.

– **Кто такие «мы»?**

– Мы – те, кто идет к единой цели, отсекая всякого, кто пошел к другой. Это Сталин в нас заложил со страшной силой. И я говорю «мы», потому как сам выкормыш времени. А говорить «я» не могу, мне неловко.

Возможно, вопрос «куда?» для кого-то и устарел. Многие на земле уже готовы заменить Цель сетевыми графиками задач: выполнили одну, дальше – следующую... Тогда не обесчудьте: похоронив Цель, вы никогда не избавитесь от полевых командиров вместо цели. Прожить одними задачами можно в немногих местах Мира, жить так всем повсюду нельзя. И мы так не проживем, потому что Россия глобальна, она не страна, а планета. Недавно были глобальными за пределами наших границ, но теперь мы пришли домой. Пришли навсегда, вот главная трудность. Мы только-только вернулись домой, а дома у нас – планета. С братским кладбищем всех русских погубленных альтернатив.

26. Что такое альтернатива и альтернативность в истории? Пример погибшей преальтернативы.

– **Что значит альтернатива? «Мне альтернативы нет» любил говорить Борис Николаевич.**

– Альтернатива – это наличие нескольких способов решения одной и той же проблемной ситуации. Альтернативность превращает жизнь в открытое и в силу одновременности – разновекторное существование. Альтернативность относится к ядру развития, ибо само развитие идет в разных направлениях, и это нам не мешает.

– **Тоталитаризм был политикой выжигания советской альтернативности?**

– При возникновении тоталитаризма не было ни плана, ни расчета, да просто никаких расчетов не было. Было вытеснение альтернативы, опережаемой смертями.

Тоталитаризм негативно опередил альтернативу. Он показал, что там, где альтернатива не вызрела, запаздывает и создает политические трудности, ее можно *прервать смертями*. В качестве ответа на преальтернативность вводится убийство, смерть. Но прежде этого вводят унификацию жизни. Монополия партии при монополии аппарата внутри ее самой питает желание стереть с лица земли *лояльный плюрализм*.

Вот я беру впервые опубликованную речь Бухарина на пленуме 1929 года. Идет спор, при ожесточенных репликах идиота Ворошилова, и Микояна, который тогда Сталину в рот смотрел. Собственно, спор из-за чего? Налогообложение так называемого «кулака», то есть зажиточных крестьян. Бухарина обвиняют, что он потрафляет зажиточным призывом «обогащайтесь!» Ларин, кстати, верно говорил: «Николай Иванович, надо было сказать: не обогащайтесь, а *богатеите!* Это разные вещи». Любопытнейший спор. Бухарин соглашается – ладно, обкладывайте кулака налогом, но по нормативу, установленному законом. А не как теперь, когда применяют практику индивидуального обложения, означающую произвол. Бедняк, организованный в политотдел, и местная администрация, из гражданской войны вышедшая, творят что хотят. Одного обкладывают так, другого иначе – в зависимости от отношения, родственных связей и т. п.

Кажется, о чем тут спорить вообще? Ведь Бухарин за повышение ставок. Он говорит – повысим ставку налога, но сделаем это *законно*. Так нет же – им противна идея *закона!*

Борьба идет вокруг *нормирования самоуправства*. Единство налогообложения вело бы к некоторой «коммунистической нормальности». Человек может сообразовать жизнь с драконовским законом, но ему не сообразоваться с произволом индивидуального обложения. А власти именно важно дойти до *каждого индивидуально!* Предметом борьбы, в сущности, был допустимый объем произвола. Это военно-коммунистический реванш, где подспудно наметился сдвиг к тоталитаризму. Потому что между таким «индивидуальным налогообложением», раскулачиванием и расстрелом правовой разницы нет. Судьба каждого принадлежит монопольной группе, распоряжающейся не только правилами жизни, а жизнью как таковой.

– **Оно тогда было введено, индивидуальное налогообложение?**

– Да, оно стало практикой, а Бухарин потерпел полное поражение. Сквозь эту деталь просматривается весь процесс. То же шло во всех сферах, и в духовной так же.

Но было и советское сопротивление жизнью. Система утверждала себя экстремальностью, и советский человек в экстремальных условиях находил в себе силы сопротивляться. Тоталитарности противостояла человеческая солидарность. Лидия Гинзбург прекрасно описала эту сторону ленинградской блокады. Она говорит: люди оставались при этом так же дурны, как всегда, но знали, есть нечто такое, от чего им отказаться опасно. Отказаться от солидарности значило в блокаду – погибнуть.

27. Была ли у Бухарина «бухаринская альтернатива»? Исключаемые предальтернативы собираются в превентивную однозначность.

– Мог ли коммунизм с человеческим лицом, последним символом которого оставался Бухарин, спасти советскую альтернативу?

– Тяжкий вопрос. В общем виде скажу так: есть даты, когда протоальтернатива проступала, но ее растаптывали и вычеркивали прежде, чем она дорастала до альтернативы: 1923 год, 1928 год, 1934-й. Не говоря о послевоенном времени.

– Альтернатива – чему?

– Альтернатива недемократическим свойствам большевизма. Альтернатива политической монополии, которая не могла оформиться, ни тем более осуществиться в обход нэпа. Нэп долго был стартовой политической площадкой альтернативы. Могла ли Россия стать нэповской при большевиках, обладавших монополией власти? Или для этого нужна была смена партий и сил во власти? А может, хватило бы еще меньшего – одной смены персон?

В одном из последних, мужественных выступлений – докладе на ленинском траурном заседании 1929 года – Бухарин говорит о последовательной цельной «программе», якобы содержащейся в диктовках Ленина. Но именно последовательной она у Ленина не была. Прорывы к будущему соседствуют в ней с вчерашним словом и с верой в возможность осуществить нечто большее, чем военный коммунизм, в рамках монополии большевизма. Бухарин переступить этот порог не посмел и, не пойдя путем ревизии нэпа по-ленински, не дошел и до собственно *бухаринской* концепции нэповской России. Надо было ставить под вопрос политическую монополию партии. Иначе нэп, экономически недостроенный, был политически обречен погубить сам себя.

– Не это ли иллюзия всех советских реформаторов, которые пытались вернуться к «социалистическому выбору», думая о демократизации СССР? Где выбор будущего производит авангард сам, политически и идеологически защищенный от контроля.

– Это верно, все так. Но любая идеология притязает на знание, как надо действовать. Идеология всегда исходит из императива: мы знаем лучшее, и мы вас к нему ведем! Иначе как овладеть умами?

Беда в другом. Вычеркнутые предальтернативы слагались в *однозначность*, превентивно исключавшую *всякую* альтернативность. Однозначность получила персонификацию в Сталине. В итоге возникла система, упразднившая место альтернативного мышления вообще. Теперь система исчезла, но противоальтернативный мозг могущественен как никогда!

28. Теология безальтернативного космоса.

Задано: исключить исключającego.

– То есть сегодняшняя РФ – место, лишь временно покинутое тоталитаризмом, – тот «ушел на базу»? Не демократия пришла, просто тиран вышел, завещав мозг потомкам.

– Что происходит с альтернативой в стране, где десятками лет на бумагах, имеющих значение для понимания происходящего, ставят гриф «Секретно»? Даже Бухарин, уже падший, готовясь давать на себя показания, пишет с Лубянки по правилам аппарата: *весьма секретно*. Ты подумай: это он, зэк, из камеры Сталину пишет – «весьма секретно»!

Надо понять, откуда росла эта мания секретности. Что означал комплекс *враждебного окружения*? Не то, что теперь думают, не глобальный раскол на блоки, грозящий перерасти в войну миров. Нет. То была убежденность в том, что последняя схватка вот-вот начнется *здесь и сейчас, в любую следующую секунду*. Она не один из сценариев: она задана, она непререкаема. Советский человек живет накануне второго пришествия. И этот заданно-внезапный Армагеддон диктует правила всему внутри. Главное из правил заданности – иного не дано!

– «Заданность» у тебя многозначное понятие. Ты не можешь уточнить, что было задано?

– Задано, что альтернативы нам в мире нет. Задано, что *их* мир исключает *наше* существование и мы должны быть готовы к их попытке исключить советское существование – всегда и во всякий момент. Но как быть готовым? *Исключив их существование*. Вот метаморфоза идеи мировой революции – чтобы предотвратить исключаемость нашего бытия мировым субъектом, нам надо *исключить исключającego*. Привести Мир к равенству по отношению к себе. Вот где центральное советское превращение, понимаешь?

Так рождался безальтернативный космос.

29. Человек повседневный. Борьба с повседневностью и ангел-фальсификатор в мире холодной войны. Повседневного человека вербуют в убийцы.

– Homo historicus был сдвоен с Человеком повседневным в едином существе. Один теснил другого внутри общей телесной оболочки; и второй сопротивлялся первому внутри нее же. Смерть, которая переопределяла жизнь каждым тактом, была так же тяжка, невыносима человеку историческому, но он в христианских катакомбах и церковных общинах переносил это состояние. Однако затем в его планетарном существе начался надрыв.

Когда мы говорим о Гитлере и Сталине – у них нет места повседневному человеку, и всякое сопротивление его должно быть вытоптано. Таких-то людей, такой-то народ нужно уничтожить полностью, чтоб остальные навеки отвыкли жить в повседневности. Но во что тогда обратится история? Тогда формула Павла о том, что смертью заново открывается жизнь, обретется на первом же члене – смертью подтвердится лишь смерть.

– В Ленине тоже было определенное сочетание человека исторического с повседневным?

– Да, и повседневный имел законное место в его концепции. Человек повседневный получил у Ленина довольно высокую позицию. Ведь усвоенная им коллизия Чернышевского в «Что делать?» заключена в чем? Автор видит, что его «новым людям» опасен Рахметов. Который подмял повседневное в себе и собой принуждает других. Чернышевский бережлив к повседневности. Но напрямую ту не спасти, и он «на малое время» вводит Рахметовых. А вслед ему придут *добрые злые люди*, то есть обыватели, и это будет правильным.

С этой точки зрения знаменитые смешные гвозди, на которых Рахметов спит, – это *жало в плоть*. Того символического порядка, что мы позволяем апостолу Павлу, но не прощаем Ленину, когда он говорит, что каждая кухарка должна уметь управлять государством. Никто не задумался, почему Ленин не сказал: *каждый рабочий*? Что больше отвечало ортодоксальному марксизму. Но тогда фраза не имела б никакого смысла. Именно у кухарки, обыденного человека обслуги, ее обобранная жизнью обыденность развернется в присутствии субъектом процесса – в суверенность.

– Постой, но революция ничего такого не обещала. Ты за белых или за красных? Если за белых, то должен быть ликвидирован. «Извольте стать к стенке», – пишет Ильич про Устрялова.

– Но в качестве красного ты *должен* стать новым человеком! Что особенно у Платонова гениально заложено. Гоголь-Достоевский-Платонов, этот ряд бьет в глаза. И таинственный императив Чернышевского – вот новые люди, их час настает, но затем они должны *вовремя уйти*. Они хоть и новые, но не смеют и не должны пытаться стать всеми.

Экстреме нельзя быть постоянной, экстреме нельзя дать стать нормой! Экстрема показана лишь как катализатор новой нормы. Новая норма (это идет от Руссо) сидит в человеке, и «новые люди» ее выводят наружу, коль та человеку показана. Вы освобождаете всех? Так будьте добры, сами уступайте место. Новые меняют норму, тот уровень требований, которые люди по доброй воле относят к себе. Единственная их привилегия: кто ниже их, тот низок. Но тут вся коллизия только начинается. В Рахметове исторический человек лишь на время присвоил роль человека повседневного. Но далее мы получим уже Гитлера и Сталина, которым нужно вытравить из себя человека повседневного с тем, чтобы повседневных людей истреблять. Это уже не прежний исторический человек – это *оборотень*. Им обрывается первичное: «смерть задает жизнь» – смерть задает лишь себя самое. И в этом ни рахметовского, ни тем более повседневного ничего нет.

– Не его ли теперь именуют пренебрежительно «совком»? Ощущение ненормальности этого человека: он извращен, ему не дают возможностей, у него все отняли, нет ни нормального быта, ни отдыха.

– Но у него есть звездные часы. Ощущение причастности к истории наполняло внутренней радостью, как по Станиславскому «птицу для полета». В советской жизни важно оспаривание человеком повседневным человека исторического, в ответ на экспансию последнего. Повседневность противится, а человек ее оспаривает. Это оспаривание питает высокую советскую культуру, откуда и происходят ее звездные часы. Но при слиянии, при сталинском схлопывании обоих оппонент исчезает.

– А что с самим человеком?

– Появляется ангел-фальсификатор, Мефистофель самого банального разлива – умелый манипулятор, который ситуацию подчиняет себе.

– Ясно. Человек повседневный был отвлечен человеком историческим от повседневности и соблазнен?

– Отвлечен от порядка жизни как *смысла*. Далее в холодную войну сталинско-гитлеровская ситуация смерти вытеснилась, но чем? Отсроченной глобальной смертью, панубийством. И немедля обнаружилась невозможность примирения с действительностью. С *такой* действительностью примириться нельзя ради любой цели: свободы или открытого общества, социализма или третьего пути. Средства холодной войны несовместимы ни с целью, ни с человеческими намерениями *как таковыми*. Нет ни одного намерения, потребности, внутрочеловеческого зова, который мог быть реализован в рамках холодной войны. Но рамка сложилась – и что теперь?

Разоружаются державы. Внутри них, придя в упадок, разоружается человек исторический – и на свободу выходит *человек повседневный*. Выйдя пустым, он в сумерках истории набрасывается на чужака. Например, на чужой этнос.

30. Опровержение заданности как опровержение смертности. Лишние исторические существа. История есть делаемая история.

– Теперь, побывав на земле и многое испытав, я ясно сознаю, что человек в огромной степени задан. По нынешнему поверью он еще в утробе заполучает характер, нрав, отношение к миру и так далее. Но если и не так, есть семья, среда, нормы окружения, предание. Втесненное представление о том, что было до него, и усваиваемое представление о том, что будет с ним.

– Ты шпаришь по марксову определению, что человек свободен по отношению к чему угодно, но не к предпосылкам, которые его сформировали. Так это история или это заданность?

– Сейчас окончу о заданности и скажу об истории. Если взять во внимание то, насколько человек задан, оказывается: все, что именуют свободной волей или случайностью, – тот узкий сектор реального, где заданность не абсолютна. Но есть обратное движение, идущее от человека. Стремящееся эту брешь, короткий интервал между заданностью и тем, для чего мы проживаем свою жизнь, максимально раздвинуть, доведя до *абсолютной незаданности*. Которую мы можем назвать случайностью или чем-то творчески непредусмотренным.

– **Ты уверен, что случайность тут верное слово?**

– Я хочу сказать, что это обратное движение, стремление раздвинуть брешь незаданности и есть история. Стремление человека раздвинуть зазор, поправить заданность и над ней возвыситься.

– **Опровергнуть смертельную природу?**

– Опровергнуть до полного исключения ее из человеческого существования! И если заданность – тягота, то история – освобождение, несущее в себе будущие тяготы и формирующее вторичную, от самой истории идущую заданность. Так что, когда мы сопротивляемся заданному, мы видим ее уже не в чистом виде, а в смеси, где трудно различить сорта и истоки заданного.

Мы в 1930–1940-е годы каждодневно, каждочасно пребывали в истории, полные естественности своего в ней присутствия. Все, что происходило с нами и нами делалось, – все было в ней, ничего, кроме истории, не было. То, что мы существуем в составе Вселенной, где история далеко не все, нами признавалось, но во внимание как-то не принималось. Все, что не история, было *пред-история*, *до-история*. А понятие «вне истории» воспринималось как негативное: кто-то еще не дорос, не дошел, недопонял и не включился. История ему все равно предстоит, а пока он застрял на входе в нее, циклическим недоноском.

Драма начинается в состоянии человека, где история действительно заполняет для него все. И человек переподчиняется тому, чем и кем история вершится, и тем, кто ею распоряжается, «*хозяевам истории*» – кто в ней господствует и ее выражает.

– **Почему это драма? Просто один из типов сознания, историцизм.**

– Оно драматично, потому что над тобой повисает вопрос: если все вокруг есть история, а ты с ней не совпал – как быть? Ты отщепенец, изгой, диссидент? Лишний человек? Все это пройдено русским XIX веком – мы это пережили, то принимая, то отклоняя от себя. Вещь, непостижимая на расстоянии от темы русскости.

– **Да, и я в юности этим страшно мучился. История вот она, рядом: Октябрь, война, Союз – как мне в нее войти?**

– Раздвинув понятие истории до всеприсутствия – «история Галактики», «история амебы», «история Земли», – мы теряем историю в ее строгом человеческом смысле. *История есть делаемая история*. Потому что человек не только обнаруживает, что он в истории, он ее делает. То, что *история делается*, входит в ее определение.

Что до предшествующего, там мы имеем целые полосы человеческого существования, где нормой были выбраковка и отсев. Отсеянное шло в никуда. Эволюция действует по собственным правилам. Эти правила, хоть и осложнялись такими свойствами человека, как речь, как слово, но еще не до той степени, чтобы слово определяло собой человеческую жизнь, причем определяло ее в формах истории. Однако внутри истории оказалось, что в роли палача слово даже страшной эволюции.

Сегодня легко говорят, что между Октябрьской революцией и Кампучией Пол Пота принципиальной разницы нет. Почему? Не потому что убивали всех подряд и был, как нам теперь внушают, какой-то «геноцид нации». Тут верней говорить о *самогеноциде*, он бывает с людьми. Но и я полагаю, что решающей разницы нет, поскольку в основе *культ результата* – ритуал веры в вездесущую историю, всепобеждающую, ведущую и ведомую.

Часть 4. Категории русской и советской истории.

31. Историческое невежество российских лидеров. История России состоит из цезур.

– Для России губительна роль исторического невежества лидеров, которое устрашающе руководит их поступками. Для нынешних лидеров России непроницаемо темна уже первая оттепель 1950-х, не говоря о страшном и труднообъяснимом даже для современников сталинском сюжете. Что говорить про чаадаевский вопрос и XIX век?

Ельцин заявил, будто возрождает 1000-летнюю Россию. Он что, верит, что Россия тысячу лет была той, какой он взялся ее «возродить», и в таком составе? Он просто ни черта не знает. Русская история видится ему непрерывной, а ведь она – цепочка цезур. Внутри себя она несколько раз рвалась и начиналась заново.

Ни один квалифицированный историк не скажет, что маленькие славянские княжества простым «ходом исторического развития» могли за столетие вырасти в державу, простершуюся до Тихого океана. Эту возможность открыло Москве сокрушительное событие нашествия монголов. Последний центральноазиатский кочевой выброс – не простая пауза в сплошном процессе, а цивилизационная катастрофа домонгольской Руси. Обвал русскости, а там уже – возобновление русской истории заново из руин, в ипостаси *российской*.

Многажды начинаясь, русскость никак не могла собрать своих начал в нечто государственно завершенное. Если у политика-лидера нет сознания этой опасной *прерывности* русской истории, он сам опасен для России. Без сознания страны в ней нельзя правильно действовать, историческая интуиция должна подсказывать государственные шаги.

В России, где предки – в советниках, а кровавые призраки – в наставниках, лидерский масштаб крайне важен. Политике общества следует приобрести вид селекции лидеров, знающих масштаб своей роли. Когда существование страны веками облечено в формы трагедии, нужно, чтобы ее политик посмел войти в трагедию действующим лицом, чтобы он поднял себя до ее уровня.

И вот момент, когда истекают века, – ведь в этом фарсовом декоре Москвы история завершается. А человек, ведущий страну к концу столетия, не смеет стать их воспреемником, поскольку не предошущает финала!

32. Беглецы от власти формируют власть. Русский как человек, втягиваемый во власть. Русский Мир и русское человечество.

– Кто создает из Московской Руси Россию? Люди, беглые из крепостного состояния на свободу в казаки.

– **Русские конкистадоры?**

– Они не конкистадоры, а беглецы, жаждущие воли! Бегут от власти, а та их догоняет, вбирает в себя – и они становятся субстратом власти. Оттого из их среды мог выйти человек, объявивший себя императором Петром III. Все его окружение знало, что он Емелька Пугачев, их это устраивало. Они уже вошли в контекст русской власти-самозванки. Конкистадор тоже бывал беглым бандитом, но это несколько другая фигура. Казаками формируется человеческая плоть властного пространства.

– **Хорошо. А вот с русскими тут что происходит?**

– Почти никто в мире не обозначает себя прилагательным, как мы, прилагательное «русский» стало именем существительным. Спазматическое превращение маленькой фрагментарной Московской Руси в гигантскую Россию просто не сумело выразить себя в этнониме.

Даже при численном преобладании русских пространство не стало *русским* ни в национальном, ни в этническом смысле. Все дело в его происхождении. Откуда и взялась парадигма, в которой работают разнородные течения мысли: что русскому можно войти в человечество, только сделавшись *русским Миром* у себя дома.

С этой точки зрения Достоевский говорил, что ему нужно *русское человечество*. В той же степени, как неправославному Чаадаеву. В такой же степени, как политикам мыслящего движения 1970–1980-х – Александру Михайлову и народовольцам вообще.

Отсюда под конец выйдет Ленин с его русской мировой революцией. Россия – единственная страна, где можно было осуществить Маркса, которого Запад, приняв как мыслителя, отверг как руководство к действию. Зачаток программы Мира миров выступил в форме русского негатива и в этой негативной форме достиг предела интенсивности.

33. Краткосрочность русской истории. Евразийские империи выгоняют внутреннее противоречие наружу.

– Обстоятельство, о котором следует помнить изначально, относится к *срокам*. Русская история началась сравнительно поздно, искать в ней что-либо раньше X века – занятие пустое. А говоря об истории России, то и позже – века с XV-го. И это не самоумаление, а коренной факт – русская скоротечность. Россия – это исторический взрыв.

Она спазматически быстро вошла в Мир, становясь евразийской империей, похожей и непохожей на другие империи. С особой моделью входимости в Мир, образующей вечный фактор ее политики, при любых руководящих идеях или правителях. Экспансия навсегда застряла во властном теле этого организма, слишком быстро проскочившего из детства во взрослые.

Подсознательным русской истории стало *исключение внутренних противоречий выводом их вовне*. А последнее создает новые конфликты. Перешагнув оптимальные границы, государство сохраняет единство только через унификацию и нивелировку, изглаживая внутренние различия. Что достигло крайнего предела при Сталине и обрекло на развал Советский Союз. Но постоянная жертва при этом – русские.

Говоря о России, движении русской мысли и трагедиях мыслящих людей, надо видеть пространственные объемы, в которых это происходит. Их пределы становятся тайной препоной и трагическим стимулом движения мысли и образа.

34. Царь Иван Грозный и евразийские инновации. Государев двор, опричнина и холопы.

– Русскую государственную историю можно отсчитывать от царствования Грозного. Это **Big Bang**, «Большой взрыв» для русской вселенной.

– Контекст мыслей царя Ивана в его свободе обращения с библейскими текстами при пафосе самодержавной власти. Его действительная вера в Божье предназначение и в Божье присутствие при полном разрушении всей прежней личности Ивана Васильевича. Они с Курбским ведут разговор на разных русских языках, его трудно назвать «перепиской». Курбский напоминает, как славно было в первый период царствования, пока Иван вел реформы в согласии с ближними, а царь ему: о чем ты? как смеешь, смерд? кто я и кто ты? Из камней сих воздвигну детей Аврааму! Здесь Россия, входящая в Азию, и Иван Грозный, на царствие восходящий. Недаром народное предание связало введение титулатуры царя с взятием Казани, хотя хронологически все не так.

Об опричнине разговор особый. Веселовский спрашивал, как это Василий Осипович Ключевский не видит, что в основу опричнины взят государев двор? Только-только складывалось компактное устройство московских великих княжений, как прибыло вдруг несметное пространство. Территория, которую нельзя включить ни в уделы, ни в великое княжение. Нет ничего политически готового, во что можно втянуть Заволжье с Сибирью и освоить в государственном смысле. А что есть под рукой? *Государев двор с холопьями.*

И царь Иван нахлобучивает государев двор на все новое пространство. Это опрокидывание холопства на Евразию – гениальная политическая импровизация безумца Грозного, Веселовский совершенно прав. И ясно, отчего Ключевский, желая идти нормативным путем государственно-исторической школы, не принял аномально абсурдный ход царя Ивана.

Высочайший взлет власти далее прокатывается по человеческим судьбам. Парадигма Грозного – холопский отпечаток, который он оставил России. Грозный поэтому главный родоначальник Смуты и соавтор всех будущих смут.

35. Злодеи развития. Царь Петр на Евразийском пространстве экспансии. Крепостничество, колонизация, самодержавие.

– Есть понятие, впервые употребленное Достоевским, но применимое и к человеческой истории вообще – *злодеи развития*. Развитие, осуществляемое злодейством, имея главными героями злодеев, не теряет свойств развития. Но злодейства его переиначивают, а переиначивая – обновляют и драматически обогащают. Не случайно это понятие придумал русский человек и писатель.

Иван Грозный – идеальный злодей развития. Откуда такая вещь, как опричнина? Безумец он или политический гений, даже на это непросто ответить. Человек удельного княжества, малого мира, перед которым вдруг распахнулось, как дар свыше и как возможность, евразийское *пространство экспансии*. Но этот человек не умел решать задачу управления властью при ее спазматическом расширении. От Московской державы, которую сегодня всю проезжаешь на электричке, – к пространству, где авиалайнеру нужен день, чтобы долететь до Тихого океана. Эту непосильную задачу власти царь Иван решал полубезумным, однако новаторским для средневекового человека способом.

То, что он изничтожил носителей удельной независимости, не была лишь централистская акция. Моделью устройства он выбрал государев двор, состоявший из самого государя, его рабов и холопов. Понятие холопства – рабство, но не в обычном юридическом смысле. Холопство было распространено еще в Киевской Руси и становилось чертой, отходящей в прошлое. Царь Грозный его обновил, превратив подданство в поголовность холопства. Холопство стало понятием поведенческим и ментальным. Пушкин трудился над историей Петра Великого, благоговей перед ним. Но всмотрелся в документы архива и отшатнулся в ужасе, говоря, что всё вокруг Петра – рабство.

Что такое колонизация Сибири? Откуда вообще появился тульский кузнец в Тагиле? Как возникла гигантская крепостная корпорация, и Россия вдруг начала экспортировать чугун? Синхронно росту экспорта чугуна идут зверские гонения на старообрядцев. Теснимые особенно царем Петром, при котором усиливаются их массовые самосожжения, *гари*. Понуждая их отказаться от веры, Петр облагал налогом не только бороды. Обкладывали специальным налогом дубовые гробы, в которых старообрядцы хотели сохраниться к моменту Трубного гласа. Подобно Грозному, император Петр – образцовый злодей развития.

Задержимся на слове *самодержавие*, то есть власть единственного человека самого по себе. Это не абсолютная монархия и не пережиток Средневековья. Это автономная государствообразная структура, которая «сама себя держит», сочетая архаику с умением приспособиться к новизне. Не один историк задавался вопросом Покровского – как в рамках такой политически закостенелой системы мог развиваться материальный прогресс? Как внедрялись новации европейского развития, иногда опережающие капиталистический мир?

При цепкой устарелости единовластия в России *не возник институт* правительства – министры прямо докладывали царю, а комитет министров был лишь совещательным органом. Огромна роль того, что звалось «государев двор» и что оставалось архаичным центром власти до 1917 года – и теперь под именем Администрации Президента вернулось в сегодняшний день.

Отношениями холопского рабства пропитана политическая история России. История русской культуры, история русского слова и судьба русских гениев не могут быть рассмотрены вне опытов преодоления рабства в себе и в других. Чехов, говоря о молодом человеке, который

«по капле выдавливает из себя раба», имел в виду и себя, и всех. Мотив освобождения раба проходит сквозь все движение ума и слова в России. В нем пролог и пружина русской истории.

36. «Новые люди» против холопства. Просто рабы и рабы потерянной роли.

– Холопство, то есть поголовное рабство там, где нет его в юридическом смысле, означает рабство добровольное, отчасти неосознаваемое рабом. Это краевое понятие проходит сквозь человеческую жизнь в России.

Есть знаменитое зацитированное письмо с высказыванием Чехова. Он мечтал написать рассказ о молодом человеке, который выдавливает из себя раба, каплю за каплей. Иллюзия, за которую приходится расплачиваться, будто от рабства можно освободиться рывком, сильным действием или поворотом в жизни. Нет, только так – капля за каплей. А стало быть, работы здесь на поколения.

Вообще, *человек задан*. Задан традицией и тем, как его учат говорить. Он перенимает, воспринимает. Всего он достигает уже готовым и всем этим задан. Когда-то человек так выстроился, он единственное из существ, чей детеныш столько живет при родителях. Стало быть, у него есть время всему выучиться. Но он еще и протестует, наше детство – это годы сопротивления. Ты должен выбиться из заданности к тому, чтобы как-то стать самим собой. Заданность свирепа. Она вызывает первопротест – эмбриональный протест человека, желающего выйти из зоны опеки, даже когда та полна удобств.

Сидящее в человеке сопротивление заданности – узкая территория, где он может сделать выбор. Которую стремится раздвинуть до предела, до всей полноты счастья, до абсолюта! Мотив истории и другой ипостаси ее, революции, – в яростном стремлении раздвинуть щель сжатых сроков до счастливой полноты новой изначальности.

Кто эти люди, что в наибольшей мере воплощают жажду выбраться из заданности, – наши благодетели? Или они сооружают другую заданность, замещая прежний режим рабства втесняемым новым? Решающий критерий – *функциональность* «новых людей». Способны те понять, дойдя до политического действия и поступка, что нужны людям лишь ненадолго, на краткий момент, пока преодолевается заданность? Что они, сегодня популярные и всем нужные, должны примириться с тем, что завтра станут вредны? Что им надо вовремя уйти, а не уйдя они – *рабы новой роли*, опаснейшие из рабов, навязывающие свою волю другим.

Можно дать обзор человеческих существований под этим углом – заданности и сопротивления ей. Узкой зоны выбора, при стремлении оптимально раздвинуться, с появлением новых *рабов ситуации* – *рабов своей потерянной роли*. В обличии самозваного рабства они опасны всем, кто за ними пошел. Опасны неготовностью к тому, что теперь им придется творить, зря проливая кровь и примучивая народ к самим себе, втайне мечтающим о побеге. Однако побег уже невозможен. В конце жизни и Ленин – «усталый раб, замысливший побег».

...Как плотен процесс! И это относится не только к культуре. Это же относится к русскому языку, на котором говорит культура. «Слово о полку Игореве» мы читаем в переводах, даже Радищева не понять без словника. Первый настоящий русский философ Петр Чаадаев писал вообще по-французски, и так же говорили между собой сливки русского дворянства.

Тот русский язык, в котором можно воплотить русскость и «написать жизнь» в многообразии ее проявлений, создан одним человеком – Пушкиным. Конечно, он не единственный, но наш русский язык, язык поэзии, прозы и драматургии, язык судьбы – это он, Александр Сергеевич. Итак, перед началом XXI века мы обитаем в языковом пространстве примерно двухсотлетней глубины, внутри которого русский язык прожил мировую историю полностью и состарился. Он познал неслыханные взлеты, эпохи обогащения, но и времена огрубления, варварской регламентации и «канцелярита».

37. Народа нет, но ему принадлежит будущее. Листовка Чернышевского как заявка на народность. Декабристы народней народников.

– Кто в этой схеме народ? Явно не холопы, но кто?

– Народ – мифологема, категория, к которой прибегнет монархия, когда у нее возникает проблема опоры. У постдекабристского царя Николая она возникла впервые. Отсюда идеологическая триада: *православие-самодержавие-народность*, где новым членом и является народность. С чего бы императорский двор ввел в кредо народность, если б не нуждался в опоре? Народ – это искомая, загадочная субстанция – те, на кого нельзя опереться теперь, но кому принадлежит будущее!

Та же дилемма у разночинцев: рассчитывать на народ в его нынешнем виде революционерам нельзя, но ему принадлежит будущее. Что многое объясняет в Чернышевском: да, на народ рассчитывать глупо, но есть моменты, когда народ себя проявляет с энергически бушующей силой. И надо приготовиться к такому редкому случаю. Но дать случайному перейти в нечто постоянное нельзя, поскольку народ для этого не приспособлен.

Отсюда его знаменитая листовка, за которую у советских историков сыр-бор, а Чернышевскому – каторга («Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». – Г. П.). Бессмысленная затея, но по-человечески понятная: дали печатный станок – как публицисту устоять? Костомаров-втируша умеючи в душу влез. Чернышевский надиктовал листовку, не желая, чтобы почерк узнали, да еще перепутал проект реформы с официальным ее текстом. А в чем содержание громкой крамолы? Что там великий революционер предлагает народу? Да ничего вообще! Вас обманывают, то-се, пятое-десятое, а вот в дальних странах есть народовластие... А делать то что? Ничего – ждите, подадим сигнал.

Кому в безграмотной стране нужна такая бумага, отпечатанная на костомаровском станке? Кому она адресована, кроме полиции? Это всего лишь запальчивая реакция Чернышевского на листовки, что уже на выпускали «новые люди», рвущиеся к самостоятельным действиям в обход властителя дум. Не тронь народа – он мой!

Конечно, категория народа в России имела некоторое основание. Были циклически повторяющиеся народные войны, то отечественные, то крестьянские. Было то множество, которое Кавелин назвал *калужским тестом*. Есть его выражение – *в России не народ, а калужское тесто*, всякий пеки, что желаешь, – масса без выделенных интересов, разграниченных сфер, без воли к действию. Русская размазня и неопределенность, а с другой стороны – две мифологемы «народа», два посягательства: абсолютистское и народническое.

Как-то выступая в Институте истории, я сказал (что мне тут же зачислили в «ревизионизм»): ошибался Владимир Ильич – не декабристы «страшно далеки от народа», эти близки, но страшно удалены разночинцы! И оттого далеки, что из народа вышли. Вышли, и отделились – вернуться нельзя, идти вперед не с кем. Русскую армию разночинцам было не поднять, а декабристы умели – да какую армию! Жившую на бивуаках вровень с офицерами, ту, что войну с Наполеоном прошла. Декабристы много народней «народников».

38. Невольный компромисс князя Трубецкого.

– Чем близок мне князь Сергей Петрович Трубецкой – тем, что, потерпев поражение, принял вину на себя? И у него при этом еще хватило чести сказать, что люди ему не судьи. Мне хотелось бы прояснить, как религия произвела духовный перелом в человеке, даже если этот перелом сопровождался принуждением к исповеди, где мы вправе говорить об инквизиции.

Какой смысл Трубецкой вкладывает в слова «жертвы нашей надменности»? Здесь не надменность как таковая, а злоупотребление правом вовлекать в свои действия других, потеря меры в этом. Действующий человек не вправе привлекать других к делу вслепую, но проблема меры в этом всегда открытый вопрос. Ставят этот вопрос или о нем забыли и он стерся из человеческих душ, как произошло у нас? От масштаба не уйти – жили в России, живем и в этой земле останемся. Уйти от поражения? Да – раз наше поражение у нас отнимают.

Надо сказать о самом событии 14 декабря – о его неожиданности. Внезапность того, что было единственно доступно людям, принимавшим решения. И моя память о том, как я сам пережил поражение. Причем не внешнее, как бывало в 1930-е годы. Мы начинали жить в 1950-е и, пройдя уже большой кусок жизни, были снова захвачены врасплох. Поражение зрелого человека – это внутреннее поражение не знающего, чем и как на него ответить. Когда такое случилось со мной, в 1968-м на выходе была наша главная книга – «Историческая наука и проблемы современности». Проблема сузилась у меня до одной: порвать и, уйдя, поставить под удар книгу – либо отступить в сторону *на время*. Но каким ему быть, этому времени?

Князь Сергей Петрович мне близок надменностью и мерой, которые ему надо было связать. Мне тоже мои компромиссы запоминались тем, что все они были связаны с загадкой меры. Где эту меру взять, чем определить? Мера – пространство? Нет, пространство выживает. А вот время, этот скачок мыслей, оперирующих будущим, рассматривая все прочее как помеху...

39. Погоня за временем и «жертвы надменности». Выход ПУШКИНА на сцену. Завязка спора с Чаадаевым. Писатель Гоголь: мертвые души – это мы и наши товарищи.

– Пушкин входит во взрослую жизнь в момент, когда тогдашние «взрослые», в сущности, молодые люди, уже проделали огромный биографический путь. Они вышли из XVIII века, пережили умерщвление Павла, воцарение Александра с его либеральным зачином и падение Сперанского. Они прошли войну 1812 года и европейские походы победителями Наполеона. Михаил Орлов в 25 лет принял капитуляцию Парижа. На них лег отблеск великих дел.

Ниоткуда поначалу не видно, что Пушкин среди них станет тем, кто напишет «Медный всадник», «Капитанскую дочку», «Пиковую даму», великие стихи ухода. Ничем это не предвещалось. Страшное событие 1825–1826 годов низвергло Пушкина и сделало падшим, но затем в нем открыло пророка, принявшего декабризм за вызов себе. Пророку дозволено первым к пророчеству приобщить царя – властителя человеческих судеб и душ. Взять за опору то, что отвергли погибшие друзья – русское владычество над телами и над душами человеческими, – своим пророчеством его наполнить.

Чаадаев говорит: России не бывать. А Пушкин – бывать, но такой, как я ее напишу. Третьим сюда придет Гоголь.

Немыслимо, чтобы кто-либо написал «Мертвые души» до 14 декабря 1825 года. Сцена должна была освободиться, чтоб за опустевшей авансценой проступили эти морды и хари. Гоголь: знакомьтесь – вот я и мои друзья. Кстати, это и вы также – сто тысяч тех, с кем декабристы думали основать Русскую республику, либо, по Пестелю, вычеркнуть из жизни. А они – это мы! Со всей нашей Россией чудовищной.

Отсюда «Пророк» Пушкина и его «Стансы». Отсюда чаадаевская «Апология сумасшедшего» – о том, что Россия будет впереди всех, хотя исходно она ничто. Из ничего – в опережающие, идущие непроторенной Миром дорогой. А Гоголь им всем: миром непроторенная, говорите? Да там у вас пустошь до Тихого океана, и почтовая станция со смотрителем, который всем отвечает: нет лошадей!

Вот что родило в Гоголе образ Руси-тройки, а Пушкина привело к царю Николаю, ради «контрреволюции революции Петра».

40. Пушкин ищет в России личность. Царь Николай как «второй Петр». Совесть – не нравственность, личности прощительно почти все.

– По Пушкину, царь Петр «уже есть целая всемирная история».

– Пушкин упорно искал личность второго Петра в Николае Павловиче. Личность царя нужна его, пушкинской, личности. Пушкин насквозь монархичен, но с выходом на простор личности, внесловной по природе. Николаевский Пушкин избывает вольность. Что для него свобода – не вообще, а в России после 14 декабря?

Свободным лицом признан и призван к действию *обособленный человек*. Не сам по себе, но как личность. Пушкину нужен тот, кто в условиях «нашей проклятой России» способен сам что-то сделать – будь он поэт, будь царь, будь он хоть Пугачев. Поиск личности для него стал политикой.

От тайного общества к обществу вся России вольностью не пройти, раз так – ставка на личность. Но в каких свойствах личность может стать деятелем в масштабе России и, так сказать, *действовать*? Тут важны особые черты, равно свойственные Николаю и самому Пушкину – их тяга к воинственному. Удачливая державность Николая начала его правления. Николай сам человек XVIII века, и Пушкин в нем различает столь ценный им XVIII век. «Вторым Петром» Пушкин отнюдь не льстит и не предлагает царю повторять прошлое: зачем, ведь можно *повторить личность*.

– **А на чем произойдет слом – на личной мелкости Николая Павловича?**

– Нет, на том же Петре Великом – в Петре Пушкин так и не обнаружил своего героя. Личности он простил бы все, однако своей личностью он никак не уловит личность царя Петра. Личности прощается все, если она личность, – *а если нет?*

Тогда наступает час, о котором пушкинский Барон сказал: могилы начинают разговаривать. И на все это будет дан страшный ответ: да все ваши личности – просто мертвые души! Гоголь маниакально твердил, что все, кого он описал в «Мертвых душах», не выдуманы, они его знакомые и приятели. Я не каких-то дремучих помещиков описываю – это мы, это наш с вами круг, Александр Сергеевич!

– **Почему вообще Пушкин думал, что личности прощительно все? Он так же immoralен, как Ленин?**

– До разночинцев в России проблему нравственности не заостряли. Нравственность в чистом виде – категория искусственная, она чревата жутким насилием над человеком. Тема *насилия нравственностью* для русского – важный вопрос. Здесь лучше держаться швейцеровской позиции: чистая совесть – это выдумка Сатаны.

Для Пушкина совесть – это не нравственность. Собственно пушкинская тема в совести – насколько ты личность? Он каждого испытывает на единственное, чем можно устоять на поприще пространства России – пожирательницы времени. Кто в ней сумел что-то содейть, тот личность.

41. Пушкин защищает авантюристов и едких вольтерьянцев XVIII века.

– Отчего поздний, «николаевский» Пушкин всегда защищал XVIII век? Почему так отстаивал его в полемике с Лажечниковым и с Чаадаевым? Ведь XVIII век бедственный для России. За петровские реформы страна платила долго и страшно, повторением разора в людях после державного первотолчка Ивана Грозного. Но вместе с тем то были люди с резко очерченной индивидуальностью.

Целый век прорабатывал русскую индивидуальность. Всплеск индивидуальностей у власти ведет к взлому старобоярской России. Какие судьбы! Алексахка Меньшиков в творцах победы под Полтавой, а после в ссылке в Березове. Гениально неграмотная картина Сурикова точна: если его Меньшиков встанет в этой избе во весь рост, он проломит крышу – такова масштабность индивидуума в тесноте эпохи. Полускоморошья-полугениальная фигура Суворова. *Едкие вольтерьянцы XVIII века*, так о них говорили.

В пространственном модусе (который на деле – особый антропологический масштаб России) оценки поступков идут по иной шкале. На расстоянии утверждая достоинство личностей, Пушкин прощал им все. И я понимаю, почему он всех в XVIII веке защищал, возводя в достоинство личностей, – их не было рядом.

42. Кто такие индивидуалисты XVIII века? Князь Барятинский и русский портрет.

– Уже с начала XIX века Пушкин вступил в спор со своим веком. Это объясняет его настойчивую реабилитацию русского XVIII века в его подробностях, деталях и исторических фигурах. По воспоминаниям Лажечникова: ну никого Пушкин не уступает, даже Бирона! Все ему хороши, все – крупные индивидуальности.

Когда я писал историю партии, мне раз досталась путевка в цековский санаторий, в Марьино. Марьино на границе между Курской и Сумской областью. Еду в Курск, поезд пришел перед рассветом. При восходе солнца подъезжаю к Марьино, попадаю в дивной красоты аллею. Еще поворот – и открылся белоснежный дворец.

Это старик Барятинский, вельможа XVIII века, обладая тысячами крепостных и тысячами десятин земли, уйдя то ли в опалу, то ли во фронду, показал царям, что может построить. В абсолютно голой степи (все, что он настроил, осмотреть можно только с вертолета) – колоссальный английский парк с волшебным микроклиматом. Деревья выписывались из разных стран мира, причем Барятинский знал толк и умел выбирать – все изысканное по красоте, воздуху и вкусу.

К каждому дереву приставлен был крепостной, отвечающий за сохранность. Выписали англичанина, доку по части сооружения системы искусственных прудов. Закончив строить свой парк в степи, с перемежением рощ и открытых лужаек, Барятинский поставил два памятника: этому англичанину и своему крепостному, кирпичных дел мастеру.

Уже в XIX веке такой человек гляделся анахронизмом, а на взгляд молодых людей вырожденцем: дикий рабовладелец! Из старцев, кто «сужденья черпают из забытых газет времен Очаковских и покоренья Крыма». А в XVIII веке князь Барятинский – то ли чудак, то ли опасный анахронизм. Первым в России выстроил крепостным богадельню и открыл школу. В библиотеке Барятинского нашлась рукопись радищевской «Вольности».

На рубеже веков в дворянской культуре образуется провал, цезура. Красочная, экзотично выраженная индивидуальность в обширных интерьерах екатерининского века – непереходима в *личность*. Проблема личности встает как трудная задача, которая ищет себе почву и, не найдя ее, станет трагичной. Но эта недающаяся личность притягивает на несравненно большее, чем едкие насмешники XVIII века.

Необъяснима мощь русского портрета XVIII века: Рокотов, Левицкий, Боровиковский. Почему только в портрете индивидуальность проявляет себя? Все-таки круг портретируемых задан их сановностью и богатством. Но вот индивидуальность проникает вниз и выводит образы Пугачева с его окружением. XVIII век придал такую интенсивность индивидуальному, что оно сделало первую заявку на личность – но здесь застряло. Век, внутренне скованный иерархией, самодержавностью и холопством, не в силах выйти на личность.

43. Пушкин «как вылитый». Оттиск его судьбы в программе русской культуры и тайной полиции.

– В 1937 году в Историческом музее открыли выставку к пушкинскому юбилею – ах, какие там были портреты!

– **Знаменитая выставка. Пушкин у врат Большого террора – неужели ты ее видел?**

– И много раз там был. Но не включаясь в экскурсии, они меня раздражали. Мимо как раз шла одна такая экскурсия. Висят пушкинские портреты, экскурсоводша говорила: вот портрет Тропинина, Пушкин здесь стилизован и приукрашен, а вот кисти Кипренского, этот ближе к подлинному Пушкину. Экскурсия прошла, я стою у портретов, одна женщина задержалась. При моих двадцати тогда она мне казалась старушкой, но просто пожилая женщина. Пристально рассматривает тропининский портрет и самой себе громко шепчет: «Ну прямо как вылитый!»

Ты бы слышал, до чего она восторженно шептала: как вылитый! Я подумал – потрясающе, но что это значит? Она с детства видит Пушкина на конфетных обертках, на рыночных олеографиях, на плакатах. Он ей близкий человек.

Кажется, что Пушкин возникает заново в каждом поколении и живет жизнью, возобновляемой нашими смертями. В случае Пушкина перед нами редчайшее слияние трех начал. Начало содержательности творчества, емкости формы объединяется с началом словотворчества в корневом основании русской культуры – сочетаясь с началом пушкинской судьбы. Вместе это наложило роковой оттиск на будущее русского слова и культуры, превратив ее в мартиролог противостояний, убийств, самопогублений, обрывов жизни. И три пушкинские ипостаси емко открыты судьбе всех сословий России. Они закладывают основание духовной жизни, в которой участвуют все, кто говорит по-русски.

Почему судьба одного человека могла оказаться втесненной в судьбу всей последующей России – рождающей великую литературу и не способной реализовать величие на общее благо в нужный момент? Для того чтобы это уразуметь, нужно освободиться от того, что Маяковский назвал «хрестоматийный глянec». Пора стряхнуть очевидность образа Пушкина, идущую от Тропинина в букваре и Кипренского с конфетной обертки.

– **Что значит пушкинский «оттиск судьбы», не пойму. Разве другие поэты подражали его судьбе?**

– Особенность русской культуры та, что судьба здесь ходит в соавторах. Нельзя сказать: был писатель, а у него была такая-то судьба, нет – судьба и есть автор!

Вот два момента из тайной истории русской поэзии или тайной полиции, как угодно. Молодого Пушкина после его эпиграмм – помнишь: «Романов и Зернов лихой, вы сходны меж собою: Зернов, хромаешь ты ногой, Романов – головою» – везут к Милорадовичу, военному генерал-губернатору Петербурга. Тот говорит – за вами вольнодумство числится, как скажут теперь, «клевета на общественный и государственный строй». Пушкин садится и тут же записывает все свои крамольные стихи – знаменитая «тетрадка Милорадовича», ее ищут по сей день. Милорадович проникся уважением и посодействовал, чтоб его не в монастырь и не в Сибирь сослали, а к Инзову на юг, в Кишинев. Затем была Одесса и спасительная ссылка в Михайловское.

Отчаянный Мандельштам всем читает свое тираноубийственное стихотворение о Сталине: «Мы живем, под собою не чуя страны...» Его везут на Лубянку – и он тут же записывает самый стих, заодно список тех, кому его читал. Дальнейшее известно: заступничество Бухарина, сталинское «изолировать, но сохранить», ссылка в Чердынь и Воронеж. Мандельштама

заперли в Воронеже, но его «Воронежские тетради» – вершина вершин его творчества. Здесь петербургский поэт Серебряного века сердцем и умом открылся России.

44. Карамзин, историк русской власти. Трагедия слабой власти в России.

– Но пушкинские курортные ссылки при томике Карамзина не сравнишь с Чердынью.

– Карамзин с его «Историей» – огромное явление самосознания. Первый историк, который представил русскому сознанию *его* историю на русском языке, и то была история русской власти.

Пушкин к нему подходит двояко. Во-первых, с точки языка: блеск! После «Истории Государства Российского» карамзинскую прозу читать смешно. Главное, что Карамзин представил проблему сильной и слабой власти как центральный вопрос русской истории. Он заставил думать о власти декабристов – ни Пестель, ни Никита Муравьев после Карамзина не могли пройти мимо вопроса о власти. Отсюда линия ведет в Михайловское, в спасительную для Пушкина ссылку.

Треугольник ссылки в Михайловском: *Шекспир – Карамзин – 14 декабря*. В центре пушкинский «Борис Годунов» – трагедия *слабой власти*. «Бориса Годунова» не было бы без первого русского *историка власти* Карамзина. Это он придал *вопросу о власти* силу и размах, которые помогут Пушкину проникнуться «николаевской идеей».

45. Николаевская идея Александра ПУШКИНА. ЧААДАЕВ, настаивающий на своем. Бенкендорф.

– Любопытно, кто вообще интересовался личностью Николая Павловича? Кому нужна личность царя? Политика, цензура, шпицрутены, то-се... а *личность* царя Николая? Неожиданный Николай 14 декабря, и неожиданный Николай встречи с Пушкиным.

– **На литографии его личность властная, но очень холодная.**

– Да, но я хотел сказать про другое. Для чего Пушкину так важно сохранять положение историографа дома Романовых? Николай, вообще говоря, неслабый психолог. Когда Пушкин сделал было попытку уйти, царь сказал: пожалуйста – пусть уходит! Ан нет. Пушкин был одолеваяем Петром, и особенно *вторым Петром* в лице самого Николая Павловича. И чаадаевский вызов он тоже принял внутри отношений с царем – своей «николаевской утопии».

Чаадаевский вызов Пушкин ощутил неспособностью ответить на «Философические письма» одними рассуждениями. На чаадаевскую Россию небытия Пушкин отвечает Россией *небытия-и-бытия* в «Медном всаднике». Евгений бунтует, в сущности, против Николая как второго Петра. Россия бунтующего духа воссоздает из малого человека великого, низвергая великого в его кульминационный момент. Притом что низвергнуть до конца ни тот, ни другой обоюдно не могут! Один осужден на бунт и безумие, другой пригвожден к истории.

Эта заноза вплетена во весь логический и личностный роман Пушкина и Чаадаева, в тайниках его ума постоянно действующий, притягательный и отталкивающий. Выход на генеральную тему: чаадаевская Россия небытия – чем отвечать Пушкину? Оказывается, что Чаадаеву, которому нельзя ответить, оставаясь на высоте вопроса, на его генеральный тезис «мы – вне истории», можно ответить художественно. Невероятная *способность Пушкина вместить все* – Россию живых, живущих, страдающих людей – всех, кто был в прошлом. Таков его опосредованный ответ на Россию небытия.

При внезапности ответа Чаадаеву «Медным всадником» он еще и не прямой ответ Пушкина Николаю. Реакции царя мы обязаны улучшающей переделкой Пушкиным отцензурированного «Медного всадника». Щеголевскую попытку помнишь? Хотели реконструировать первый вариант как якобы доцензурный «подлинный». Шли напролом и попали в воздух. Вроде бы Пушкин занимается переделкой, «пробивая вещь». На деле же, по законам своего гения, в ответ на вызов царя он дает вещи окончательную художественную шлифовку. Тот лаконизм, ту сконцентрированность, неожиданность хода действия, где ни слова, ни звука не пропустить, – меняется все.

А чаадаевское небытие, если внимательно происследовать его письма, споткнулось при попытке Чаадаева перевести его в бытие. «Апология сумасшедшего» была уже после смерти Пушкина.

– **Почему сам Чаадаев не понял и не принял пушкинский ответ?**

– Чаадаев к концу жизни замкнулся в гордом одиночестве, отдающем паранойей величия. Сравни письма обоим Бенкендорфу, где Пушкин утверждает свою необходимость царю, а Чаадаев, юродствуя, самоуничужается – это очень разные письма.

– **Письма Чаадаева Бенкендорфу «философическими» не назовешь. Но и Пушкин писал генералу, рассыпаясь в любезностях.**

– Письма к Бенкендорфу – вещь, которую, говоря о Пушкине, хочется обойти. Сделать вид, что писались по необходимости, а Пушкин унижительно вынужденному общению придал вид литературы. На самом деле Бенкендорф для Пушкина – еще одна ипостась *его* Николая – такого, каким он настойчиво, упрямо хотел его видеть.

Пушкин – гордый человек, а что он пишет Бенкендорфу? Пронесся слух, будто вы уходите, но я думаю о своей судьбе – если такое совершится, в вашем лице я потеряю заступника.

Значит, тот был Пушкину важен как ипостась искомого Николая! Николая, который *может* принести благо, а поелику может, ergo *несет* его для России. Благо, которое роковым образом не сумели принести декабристы – несите вы, ваше величество! Тут правит магия поэзии, претворенная в политику, – *искомое есть суще!* И удивление, как это они в Зимнем дворце его, Пушкина, роли не понимают? Искомость его роли.

– **Искомость Пушкина в данном случае?**

– Пушкинскую искомость Николая.

Бенкендорфа он считал человеком, у которого можно найти защиту или поддержку. Конечно, для Пушкина важны и практические вещи: сохранить за собой позицию историографа дома Романовых, тем самым историографа власти в России. Но прежде всего – внушенное им себе и затверженное на высочайшем уровне понимания (Пушкин был поразительно умный человек), убеждение, что Николай Павлович – тот человек, который совершит *контр-революцию революции Петра*. Так Пушкин верил, в том и была его заветная идея.

46. Пушкин как изобретатель диссидентства в России. Три варианта ответа на чаадаевский вопрос. Герцен. Дуэль как монархическая утопия.

– **Итак, ты оспариваешь одну из любимейших русских сказок – «царизм погубил поэта»?**

– Пушкин и империя, Пушкин и Николай, Пушкин и власть – тема, которая истолковывалась в терминах преследования: поэта ранили, язвили, отравляли жизнь и мешали творить. Начиная от не увидевшего свет «Медного всадника», кончая нелепой строчкой на памятнике, выдуманной Жуковским, и простоявшей до 1937 года – о рабстве павшем «по манию царя».

Все не так! Травимые, стесняемые, ранимые – такой русской темы до Пушкина нет. Она стала его личным постдекабристским открытием, проникая в сюжеты, которые прямо не обращены к ней. Пушкин трагически нов, новизной преждевременного человека, от которого далее пошел отсчет. По Ганди, «Пути в мир нет потому, что мир сам путь» – и в Россию пути нет оттого же. Россия сама путь.

С пушкинской точки зрения, власть и есть Россия, понятая как путь. Тема взаимоотношения Пушкина и царя Николая не сентиментальна, она интенсифицированно трагична. Человечески привязанный к друзьям их пролитой кровью, Пушкин перешагнул через кровь, выстрадав свое перешагивание. Привязанность он избыгает интеллектом, обращенным к России-пути. Поле *николаевского Пушкина* в узлах интеллектуального напряжения тем. И конечно, темы отношения к власти.

В общем, чаадаевская тема получила три продолжения, три разных ответа: пушкинский, гоголевский и Герцена. Гоголевская Россия небытия тоже ведь споткнется на переводе в *Россию бытия*.

– **Между первым и вторым томом – от мертвых к живым?**

– Да! Герценовский сценарий ответа политически наиболее успешен. Но все они никак не могут выкинуть из головы чаадаевское небытие – и каждый, включая самого Чаадаева, искал путь «от – к», к *России бытия*. А первый ответ, самый радикальный и самый гениальный, был пушкинский. Маленький человек выравнивается с Империей, не меняя хода истории.

– **Ценой отказа от могущества?**

– Нет же – для Пушкина могущество и есть власть слова! Власть слова сама масштабом в Россию, потому Пушкину достаточно России.

– **Итак, Пушкин придумал, как властью слова переломить силу власти?**

– Нет, думаю, они с Николаем взаимно нужны друг другу даже в финале.

Можно ведь и дуэль рассматривать как банальный факт светской жизни Петербурга – не будь Пушкин Пушкиным или подставь судьба другого на место Дантеса. Для Пушкина дуэль была финальным решением – ей предшествовала катастрофа его государственного замысла. Руками власти он хотел заставить ту наконец сделать выбор в пользу себя – Пушкина как представителя России в частном деле.

Сопоставь семейную ситуацию Герцена с ситуацией Пушкина: ненормальны обе. В обеих соучаствуют коварство, подлость, безразличие друзей. Много ингредиентов дают адское варево. Но Пушкин вообще не ищет решения запутанной личной ситуации. Ему нужно возвести дуэль из семейной развязки во всероссийское событие: показав, как *власть в лице русского царя оберегает честь русского Слова*. Ничтожества покусились на честь *его и России* – оскорблено величие Слова. Тогда власть русского царя вмешивается и разрубает узел, закрепив их союз. Пушкин навязывал выход, при котором Николай возьмет под защиту его не как

семейного человека только, а как вторую Россию, равную Империи! И терпит окончательную катастрофу проекта. Банальность дуэли лишь подчеркнула гибель великого замысла.

Пушкин построил здание по политической утопичности, масштабности – и по неисполнимости, конечно, гениальное, как «Медный всадник». Все, что связано с его финалом, уже не быт, а история Государства Российского – по Пушкину, не по Карамзину.

47. Конец тирании НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Хрупкость империи и ее успехи. Утопическая спекуляция графа Витте.

– У Евгения Викторовича Тарле в «Крымской войне» хороша глава о царе Николае Павловиче. Тарле говорит, что Николаю после 1848 года казалось, что ему можно все, как Наполеону после Аустерлица. В такой момент формируется не авторитарный, а *тиранический режим*. Тиранические режимы отмечены убеждением, что они *действительно* все могут. И факты долго подтверждают эту уверенность, пока не наступает ясность: finite – вчера еще все, а сегодня уже ничего нельзя.

Был колосс Российской империи, вся Европа дрожала, и вдруг надлом. Неудача в ничтожной периферийной Крымской войне. Но ее хватило, чтоб сокрушился и покончил с собой царь Николай. А ухода Николая Павловича хватило, чтобы все в империи сдвинулось.

Говорят, нарастали предпосылки капитализма в России, которым следовало дать ход – все вранье. Так совпало, что покончил самоубийством царь Николай и воцарился Александр Николаевич, плакавший над «Записками охотника». Можно рассмотреть, какую роль играли человеческие цепочки. У Герцена друг профессор Кавелин, а Кавелин вхож в Михайловский замок к великой княгине Елене Павловне, великая княгиня – к царю... И вот уже «Колокол» читают в Зимнем дворце.

С одной стороны, падение царя: страшное дело, когда рушится человек, казавшийся России небожителем. Все расплывается, но тут же являются и разные возможности. С другой стороны, система крепостничества. Таким крепостничество не было нигде в Мире, кроме России. Это не «экстенсивный феодализм», а интенсивная система, умевшая беречь человеческие жизни на свой лад. Песни о том, что «крестьяне жили все хуже и хуже», вымирали – легко опровержимая байка. Но к тому времени в Европе начался бум, и капитализм вышел на новые связи – железные дороги, банковский кредит. И в экономике России все пошло странным путем, от средств обращения к производству. Комбинация «банки – железные дороги» дала послекрымской империи шанс стать мировой державой заново.

Врут, что роль России угасала, – ничего подобного. К концу XIX века Россия была не менее могущественна, чем Англия, и кое в чем даже ее оттирала. Борьба за Иран и Среднюю Азию шла с заметным преимуществом для Санкт-Петербурга. Далее гигантский проект Витте – Транссибирский путь с продолжением в Китай. С коварной идеей опустошить парижскую биржу в пользу России.

Вспоминаю, как впервые открыл одну вещь – действительно открыл. Занялся синдикатами и монополиями при царизме: казалось, где крупные корпорации, а где царизм? Вещи будто несовместимые. Приехал в Ленинград, беру фонд Совета министров и с удивлением вижу – какое место в работе этого «архаического» якобы правительства занимали акционерные и финансовые операции.

Брали займы на короткий срок под любые проценты, сознательно – «пока мужичок выдерживает», так и говорилось. На заемные деньги строили железные дороги, под них – металлургические заводы, угольные шахты и так далее. Внутренние накопления шли на армию, чиновников и дворянство – зачем? Чтобы средствами дипломатии и войны взять побольше азиатских рынков. Считалось, что русские долги парижской бирже, все проценты вместе с займами выплатит миллиардоголовая Азия, став колонией необъятной России. До кризиса 1900 года с этой финансово-евразийской утопией все шло прекрасно, только потом стало рушиться.

Россия всегда модернизировалась только так. Обручами власти стянутая Евразия решала свои внутренние проблемы, вынося их вовне! Всякий раз кто-то падал и его добивали, либо

он кончал с собой. В сущности, большевики обновили комбинацию Витте на иной основе. Гигантскую стяжку пространства с выбросом проблем вовне провели по-другому – через мировую коммунистическую революцию! А когда с той не вышло, выскочил нэп и был задавлен, поскольку к держанию пространства нэповская Россия оказалась непригодной.

48. Пространство наперегонки с временем в России. Чичиков как триумфатор.

– Время в России как-то связано с пространством. Для евразийской беспредельности России отношение к *времени* всегда актуально. Причем не к времени протекания событий, а к *времени как к таковому*. В русской культуре сложно выражено соотношение прошлого и будущего, со встречей их в настоящем. Во времени нас что-то тревожит, пугает. Пространство теснит время и само пожираемо им.

Пушкин вечно в пути, в дороге. Вместе с тем у него беспокойно-заботливое попечение о прошлом, их спор с Чаадаевым и в этом отношении характерен. Пушкин опасается, что Чаадаев отнимет у русских, и персонально у него, Пушкина, прошлое. В том, как Пушкин яростно отстаивал любого человека XVIII века, есть влияние Вяземского, но это частный момент, и еще кто на кого влиял? Отношение Пушкина к XVIII веку: не смейте отнимать!

Есть и прямо противоположное чувство *аннигилированного времени*, связанное с пространством. Время в «Мертвых душах» не присутствует как время. Образ пространства масштабирован перемещением чичиковского экипажа, Руси-тройки, в паре с Чичиковым.

Народная и национальная культуры всюду не вполне совпадают, но в России не совпадали существенно, вводя в препирательство времени с давящим, цепким, отбирающим пространством. Время здесь то сжимается, то раздвигается, то аннигилируется. То прошлое отменяют и будущее разрастается до гипертрофированных величин – то снова затем откат к пространственной хватке.

49. Логический тупик чаадаевского коана. Ставленники Петра Яковлевича.

– Письма Чаадаева были восприняты лишь несколькими ударными местами из скандального первого письма – один «Некрополис» чего стоил! Прочие семь писем остались вне обсуждения. Логически упорядоченное извержение мысли остается извержением при всей упорядоченности. В конструкции Чаадаева не воспринята его странная главная мысль, с зазорами в составных частях.

С одной стороны, мы, русские вне истории. Быть вне истории – значит не иметь универсального прошлого, а тем самым и надежного будущего. Россия вне Востока, но она не приобщена и к Западу. Запад испытал бурные эпохи, полные кровавых страстей и греха, но те закрепили за мыслью место в человеческой повседневности. Перешагивая через декабристскую попытку, Чаадаев соединяет соучастие в мировом процессе с поворотом к повседневности, где только и можно быть собой человеку. Соединяет напрямую: вот ваша почва, сударыня!

– **Что его не устроило в декабризме? Зачем он его пнул в «Письмах»?**

– От декабристов Чаадаева оттолкнула слабость попытки, ее недостроенность до участия в мировом движении рода. Ему важно понятие *воспитания человеческого рода*. В то же время декабризм остался чужд русской повседневности, он не там и не тут. Чаадаев понимал повседневность так – в жизни должно быть нечто чарующее!

– **В России он чарующего не нашел?**

– Письма и посвящены трудностям личного поиска. Выходя из русской межумочности и приобщаясь к мировому воспитывающему движению, уже не посягаешь поменять судьбу всех людей разом. Чаадаев видит в человеческой повседневности религиозное движение мысли, совпадающее с движением к Царству Божию на земле. Он склонен к активной провиденциальности. К христианскому несопадению – где целое предрешиено, требуя вместе с тем активности каждого по его доброй воле.

Применив это к России, Чаадаев заострил русскую межумочность. Отклоняя «честолюбие сиюминутных перемен», Чаадаев требует связать повторяемое Россией воспитание человеческого рода с новой повседневностью – религиозно приобщенной и открытой личному действию. В его конструкции ощутим логический тупик, который далее развернется в *логический роман* Герцена.

– **Где же тут логический тупик?! Все увязано.**

– Но как это сделать? Мы вступим в человечество, только повторив у себя в России воспитание человеческого рода. Притом что найдем мы себя, только *уже* вступив в человечество. Первое и второе исключают друг друга. Мы не стоим в ряду цивилизованных народов Европы, замиривших тысячелетние распри порядком и строим жизни, – и не станем собою, пока не войдем в их строй. Но ведь войти и нельзя, не повторив всей Россией воспитание человеческого рода!

Как выйти из круга? Чаадаевский вопрос скрыт под видом отрицательного ответа. Вопрос закодирован, хотя истинно остается вопросом – вопиющей неясностью и зовом к действию, форм которого Чаадаев указать не может. Лишь позже им будет написана «Апология сумасшедшего». В «Апологии» Чаадаев уточнит, что у России все ж есть путь вхождения в человечество, и он имеет форму глобальной дополнительности. Путь России задевает не только русских, он уже не только наше внутреннее дело: войдя в европейскую вселенскость, мы саму Европу меняем своим вхождением!

Вот откуда выйдет политический Герцен – неважно, читал он «Апологию сумасшедшего», или Чаадаев развивал эти мысли еще в московских беседах. Герцен вышел из чаадаев-

ского «не быть». Тут в общем коконе и западничество, и славянофильство. Ученичество Герцена зафиксировано его словами в письме: покажите Петру Яковлевичу, я его ставленник!

50. Форма как заговор. Достоевский после каторги – продолжение «Мертвых душ».

– Как движением слова творится реальность, которая однажды пересилит реальность Империи? И что происходит с человеком при этом? Форма – вот что превосходит содержание, образуя человека на том уровне, где иначе его подвигнуть нельзя.

Помню, как-то раз я себя плохо чувствовал, дело пахло первым инфарктом. Был я в Моженке, один в целом доме отдыха. И нашел там «Мертвые души» в дешевом издании с бумажным переплетом. Сознаюсь – со школы не читал, дай, думаю, перечитаю про помещиков и кувшинное рыло.

Открыл и был потрясен: я такой книги не читал вовсе. Какие там Ноздревы, помещики да чиновники? Поразительное движение слова. Едва начинает разворачиваться период речи, как движение сюжета уводит на невероятную глубину. Кажется, все и так уже неизмеримо глубоко, а слово ведет и ведет глубже. Такое изнеможение я испытывал, слушая Бетховена – кажется, все, никакой возможности нет более, а что-то продолжает бить из глубины.

Безумец Гоголь думал, что пишет про близких знакомых. Прежде мне это было непонятно, принимал за выходку гения. Да нет же – он окружающих абсолютно реально так воспринимал, обряжая их в тела каких-то помещиков. У Гоголя «Мертвые души» натуральны, все персонажи – функциональные телесные маргиналы. Они подвижны, но они не при жизни. Гоголь верил, что во втором томе откроет, как извлечь людей из ветхого тела, и по-пушкински «напишет им жизнь». Но все оборвалось первым томом – второй том движения лишен. После первого тома книга не могла найти продолжения, Гоголь зря делал страшные насилия над собой. Зато вышедший из каторги Достоевский – вот где второй том «Мертвых душ»! Все, что было у Достоевского, – это его жизнь после его смерти. Смерть человека, пережившего миг, когда его накрыли колпаком для расстрела. Затем прошедшего каторгу.

Достоевский разрешил гоголевскую коллизию: в первой части «Преступления и наказания» им сказано совершенно все – Гоголь договорен! Уже ни прологов, ни разворачивания экспозиции, с самого начала – действующий вулкан. И когда, казалось, все исчерпано первой частью, сказано и завершено – так нет же! Является кошмарный следователь Порфирий Петрович с группой бесов помельче.

Мы с Игорем Виноградовым, он у нас «достоевсковед», как-то заспорили о Порфирии Петровиче, и я ему говорю – видно, мы с вами разные книги читали.

51. Взрывоопасные банальности Достоевского. Ставрогин.

– Поскольку высшая истина банальна, решиться взойти до банальности мог только великий художник. Достоевский разве не банален? Чрезмерно банален. Тут много обстоятельств, есть субъективные – шумиха вокруг его появления в столице после каторги. Носимый на руках мученик, кумир либералов-шестидесятников, автор «Мертвого дома»... Как вдруг дикое желание врезать всей этой образованщине, показать ей, что он другой крови! И пошло, и пошло.

«Идиот» и «Бесы» равны своей властью над читающим, его ощущением выброса из глубины чего-то грандиозно-первичного. В обоих романах есть несоответствие побудительного первозамысла, под которым вдруг разверзается нечто. «Бесы» выросли в вещь, пошедшую бесконечно дальше желания автора поквитаться со своими 1840-ми годами, – а оно есть тоже и явно проходит насквозь. И «Идиот» перерастает свой странный детективный сюжет с банальным треугольником Мышкина, Рогожина и Настасьи Филипповны. Почему этот роман так пронзительно важен для человека? Странно, что его вообще читают. Когда этот Мышкин встречается, что он мелет? Всякую чепуху. Первую попавшуюся мысль, какая в тот момент пришла автору в голову, он ему вкладывает в уста – например, о роли аристократии. Какая аристократия – почему вообще Мышкин должен это внушать кому-то?

– **Когда я в школе читал «Бесов» впервые, меня осенила школьническая догадка: Мышкин – это воскрешенный Ставрогин. Которого в Швейцарии вынули из петли и откачали. Однако исторический прототип меня опровергает – Нечаев был явно не Идиот.**

52. Персонажи сороковых и пятидесятих годов XIX века. Ставрогин как разрушитель идеи «Бесов».

– В комментариях к «Бесам» принимают за не подлежащее сомнению, будто Петруша Верховенский и есть Нечаев. А не предпринял ли Федор Михайлович более глубокого хода? Не расщепил ли он образ Нечаева на Верховенского и Ставрогина, выделив в этом, чужом ему человеку сторону, от которой себя оторвать не мог? Которая в чем-то и его сторона? Тогда только ощущение автобиографизма этой вещи приобретает предметность.

Достоевский расщепил фигуру Нечаева на спектр типов, от менторов до активистов низменного склада. Не случайна тут даже фигура Бакунина. Знаменитые люди 1840-х годов, того же склада, что сам Достоевский и Щедрин, или противоположные им Катков и Кавелин. Эти четверо в 1860-е годы участвуют (да еще как участвуют!), в чем-то оставаясь выше прочих людей 1840-х. До старости они несут отпечаток первенства – пусть, как у Каткова, вывернутое, опоганенное ненавистью, оно все-таки в них сидит.

Ведь Ставрогин в контуры нечаевского дела никак не укладывается. Он взят в контуре глубинной вины предтеч, заводил, духовных инициаторов. Более глубокой, чем вина исполнителей, – вины, страшной ее идеальностью! Ставрогин и не из когорты «отцов», к 1840-м годам его не привяжешь. Он где-то между ними и исполнителями, рвущимися к прямому действию, героями однозначных проектов. С этими он свой – но свой и с идеалистами 1840-х годов, оставшимися не при деле и обреченными на праздность ненужного присутствия. Ставрогин между теми и этими.

Кто он? Он из конца 1850-х – начала 1860-х. Когда Чернышевский с трудом подсчитывал на листике, сколько новых людей на всю Россию – пять-шесть или семь? Ставрогин где-то там, где Рахметов.

Достоевский пробивается к пониманию человека, которого он видит новым – по отношению к старым новым, которых ранее провозгласил *новыми людьми* Чернышевский. Новыми их признавали в 1860-е, и они себя такими считали. Но чем они разъясненней для него, чем понятнее в сюжетном планировании, тем неожиданней автор в своем тексте.

Текст романа вырастает из крушения прошлой ясности, когда схематика перерастает в нечто удивительное, несводимое к заветной мысли одного человека. Вот у Достоевского полно записей, набросков, уже задуман Шатов, Степан Трофимыч, и Верховенский-сын намечен: все есть. А роман не строится – нет центральной фигуры. Все необходимое для «антинигилистического романа» есть – но роман не роман, и автор его не Достоевский. Нет превращения банальности в откровение, заранее не известное автору, но открывающееся ему как истинное.

– А что, Ставрогин появляется последним?

– Конечно! Все стало меняться летом, когда он уже писал роман о Ставригине, из сердца своего, пошли бесконечные эпилептические припадки, и работа прекратилась. После этого автор сел и написал новый роман. Все существенное из ставрогинской биографии, его прошлые идейные порывы, что разработано в предварительных записях, – одним махом вынесено за кадр. Ставрогин начинается уже погасшим, не нашедшим соответственного дела, но и не смиренным с утратой. Во время припадков автор видел в нем свет, движение, его странность...

– Это что же – болезнь автора над романом или болезнь как авторский способ письма?

– Это Достоевский. Иначе картина романа становилась для него мелкой, теряя ландшафт. Плоская равнина, где суетятся заранее обдуманые персонажи.

В Ставригине и Бакунин есть, и Рахметов, и Нечаев. А еще есть, страшно сказать, сам Федор Михайлович! Его прощание с социальной идеей, при невозможности уйти от нее, не

признав, что она – его личная, неотрываемая. Изгнание бесов для Достоевского столь же литургично, как Воскресение Христа или Второе пришествие. Но изгоняют бесов разве из чужаков?

Культура, оппонирующая истории, оппонирует не столько низменному и случайному – она оппонирует вершинам истории. Возвышенному культура возражает своей трагической *неидеальностью*.

53. История как оппонент культуры. Лермонтовское в Достоевском. Первородный грех.

– Здесь мы прощупываем важное определение культуры по отношению к истории: *когда история лишь возникала, культура уже была*. История – юный противник культуры. Мощный, побуждающий, с огромным запасом неизрасходованных сил. И конечно, с глубокой *чуждостью* понятиям добра и зла. Соответствующее место из Бенямина об истории превосходно!

Ставрогин, вокруг которого все строится, а он так и остался непонятен – почему все вокруг него? Чем он центрирует вещь? Почему так привлекательно-страшен? Это не гоголевская традиция, тут что-то от Лермонтова: «Печальный демон, дух изгнания...»

Скрытое противоборство в его страшной тяге к Демону и к Иисусу – воля и тайна выбора в человеке. В конце концов, что значит эта следующая мудрым векам притча о первородном грехе? Первое узнавание человека о самом себе. Первое, что он узнает, – он грешен. Но ведь различие между грехом и виной кардинально, понятие вины придет много позже. А первородный грех что за идея? Почему она так рано пришла, так укоренилась и не уходит? Что она нам с тобой – всерьез, совершенно серьезно – что она говорит?

Встанем на историческую почву: человек, убивающий другого человека, не знал за собой вины. Волошинский стих гениально точен: «Когда-то дикий и косматый зверь, Сойдя с ума, очнулся человеком». Начинается блуждание и безумие. Очень рано закладывается основание, откуда вырастет потребность человека в истине. И рано заложенное, оно рано приобрело трагическую окрашенность спора с собой. Ранний Homo sapiens уже был трагичен – не мы его так воспринимаем, а он сам, на праязыке своем догадался о своем уделе и хотел в трагедии его избыть.

54. Советское человеческое пространство. Как стать сувереном своих невзгод?

– Ни одна страна не знает в своей культуре такого числа смертей. Тут дело не в цифре, они не внешний фактор и не результат преследований только. Здесь непомерность тяготы, которую культура взвалила на себя, вступив в сотрудничество с непомерной властью.

Но есть особое человеческое пространство. Евразийское, советское, человеческое. Оно создано словом и судьбой культуры. Не только содержанием культуры, но и ее судьбой, бесконечным мартирологом русского народа. Эту проблему человеческого пространства нужно сделать внятной, довести до мыслимой конкретности, но сперва ее нужно ощупать мыслью. Она не славянофильская и не западническая, и не симбиоз того с этим – она просто иная.

Сейчас критический момент, нам надо выиграть время, чтобы дать выйти другому поколению. Это тот случай, как у евреев. Сколько их Моисей водил по пустыне – надо было выиграть время.

– Выиграть время для чего, собственно?

– Надо попробовать найти пропорцию между естественным процессом, дав ему идти самому, и текущим администрированием, направленным на то, чтобы избежать катастроф и большей крови. Чтобы все попробовали пожить врозь со своими невзгодами, ощутив себя *суверенами невзгод*. Тогда они смогут стать и суверенами воскресенной жизни. Пока же одни повторяют, что невзгоды у них «сталинистские», а у других «все беды от русских» – воскресенной жизни для них не будет. Станьте суверенами своих невзгод, станьте хозяевами своих несчастий! Они вам не подкинута, они ваши!

Ужасно это привычное отношение к происходящему как к внешнему по отношению к нам – над нами, видите ли, «октябрьский эксперимент» учинили. Над теми, кто так верит, действительно учинят еще не один эксперимент. Только став хозяином своих страданий и несчастий, человек воспринимет как человек.

Все воспринятое как наружное по отношению ко мне, оно же на деле внутреннее. В этом смысле даже на высоком уровне, там, где были главные откровения, – там и большая опасность. И это также русская традиция: Солженицын как позиция ныне опасен! Его основная идея – что все, с нами случившееся, было наружной порчей нормального, «исходно чистого». Вот где ключевой вопрос и злоба дня. В очередях не пойдешь его искать. Люди, верящие, что беда к ним пришла извне, теперь ждут, что и выздоровление придет извне.

– Тогда дождемся кого-то поздравей? Этим новые идеи, мне кажется, не нужны. «Порвалась связь времен».

– Выйдет поколение, которому станет интересно, что здесь было раньше, до них. Оно будет спокойным и внимательным костоправом. «Порвалась связь времен» легкомысленное переложение шекспировского диагноза в «Гамлете». В подлиннике «Время вышло из своего сустава. О, проклятье! Злая участь приговорила меня стать костоправом». Пастернак переводом ослабил и испортил это место. Советский век вышел из своего сустава, вот где коллизия.

Часть 5. Ленин. Советский мир как русский.

55. «Мы пойдем другим путем». Тезисы о биографическом Ленине. Фактор Чернышевского.

– В Институте истории шло длинное заседание, посвященное единственному вопросу: говорил Ленин «Мы пойдем другим путем» или не говорил? Часами обсуждали, пока я не убедил, что Ленин этой фразы сказать не мог.

Семья Ульяновых рожала парами: Александр с Аней, Оля с Володей, наконец, Маняша с Дмитрием. Говорю, представьте сцену: мать в Питере, дети узнают из местных симбирских газет о казни брата. Тогда еще была жива его сестра Оля Ульянова, яркая девочка. У Оли страшный истерический приступ – упала на пол, бьется и кричит про царя: «Я его убью!» А брат Володя, стоя над сестрой, декламирует: «Нет, мы пойдем другим путем!»

Я их спрашиваю – вы бы в этой роли как выглядели? Но чисто политически говоря, такое мог заявить тогда кто-то из двух: марксист либо либерал. Легко доказать, что в 1883-м Володя Ульянов марксистом не был – вам угодно, чтобы Ленин был либералом? Тут они мне: ладно, не будем этой фразы упоминать. Сейчас рассказать – посмеются, а ведь три часа обсуждали вопрос!

Теперь доказано, что это вообще написала не Мария Ильинична. Это ей в редакции «Пионерской правды» или журнала «Вожатый», забыл, поправили фразу, чтоб добавить риторического шика. Кстати, не думаю, что ошиблась, но ее память сдвинула событие во времени. Вероятно, это было позже, когда на судьбу брата наложилась судьба Федосеева, этического марксиста, который, будучи оскорблен товарищами, покончил с собой в Сибири. Его самоубийство сыграло роль и в выборе Лениным своей судьбы. Вот когда Ленин решил, что пора освободиться от нравственного диктата среды, он мог бы сказать нечто подобное.

– Слушаю тебя, и кажется, что в случае Ленина дело не в том, чтобы узнать о нем нечто новое, а забыть кое-что из того, что знаем! Как бы ты изложил вехи его биографии? Коротко и по пунктам – для невежды.

– С одной стороны, о Ленине известно все. Русские корни, что предшествует марксизму и что уже внутри его. Что предшествовало влиянию Плеханова, а что от Плеханова. На самом деле все не так – не одна родословная, а несколько, и все в сложном отношении друг с другом. Что Ленин наследует Марксу, нет сомнений, а что Маркс его предшественник, сказать уже слишком смело. Идейная родословная Ульянова строится на нескольких скрытых альтернативах: Маркс, который не мог быть осуществим в России, – и Чернышевский, наиболее утопичный как раз в наиболее им продуманной антропологии.

Тезисно: у Владимира Ульянова нет предваряющего политическую биографию этапа, демократического или либерального. Однажды в нем произошел перелом, встретились Маркс с Чернышевским, и с этого начался Ленин.

То, что Ленин вышел из Чернышевского, бесспорно, документировано и бьет в глаза. Но отношения его с Чернышевским неясны, как неясен сам Чернышевский. Чтобы нащупать тайну незапрограммированного преобразования Ульянова в Ленина, надо коснуться *непрочтенного* Чернышевского. Выросший на рахметовском образе и традиции, Ленин не увидел в этом «Что делать?» криптограммы-завещания кончившего политическую жизнь Чернышевского – идеи *добровольного ухода* «новых людей». Сколько Ленин ни читал этот роман (видимо, перечитывал его не раз), этого он оттуда не вычитал.

Тезисно: не терять мысль о *перенагнетении нравственности* в мыслящем движении XIX века. Думаю, если в Ленине было нечто рахметовское, то было в нем и что-то ставрогинское, что еще надо пояснить и понять. В связи с этим тема «Бесов» должна быть конкретизирована.

Тезисно: к теме его имморализма. Я употребляю это слово не потому, что оно абстрактней «безнравственности». Безнравственность предполагает умысел, а *имморализм* Ленина – глубокое равнодушие к нравственной стороне, ввиду неприложимости ее к делу всей жизни. Тут чистое желание осчастливить людей – и помеха в виде моральных табу.

События начальной жизни превратили его из тургеневского юноши с копной белокурых волос, еще без выраженной азиатской раскосости в другого человека. В Ленине что-то обратилось, замкнулось и очерствело. Вошло прямым изгнанием из себя нравственных побуждений за ненадобностью, признанием их вредной помехой. И в той же степени как чтение «Капитала» и погружение в Чернышевского – две смерти, старшего брата и Федосеева, задают всю его последующую жизнь.

Тезисно: шел к себе, значит, обособлялся, отделял себя от чего-то и кого-то как чужого. Путь начинается с первых неудач, с поражений и их восприятия. Поражением Ленина стал петербургский «Союз борьбы», который у нас считают ленинским началом. Он начинает формировать партию в виде «Союза борьбы», а тот и название поменяет, пока Ульянов сидел в тюрьме.

Сразу ли пришло понимание поражений? Нет, с запозданием. И первая часть родословной – мостик ко второй. Поражение, ставящее вопрос, чем должна быть партия социал-демократов в России и для чего ему нужна партия, собственно говоря?

Перекрещиваются ссылка в Шушенское, идея партии и поездки за границу. Плеханов и те, кто вместе с ним уходил от народничества к марксизму, мыслили партию по образцу европейской, то есть немецкой социал-демократии. Но главные идеи насчет партии Ленину дал в 1895 году Аксельрод, во время заграничной его поездки. Тут становится ощутимо возвращение его к концепции «Народной воли».

И в завершение – «Развитие капитализма в России», где Ленин пытается ответить на вопрос, заданный Марксу Даниельсоном, не подозревая о существовании их переписки. А узнавши, уже не откликнется, что само по себе таинственно и симптоматично. Центральная в теме – Вера Засулич и внутренняя жизнь в свете этого. Наконец, его наброски 1900 года, очень важные и редкие у него.

Революция начинается раньше, чем он представлял и чем видел партию, им создаваемую, готовой к ней. Революция 1905 года начинается по внезапному для всех сценарию. Вся она сплошная импровизация: авторитарная революция, поменявшая все в прежних человеческих отношениях в России. По масштабу антропологического переворота в русском обществе *1905 год глубже 1917-го*. Но почему от этой революции потом отреклись все, кто участвовал в ее развязывании?

Тезисно: революция 1905-го – *революция вопреки эталону*. Вопреки русскому представлению о «настоящей революции», она катилась непредсказуемо, пока большевики и Ленин занимались партией. Зато выросла фигура Троцкого – политика, в 1905 году оказавшегося к месту.

Опять Ленин уходит к себе, переваривая новый опыт. 4-й съезд РСДРП очень важен. Там был Плеханов и развернулся сильный, открытый политический бой. Ленину здесь впервые пришлось договаривать концепцию вслух, отвечая самому себе на трудные вопросы.

– Ленинский путь «к себе», похоже, и стал его окончательным уходом от своего внутреннего мира?

– Нет, потому что Ульянов еще только идет к себе. Уже и «Две тактики» им написаны, но что-то еще не завершено. В 1905 году для него равно важны революция и издание Каутским «Теорий прибавочной стоимости» Маркса – марксистски санкционировавших позицию

Ленина по аграрному вопросу. Ленин избавился от мук подозрения себя в народничестве. Теперь Ленин целостен теоретически, политически и в отношениях с людьми.

Поражение первой русской революции означало глубочайший кризис первого большевизма. Нужна проработка опыта революции, которая ведет, как у Ленина указано, обратно вектору исторического пути России. Вот его идея, но что такое этот «обратный путь»?

Ленин зашел в тупик, где стало непонятным – партия создавалась для того, чтобы руководить Россией революционным способом, при свободном капитализме. А если свободного капитализма не будет, то для чего все нужно?

Наступает момент, где он как социал-демократ открыл для себя, что *крепостничество в России – это не «пережитки»!* Это коренные неустранимые материи рабства – тогда как капиталистическая Россия после революции экономически и политически ушла в отрыв. Его мысль стоит перед разрывом, этот им обнаруженный *зазор*, этот кризис мысли изолирует его от актуального политического процесса.

Столыпин для него – новая проблема: сила, ограждающая Россию от европейских сдвигов, которые несет новый глобальный капитализм. Столыпина Ленин воспринял как прямой вызов движению и себе. Как возможный крест на перспективе, которую он открыл. Теперь надо быть на острие. Кризис накопления трудностей готовит его к будущему себе. Мировая война, эта свалившаяся на людей беда, для Ленина обладала разрешающей концепционной силой.

Тезисно: вовсю идет империалистическая война, а Ленин только открывает империализм. Хотя его «Империализм» объявили шедевром вровень Марксову «Капиталу», это чепуха. Важен его ход мысли при обвале европейской социал-демократии. Это глубоко личное – Ленин верил во 2-й Интернационал. До войны Ленин был даже правее Каутского! Каутский поначалу сам поддерживал большевизм, считая, что для Германии тот не пригоден, а для России в самый раз.

– Где же внутренняя жизнь Ленина?

– Политик на грани потери себя, его деятельность свернута. Он сосредоточен на партии, подполье, на полицейских разгонах. Перепутье с риском потерять себя – и ему нужен выход из ситуации. Здесь его встреча с Гегелем.

Тезисно: зачем Гегель правоверному марксисту, который считает, что впитал уже все главное в Марксе, – чего ему не хватало? И что принесло чтение Гегеля? Воплощение проекта. Ленинское воплощение можно начинать 1916 годом. *Концепция русско-всемирного начала революции* уже прописывается им на полях контекста Гегеля и «Империализма» в 1916 году. С этой точки зрения можно идти к 1917 году и к тому, что будет потом.

Почему Ленин *1917 года* оказался на этот раз подготовлен к развитию событий? И как ход событий раскрывает его подготовленность после Октября? Не обходя худших его моментов – разгона Учредительного собрания, например.

Тема ленинского воплощения доходит до осени 1921 года. Осень 1921 года – кульминация его мысли, но тут и Кронштадт, и уже начался уход. В сущности, уход начинается еще до нэпа, в сентябре 1920 года. Четкой хронологической грани нет, и так до самого конца.

– А нэп?

– Я не излагаю биографию и не стану сейчас излагать тему нэпа. У меня свой вопрос: отчего Ленин столько сопротивлялся этой идее? А ведь он долго сопротивлялся. Это как раз тот случай, где политика заплатит страшную цену за опоздание упрямившейся мысли. Ленин к тому времени уже почти весь заглотан военным коммунизмом. В нем появилось доктринальное, «плехановское» сопротивление новизне. В это сопротивление заложена догадка о масштабах предстоящего поворота. Нэп ведь в конечном счете перевернет его представление о социализме, о мире, о партии и обо всем.

Тезисно: Ленин преднэповский, а внутри него – три шага внутри нэпа. Первый – весной 1921-го с продналогом, затем на Третьем конгрессе Коминтерна, наконец – осенью 1921-го.

Ленин отступает, всякий раз пугаясь последствий своего шага. Потому придет 1922-й – очень нехороший для Ленина год.

Мое рассуждение лишь схема попытки реконструировать ленинский внутренний мир. В той мере, в какой он присутствует в его мозговой деятельности и политических шагах. Но все-таки он остается его внутренним миром, где у Ленина всегда есть скрытый личный запасник. И от этого скрытого Ленина я не хочу уходить.

56. Молчаливый финал XIX века. Русское в советском.

– Почему же Ленин так скучен и невнятен при очевидной доступности?

– Ленин выглядит самым скучным персонажем среди крупных фигур истории. А мне он открылся как интереснейшая историческая личность. Трагизм личности, вот что меня в нем занимало больше всего.

В биографии Ленина важны две точки и их столкновение. Первая: Ленин – единственный большевик, который до такой степени нес в себе русский XIX век. Отвергая и даже запрещая себе его, он никогда его не преодолел.

Вторая точка – конец жизни, эпоха ухода, кончившегося потерей речи. Заключительная полоса, когда в Ленине кусок за куском отрывается способность жить – писать, читать, думать вслух, решать и влиять, что причиняло страшные муки. Одновременно в нем шла тайная внутренняя перестройка. Он уходит в себя и заново выстраивает душевный мир, обращаясь к своей юности, XIX веку и людям, с которыми начинал.

Ленин осознавал свое поражение, а осознание поражения открывало в нем новый духовный мир. Его выдают обрывки мысли, жесты, разные мелочи – вроде этой новой его привычки в Горках снимать шапку, низко кланяясь каждому встречному. Непонятные вещи, которые окружение держало в тайне, поскольку те давали узнать Ильича другим.

Придя к молчаливому Ленину, я увидел советский мир как русский. И теперь я могу ответить на вопрос, от которого никто из таких, как я, не уйдет, – вопрос о нашей причастности. О том, почему до сих пор мы не смеем ни преодолеть прошлое, ни понять его, ни даже признать. В увиденном мной Ленине, в так открывшейся мне его личности, я нахожу силу и право дать ответ.

57. Грехи и грешники XIX века. Тайнопись этического самовыяснения.

– «Ленин – человек XIX века» ты все повторяешь. Но то был век моралистов и моралистики. С какого конца его подойти к имморалисту Ленину?

– Есть у меня такая окольная ниточка: *Пушкин – Чехов – Булгаков.*

Чехов – возвращение к Пушкину, даже более, чем Толстой, который все-таки из того же корня дворянской культуры, а про Чехова уже так не скажешь. Вот Пушкин. Судьба – из события 14 декабря 1825-го. Вот Михаил Булгаков. Судьба от реальной сцены увиденного на мосту: петлюровец забивает еврея, и он, который этому не помешал, но не смог себе простить. Трагедия человеческой беспомощности перед неотвратимым пройдет у него сквозь все, до появления «Мастера и Маргариты».

Посередине Чехов. Корней Иванович Чуковский как-то спросил при мне – зачем Чехов поехал на Сахалин? Чего он там не видал? Он, к этому времени показавший Россию во всех ее разрядах, все пропустив сквозь себя и достигнув зрелости, когда ненужное уходит. Что ему, кровохаркающему, понадобилось на Сахалине – поглядеть на каторжан? То не рациональная цель, то потребность Чехова в поступке. Загладить грех, в котором нам уже трудно опознать грех, – грех восьмидесятника, уклонившегося от горькой доли других восьмидесятников. Грех удалого фельетониста, водившего дружбу с Сувориным, пока братья идут на каторгу. Есть тайнопись самовыяснения, которая делает этих трех поэтами.

58. XIX век как Родина. Этика поступка в XIX веке и диссидентстве. Общество всея Руси невозможно.

– Не вписываешь ли ты себя диссидентского в XIX век? Этак мы всех там морально осовременим.

– Сквозная вещь – автобиографизм в отношении к истории, событиям которой я был причастен фактами моей жизни, или теми, которые не могу исключить из нее.

Для меня XIX век – неудобно это говорить, высокопарно, но он мое истинное отечество. Если б его не было, как я жил? На что бы опирался? Когда совершались мои превращения, не будь русского XIX-го, я бы, наверное, уехал. В нем у меня устойчивый духовный дом – близость, вхождение, личные встречи.

Дело в том, что диссидентство, по сжато́му циклу и в переменявшихся условиях, повторило нечто, ранее состоявшееся в русском XIX веке. Когда людей, одержимых желанием подвигнуть спущенный сверху прогресс, объявляли ненужными и лишними для дела. Более того, их признавали государственными преступниками. Самоорганизация ради самозащиты и продолжения деятельности вошла в конфликт с самим предметом прогресса. Который отчасти был внутри них, а большей частью вовне. В какой степени мы могли взять на себя и нести эту тяжесть? В какой степени вообще можно было повторить такой страшный цикл и что это даст? Было неясно.

Совершенно оправданно, что, защищая себя и продвигаясь вперед, диссиденты все чаще обращались за помощью к Западу. Широкой поддержки и защиты внутри они получить не могли, а западную защиту получали достаточно эффективную. Вопрос в том, было ли это оправданно? Вопрос открытый. Но главное в том, что страсть *соучаствовать* и императив сведения всего к *этике поступка* вошли в причудливые соотношения. Не говоря о том, что Движение стало раскалываться по всем линиям: национальным, религиозным, по степеням радикальности и так далее. В нем воскресла та проблема, которая мучительно не решалась, хотя и упорно ставилась в XIX веке. Власть разом единожды соорудилась в России, а не медленно прорастала из ее пор. Но так же *соорудить общество* – единожды разом – вот что России не удалось в XIX веке. И, как видим, не получается снова.

Общество Всея Руси невозможно. Это утопия. Она поднимает дух на высокую ступень, рождает нечто проводящее сквозь человека глубокий след образа, слова. И она же покинет его при столкновении с властью. Осложнения могут нравственно оцениваться так или этак, но отношения с властью сами по себе втягивают в тупик, где обществом не пахнет. Итоги «Поискам» в 1982 году обозначились не только вашими арестами. Что-то во мне прочерчивалось как итог, без ясного внутреннего продолжения. Без способности на возврат к профессиональной деятельности историка, пускай «в стол».

Я ощутил личную, физическую непомерность русской задачи. Тяжесть состояла не только в неосуществимости. То была *тяжесть вопрошающей правомерности* – немножко торжественно звучит, да?

Декабристы и постдекабризм для меня встали в новом свете. То, что происходило в Равелине, и даже казни в крепости летом 1826-го, – перестало быть для меня *только* расправой. Нет, это становилось *Событием* с большой буквы! Я начал видеть духовные события в том, что прежде трактовалось в духе цитат, извлеченных из следственного архива. Что, конечно, не перестану характеризовать как насилие и расправу.

Я лично заново проживал XIX век. В конечном счете процесс писания стал для меня процессом самосохранения. И в чем-то он меня подвиг не к примирению, а к уяснению природы закоренелого взаимного непонимания общества и власти в России. При странной исходной позиции, когда одни люди могли попасть в следователи, а другие шли в противную сто-

рону, в XIX веке сохранялась еще животворная близость тех и этих – под кошмарной властью непонимания, природу которого я хочу постичь. Почему же в советском обществе, столь *перевуровненном*, с многократно смешанными и передвинутыми классами, в силу чего в этом обществе засел вирус непонимания, переходящего в ненависть?

59. Короленко сопротивляется русским безумцам. Расклеенные и разошедшиеся частицы мозга.

– Вот история Короленко. Короленко, хоть и вернулся из Сибири, настоящим революционером не был. В ссылку попал из-за наивной студенческой истории. Но ссылка ввела его в гущу жизни, обогатила наблюдениями, побудила писать. Встреча с Богдановичем побудила Короленко внутренне для себя отклонить сумасшедшие идеи русской экстремы.

Короленко – человек, следующий строго своим курсом, редкость в тогдашней России. Радикален в убеждениях и чужд экстреме. Уже ощущающий угрозу русского «мыслящего движения». Когда людей, не привлеченных к делам страны, вышибают в подполье, преследованиями в нем закупоривают, и те далее логикой самозащиты идут к *центральному террору*. Террор возведен в концепцию, тип поведения и взаимоотношений: вот трагедия поколения.

Короленко уходит от этого, но *как* уходит? Убили Александра II. Для Короленко здесь не его война, однако всем положено принести присягу новому царю Александру III. Люди, числящиеся в списках подозрительных, присягу приносили по особому списку. Встает принцип *отказа*: Короленко отказывается приносить присягу в качестве человека судимого несправедно. Его отец был судья-неудачник в жизни, и человек, после смерти оставивший свое семейство без всякого достатка, но, как он сам о нем говорит, – «преждевременно честный». Все это складывается, сын отказывается от присяги.

Мужественный поступок, реакция здорового человека, отклоняющего диктат. В результате – ссылка в ленскую глушь. Первобытный мир, и там в Короленко совершается глубокий переворот. Сопоставлю с судьбой Чернышевского, который в ссылке постепенно умирал, и его смерть растянулась на десятилетия. Короленко, напротив, приобщается к веществу жизни, к ее истокам. Он возвращается из ссылки полный наблюдений, с проснувшимся писательским даром. Отклоняя культ народа, как носителя высшей идеи, он в народе не изверился. Короленко вернулся с мыслью, что народ должно освободить, но перед тем нужен приуготовительный период. В большое движение он вошел *тяжко здоровым человеком*. И здесь повстречался с Чеховым.

У них был с Чеховым разговор о Гаршине, который, сойдя с ума, покончил с собой. Короленко не помнит, было это до смерти Гаршина или накануне, но ситуация в общем уже была ясна. Недавно вернувшийся из Сибири Короленко говорит Чехову: ах, если б Гаршин прикоснулся к сибирской первобытной природе, что-то в его душе сдвинулось и он бы нашел выход. *Нет*, отвечал Чехов, – *нет!* Когда частицы мозга разъединились, их уже не соединить. Мол, такое было и с Успенским. Который всю Россию изрыскал, где только не побывал, лишь бы уйти от душевной нескладехи, невозможности найти себя ни в чем. Но, говорит Чехов, – хоть распались у него не частицы мозга, а легкого, мозг в этом поучаствовал также.

Моя мысль о том, что источником неутомимой правозащитной деятельности, которая питала Короленко и стала регулярной потребностью, были эти самые *расклеенные и разошедшиеся частицы мозга*. Ведь Короленко фактически изобрел русскую правозащитную работу. Все, что он делал для людей, было движимо идеей спасения духовного здоровья интеллигенции.

Я читал его тексты по знаменитому «мултанскому делу» – какая доскональность и какая при том любознательность! Деятельность легальная и открытая, но радикальная. С одной стороны, Короленко – «человек направления», с другой – человек, открытый любому. До конца редактирует народнический журнал «Русское богатство», ближе всех к Михайловскому того периода. И все же, в конце концов, частицы мозга разъединились – в России началась гражданская война. Всю жизнь за ним шел русский призрак безумия, которому Короленко стойко

сопротивлялся. Но когда началась оргия убийств, безумные «ликвидации», у него не было уже готовности понимать, сохраняя себя как человека рядом с такими вещами.

Вот и я следом. И у меня после 4 октября разъединились частицы мозга. Что-то есть противоестественное в нас.

60. Портреты людей «мыслящего движения». Серно-Соловьевич, Александр Михайлов.

– Твой рассказ о Короленко – отце русской правозащиты, просто портрет. Жаль, что на письме ты не портретист!

– Но во мне усилилась жажда портрета. Я вступил в более короткие отношения с людьми XIX века, хотевшими не более, чем пробудить энергию других. Не более чем сдвинуть русского мужика с места. Их там целая портретная галерея.

Был в России XIX века один замечательный человек, чистой души – Николай Серно-Соловьевич, его посадили в крепость. Из крепости он то ли в 1862-м, то ли в 1864 году, не помню, – послал несколько писем Александру II. В одном из них пишет царю: «Вы прекрасно начали, Ваше Величество, но не захотели, чтобы начатое вами стало уделом всего русского общества. Вы не захотели, чтобы мы вас продолжили, и не захотели, чтобы кто-то еще участвовал в деле освобождения. С нами, конечно, мы уйдем. Но следующие, кто придут за нами, будут террористами, страшной французских якобинцев в 1793-го. Ведь вы лишили их *права человека на продолжение дела*».

Я понял, как вызревал террор, – не по доктрине, не в чьих-то выкладках. Террор прорастал из движения судеб людей, что об убийстве и помышлять не могли поначалу. Люди, которые в итоге пришли к народовольческому поединку с царем, – это те самые люди, которые начинали как нравственники, *антинечаевцы!* Засулич одно время близка была к Нечаеву и от него ушла. Незадолго перед смертью она рассказала – это записал, по-моему, Дейч: «Меня отталкивала ненависть Нечаева к интеллигенции». Как они пришли к террору? Как решился Александр Соловьев пойти к Зимнему, чтоб подстеречь и убить царя? И откуда светлая фигура Александра Михайлова? Друг Соловьева, Михайлов о терроре не помышлял и не был его сторонником. Он издали стерег Соловьева, который в одиночку пошел на царя и видел, как друга схватили на его глазах. Пережив беспомощность перед лицом чего-то чугунного, как человеку не ответить на этот вызов?

История, в чем-то не только не predetermined, но даже и не показанном ей, пройдя сквозь сдвиг в человеческих душах, диктует вдруг непреложное.

– Ты думаешь, то диктат истории?

– Совесть диктует людям непреложно. Представь, до чего спрессована во времени эволюция людей, которые решили покончить с царем – и ведь не чтобы прийти к власти, нет! Участвуя в выборах на равных, дать народу возможность принять либо отклонить социалистический путь. Их ощущение *братства внутри* держалось недолго и распалось после кульминации 1 марта 1881 года. То была эволюция одного-единственного поколения, одного состава людей, антинечаевцев и чайковцев, замысливших некогда идти в народ. И российская странность, когда сумма неудачных попыток в сложении с неуловимостью окутала народовольцев славой всемогущества.

Движение было своеобразное. Его лидеры, «генералы террора», сами участвовали в акциях. Было правило, что на допросах показывают о себе как «агентах второго класса». С одной стороны, то была обманная тактика, с другой – нравственный момент. Этическим лицом народовольчества, конечно, был Александр Михайлов.

61. Александр Михайлов и кульминация «Народной воли». Казнь 1 марта 1881 года.

– Александр Михайлов был потрясающий человек, пока его намеренно не доконали в Шлиссельбурге мокрой камерой. Богатырского сложения, он приобрел чахотку.

Ведь, собственно говоря, «Народная воля» тогда приостановила террор. После взрыва в Зимнем дворце установилась довольно либеральная администрация графа Лорис-Меликова, народовольцы террор приостановили. Как вдруг Лорис-Меликов устроил еще один процесс, который снова кончился смертной казнью. Вот тогда Александр Михайлов сказал: *царь должен быть казнен*.

Александра Михайлова погубили его твердые правила. Главное для него было сохранять память о товарищах. Была фотография в Петербурге, и ее фотограф делал для тюремного ведомства снимки приговоренных к смертной казни. А Михайлов установил правило, что самые опасные дела нельзя поручать тем, кто стоит *ниже* тебя в организации. (Кстати, и на это Владимир Ильич позже ответит: нет уж, мы пойдем другим путем.) И Михайлов сам отправился в фотографию. Фотограф догадался, кто перед ним, говорит – приходите завтра. А жена фотографа за спиной мужа жестами показывает Михайлову петлю на шее – мол, виселица тебе, если придешь! Тот с усталости решил, что ему погрезилось, что впадает в паранойю подпольщика. На следующий день он опять пошел туда, и его сцапали. Это была крупнейшая удача полиции.

Но последовало 1 марта, с фантастической сценой казни Александра II. Полоумный Рысаков кинул бомбу не глядя, и промахнулся. Толпа сбежалась, уже подошел полицмейстер, некоторые даже закурили. Ошеломленный царь зачем-то кружил по месту взрыва, пока вдруг не пошел сквозь толпу к ограде канала, прямо навстречу неподвижному Гриневицкому. Тот бомбы и не бросал, только уронил ее под ноги. Взорвав себя и царя.

Но был в запасе еще удар. Был подкоп, весьма умело устроенный на проезжаемой к дворцу дороге.

– **Как же. Лавка купцов Кобозевых, знаменитая сырная лавка!**

– Да, но им они не воспользовались, хоть могли. Полиция сперва на подкоп не вышла. И останься Александр Михайлов на свободе, он бы привел в действие подкоп, и великим князьям еще показал. Михайлов бы непременно отдал приказ, а Тихомиров не захотел. Одни женщины настаивали на новом взрыве – Софья Перовская, тогда еще не арестованная, с Верой Фигнер.

Петербург дрожал, великий был страх перед неведомой силой «Народной воли». В ее пользу работали даже ее неудачи – столько провалов, а они уходят неуловимые и наконец убивают царя. Мистика! Казалось тогда, революционеры могут все.

Лев Тихомиров написал от «Народной воли» письмо Александру III. Твердое, достойное, гениальное своей умеренностью. Но потом Тихомиров эмигрировал, и без него и Михайлова в «Народной воле» быстро пошло разложение.

62. Вера Засулич, Маша Коленкина и героические мужчины.

– В архиве Веры Засулич я прочел все ее письма, включая последние, где она проклинает друзей по партии, меньшевиков, за бесхарактерность. Это женщина, когда-то преданная Ленину, преданная им в буквальном смысле, и чего ей стоил 2-й съезд РСДРП, где ее пытались вышвырнуть из ЦК. С Лениным связаны многие тайны ее жизни. Ее ранняя любовь к Плеханову. Читал ее переписку с народником Стефановичем, центральной фигурой «Чигиринского дела». Другом Дейча, а Дейч был муж Засулич. Когда-то в юности все они – Стефанович, Дейч и другие в ее глазах, еще ничем себя не проявившей девушки, отставшей от группы Нечаева, – были сказочные богатыри. Когда случилась история студента Боголюбова, которого секли под окнами женских камер, Вера с подружкой Машей Коленкиной ждали, что их героические мужчины отомстят. Но все нет и нет ничего. Тогда девочки бросили меж собой жребий, и мстить досталось Вере, а могло бы Маше. Потом знаменитый процесс с ее сенсационным оправданием, бегство от известности «той самой Засулич» – и вечный ужас перед своей всероссийской славой. И мое странное сближение в Ленинграде 1973 года с этой женщиной, которая столько всего переставила в России, не желая, и всю жизнь бежала от последствий. Удивительная судьба.

Стефанович был земледелец и противник террора, но после 1 марта 1881 года, как многие, ринулся в Россию. Тут его быстро схватили, и он частично раскололся. Не то чтобы кого-то оговорил, но дал основание подозревать, что оговорил, и этот шлейф за ним тянулся всю жизнь.

– **Есть великолепное письмо Стефановича Дейчу о политическом компромиссе.**

– Да, конечно! Потрясающее письмо. Первым в архиве его нашел я, а Рогинский с Лурье опубликовали. Есть его переписка с Засулич, где он считает свою жизнь проигранной, а Верину жизнь, наоборот, безупречной. День за днем я читал эту переписку, и вдруг обрыв: последнее письмо от Засулич, и Стефанович кончает с собой, оставив семью.

63. Поражение как мотив человека в истории. Вера Фигнер в эпоху затворничества.

– Мы вышли на очень интересную тему – как человеку в России отстоять свое существование?

Движение поражением изначально в историческом человеке, но в нем же заключается ненормальность. Человек учился идти от поражения как мотива к чему-то иному.

Если поражение стало мотивом поступков, то и терпящий его становится заложником поступательности. Нарастивая масштабы, поражение укореняется в человеческих свойствах и входит в «норму», не способное ею стать и не будучи вполне нормальным.

Вера Фигнер вспоминала, как вслед апогею 1 марта 1881-го для «Народной воли» настало *затворничество*. В затворничестве люди живут поражением. Они закупорены в состоянии поражения, живут в этом закупоренном мире и, дыша его воздухом, навязывают себя другим. Фигнер вспоминает, как куда-то ехала в таком подавленном состоянии, а в вагон вдруг ввалились молодые люди. Ядреные, краснощекие русские парни – плевали они на все! И Вера впервые почувствовала, что ее жизнь разошлась с ними. Теперь надо их Россию вывести на простор, и никакой террор для этого больше не нужен.

64. Валентинов о перепаханном Ленине. Явление лидера, не дающего совести собой руководить.

– Есть запись Валентинова, сделанная со слов Ленина, о колоссальном действии, какое оказал на него Чернышевский романом «Что делать?». В этой записи слова, что, мол, он в четырнадцать-пятнадцать лет (кстати, я этой датировке не верю, дело было сильно поздней) прочел Чернышевского и был потрясен его силой мысли. Столкновение с Чернышевским переделало и, как он говорит, *перепахало*.

Здесь, собственно, и надо искать место, которое можно назвать исходным пунктом для личности Ленина.

Знаменитое чтение Лениным «Что делать?» Чернышевского было в дальнем истоке внутреннего решения, которое он примет и будет держаться всю жизнь, – *не позволять, чтобы тобой управляла совесть!* То был перелом в ходе русского мыслящего движения XIX века – выделение в нем *лидера, который не даст более совести руководить его поступками*. Легкое отношение Ленина к решениям – посадить, расстрелять – ничуть не месть за брата или за то, что царь революционеров сажал. Оно идет от «так верно и, следовательно, так быть должно». Этическая императивность разночинца не исчезла, но он ее переключил в новый, страшный регистр.

65. Ленинская непринужденность насилия – от любви к дворянским усадьбам до ВЧК.

– Ты как хочешь, а мне в молодости читать Ленина мешала его стилистика – она отталкивающе негуманна. И твой Валентинов это подчеркивает.

– Еще бы! Вот советский еще сборник «Ленин и ВЧК». Издание заведомо избирательно, в него вошли не все документы, конечно, был отсев. Тем более впечатляет картина целого даже при искусственности состава документов. Впечатляет преобладание числа суровых и карательных распоряжений над записками, ограждающими судьбы отдельных людей, когда те выходили на свободу или сохраняли жизнь.

Но самое тяжкое впечатление производит *нарастающая включенность Ленина в работу ВЧК*, он явно привыкал ею распоряжаться. Если бы даже большинство его вмешательств были осторожны, результат не мог не быть плох. Это готовило почву для других людей, с другим стилем руководства – например, для Сталина. Но и это все-таки не главное.

Источник беды – в ленинском образе Мира. В усилиях Ленина непрерывно корректировать внутрirosсийский процесс, соподчиняя его мировой цели. По ходу воплощения замысла множество социальных и иных задач было решено, многие люди включились в создание своей судьбы. Но это не отделить от трагически ниспадающего движения. Копились трещины, куда прорывалась темная воля. Эксплуатируя глобальный сверхаргумент, сперва в интересах класса, партии, группы и наконец – отдельной персоны.

Глубже всего трагедия развернется там, где мировая задача, поставленная в полную силу, оказывается непосильной решению. Осуществление сорванного политического замысла соподчиняют неосуществимой задаче – и все работают на беду. В истоке беды лежит именно непосильность замысла.

Добавлю к этому одну вещь, насчет которой в СССР умилялись, а сегодня приходят в содрогание. Ленин прост во всем – в том числе в страшном. Он шел на это без героического энтузиазма Льва Троцкого, но и без душевной дрожи, которая время от времени накатывалась даже на соратников. Естественность в добре и во зле тоже загадка и вводит нас в особый русский интеллигентский разночинский менталитет. Ленин загонял чувства вглубь, он намеренно дисциплинировал движения души. Это русское рахметовское в нем, по поводу чего можно говорить отдельно. Тем более его мир интересен: загнанный внутрь, он не переставал существовать.

– Валентинов вспоминает, как Ленин яростно исповедывался в любви к дворянским усадьбам – невозможно представить кого-то еще из социал-демократов с такими речами.

– Очень важным было для самого Ленина, что он единственный среди большевиков – человек из прошлого века. Все остальные уже из XX-го, вне зависимости от даты рождения, – будь то Троцкий или почти однолетка Троцкого Сталин. Они не от нуля шли, но у них была некая социал-демократическая заданность. Ленин же задан не был – он сам себя задал и задавал собою других. Этим он наследовал *русский XIX-й – век русского Мира*. Он его принимал и отталкивал. Всеми фибрами ощущал и вместе с тем, как противника, избывал.

66 Разночинские презумпции в русском мире без Кьеркегора. Окончателность поступка.

– Все же согласись, что ленинское разночинство чаще было утрировано грубым. Даже по тем правам оно смахивает на то, что в конце XIX века именовали «нигилистичной».

– Ленин целиком перенял разночинскую презумпцию – право каждого на *окончателность поступка*, окончательность слова и действия во всякий данный момент. Россия Белинского, Герцена и Родиона Раскольникова это право отстрадала, и Ленину, выкормышу разночинства, уже незачем было ни его исповедовать, ни мучиться им, ни его отклонять. То было право, дарованное личности русской культурой конца XIX века.

Частая ошибка рассматривать большевизм как попытку все в России перестроить любой ценой. Ленин свято следовал Чернышевскому – вот и источник зла! (Хотя либерал Герцен ближе к радикальной тяге порешать в России все и разом, самому будучи цензором стихии на расстоянии.) Чернышевский же знает силу русской вовлеченности в рабство: раб не тот, кто лишен всего, – *раб тот, кто целиком вовлечен в процесс властвования*. Восприняв марксизм в сплаве с антропологией Чернышевского, Ленин именно антропологической его редакции придал страшную сущность. Потому что требование Чернышевского о добровольном уходе лидера в момент триумфа – политически утопичный императив.

Но что сказать в наши дни о человеке, который очевидным образом не читал ни великих эллинов, ни Спинозу? Который от рождения принадлежит Российской империи – чудовищному фрагменту Мира под властью, основанной на распорядительстве человеческой совестью? Русский марксизм в знаниях о человеке остается в рамках ранее пророченного, в Мире, где еще нет Ницше и Кьеркегора. Ему не дано областей страдания мысли, предвещавших, что человек может *не справиться* с нагрузкой добра, взваленной на него культурой.

Человек, революцией поднятый на вершину, может в равной мере оказаться жертвой и палачом. *Равность обеих возможностей* – вот худшее, самое тяжкое из обвинений, которое я могу предъявить Ульянову.

И русский XIX век на Ленине оборвался, закончился. Обстоятельство, без которого сказать об интеллектуальной биографии Ленина просто нечего.

67. Личность ли Ленин? Плеханов и Федосеев в его судьбе. Русская идея царевубийства и макиавеллизм правого дела.

– Любопытно, простил бы Пушкин Ленина за столь ценимую им личную крупность?

– Кстати, а Ленин – личность? Что если нет? Может быть, и он, как Петр, орудие всемирной истории в оболочке человека? И дьявольская игра истории в том, что она выбирает некоторых «несчастных», сказал бы Пушкин и, не давая им становиться личностями, предоставляет влиять на мировые дела? Что если Ленин задавил, погубил в себе личность Ульянова, благодаря чему и сыграл свою роль в истории?

Например, есть ли место в его интеллектуальной биографии старшему брату? По легенде, брат Александр приобщил Володю к марксизму, – совершенно неверно. Ни к чему его брат не приобщал, к революционным делам тот вообще не привлекал никого. Человек глубоко нравственный, взвалив свою ношу, он тащил ее в одиночестве. Даже прокурор на процессе отметил, что Александр Ульянов берет на себя чужую вину. Отношения братьев были сложными. Перед последним отъездом Александра Ульянова из дома между братьями был конфликт, из-за отношения Владимира к матери. Этот кудрявый мальчик с золотистой головой, баловень семьи, которому все так легко давалось, получил затрепину от человека, который вскоре вошел на эшафот.

Могло это остаться без следа? Где след судьбы брата в его жизни? Мы этого не знаем. Судьба брата – первая загадка; вторая за ней – судьба Николая Федосеева, кумира и лидера поволжских марксистов. Ульянов уже вступил на дорожку, приведшую его к социал-демократии, когда этот человек, духовно опередивший и во многом определивший его выбор, покончил с собой, затравленный товарищами в сибирской ссылке.

Брат, взошедший на эшафот, взял на себя вину товарищей. Федосеев покончил с собой, не вынеся моральной травли товарищей. И еще одна, третья, судьба оставила, как мне думается, глубокую зарубку в его становлении.

Судьба Александра Михайлова – истинного вождя «Народной воли». О нем ему много рассказывал Плеханов при первой заграничной поездке Ленина в 1895 году. Плеханов тогда как раз подыскивал себе партнера, того, кто возьмет всю ношу по организации. Найдя такового в Ленине, он рассказал ему про удивительного Александра Михайлова – *Дворника*, это его кличка. Человек, построивший организацию «Народной воли» и ее моральный устав. Народовольцы – активно действующая когорта разночинской среды, из которой вышел Ленин. Для Александра Михайлова одним из главных был принцип: не вовлекать в дело более молодых и начинающих, если дело опасно. Все самое опасное делали «отцы-основатели». Оттого «Народная воля» так быстро погибла после успешно свершенного ею царевубийства.

Александр Михайлов считал важным спасти память обо всех. В его кодексе было сказано, что о ранних периодах движения, которые уже пройдены, на следствии можно говорить подробнее, чтобы для истории остались дела погибших. Он собирал изображения погибших товарищей. Именно пытаясь добыть фотографии казненных народовольцев, он был схвачен и доведен в крепости до скоротечной чахотки. Итак, вот третья тень в судьбе Ленина.

Три нравственных примера – три ранние гибели: судьба брата, судьба Федосеева, судьба Александра Михайлова. По отношению к каждому Ульянову довелось самоопределиться. По «нутру» и типу поведения Ульянов разночинец. А разночинство – слой людей, который выдвинут началом раскрепощения 1860-х. Самоутверждение ради деятельности, предмет которой остается *вне* их среды, – вот коллизия разночинства. Им предстояло себя утвердить, принося пользу народной толще, многолико разбросанной по земле России – той среде, которую сами они покинули.

Смысл самоутверждения разночинца в том, чтобы осуществить нечто лежащее за пределами тебя самого – в качестве проблемы и замысла. И эта коллизия отражена в судьбе Ленина. Это его нравственная коллизия.

В Ленине происходит перелом. Наследуя разночинский нравственный максимализм, теперь он сам его расценивает как *слабость*. Он освобождает мыслящее движение от нравственной проблемы вообще, в этом истинная трагедия его и движения. Нравственный максимализм им забыт, но отныне соподчиняется историческому призванию. Из этого кокона взлет Ленина во власть. Его сильный, обдуманый имморализм.

– Однако в начале движения народовольцев еще есть развилка путей, еще была альтернатива. Были те, кто, как мой земляк Ковальский, решает – пуля в брюхо за оскорбление личности! – и те, кто наподобие Степняка-Кравчинского выбрал перо: обдумать опыт, пересказать его, расширить сознание народа. Кравчинский первым формирует в Европе позицию русского public intellectual.

– Эти две позиции всегда спорили внутри одного человека. От хождения в народ и до конца «Народной воли», моралисты, интеллектуалы и террористы – одни и те же люди. Путь к террору пройден внутри одних и тех же биографий. Твой Кравчинский, кстати, умело орудовал кинжалом, чтоб отомстить за казнь Ковальского. После убийства шефа жандармов он бежал за границу, но после 1 марта опять рвался в Россию продолжить дело «Народной воли» и полностью разделил ее террористический пафос. Даже Плеханов, идейный противник террора, говорил, что акция «Народной воли» 1 марта 1881-го остановила на себе зрачок Мира.

– Но зачем было устранять умеренного царя – только ради всемирного потрясения чувств?

– Их идея – дать народу *разрешающую способность*: это кстати, их собственный термин, а не метафора из физики XX века. Решать должен народ. Но чтобы он был способен решить, надо порвать связь между ним и властью, решающей за него. Цель – наделить народ разрешающей способностью, а самим – умалиться до рядовой силы будущего политического процесса.

Эти цареубийцы, они были последовательными демократами. В период подготовки теракта народовольцы занимались конституционными вопросами интенсивней, чем петербургские либералы. Они были либеральные политики и вместе с тем – террористы, они сами совершали свои акции и сами себя вели на эшафот. Но конечно, революция и нравственность не уживались, им следовало разойтись – и они стали расходиться в Ленине.

– Может, дело просто в том, что Ленин хотел политически эффективно действовать, а народовольцы убивали царей за, так сказать, «моральное несоответствие должности»?

– Весь русский XIX век надо рассмотреть под углом зрения соотношения личной нравственности и преобразующего действия. Вменяя народовольцам в вину цареубийство, забывают, что *русская идея цареубийства* стара, как Россия. Трех императоров за полвека ликвидировали по приказам из Зимнего дворца. Дворяне-революционеры, именуемые «декабристами», собирались покончить с царем так же хладнокровно, как Екатерина Великая с мужем. Суть в другом.

Либо нравственную тревогу оберегают и движение видит в ней политическую проблему, либо проблема потеряна. Движение сбросило ее со стола, вопроса нет – и верх берет безнравственность.

Задача не в том, чтобы движение руководствовалось моральным кодексом, а в том, чтобы оно всегда считало нравственность острой темой. Бесконечно возвращаясь к ней, отслеживая свои удачи и оценивая свои кадры под этим углом зрения. Тогда только можно говорить о нравственности мыслящего движения.

Грахх Бабеф в оправдание своих действий произнес любопытную фразу о том, что революционеру-коммунисту нужен *макиавеллизм правого дела*. Из тайного спора с нравственной драмой погибших товарищей Ленин вынес свой личный «макиавеллизм правого дела».

Здесь мы близки к сердцевине его биографии, но разъяснит ли она его? Задавленные им в себе чувства? Перечеркнутую глубокую страсть к Инессе Арманд, женщине, которая, вероятно, покончила с собой из-за этого? Любви разделенной, но оборванной им.

Замкнутый внутренний мир Ленина как сейф, шифр которого он унес с собой. Он грандиозного масштаба русский исторический деятель. Но в чем существование личности, которая изгоняла из себя все личностное? Нет, Пушкин бы с этим не справился.

68. Таинственная незагадочность Ленина.

– Вот с этой точки зрения судьба человека Ленина, судьба, которой руководит его мысль, я думаю, беспокойно-существенна для нас. Вот что я готов утверждать: Ленин нас беспокоит. Он нас чем-то существенно нас касающимся беспокоит.

Но вот еще одна трудность: существует ли тайна Ленина, загадка Ленина? Ведь странная вещь: тайна Сталина есть! Пускай тайна нелюдя, изверга, как угодно его называй, – в нем есть тайна. Мы догадываемся о некоем подземелье его души. Что любая фраза, которую Сталин произносил вслух, находилась в странной и нарочито неполной связи с тем, что в этом подземелье было им пред-обдуманно. Ленин, напротив, – закончен и весь как на ладони, весь выговорился и выписался. Тома сочинений, ленинских записок, ленинских сборников. Целая библиотека. Может быть, кроме этого ничего в нем и нет? Был человек, жил изнутри наружу, и что снаружи, – это весь он и есть? Нет. Я уверен, что это не так. Священные фигуры вообще часто выглядят незагадочными. А Ленина превратили в священную фигуру.

69. Как Чернышевский сделал Ленина политиком. Экзистенциальный разрыв со Струве в декабре 1900-го.

– *Чернышевский сделал Ленина политиком.* Он сыграл решающую роль в критической точке, где Ленин, подростком потерявший себя, решал и не мог решить вопрос о назначении собственной жизни. Слово, вычитанное у Чернышевского, Ульяновым было услышано и решило судьбу. В двойном смысле судьбы русского человека, избравшего путь революции, и судьбы революционера, избравшего марксизм. В этой внутренней встрече с книжным Чернышевским заложены не одни интеллектуальные основания ленинской личности, но и основания характера. Они далее сопутствуют Ленину до конца жизни. Обуздание им своих эмоций, подавление страстей тоже идет отсюда. И разгадывается нами с трудом, по ряду немногих признаний.

Чернышевский неизменно подспудно присутствует в Ленине, но догадаться об этом по его упоминаниям нельзя. Тексты Ленина о Чернышевском неинтересны и не слишком значительны. Для раннего периода у Ленина еще есть два поразительных человеческих документа. Рассказ «О том, как чуть не потухла Искра», его отношения с Плехановым. Или запись, сделанная ночью в декабре 1900 года о разрыве со Струве, к которому он еще очень был близок. Беглое упоминание Крупской в мемуарах о том, как сильно Ленин переживал раскол и расставание с бывшими товарищами на II съезде РСДРП. Как ночью дрожал, мучимый какой-то нервной лихорадкой. Эпизод лета 1917 года, когда стоял вопрос о его явке на суд, в условиях распространяемой о нем клеветы... Изредка вырываясь наружу, в нем клокочет постоянно подавляемая страсть. Но главное было подспудным, неявным. С подконтрольным миром сложных эмоций, с которыми Ленин научился справляться под властью Чернышевского. Хорошо это или плохо, но Ульянов не прятал эмоций – он их подавлял избирательно и за это расплачивался: иначе все пропало, движение прахом пойдет, будут лишние кровь и жертвы. *Маккиавеллизм правого дела* – страшная штука, но он станет его натурой, оттуда перейдя во власть.

70. Ульянов изобретает личность строителя партии. Любовь к партийному функционеру. Партия как внутренний оппонент революции.

– Когда Ленин самоопределялся, на его пути встали две более, чем он тогда, значимые фигуры. Одна общеизвестна, другая известна среди марксистов волжского круга – Плеханов и Федосеев. Занимаясь этим периодом, я пришел к выводу, что Ленин для себя решал вопрос, как ему не *стать* ни Плехановым, ни Федосеевым. С точки зрения их модуса поведения, образа действий и отношения к окружающим.

Плеханов был уже европейская величина, ему склоки в эмиграции надоели. Вообще кто-то должен заняться организацией дела, раз Вера Засулич не хочет – а Аксельрод человек бедный, семейный, у него большая жена (он ей каждый день кефир ставил – у него было свое кефирное заведение). У Плеханова была идея, что такое мог бы сделать только Александр Михайлов. Когда Ленин выехал за границу и Аксельрод представил его Плеханову, Ленин ему очень понравился. Ленин стал для него на место Михайлова. Он его там многому выучил, очень многому.

На Ленина сильно подействовала эта поездка за границу и еще самоубийство Федосеева. Но сам Ленин, как я полагаю, именно на Федосееве покончил с собой-разночинцем.

Федосеев был Ленину явно ближе по возрасту, взгляду и характеру. Хотя они не встречались, он знал его по переписке и рассказам товарищей. Самоубийство Федосеева в сибирской ссылке – из-за мелкой, ничтожной эмигрантской склоки – Ленина глубоко ранило. Уже в конце жизни болея, в 1922 году, Ленин надиктовал маленькую статейку в сборник памяти Федосеева. И в ней, между прочим, говорит, что Федосеев принадлежал к революционерам *старого типа*. Что он имел в виду? Ведь Федосеев умер совсем молодым. Как и сам Ленин, он был социал-демократ, преодолевший народническое наследие. Этическая тревожность федосеевской натуры, его восприимчивость к нравственным ударам, незакаленность перед подлостью своих же товарищей – вот что Ленин относит к революционности «старого образца» и от чего сознательно уходит всю жизнь.

Так же он уходил и от плехановского олимпийства, профессорского пренебрежения Плеханова к рядовому социал-демократу – партийному функционеру. Функционер Ленину был очень близок, на него Ленин не только ориентировался, а прямо к нему обращался. Это рядовой социал-демократ, признав своим лидером автора «Что делать?», сделал Ульянова Лениным. Момент очень важный, переломный и тоже отличавший его от Плеханова.

Федосеев и Плеханов не были *людьми партии* в том смысле, как это понимал Ленин. А Ленин строил свою личность как личность строителя Партии. Это важный момент. Здесь момент решающего самоопределения Ульянова (Ленина) на всю или почти всю его жизнь.

– **«Почти всю» – это и о его партии тоже?**

– Ленин пытался напрямую сопрячь изменившийся взгляд на партию с кучкой близких ему людей, когда его настигло одиночество. Одиночество, впрочем, его не извиняет, да его и недостаточно, чтоб оценить непосильность задачи.

Этот человек готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, – *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог.

– Странное упорство: положим, в силу исторических обстоятельств партия стала монополией, но все-таки у Ленина должно было хватить ума, что ей нужен оппонент.

– Так Ленин же думал, что сама РКП(б) и есть такой оппонент!

Партия по Ленину – оппонент революции внутри революции, оппонент России от имени Мира, изнутри исторического процесса. Для Ленина Партия никогда не была *монопартией* в силу роли, которую он ей отводит в его концепции. В этом ядро его победившей утопии – отсчитывать от Партии весь исторический процесс. Почти бредовый ход мысли, сегодня этому можно лишь удивляться. Но у этого «бреда» корни вполне аристократические и уходят как минимум на сто лет в глубину.

71. Был ли Ульянов ставленником Чаадаева? Философская катастрофа польской войны. Мировая революция в одной стране.

– Был человек, которого по требованию общества официально объявили сумасшедшим. Человек, который посмел в России, после победы над Наполеоном, Польшей и Турцией напечатать «Философические письма», пометив их как написанные в *Некрополисе*, городе мертвых. Этот человек Чаадаев, в том единственном из философических писем, которое ему удалось опубликовать, поставил страшный вопрос.

Вопрос Чаадаева внешне выглядит утверждением, и весьма категорическим: *Россия находится вне истории. Ее положение срединно*, не похожее ни на что на свете. Есть народы, которые путем долгих злоключений, войн, революций вошли в историю, сформировав ее самое как всемирную. Есть народы (полагал он, оглядываясь на Восток), которые в истории не нуждаются, – они вне ее и имеют на это право. И есть Россия, которая не принадлежит, утверждал Чаадаев, ни к Западу, ни к Востоку. Она не проделала тех мучительных возвышающих катаклизмов, которые сделали западные народы историческими. К Востоку она не принадлежит потому, что, будучи вне истории, ею больна. Те, что вне, здоровы, а Россия этим больна.

Как это вышло? Чаадаев, что естественно для человека западнического строя мысли, да и для русского мыслителя вообще, высоко ценил Петра Великого. Мысль его, однако, сводилась к следующему. Петр пытался стремительно, в самые уплотненные сроки втолкнуть Россию в историю. И то, что Россия сейчас вне истории и болеет этим состоянием, – результат того, *как ее туда насильственно втягивали*. Русская проблема, переформулируя ее вольно, как чаадаевский вопрос, в том, чтобы изнутри себя и в общении с другими народами, изменить способ вхождения России в историю. Высвободиться из пограничного состояния вне истории, приобрести к ней самой.

Если вдуматься, Ленин задавался этим самым чаадаевским вопросом и попытался его решить. Правда, его при жизни не объявили сумасшедшим, как Чаадаева, но некоторое безумие в его проекте было. И его конец в Горках схож с положением запертого в «палате № 6».

Ленин весь состоит из апокрифов, легенд, полумифов всякого свойства. В их числе стойкая легенда о «*ленинском завещании*»: якобы, предчувствуя смерть, Ленин надиктовал нечто вроде завещания своим продолжателям. Притом, как утверждали даже лучшие из них – скажем, Бухарин в последнем докладе о Ленине апреля 1929 года, – ленинское завещание представляет якобы логически упорядоченное, стройное и законченное целое. Уверен, что это не так. Отличительная черта предуходных диктовок – незавершенность и незавершаемость. Не только несведенность ни к чему цельному, но и *несводимость*.

Собственно, на какой вопрос пытался ответить этот человек, уйдя в глубокую болезнь, но все еще думая перебороть свою смерть? Ленин полагал, что Россия призвана открыть собой эпоху мировой социальной революции. Это общее место, его незачем разъяснять. Даже в коротенькой речи на знаменитом броневике у Финляндского вокзала Ленин провозгласил здравицу в честь международной революции. Но человек, который в декабре 1922 года диктовал то, что, как считают, входит в его завещание, – этот человек уже понимал, что мировая революция по меньшей мере отсрочена! Но сказать так – значит мало сказать.

Была женщина, покойная *Полина Семеновна Виноградская*, – вдова знаменитого Преображенского, сотрудника Ленина и сподвижника Троцкого. Как-то мы с ней заговорили о Ленине, которого она близко знала, и она сказала: *после 1920 года Владимир Ильич был уже не тот человек!*

Ленин, который не дотянулся штыком до Варшавы, чтобы пробиться к Берлину с верой в европейскую революцию, стал терять себя самого. Метроном судьбы для него отсчитывал явственные удары. Да, после этого был нэп, было еще многое. Был 3-й конгресс Коминтерна, на котором Ленин говорил: уезжайте домой, оппортунисты! Тем не менее метроном в нем уже стучал. Ему стало ясным, что оттяжка в сроках революции, явно превышая срок его собственной жизни, стала фактором, меняющим государственный быт России. Ленин был близок к тому, чтоб понять – *мировой революции вообще не будет*. Та мировая революция, на которую он рассчитывал, идя к Октябрю, вокруг идеи которой собралось руководящее ядро интеллигентов, эмигрантов и подпольщиков, – мировая революция в той форме, которую ждали, состояться не может.

Как Ленин определял теперь место России в международной революции? Опять вернусь к чаадаевской теме: место России в Мире и место Мира внутри России. Ибо чаадаевский вопрос двуслажен, и русская мысль двуслажна в ее коренных интенциях. Двуслажно и ленинское мышление. Всюду, где речь идет о месте России в Мире, встает встречный вопрос: а *чем быть Миру внутри России?* Вместим ли он в нее, и впустит ли его она? Что Россия сотворит с мировой универсальностью, когда та ворвется в нее – либо ее *втеснят в Россию?*

Ленину принадлежит крылатая фраза, емкая по сути. Он сказал однажды: тогда *мы снова станем отсталыми*. Фраза очень характерна. То есть Россия, раскачав маятник мировой революции, раскачает эту систему. Мы, большевики, работой внутри России – не одноактным взрывом, но все же сдвинем остальной Мир с места. А далее музыку станут заказывать другие – те, кто ушел вперед. *Мир-Европа-Германия* – вот кто поведет всех путем более цивилизованным, более отвечающим нормам европейского Мира и учению Маркса, как они его понимали и принимали.

Но ничего не вышло. Явным стало, что Европа не хочет идти этим путем. Немецкая революция, на которую Лениным делалась основная ставка, провалилась. Большинство бунтующих людей в Германии не пошли дальше общедемократических требований и не нуждались в социализме. Оказалось, те, кому наречено было «стать отсталыми», более нуждались в утопии, чем те, кто по всем показателям цивилизованности шел впереди.

Мировая революция не удалась – где же выход? Раз нельзя стать «законноотсталыми», то что же – России в одиночку проламываться вперед? Чаадаевский вопрос постучался в дверь к Ленину. Ответ Ленина на него, сокращая до телеграммы, можно выразить словами – *мировая революция в одной стране*. Формулой, настолько противоречивой, что она не поддается ни развертыванию, ни осуществлению.

Но Ленин рассчитывал, что ему удастся соединить две вещи – уходящий, он все еще на это рассчитывал. Что прорыв, совершенный в России, ее скоротечный и скоропостижный социализм, можно употребить для отвоевания, как он стал говорить, «*элементарных предпосылок цивилизации*».

– Тезис знаменитый, но как его понимать? Чего только не называют «цивилизацией»!

– Кстати, о словах. Ленин – человек много пишущий. У него, как у любого много пишущего, есть очень интересные статьи и есть неинтересные. Но Ленин всегда был строг при использовании терминов. Скажем, он ни *разу в положительном смысле не употребил слово «патриотизм»*. Есть только одна маленькая запись, где, выступая на крестьянской фракции съезда Советов, он похвалил крестьян за «патриотическое поведение» в годы гражданской войны; но нет ни одного письменного текста в этом духе. Или другой пример. Когда Ленин пришел к мысли, что в России после революции 1905 года старую власть в ее новом виде самодержавием называть нельзя, он *ни разу* после этого не употребил слово «самодержавие».

К чему я это говорю? К тому, что Ленин и либеральный термин «цивилизация» тоже не употреблял до того в ответственном, категоричном смысле. А в конце жизни на это понятие стал делать главный акцент. Что такое будущее России? *Строй цивилизованных кооператоров!*

То есть мы куда-то прорвались, возможно, вперед, и теперь обратим свой прорыв в заботу о том, чего не имеем. На подходе могучий союзник – *Азия*. Сотни миллионов людей, которые впервые пробуждаются, как верил Ленин, к буржуазно-демократическим преобразованиям.

Утопия продлеваемого начала – вот ленинское последнее слово. Кто-то должен изнутри остановить далеко зашедший социализм, употребив его как цивилизующий инструмент и протянув руку Азии, где только приближаются к буржуазно-демократическим преобразованиям. Но чем это будет вместе?

Утопия продленного начала незавершаема. Кто именно превратит скороспелые завоевания военно-коммунистического социализма в основы будущей российской цивилизации – начальной, азбучной? Кто именно протянет руку народам, на самом старте буржуазно-демократических перемен в Азии?

Предмет будущего преобразования был нов и непонятен. О реализме его по сей день судить нелегко, хотя утопизм не означает чего-то запретного разумению и политическому действию. Только кто субъект утопии?

Кто тот могучий, отступая, вместе с тем опережающий время субъект-преобразователь, способный удержать Россию в Мире, – кто он? Насадить мировую цивилизацию внутри России, а затем и в Азии, – кто на это способен? Кому уходящий Ленин передаст свои мысли – партии? Но тогда представителем мирового процесса в России станет та самая РКП(б), что из малозаметной группы единомышленников превратилась в военно-бюрократического колосса, вкусившего власти, не собираясь ни с кем эту власть делить. «Военно-коммунистическая партия» настолько отождествила себя с властью, что уже не мыслит никакую власть без себя. Как она может осуществлять проект перезапуска мирового начала в России?

Перед последней чисткой в РКП(б) Ленин наперед давал указания: вычистить половину членов партии! Он не мыслил ее большой, видимо, соразмерив тяготу новой цели с многочисленностью и властолюбием партийного множества. Но вне партии – кто? Вне партии для Ленина ничего дееспособного в России не существовало.

– Ты начал с Ленина как мыслителя, идущего вслед Чаадаеву. И заканчиваешь его крахом в роли чаадаевского ставленника?

– Вообще говоря, не очевидно – *можно ли считать Ленина мыслителем?* Кто он по отношению к марксизму? Для меня Ленин олицетворяет неклассический марксизм, но что это? Долгий разговор. Для этого надо заглянуть вглубь того, что происходило с марксизмом с того самого времени, когда Маркс, обьявив свой вопрос, заявил ответ.

У всякого большого духовного течения есть свои эпигоны и свои ревизионисты. Ревизионист и эпигон – понятия не ругательные. Из проповеди Иисуса прямо вытекала идея человечества, но не Иисус же сказал: нет ни эллина, ни иудея. Это сказал апостол Павел, христианский ревизионист. Христос не перешагнул за пределы еврейского Мира, хотя обращался к каждому в отдельности так, будто имеет дело с ним, как со всем человечеством. Но движение так не создашь – кто-то должен был людей в это русло подвинуть.

Люди исповедуют христианство потому, что человек Павел придумал организацию, которой люди могли войти в это русло. И если иметь в виду идею человечества, то полагаю, что без первой ревизии Павлом эта великая Иисусова идея потонула б в песках. Ревизия Маркса Лениным была мотивирована его желанием ответить на чаадаевский вопрос о России. Ленин на него не ответил, но в какой-то степени он этот вопрос снял.

72. Ленин внутри и вовне капитализма по Карлу Марксу. «Манифест коммунистической партии» отменяется.

– Меня зря учили, что «ленинизм – это марксизм XX века»?

– Трафарет сопоставлений Ленина с Марксом исходно ложен. Ленин мог стать его продолжателем в XX веке, только ничем Маркса не повторяя. Вопрос о близости Ленина к Марксу лишь вопрос о профиле неповторения.

Конечно, люди они разные. Трудно представить себе Ленина читающим Шекспира в подлиннике, и невозможно вообразить Маркса с ружьем на охоте. Образованность Маркса с образованностью Ленина несопоставима. Люди разного склада, они шли от разных традиций. Маркс – от древних, Гегеля и Шекспира, от европейской культуры в первоисточниках. Ленин классическую европейскую культуру знал фрагментарно, и *только через русскую культуру*. И русскую культуру воспринял в окоеме разночинца: сквозь Чернышевского, Писарева и считанных других.

Ленин не был догматиком, хотя крайне настороженно относился к отходу от Маркса. Я позволю себе назвать Ленина еретиком, не сознавшим в своей истинной вере. Но что значила ленинская ересь антидогматизма по отношению к целостной теории, какую создал Маркс?

Антидогматизм относится к теории *как к целому*. Человек, движимый вопросами, на которые не находит ответа, пересоздает целое, даже если прямо так не ставит свою задачу. В этом смысле Ленин антидогматик. И главное отличие между ним и Марксом состоит в разных образах Мира. Для Маркса и для Ленина Мир был высшим критерием и единственным предметом мысли, но Мир они видели по-разному.

Есть вещи, эпатазирующие марксоведа. Я подозреваю, что Маркс изучал не реальный капитализм, а нечто совершенно иное. Капитализм Маркса – это развернутая им на экономическом материале голограмма идеального. Поскольку Маркс рассматривает капитализм как обладающий идеальной способностью к самопреодолению на любом витке циклов своего восхождения, то, исследуя капитализм, он изучает нечто, находящееся за его пределами, но вместе с тем остающееся еще в пределах истории. Я беру такую его формулу: «всякий предел есть подлежащее преодолению ограничение» – Марксов капитализм действует по этому правилу. Здесь я ставлю вопрос: тогда само преодоление – беспредельно? Следовательно, и капитализм вечен.

Тогда под сомнение подпадает идея коммунистической революции и понятие пролетариата – в чем, собственно говоря, теперь состоит миссия пролетариата? Самопреодоление капитала идет в рамках мировой истории, и его преодоление в том, чтобы покончить с историей. Итак, коммунистической революции нужно выйти за пределы истории, однако всех остальных ей нужно заставить в эти пределы войти!

– Может быть, тут другая последовательность? Сначала заставим всех войти в дело, а потом выйдем за пределы, все вместе?

– Да, прекрасно. Но если так, возникает чудовищный логический переход. В том, что неисполнимое, подобно древнему идолу, нуждается в человеческих жертвах, оставаясь при этом все-таки неисполнимым, – что за безумная мысль!

– Но зачем же так сразу говорить про неисполнимость? Вот план: всех втягиваем в капитализм, подравниваем строй и идем дальше. Правда, не знаю, какое отношение к этому плану имеют коммунизм и социализм.

– Социализм для Маркса лишь заключительная фаза капитализма, если вдуматься. Но вопрос в том, что в Мире Маркса означает самопреодоление? Буржуазное общество или Мир как единое общество капитала, если логически довести до конца, – что такое тогда движение его самопреодоления? Капитализм при этом – уже не капитализм?

Тут личная трудность: самопреодоление – это прекрасно, однако и Маркс – автор «Коммунистического манифеста» никуда не ушел. «Пролетариат-могильщик», революция и всё прочее остаются.

В 1960-е годы любили говорить: гуманистический Маркс открыл отчуждение, а отчуждение бесчеловечно. Но что значит отчуждение по Марксу? Синоним прогресса. Человек отчуждается от непосредственных форм деятельности, он им уже не хозяин. Этой ценой он включается в универсальный процесс, охватывающий всех на земле. Чем масштабней отчуждение, тем выше универсальность включения каждого человека в процесс. И только на высоте отчуждения может произойти коммунистическое превращение во что-то, что будет принципиально отличаться от старой цивилизации, но чего Маркс, конечно, не знал. Поэтому выдумывал «черты коммунизма», о которых написана уйма макулатуры: что досуг будет занимать гигантское место, а человек будет то землепашцем, то композитором – чухь собачья! Просто его прижимали социалисты-агитаторы, и он им объяснял коммунизм на пальцах. Что, вообще говоря, Марксу не свойственно.

Вот Маркс открывает материалистическое понимание истории. Он уже не «молодой гуманистический» Маркс, а зрелый стоик. Он пишет свои исторические работы: диалогию «Классовая борьба во Франции» и «18-е брюмера Луи Бонапарта». С точки зрения того, что вообще называть марксистским видением истории, здесь его высшая точка. Как плоть понимания ничего нет выше «18-го брюмера», это шедевр. Зрелый Маркс во всей силе и славе своих открытий проверяет и доказывает их гениальным текстом. Казалось бы, вот Маркс зрелый и окончательный. Ему уже безразлична политэкономия, она ему не нужна. Как вдруг происходит нечто – и остаток жизни Маркс посвящает написанию «Капитала».

Почему? Политэкономия, безразличная ему до 1857–1859 годов, вдруг отодвинула прочее, заставив целиком сосредоточиться на ней. Поздний Маркс вступает в спор с Марксом – автором «Манифеста коммунистической партии».

Только тут мы начинаем входить в подлинную историю Маркса. Причем это страшно интересная история.

– **История о написании «Капитала»?**

– Нет, история о том, как рухнул в одночасье «Манифест» Карла Маркса. Хотя многое готовилось исподволь. К середине XIX века концепция «Манифеста» обросла необъяснимой конкретикой. Например, в мировые чемпионы развития вдруг вырвалась Англия – которая в «Манифесте» еще выглядит сгустком непримиримых противоречий.

– **То есть конкретика плохо объясняла события? Какие именно?**

– Вернемся к исходной Марксовой схеме революции, как она вытекает из «Манифеста». Капитализм сделал свою работу, и теперь он сам себе в тягость, он помеха собственному результату. Надо изъять у него этот универсальный результат, покончив с ним самим как с системой, – что и есть коммунистическая революция. Дальнейшее – вопрос конкретики: откуда она может начаться?

– **Есть варианты?**

– Возможна революционная война Европы против России при участии Англии. Возможен экономический кризис с развалом буржуазной власти и социальным отчаянием масс, переходящим в революцию. И тут как раз на подходе очередной кризис 1857 года! Маркс с Энгельсом просто помешались на этом кризисе. Энгельс извещает его о всех банкротствах, даже об актах разбоя: тоже хорошо – революция на подходе! Маркс даже завел журнал, куда всю эту белиберду заносил.

Нарастают приметы революционного *Dies irae* – банкротства, нападения, забастовки. Вот-вот всё пойдет согласно «Манифесту» – с поправками, которые Маркс внес за эти годы. А тут кризис вдруг взял и рассосался!

Казалось бы, что положено делать ортодоксу из коммунистической «палаты номер 6»? Вскричать: ура – готовимся к будущему кризису! Что бы сделала наша академик Панкратова? Испекла пирог в память ушедшего кризиса и дожидалась будущего. Но Энгельс растерян. Он спрашивает Маркса: ведь кризису надлежало перерасти в европейскую революцию, а это не сработало! Маркс отвечает ему письмом, столь же странным, как его истинно потрясающие «Тезисы о Фейербахе». Отвечает письмом, в итоге которого у него самого меняется всё.

Вывод Маркса – капитализм пережил свой «второй XVI век» и теперь начался сызнова. Значит, капитализм обладает неизвестным коммунистической теории ресурсом – за счет чего? За счет *пространства планеты*. Капитал распространяется вширь, его масштаб меняется. У Маркса появляется политически богатый вопрос: если даже социалистическая революция победит на «ничтожном клочке Европы», не будет ли та раздавлена восходящим развитием буржуазного общества других континентов?

Короче – «Манифест» отменяется! Встает другая задача: капитализм может быть преодолен только капитализмом же – и Маркс уходит заниматься политэкономией.

Для автора «Манифеста коммунистической партии» естественно было не интересоваться политэкономией богатства – раз капитализм уже выполнил историческую роль, почему я должен им заниматься? Но для человека, который понимает, что его роль теперь в чем-то другом, весь процесс видится иначе. Правда, встает вопрос: как быть с курсом на революцию пролетариата – не делать революции? Нет, и от этого Маркс отказаться не может.

- Смог себя всего пересмотреть, а через любимую идею переступить не смог?
- Разве Иисус смог?

73. История с «Всемирной историей».

– Решили издавать «Всемирную историю» – первую советскую и первую марксистскую; начали ее делать. Собрали лучших историков, по каждому региону мира, заказали тексты, сводим под один переплет. Как вдруг обнаружилось, что каждый пишет об «особенностях развития» своей группы стран. При сравнении оказывается, что никакие это не особенности, всюду то же самое – а вместе не лезет. Либо идти по странам, страна за страной – от Англии до Японии. В конце концов, когда я уже вышел из дела, они на этот путь встали. Но сперва мы искали концепционные рамки для истории всемирного целого.

Я занимался русской историей, и поначалу в редакции «Всемирной истории» был куратором истории России и СССР. Все настаивают – пусть русская история с самого начала излагается как история СССР. Я спрашиваю – это как? Раз Индия – колония Великобритании, то и в древней истории мы ее введем в английскую историю – и такую чушь назовем марксистской всемирной историей? Сделал доклад: понятие «формации» не подходит, нет синхронности. Нам нужны естественные синхронности, и для этого есть понятие *эпохи*.

Соппротивление было бешеное, Сталин тогда только умер, а я выглядел космополитом, который вдруг ожил и поднял голову. Пришлось утвердить инструкцию редакциям всех томов, за четырьмя подписями: вице-президент Академии наук, директор института, главный редактор «Всемирной истории» и я. Ею предписывалось, смешно сказать, что все части истории СССР в каждом томе должны находиться в историческом соответствии с тем, чем они были в данный отрезок времени.

Боже, какое озлобление! С каким неистовством одними утверждалось, что в Древнем Египте было рабство, а другими, что его там нет! Это же советская наша повадка: расстрелять или оставить в живых? Дать или не дать? – вопрос жизни и смерти. И когда я в роли модератора сказал: «Напишите просто, есть две точки зрения», – спорщики глядели на меня как на кретина! Как так – на *одну* историю *две* точки зрения?

74. Тайная переписка с народниками. Письмо Маркса Вере Засулич.

– Помнишь, как в 1973-м ты размышлял на тему «континуума Маркса»? У тебя тогда начинался новый цикл рефлексий о Марксе и России.

– Ну как же. Был эпизодик, я о нем узнал в ленинградском Доме Плеханова. Борис Иванович Николаевский рассказал, как посредничал между издательством Гржебина и Рязановым. Встал вопрос об издании архива Аксельрода. Павел Борисович вытащил целую корзину документов, извиняясь, что порядка в бумагах нету, а Николаевский ему – вот и славно, что нет, приводить в порядок буду я! И на дне корзинки он обнаружил никому до тех пор не известное письмо Маркса Вере Засулич – то самое, знаменитое. Аксельрод был крайне смущен, что его скрывал, – видно, из-за слишком «правонароднической» интонации Маркса. Уже по следам открытого письма Рязанов рванул в Париж, в архив Ла Фарна за вариантами, где и нашел черновики.

То была интеллектуальная сенсация. Идея разнонаправленного развития у меня отсюда и появилась. «Искровское» начало Ленина для меня стало просматриваться сквозь ход событий, не зависящий от того, чьим поступком он начался. Я увидел Маркса актуальным участником русской истории, но не таким, как в тогдашней прогрессивной литературе, – с делением на раннего «гуманистического» и позднейшего «Маркса-экономиста».

75. Проект Маркса для России. Три круга развития.

– Вот базовый тезис Маркса: от европейского локуса, где община уже распалась, универсализация идет экспансией локуса на планету. Первобытная община дуальна: в ней есть коллективное начало и собственническое. Устойчива она при балансе двух начал, но баланс распадается – собственническое начало всегда берет верх. Здесь первоисток западной цивилизации и Мира, каким Маркс его видел прежде. Не в том смысле, что весь Мир пойдет только этим путем, но когда часть Мира уже им пошла, она глобализирует существование остальных, невзирая на жертвы. Таков Мир Маркса в первой его редакции. Уже тогда автором была замечена трудность, задвинутая им надолго в интеллектуальный запасник, – *конфликт разнонаправленных развитий*. Он рано у Маркса наметился, но аксиоматика взяла верх.

А второй вариант тот, который им так замечательно назван в «Капитале», – *органический строй*.

Все незападное – это органический строй. Он может бесконечно себя переживать. Империи будут распадаться и возникать вновь, но их элементарная клеточка, община не меняется. Таков органический строй.

Русская община – на грани того и другого. Но есть Россия, в которую, с точки зрения Маркса, капитализм уже *всажен*. Эта гигантская крепостная машина поддалась капиталу благодаря тому, что буржуазный строй Запада достиг весьма высокой, с Марксовой точки зрения, – последней ступени развития. Появились железные дороги, банковский кредит и так далее. У России, говорит Маркс, есть новый шанс благодаря тому, что Запад достиг высокой фазы буржуазного развития. Есть Мир, который Запад вбирает и подчинит реально. А в России, где община не добита, а революция уже сильна, есть шанс двинуться по-иному, не приводя себя к единому западному основанию.

Как это Маркс себе представлял относительно России? Весьма любопытно.

В центре первого кольца – община. С одной стороны, в ней есть кой-какие коммунистические задатки (Маркс тут отчасти соглашался), с другой – вторгшийся в Россию буржуазный порядок может их расколотить. Русским надо *задержать* процесс общинной деструкции, одновременно поднимая общину на уровень цивилизации. Удержать общину от растаптывания монетизацией, а с другой стороны – ее цивилизовать.

Тут второй круг – народовольцы революционизирующей России и образованные классы. Маркс, а вслед ему Энгельс в отношении России употребляют термин, который они никогда не станут употреблять в отношении Запада: *образованные классы!* Что за терминология? Они люди, вообще говоря, привередливые по части точности выражений!

Смысл в том, что русская революция создает второе кольцо, которое удержит общину в ее дуалистическом равновесии, вместе с тем ее цивилизует – каким образом? Поскольку революция, обращенная к этой цели, получает весь инструментарий уже привнесенный самодержавием в Россию: железные дороги, банки, кредит и прочее.

Но есть еще третий круг. Им станет социалистическая Европа, которая через второй круг действует на ядро – выступая первоисточником цивилизующей политики.

Кстати, картинка, которую Маркс рисовал народникам: община, второе кольцо и третье – не бессмысленна и теперь. Есть мир высоких цивилизаций, где новая Россия опять выполняет роль маргинала. И где цивилизованный Мир ради самосохранения должен сделать поприщем деятельности миллиарды землян. А внутри себя экономически и антропологически облегчить смену деятельности – чтобы все жили иначе, но жили как люди. Для этого из мира гигантских корпораций и гонки потребления надо как-то перейти в тот Мир, который уже на подходе. Либо погибнуть, что вовсе не исключено.

76. Аграрная проблема в России. Несносность существования и «черный передел».

– Чем было земельное устройство старой России? Дело не в том, много было земли у крестьянина или мало, – это нелепая постановка вопроса. Мало земли станет потом, а поначалу было не так уж мало, да и освободили крестьян не так плохо. Земли хватило, чтобы после раскрепощения в 1860-е годы в России произошел демографический взрыв. И промышленное развитие оторвалось от перенаселенной деревни. Страшное для общинного землеустройства, перенаселение в дальнейшем погубит столыпинский почин.

Не мнимый «дворянский грабеж» толкал крестьян в сторону бунта и новой пугачевщины. Совпали две вещи – во-первых, слишком высокие выкупные платежи, а отсюда денежный разор – в момент, когда крестьянин только-только встал на ноги и начал хозяйствовать на своей земле. Там такой расчет был, чтобы выкупные платежи взимать аж до 1930 года (занятое совпадение!). Но грянула первая революция, и крестьянские долги пришлось ликвидировать.

Община вынуждала всех и каждого в расходах участвовать. Нет денег? Иди зарабатывать в город. Но мужик хотел сам выкупить свою землю, он ради этого из последнего лез, русский крестьянин! Многие факторы делали положение для мужика не столько тяжелым, сколько *несносным* – это у людей совсем не одно и то же. Сохранение фактически старых разрядов на земле: удельные земли, царские, помещичьи, государственные и тому подобное. Чересполосица и чехарда в межевании земель после реформы, против чего еще Чернышевский мудро предупреждал: не давайте помещику соседствовать с мужиком – их надо развести! Добирая земли, крестьяне вынужденно шли в кабальные отношения. А отсюда в них исподволь нарастала утопия и потребность – обратить земледельческую мужицкую Россию в единое поле, всю и разом, снизу: *черный передел*.

77. Крестьяне Маркса на полях Михаила Бакунина. Осуществима ли не-унитарная революция?

– В логике Маркса есть землевладельцы, но нет места крестьянству. Крестьянство у Маркса появилось впервые только в пометках на полях бакунинской «Государственности и анархии». Бакунин заставил его признать, что существование крестьянства не рудимент, а нечто, требующее введения в предмет. И Маркс пишет на полях его книги, что будущая коммунистическая революция должна дать крестьянству не меньше, чем дала Великая французская. Раз *должна дать*, то и крестьянство для этого *должно быть*. А в логике «Капитала» крестьянству места не было. Хотя это большая часть земного населения.

«Теория прибавочной стоимости», которую Каутский опубликовал в 1905 году, утвердила Ленина в правоверности его взглядов и помогла избавиться от тайного комплекса: уж не народник ли он? Анна Михайловна рассказывала, что Бухарин, когда ездил осматривать архив Маркса, просмотрев рукопись третьего тома, горько вздохнул: эх, но что же ты недописал про крестьянство!

Марксу очень важно, что на подходе Россия. Но важны и трудности внутреннего движения «Капитала», где предмет заявлен как *унитарно-планетарный*. А планетарный оказывается не унитарен! Получается, что и коммунизм может быть унитарно-планетарен, а может быть глобален по-другому? Капкан предмета. И с этим Маркс уходит.

Тут аналогия с Гегелем: диалектика не срабатывает. Диалектика Гегеля – это, если угодно, форма экспансии европейского человечества. В гегелевской форме европейское человечество себя реализует универсально: это духовный аспект несостоявшейся глобальной формы европейского человечества. Но для Маркса новоевропейское человечество уже есть. Оно подразумевается понятием *экономической формации общества* («общественно-экономическая формация» лишь дурная советская калька).

Для Маркса вопрос о происхождении капитализма не слишком актуален. Уже есть *экономическая формация*, а прочие общества – он не случайно в «Капитале» употребляет выражение «органический строй» – могут быть представлены внутри нее как ступени ее движения. То ли ходом планетарной коммунистической революции, то ли ходом развития капитализма, в которое втянут весь земной шар. Поскольку движение идет в форме самопреодолевающего генезиса.

Маркс никогда не говорил, что азиатский способ производства несет в себе якобы эмбрионы капитализма, – все наоборот. Поскольку есть уже экономическая общественная формация, то остальные – которые имманентно едва ли бы к этому пришли – вынуждены *стать* ступенями к финальному состоянию капитала.

– Прости, а кто решил, где самое прогрессивное? То есть Маркс вывел из внутреннего объективного закона развития, что лучше для отсталых?

– Сперва он, как хороший ученик Гегеля, вывел это из природы Духа. Ведь чем занимается абсолютный Дух, в чем себя овнешняет? В народах-ступенях. Можешь это назвать расизмом и как угодно, но для Гегеля здесь тактика исхода из катастрофы Просвещения. Ему ясно, что Французской революцией Просвещение терпит катастрофу, и он отклоняет деление человеческой жизни на разумное – и неразумное, которое должно «вразумлять». Отклонив, он саму историю обращает в вразумляющее движение Духа. Вершины истории, ее падения, бездны – Гегелем всё включено; движение Абсолютного Духа уравнивает всех. Бездны и зло человеческого существа более не удалены за ограду разума. Но в негегелевском мире тут затруднение: может ли капитализм самореализоваться внутри себя? Или ему необходимы для этого некапиталистические общества?

Капкан внутреннего движения и капкан реализации в чем-то совпадают. Если первоначальная проблема не поддается решению в ее унитарной редакции (*глобальность не может быть унитарной*), то реализация тем более унитарной не может быть. Будучи планетарной, она не может быть унитарной – но какова же тогда эта самая *не-унитарная революция*?

78. Карл Маркс, заскучавший за «Капиталом». Конфликты всемирных альтернатив.

Как рождалась идея «руководимой спонтанности»

– Вот вопрос конца жизни Маркса. Вот почему Маркс не смог кончить «Капитал» и стал искать решение в русской народнической революции и тому подобном. Здесь проблема конфликта разнонаправленных развитий между неумолимым движением к единству и неустранимыми различиями в типах и образах человеческой жизнедеятельности начинают передвигаться в центр мышления. Таков Маркс уходящий, Маркс последних лет жизни. Маркс, для которого аграрный вопрос, хотя бы в виде проблемы общины, приобрел фундаментальное значение, ибо в свете его он пересматривает исходную аксиоматику.

Когда я говорю, что у Маркса возникает проблематика конфликта разнонаправленных развитий, что я имею ввиду? Не просто, что одна сторона идет впереди, а другая от нее отстает. Та уже вошла в высшую фазу развития, а другая застряла в первоначальной фазе. Я имею в виду другое.

Все страны идут по такому пути развития, где капитализм, буржуазная цивилизация, буржуазное гражданское общество является неперенным основным звеном. Оно – модель, куда втягивается мировая история, все наследство – культурное и материальное – этих обществ и из ресурсов которой в эмбриональной форме отрицания рождается коммунистическая цивилизация.

– Итак – одни достигли этой фазы, а другие ее не достигли или только начинают?

– Нет. Я думаю, что для этого последнего, условно «третьего», уходящего Маркса последних лет его жизни речь шла уже о другом. О том, что возможно *другое развитие*. Которое тоже является универсальным, но идет другим путем, имея другую магистраль, обладающую всеми признаками развития. Прежде для Маркса развитие было одно, в единственном числе для всего человеческого земного шара, а теперь возможны *развития*, во множественном числе. Тогда встает новая проблема того, как это другое развитие, идучи своим ходом и взаимодействуя с классическим буржуазным развитием, создаст собственный вход в коммунистическую цивилизацию? Ведь на промежуточных ступенях между ними возможны тяжкие *конфликты развитий* – в форме войн, ожесточенных столкновений. Здесь в смутной, первоначальной еще форме, присутствует многое из последующего, что мы переживали на нашем веку. Тогда есть не только развитие, а еще и *неразвитие, предразвитие, недоразвитие, отставание* и т. п.

Сама постановка вопроса о том, что развитие возможно во множественном числе – конечно, требовала ревизии всех первичных посылок. Обладал марксизм ресурсами изменения аксиоматики своих собственных посылок? Если бы речь шла только об ортодоксии II Интернационала, можно сказать, что не обладал. Но в этой связи возникает фигура Ленина, опыт Ленина, его место.

Можно показать, что Ленин, не зная о кризисе Маркса последних лет его жизни, специально уходил от этого знания. Характерный пример, очень симптоматичный. В 1908 году была впервые опубликована переписка Маркса с Даниельсоном. Переписка большой теоретической важности для Марксова взгляда на Россию, для понимания того, как он мыслил себе ее революционное развитие. Ленин, регулярно откликавшийся на публикации Каутским переписки Маркса с другими деятелями, на появление этой переписки не откликнулся никак.

Это можно объяснить случайностью, но я так не думаю. Думаю, тут был психологический барьер. Ленин боялся самому себе признаться в проблемном родстве с народничеством, в своей проблемной близости к нему. Хотя на самом деле он после Плеханова вернул русскую социал-демократию не к народничеству, а к его теоретической проблематике, которую Плеха-

нов упразднил как предрассудок. Ленин интуитивно, а дальше сознательно понимал, что все обстоит не так. Что устойчивость, распространенность народничества, переход его из интеллигентского движения и публицистики в движение крестьянских низов 1905 года – когда крестьянин вдруг заговорил языком народников – все это требует объяснения и имеет отношение к фундаменту теории, а не к ее периферии. Однако Ленин до конца старался быть ортодоксом, даже в конце жизни, когда он диктовал свои последние мысли. Даже ставя риторический вопрос, означают ли огромные изменения, внесенные русской революцией, в то, как делается революция, в каком отношении находится ее начало к ее продолжению и т. д., – означает ли это изменение в ортодоксальном взгляде на мировой ход вещей? Нет, отвечает Ленин, – не означают!

Но на самом деле они означали. Проблема *начала* для Ленина имела первостепенное значение, какого для Маркса все-таки она не имела. Как политик, человек трезвого мышления, реалист Маркс понимал, что начинать «сразу со всего» нельзя. У революции есть движение во времени, есть свои первые шаги и последующие. Но я бы не сказал, чтоб проблема начала революции имела для него специальный философский интерес.

Ленин начинает как молодой марксист-ортодокс, но он ортодокс, у которого неясности там, где Плеханову все ясно. У Ленина, подобно Федосееву, за которым он шел вначале, были русские трудности. Для Плеханова падение крепостного права – исторический сюжет; было и прошло. Теперь Россия другая – буржуазная. Для Ленина эта история действует в настоящем, многое определяя собой на будущее. И хотя Ленин говорил о «пережитках», о «гигантских остатках крепостничества», эвристически у него неявным образом нарастал другой вопрос. Тот самый, какой ставил еще перед Марксом Даниельсон. Он говорит: «В России уже есть капитализм, он насажден государством, но что дальше – какова его судьба? Может ли он из привнесенного извне, из деспотически насаждаемого сверху абсолютистской властью, которая обладает возможностями вмешиваться во что угодно в России, – может ли такой рынок стать органикой? *Естественный исторический процесс* – любимое выражение Маркса. Так вот, спрашивал Даниельсон Маркса, который считал, что коммунизм может прийти только в результате естественно-исторического процесса, – совместим ли капитализм с органикой такого внедрения сверху?

Я не могу сказать, что Маркс дал на это исчерпывающий ответ. Но такой вопрос был вообще непонятен с точки зрения классического марксизма. Если есть буржуазное развитие, то оно тем самым уже обладает всеми ортодоксальными атрибутами: Мир – одно глобальное общество, оно же воплощение «естественного исторического процесса, который...».

Маркс выходил поначалу из положения так (в одном из писем Даниельсону): он говорил, что то, что является на Западе высшим продуктом буржуазного развития – железные дороги и банки, – эти конечные, венчающие буржуазное развитие Запады продукты материальной цивилизации выступают здесь как *орудие дезинтеграции* всех традиционных первоначальных форм. Процесс дезинтеграции – именно так у Маркса. Это неудачно переводят на русский язык как «разложение», а надо – дезинтеграция, то есть утрата прежней созданной русскими в XVI–XVIII веках целостности имперского крепостнического организма. Где товарно-денежные отношения всегда играли не последнюю роль. В России после реформы развитие капитализма шло вначале преимущественно не в сфере производства, а в сфере обращения. Комбинация железных дорог и банков была стартовой площадкой пореформенного развития. С самыми разными последствиями, причем развитие товарно-денежных отношений и крупной машинной индустрии было только одним из них. Другим последствием стала интенсификация крепостничества и докапиталистической ренты. То, что на Западе венчает инфраструктуру буржуазного развития, в России выступает как инструмент и орудие дезинтеграции. Открытый вопрос – каковой будет новая русская целостность? И будет ли она буржуазной? Может быть,

из капиталистической дезинтеграции России, подразумевал Маркс, вырастет какой-то промежуточный ход в коммунистическую цивилизацию?

Хотя вопрос, который ставил Даниельсон, был с точки зрения классического марксизма нелеп, тем не менее Маркс его принял. По-своему его принял и Ленин, конечно, не соглашаясь с Даниельсоном. Когда Ленин пишет «Развитие капитализма в России», какую он проблему решает?

Нетрудно проследить, что одну из глав он написал позже других, и она выламывается из архитектоники его труда: это третья глава. В ней вводится представление о *крепостническом помещицьем хозяйстве*, которое дальше будет у Ленина развиваться и расти. В ней возникает тема, которая в будущем станет собственно ленинской: да, в России есть буржуазное развитие.

Капитализм в России уже есть, но есть ли капиталистическая, буржуазная Россия? Ленин отвечает – *нет*. Ее нет. Капитализм есть, а достроиться до новой целостности естественным путем Россия не сможет – это сделает революция.

Буржуазная революция в России не будет революцией по Плеханову – политической достройкой спонтанно победившего процесса буржуазного развития. Революция в России *сделает возможным* спонтанное буржуазное развитие в масштабах страны. Только она, доходя в этом до каждой деревни, до самого глухого угла России, создаст тем самым ее принципиально новую целостность. Поскольку это задача революции, то внутри ее самой это может сделать только революционная власть – рождаемая развитием революции и единственно способная сделать ее победоносной. Не только ради политической победы – свержения самодержавия и ликвидации абсолютизма, но и в социальном смысле, то есть ликвидируя российское *полукрепостничество*.

Понятие «полукрепостнической России» слабо выражает подтекст мысли Ленина – из России, не способной доразвиться до капиталистической целостности, превратить в способную к этому. Ленин постоянно говорит о капитализме свободной конкуренции как о том, к чему уже пришел Запад и к чему должна прийти Россия. Аграрный вопрос у него превращается в вопрос о ликвидации остатков крепостничества и превращается в вопрос о *направлении развития и о его модели*. О достройке России до целостности гражданского общества, буржуазной цивилизации. Эта совершенно новая буржуазная революция в России по Ленину (если брать революцию, как он говорил, «типа 1789-го или типа 1848 года»), во всемирно-историческом смысле идет на уровне Великой французской революции и в пределах человеческого массива Российской империи и той Азии, что облегает Россию. В евроазиатском масштабе русская революция выполняет роль классической буржуазной революции для неклассических условий развития.

Превращая аграрный вопрос в вопрос выбора типа развития, Ленин приходит к тому, что возникло в голове у Маркса конца его жизни.

У него возникает совершенно новая идея развития. Решение аграрного вопроса создает в ней исходную предпосылку спонтанного естественно-исторического развития России. Эта спонтанность своим ходом не может пробить себе путь – *спонтанность вводится*. Как капитализм в России первично вводим абсолютизмом, так и свободное буржуазное *развитие вводится сверху революцией* – в лице революционной власти, которая выступит демиургом спонтанного развития, творцом естественно-исторической эволюции.

В этом парадоксальном нововведении заключены все будущие коммунистические катастрофы – включая коллективизацию и эксперименты Мао. Когда власть, творимая революцией, выступает «демиургом спонтанности», то эта новация невольно может разойтись к своим полюсам. Одним из полюсов станет огромная утопия, питающая порыв миллионов крестьянских масс, а другим полюсом явится гипертрофия возникающей внутри революции власти. Которая из инструмента, предназначенного дать простор развитию, превращается в нечто иное.

Возникает *распорядитель развития*, который почти изначально, утратив свойство спонтанности, приобретает совершенно другие свойства.

Итак, вопрос о наследстве не может быть поставлен в манихейском стиле как вопрос о хорошем и плохом, о добре и зле. Худшее выросло из великого, а отход Ленина от Маркса стал причиной того, что марксизм приобрел глобальную силу в соавторах нынешнего Мира. Учись у Тацита смотреть на всю сумму последствий, взятых в их внутренней связи, а не разложенными по плюсам и минусам.

79. 9 января 1905 года. Царский штандарт.

– В параллель тому, как Ельцин то ходит на съезд, то не ходит, полезно вспомнить, как случилось в России 9 января 1905 года. Когда Гапон повел людей к Зимнему, он еще никаким агентом полиции не был. Есть подробность этого дела: царь Николай на всякий случай отъехал, и в Питере его не было. Царский штандарт над дворцом положено спускать, когда царь в отъезде – но его намеренно не спустили. Люди шли к царю, будучи уверены, что тот у себя во дворце. Царь поступил как трус и спровоцировал Кровавое воскресенье.

80. Первая русская интеллигентская революция. Историк как плохой лидер. Взлет и провал кадетов.

– Не понимая хода событий, после декабря 1905 года Ленин ждал второго вооруженного восстания – полная нелепица! А революция пошла как горизонтальный взрыв. Мастеров, которые считались мерзавцами, рабочие гнали с фабрик. Люди осваивали поляны несовпадающих микрополитик, не соединимых ни во что общероссийское.

Психологический портрет первой русской революции невозможен без понимания того, что она восходила на местности «снизу». Ведь революция была поначалу кадетская, интеллигентская!

У Луначарского есть книжечка о революции 1905 года. О том, как Ленин не смотрелся на ее фоне и не нашел себе места. Ему мешала сосредоточенность на партии: сажают в тюрьму, надо воссоздавать комитет, а Ленину важно, кто там – большевики или меньшевики?

Вообще интересно написать трагедию кадетов. Возникла чистой воды партия русской интеллигенции, но имевшая несчастье взять историков в руководство. Не будь Милюкова, уже к 1917 году была бы сильная партия.

– Что если беда не в историках, а в Милюкове?

– Учти: Милюков выходец из младшего поколения государственной школы русской историографии, мощной и хорошо разработанной. Он был доктринер уже по концепции, самый настоящий, вровень Плеханову. Стал бы лидером Андрей Иванович Шингарев, да чересчур добрая душа. К тому же у кадетов было два ЦК – петербургский ЦК и московский одновременно. Об это разбились, так как их московский ЦК был гораздо левей столичного.

Трагично Выборгское воззвание в защиту разогнанной I Думы. Собрались в Выборге, кадеты, естественно, предводительствуют. Написали прокламацию радикальнейшего смысла – налогов не платить, рекрутов не давать. Два дня спустя кадеты отказываются, мол, не то написали – позор! Во время революции самоубийство отказываться от сделанного – для политики немислимая вещь.

– Их на воззвании подловил Столыпин, всех лишив депутатства.

– Ну конечно. И все-таки ореол арестованных был, плюс было воззвание. Конечно, никого бы в стране оно уже не подняло. Но могло заставить двор призвать их к власти.

В верхах была очень интересная распасовка сил в конце ноября – декабре. Аграрные проекты, составлявшиеся в околотарских, крайне правых кругах, радикальней кадетских! Как у нас Горбачев не понял природы национального вопроса, так кадеты не понимали природы земельного. Боялись рискнуть культурой землеобработки, хотели сохранить хотя бы часть рационально обустроенных земель. Но для такого варианта нужно как минимум крепкое полицейское государство. И вдруг все видят, что крестьяне-монархисты в земельном вопросе левей кадетов! Кадетский авторитет пошел под откос, правительство перестало с ними считаться как с лидерской силой революции. А у Милюкова теория. Он из всей русской истории вывел идею двух линий – пока волна революции нарастает, надо сдвигаться вправо, а когда правые усиливаются, надо быть с левыми. Тут как раз теракты пошли эсеровские. Милюков ездил в Лондон и говорил с Засулич – зачем выступаете против эсеров? Пускай взрывают! В таких глупых зигзагах кадеты прошляпили свою революцию.

Невероятная страна Россия, где в момент таких катастроф и пертурбаций умный человек вдруг оказывается слишком мелким. Ведь по европейским масштабам Милюков был очень крупной фигурой.

– В Европе его любили.

– Там и партия была популярна. Вот еще пример поведения кадетов, уже в третьей Думе. Выступает Родичев, говорит: то, что наши предки называли «муравьевскими воротниками», наши потомки назовут столыпинскими галстуками!

Невероятный скандал, все правительство поднимается и уходит. И на другой же день кадеты приносят извинения задним числом. А ведь взрослые политики.

– Нет – они извинились в тот же день, спустя несколько часов буквально. Столыпин очень оскорбился, они же как раз обсуждали идею кадетского правительства.

– Милюков не понял простой вещи, что политически неважно, сердит ли Столыпин. Тот довольно умен, чтоб наплевать на все, что о нем говорят. Но если покажешь ему свою слабость, он с тобой перестанет считаться.

81. Революция 1905 года – фиктивность любой возможности. Столыпин как палач-душеприказчик.

– Что значила для России фактическая отмена самодержавия манифестом царя в 1905 году? Что власть отказывается решать все вопросы сама и готова делать это вместе с множеством людей, интересы которых не совпадают. Но что потом?

Самая могущественная сила в России, *дворянство*, не обладало никакими формами политической самоорганизации. В массе своей оно хотело сохранить прежнее положение вещей. Еще есть царь, двор и его окружение, внутри которого интересы также существенно не совпадают. Наконец, феноменальная сила – *русская интеллигенция*. Она и составила единственную легальную конституционно-демократическую партию. Левей кадетов – только силы, намеренные свергнуть власть.

Кадеты – оригинальная партия, в руководящем слое включала видных людей знания – профессоров, академиков, адвокатов, имеющих опыт политической деятельности в земствах. Но как согласовать свои действия со своим неожиданно сильным влиянием в Первой Думе?

Эти люди боялись находиться наедине с разбушевавшейся импровизационной народной стихией. Вместе с тем именно в качестве интеллигентов они люди, не могущие представлять свою адресную среду: как им быть с землевладельцами, банками, буржуазией? Некоторые из них сами крупные акционеры-землевладельцы. Но разве имеет значение, сколько сот тысяч десятин земли у академика Вернадского? Имущественное положение для него дело вторичное.

Итак, ни одна из групп общества не способна действовать в отдельности и не умеет действовать вместе – возникает роковой момент для партии умниц и самых амбициозных людей в России! Стать правительством, встав в ряд с другими, они не хотят – стать чем-то в отдельности не способны.

И тут вдруг опять проявляется роковое русское обстоятельство – оказалось, что всем *нужен конфликт!* А измерить, насколько далеко этот конфликт зайдет, никто не может. И верховная власть неспособна тоже.

Не забавно ли, что самая консервативная часть людей в окружении царя готова пойти по пути, который можно назвать революционным? С другой стороны, и они хотят для себя властных полномочий. Царь покинут дворянством на произвол судьбы. Самодержавие после Манифеста 17 октября 1905 года решило, что у него нет более надежного союзника, чем крестьянство. От этого заблуждения зависит многое в дальнейшем, вплоть до объявления войны в августе 1914 года. Народная стихия готова зайти далеко, но за кем – не знает и не может решиться. В России настал момент, когда многое возможно, но никто не в силах уточнить пределы политически возможного.

Вот ситуация, *когда почти все возможно – и все возможности политически фиктивны*. А нам теперь видится, если что-либо не произошло, тут замешан обдуманый саботаж или тайный заговор. Мы не умеем распознать той властной путаницы. Нам кажется, будто все было ясно и предопределено наперед.

Нарождается странная предопределенность, когда реально действовать могут только люди с крайних полюсов. Но именно с крайних позиций ничего прочного нельзя сделать. Одновременно являются слабые лидеры, как Милоков, ставший во главе кадетской партии, зная, что это не его путь. Тогда на сцену выходят несколько человек, от которых теперь странным образом зависит будущее России. Столыпин один из них – человек, который жестокость в отношении революции политически увязывает с крайне революционными мерами. Для чего ему необходимо *самодержавие правительства*, но не царя.

82. Почему Столыпин потерпел фиаско?

– Сейчас модно к месту и без места вспоминать Петра Аркадьевича Столыпина. Он у нас и в великомучениках, и в наставниках. Я не против. Но когда сегодня цитируют его слова, обычно бессмысленно, я бы советовал лучше задуматься над его поражением. *Почему Столыпин потерпел в России фиаско?*

Для меня поражение Столыпина отчасти сопоставимо с поражением нэповского Ленина. В конце концов, мы извлекаем уроки или мы их не извлекаем? Нам безразличен опыт русских людей, потерпевших поражение? Или мы настолько себя обеспечили, застраховали от будущей капитальной неудачи, что опыт поражений для нас уже бесполезен?

От демократов сегодня уходят не только люди, но и проблемы.

83. Столыпин как интеллектуальный оппонент ленинской концепции партии.

– О столыпинщине и я писал в свое время весьма поверхностно. Потом понял, что Столыпин – это серьезно даже с точки зрения самого Ленина. Чем для Ленина был весьма умный Витте? Ничто, персона самодержавной политики. А Столыпин был его серьезный проблемный оппонент. Он мог переиграть, отняв у революции шанс. Оценка Ленина, что «Столыпин прогрессивней либералов», означала его признание сомасштабности Столыпина себе и своей концепции революции. Столыпин вышел на интеллектуальное поприще, которое ленинизм пытался отвоевать для мировой революции. Это было очень, очень серьезно.

84. Была ли столыпинская альтернатива осуществима?

– Ленин вовсе не исключал наперед успеха Столыпина. Он полагал, что экономически реформа Столыпина прогрессивнее кадетских аграрных проектов.

Позиция Ленина определялась двумя моментами теоретического порядка: во-первых, Столыпинская реформа означает такой рывок вперед, при котором уже бесполезно повторять старые лозунги. С этой точки зрения левые большевики с Богдановым стали для Ленина опасны, рискующими превращением социал-демократии в радикальную секту, оттесняемую на политическую обочину.

С другой стороны, и государственный строй империи катастрофически отставал от начатого Столыпиным. Столыпинская версия «модернизации по-прусски», делая сильный шаг по германскому пути в экономике, не могла их политически дополнить по-прусски. Решающее слово остается за царем, его окружением и консерваторами двора. Это заставляло Ленина отклонять «ликвидаторские» умонастроения партийцев, считавших, что шансов у революции больше нет. Ленин переопределяет повестку дня, оставляя в центре идею перехода России к «американскому пути» развития.

Надо заметить, что мировая война 1914 года станет и конкурсом моделей модернизации. Крах потерпели страны, которые далеко продвинулись по «прусскому пути», как Германия и Австро-Венгрия, либо только вступали на него, как Россия. *Революция случилась только в странах прусской модели развития.* Столыпин действовал смело, но внедрил в России неустойчивую модель. Его реформа стала последним шансом старой России, и она же дала новый шанс русской революции. Столыпин в конце концов сработал на Ленина.

Конечно, тут не было запрограммированной неудачи. У Ленина есть маленькая заметка, где он тонко замечает: равнодействующая пока неясна. В соотношении двух шансов – последнего шанса империи и шанса революции в империи – не было гарантированного результата. Активность малых групп приобретала большое значение – вплоть до роли отдельных людей. Разве убийство Столыпина – маловажный факт в группе фактов? Это существенно так же, как соотношение сил в революционном лагере, включая фигуру Ленина.

Важно и кто был против. С. Ю. Витте в это время был против Столыпина. Консервативные круги в Государственном совете были против, а Витте был лидером консервативного крыла Госсовета. Помимо личных амбиций играла роль и догадка, что столыпинская ломка не отдалит, а *приблизит* революцию. Умный Витте вполне мог так думать. И по замыслу, и по логике Столыпинская реформа рассчитана была на *ограниченное во времени преобразование тотального масштаба*. Решалась проблема, не решенная за четыре века исторического существования России! Но каким же путем решалась?

Скажем, из общины за годы реформы вывели полтора миллиона семей крестьян: это много или мало? Конечно, для нескольких лет это много. А то, что две трети семей остались в общине, много или мало? Весомы и полтора миллиона вышедших из общины, и не менее весомы две трети оставшихся, которые этому сопротивляются. Сами не вышли и противятся всем, кто хочет выйти.

Соппротивление крестьян фокусируется на землеотводе. Какого сорта земли и куда уведят? Пока есть община, она сама перераспределяет земли. Вот тебе в одном месте кусочек хорошей земли, в другом – кусочек похуже, в третьем месте совсем плохой, дальнотелье прибавляется.

Но выход из общины – это *увод земель из нее*. Даже при частичном выходе ты уводишь с собой землю, а увод земель деформирует всю общинную структуру. Тем более что реформа осуществлялась привычными административными ухватками. Крестьяне сопротивлялись не абстрактной концепции реформы – они противились уводу земель и нажиму, который оказы-

вали на них власти. Резкие случаи протеста, вызвавшие подавление военной силой и расстрелы, связаны были с тем, что из общины не давали выйти желающим. Вот где было столкновение и конфликт. Я не говорю уже о грубых случаях: общины, где давно не было передела, одним законом прямо перевели под раздел – простым административным порядком.

Что Столыпин думал переменить? *Административный строй* России, а не политический. Он хотел переменить *механизм управления*. С этой точки зрения он и Думу рассматривал лояльно, как то, что должно теперь постоянно быть в управляемой России. Его газета «Россия» – собственный его, личный официоз – писала: раз нам нужна Дума, значит, в ней нужны правые, левые и центр – иначе какая же Дума? Столыпин хотел провести реформу местного управления, но наткнувшись на яростное сопротивление консервативного дворянского аппарата, потерпел полную неудачу.

Наконец, была его полная личная неудача с царем. Убийству Столыпина предшествовало внутреннее состоявшееся решение Николая о его отставке. Царь ведь не легко на все это пошел. Когда в правительстве обсуждали проект столыпинской реформы, кто-то из ее противников сослался на старую резолюцию Николая. Дело в том, что резолюции, которые накладывал царь на прочитанных им бумагах, в России имели юридическую силу директивы. Их покрывали лаком, сохраняя для руководства. И на одной бумаге 1902 года, где губернатор высказывался против общины, Николай II написал: «Да, это, вероятно, правильно, но я никогда не соглашусь на уничтожение общины».

Речь шла о краеугольных основах государственного мышления России. В государственной философии абсолютизма сохранение общинного строя стало социальным принципом. Фронт врагов Столыпинской реформы был так велик, что даже среди кадетов у нее были противники. А крестьяне отнеслись по-всякому. Среди монархических крестьян многие были решительно против реформы.

Столыпин не пытался менять политический строй, но *управляемую Россию* изменить попытался. Рядом с абсолютизмом царя он создал *абсолютизм правительства* и на этом пути потерпел финальную неудачу. Были столыпинские губернаторы, люди в администрации, которые понимали необходимость нововведений, но таких меньшинство. Достаточно посмотреть галерею лиц глав правительства после Столыпина и до конца существования монархии, чтоб понять, кто был империи «социально близким».

Машина империи продолжала вертеться на старом ходу. Во многих губерниях о Думе и не знали, люди на управлении сидели прежние – обновить административный аппарат Столыпин не смог.

85. Существовало ли государство в Российской империи? Казенная модернизация: организации или институты?

– То, что звалось «государством» в старой России – это очень своеобразная властная архаика. Открытая возможности использования любых новаций, иногда даже с опережением европейских. В России действовало громадное так называемое казенное хозяйство. Например, железные дороги рядом с частными. Хотя у Витте и частные были полуказенными – как все его «железнодорожное правительство», с типовой фигурой железнодорожного генерала.

На казенном деле жидилась модернизация и индустриализация России. Заложённая с конца XIX века комбинация строительства железных дорог, гигантских займов и скороспелого создания отраслей промышленности, которые обеспечивали работой строительство. С успешным привлечением иностранных капиталов. Колоссальная социально-финансовая утопия – связать Империю путевскими обручами. И перестроить, не меняя уклада жизни в помещичьем хозяйстве, не конфликтуя с дворянством. В каждом месте страны распадается архаика – а сквозь глухомань и распад тянут Великий сибирский путь на вполне американском уровне. И во всем, что возникает – Донбасс с знаменитой Юзовкой, машиностроительные заводы, Баку, – как-то участвует казна. Во внешней экспансии закладывались оригинальные вещи. Скажем, в Манчжурии возникла комбинация из железной дороги и Русско-Китайского банка. В котором был французский капитал, но преобладали правительственные российские деньги.

Режим власти, который внутренне себя изжил, легко шел на новации. Другой вопрос: в какой степени те затрагивали фундамент повседневности и как на ней отражались? Все строилось на зыбкой фактически негосударственной основе.

Внутренние накопления шли на военно-административную машину и финансовую поддержку дворянства, особенно петербургского. Так называемый ипотечный кредит занимал непомерное место в российских финансах по сравнению с другими странами. Интерпретировать обращение России к иностранным биржам в терминах «полуколониальной зависимости» глупо – а на чьи деньги выросла Америка? Но все сильней затруднения в развитии внутренней производительности, которая дала бы возможность справляться с долгами. Вернуть долги предполагали путем колониальной экспансии в Азию.

– Тогда меняется знак вопроса – «насколько развитие проникало внутрь». Ведь можно счесть, что оно *слишком* уж проникало внутрь фундамента Империи, подтачивая ее и дестабилизируя. Разве нормально, чтоб при таких масштабных успехах возникло столь черное их отражение в публичном сознании? Даже в сознании самих же чиновников. Империя ведь была еще и культуртрегерская машина. Просвещение входило в ее программу как то, от чего она не могла отказаться.

– Это верно, конечно. Какие имперские амбиции без европейских связей! Я уже не говорю о династических узах, их переплетениях.

У нас неверно изображают упадок старой России и ее внутреннего вырождения. Он шел не плавным понижающим трендом – ниже, еще ниже... Он шел рывками, и конец XIX века – время, когда Россия вновь, причем успешно, притязала на роль мировой державы. Пока путевцы Витте связывали Империю, ее экспансия шла во все стороны: Персия, Китай. С доминирующей идеей – средствами дипломатии заготовить рынки для русского капитала и промышленности на будущее. Саму экономику при этом форсировали. Процесс был скоростной, а с конца XIX века стал обвальным быстрым. Цель – успеть модернизировать производство, не останавливаясь ни перед какими займами, покуда крестьянин все терпит.

Грандиозный проект! Крещендо с невероятным промышленным бумом 1890-х годов, вдруг оборвавшимся в кризис – первый для России всеобщий кризис. Империя входила в глобальные циклы, но именно по России и Штатам кризис 1900-го ударил сильнее, вызвав боль-

шую растерянность. Набрал успехов сверх меры, империя растерялась – начинания обернулись убытками. Все эти бесконечные ссуды Государственного банка грюндерским предприятиям, дворянство, привыкшее к легким деньгам из воздуха. С другой стороны, химерическая затея заготовки колоний «впрок» обернулась для России Англо-японским союзом и Русско-японской войной. Столкнув в революцию 1905-го, после которой процесс глобализации России надолго замер и ушел внутрь себя.

Столыпин был против внешней экспансии. Противился он и модернизации армии в крупных масштабах. Знал, что нужно выиграть время для переустройства России, бегом наперегонки с революцией. Азартная политика.

– Получается, что государство в России выполняло функцию корпорации – новаторского предприятия с глобальными функциями, отчасти даже негосударственными. Империя у тебя что – инструмент мировой конкуренции?

– Монархическая династийная власть, сугубо архаичная, унаследовала заложенную в нее Петром узурпацию хозяйственно-распорядительских функций. Включая инновации с их необходимыми ломками.

Сложная политика, где о правах человека и речи быть не могло, зато унижающего и несносного для крестьян было вдоволь. Протест не был протестом нищей страны, и власть воплощали не одни щедринские капитан-исправники. Русская власть вообще не сводима к единой форме. Организации в ней стали институтами. Но Ленину эти вещи станут понятны много позже.

Есть издание, ставшее библиографической редкостью, – архив «Земли и воли». В нем, между прочим, письмо Льва Тихомирова друзьям по руководству «Народной волей». В апогее террора, когда тот из единичных акций превратился в нечто систематическое и программное. Письмо как откровение: друзья, я открыл роль государственных учреждений! Меня поразило, с какой страстью Тихомиров пишет: учреждения, оказывается, играют в России важную роль. Это недооценено, по этому поводу у нас ничего толком не написано, я нигде не нашел, как это понимать! Вовлеченные в «центральный террор» и занятые в каждом его акте, лидеры народовольцев вместе с тем продвигались политически, осваивая нечто, прежде не входившее в их горизонт действий. По-своему это повторилось с Лениным: он тоже недооценивал вопрос об институтах.

– Он открыл для себя роль институтов? Как думаешь, это произошло с ним до Октября или после?

– Главным образом летом 1917-го. До 1915 года Ленин мыслил категориями капитализма свободной конкуренции, и проблема власти решалась им в связи с общей посылкой – своим ходом России к свободному капитализму не пробиться. Поэтому революция не высвобождает стесненные предпосылки, а *творит предпосылки*, недостающие России.

– Узнаю здесь нечто гайдаровское – о «введении рынка в России».

– Конечно! Саму ленинскую метафизику творения недостающих посылок они оставят, втянув ее в новый контекст. Проблема Ленина – как этот верхушечный, искусственный, лишь в малой степени низовой капитализм сделать нестесненно всероссийским, открытым конкуренции «американского типа»? Сделав это в ходе революции, средствами революционной власти. Однако в 1915-м посреди мировой войны Ленин откроет для себя, что капитализм свободной конкуренции – это уже, батенька, вчерашний день! Пройденный этап *европейского человечества*, которым Ленин все измерял и на которое сделал главную ставку.

86. Существовали ли в 1917 году небольшевистские альтернативы Ленину?

– Твоя любимая тема – исторические альтернативы развития России. Была у антиленинцев возможность остановить твоего опасного Ленина с его большевиками? Ведь те были все-таки в меньшинстве. Даже перехватив аграрную программу эсеров, на выборах в Учредительное собрание большинства они не взяли.

– Альтернатива – коренной вопрос 1917 года. Мало сказать, что большевики были в меньшинстве, – накануне мировой войны большевизму просто грозило исчезновение. Сам Ленин полагал, что успех Столыпинской реформы коренным образом меняет шансы радикальной демократической революции в большевистском ее смысле. Война не способствовала росту влияния большевиков. В условиях, когда наибольшим влиянием в России пользовались эсеры, это очевиднейший факт.

– Но вопрос об альтернативе не сводится к тому, кто был в большинстве или в меньшинстве.

– Вопрос об альтернативе осенью 1917-го уместно ставить в отношении к ходу мыслей лидера большевизма, полностью определявшего идеи дисциплинированной РСДРП(б). Вот идея Ленина: сомкнув две проблемы, *мир и землю*, завоевать на свою сторону «человека земли» – коренного человека России, как вооруженного, так и невооруженного. Тут важно, кто лучше использует обстановку распада власти, разрухи, аграрных погромов, нараставшего разрыва всех связей, грозящего параличом планетарному телу Российской империи.

Альтернатива означает, что нечто можно сделать *иначе* – как иначе? В голове Ленина проблема прекращения бойни связалась с шансом для крестьянина, ставшего солдатом, взять землю и, почувствовав в руках силу, провести черный передел – русскую мечту, которая не совпадала с собственной национализаторской концепцией Ленина.

– В конце ноября 1917 года РСДРП(б) получила в Учредительном собрании только 25 процентов. Демократические партии и левые интеллигенты имели абсолютное большинство. Если бы у них была воля защищать позиции большинства, которое их выбирало, то большевики не пережили бы разгона Учредительного собрания.

– Только в одном случае: *если бы* у демократов достало умения по-своему соединить *те же две задачи* – прекратить войну и дать землю. Причем в демократических рамках, упреждая октябрьский переворот. Но они еще прежде утратили эту возможность. Не дойдя даже до предальтернативы, демократы именно на предальтернативном поле и потерпели поражение.

К этому времени *уже* не было *небольшевистской* (тем более *антибольшевистской*) альтернативы Ленину. Трагично, но дело обстояло именно так.

Разгон Учредительного собрания предвосхитил многое в дальнейшем – *вплоть до финального разгона СССР*. Но предвосхищая, он все-таки не предопределяет. Из того, что двуединство мира и земли стало политическим джокером большевиков, не вытекает, что это демагогия. Нет, это большая *стратегия*, проект мирового класса. В сознании Ленина проект соединился с коренной идеей русских *осуществиться как Мир, осуществиться в человечестве*. Идея, которую он вынес из XIX века, будучи, пожалуй, единственным большевиком, который этот век нес в себе, всячески его подавляя.

По Ленину, Россия получила шанс неклассически осуществить универсальный проект Маркса. И в момент, когда октябрьские обстоятельства ему открыли «окно», он имел – в рамках своего замысла, конечно! – историческое право на инициативу действия.

– Хорошо, а если так: представим себе успех превентивной гражданской войны летом 1917-го? Корнилов, выступая перед казаками, не падает с роковой табуретки, и казаки берут Петроград?

– Ленин или Корнилов – не альтернатива. Люди в противном лагере были проницательные и во всяком случае не идиоты. Но их неспособность пойти навстречу солдатско-крестьянской массе в сцепке двух главных для того времени вопросов, войны и земли, обрекала на неудачу. Речь в 1917 году могла идти только о разных сценариях Гражданской войны, причем корниловский, я считаю, оказался бы более кровавым. Об альтернативе можно говорить в левом спектре – от Каменева до эсеров, ну и Мартова сюда же. Однако эсеры уже побывали после Февраля правящей партией. Единственной, которая смогла бы управлять Россией и в одиночку, так она была влиятельна.

Ключ во фразе Суханова (в «Записках о революции». – Г. П.), который рассуждал так: Россия – гигантская страна, разоренная, с прерванными путями сообщения, которой надо управлять. Администрация левым не подчинится, она подчинится цензовой буржуазии – а та отброшена революцией. *Кому же управлять?*

Вот где исток идеи государства Советов в ленинской интерпретации. Политическая альтернатива была не в методах взятия, а в методах удержания власти. Не случайно статья Ленина называется «Удержат ли большевики государственную власть?». Еще Дмитрий Толстой, весьма реакционный министр просвещения и после министр внутренних дел при Александре III, сказал: если в России падет монархия, то никакого в ней парламентаризма не будет, а будет «коммунизм в духе господина Маркса, умершего в прошлом году». Все-таки знающие тогда были люди.

– Но это произошло ценой отказа от элементов гражданского общества, которые к этому времени были в России. Безальтернативность октября 1917-го – января 1918-го для будущего советского общества стала учредительным моментом. Разгон Учредительного собрания – один из самых роковых дней русской истории.

– Да, безусловно. Но я бы в это внес несколько уточнений. Отказ от гражданского общества? По моему убеждению, в России его тогда не было. Могло ли вообще в нашей Евразии, в рамках ее уникальной внутренней империи, сложиться «общество всея России»? Пространство душило замысел, склоняя к безальтернативности разного типа и вида.

Советская расплата будущим действительно вытекает из безальтернативности. Была ли страна осуждена на большевистский монополизм? В какой-то степени протоальтернативой были февральские свободы и сама спонтанность 1917 года. Те же меньшевики и эсеры, внутри которых выделился левый фланг. Люди, подобные Каменеву, стойко оппонировавшему Ленину в течение всего 1917 года, которых я бы назвал *правыми большевиками*. Но эти силы, рвущиеся во все стороны, выражая себя разными голосами, в разных секторах, были разгорожены непримиримостью и глубоким непониманием. Могли ли протоальтернативные группы разных движений слиться в нечто, что было бы слышано неграмотной нечитающей Россией и противостояло бы большевистскому монополизму? Пока мы этого вопроса не разберем, суждения о политике 1917-го сохраняют тавтологический вид. На фатализм с отрицательным знаком у нас и без того много желающих, иные уже в 1917-м «распознают» в Сталине будущего генералиссимуса.

– Тогда другой вопрос. Какой могла бы стать альтернативная политика после II съезда Советов?

– После прихода к власти большевиков? В условиях того, что они держатся за Декрет о земле и именем мировой революции идут на одностороннее прекращение войны – то есть навстречу огромной мужицкой массе? Я не нахожу ни энергии, ни интеллектуального потенциала у сил демократии 1918 года, чтобы дать небольшевистскую альтернативу этому, став силой, которая начнет строить иную Россию. Не империю и не республику Советов – но что именно?

Будем откровенны. Один из первых симптомов всего, к чему пришли мы под конец в СССР, действительно стал разгон Учредительного собрания. Именно *разгон*, а не роспуск или реформирование. Но что бы *учредило* Учредительное собрание, если б его не разогнали? Были у него силы отменить II съезд Советов? Или, отменив Декрет о земле, оно издало бы другой земельный закон? Вышло бы оно из войны более разумно и радикально, чем большевики? Путем односторонних мер – иначе было невозможно! Что бы оно вообще учредило в том его составе – составе людей, которые начиная с февраля целый год уступали позицию за позицией?

Рискую предположить: *ни-че-го*.

Часть 6. Технология и мистика Октябрьской революции. Уход «Первого» и выход «Второго».

87. Две революции в 1917 году, народная и коммунистическая. Проблема руководимых множеств.

– Революция 1917-го в хаосе, который от февраля к октябрю восторжествовал, и в той пустоте, которую она себе рисовала, оставалась наиболее квалифицированным выходом из положения.

– **Может, скажем осторожнее: одним из выходов? Неизвестно ведь, возможны или невозможны были другие. И кстати, достаточно ли «квалифицированным» выходом?**

– Но революции имеют свою внутреннюю берлогу. Она началась не стратегическими выкладками, а невыходом эскадры в море, бунтом голодных женщин и отказом казаков в них стрелять. Революция была чистой импровизацией, и проблема в том, как превратить импровизацию в нечто большее.

– **В государство? Или вопрос государства не стоял в 1917 году?**

– Он стоял только для людей правого лагеря вроде Милюкова. Или Пуришкевича, который вовсе не был дурак. Но подумай над странностью известной записочки Ленина Каменеву – «Если меня укокошат, опубликуй то, что выписано в синей тетради, там самое важное откомментировано на полях». Что это у Ленина – мания театрального величия? Взгляд на исторический процесс, которым дирижируют по чужой партитуре? Нет – это мысль о государстве пришла к нему впервые на самом краю.

– **Это уже второе полугодие 1917-го все-таки.**

– Это лето, конечно. Но вектор движения ему стал достаточно ясен. Общее – нарастающий хаос. Империя необратимо распадается. Яростный мятеж крестьянства, пожары в имениях, сопротивление любому порядку как «старому режиму» выражается в крайних формах, даже у рабочих. Забастовки и движения перешли в погромы. Власть стала чем-то, за что еще цепляются, но что теряет последнюю содержательность.

В России бывают ситуации, когда все можно сделать. Тогда много зависит от нескольких людей, которые, разгадав это, действуют слаженно, не претендуя на театральность. Просто двинув надежных людей в нужный момент, они перехватывают рычаги власти. И оказывается, что это отвечает обстановке, допускающей успех автономного действия. Вот что существенно – действовать автономно в ситуации, запущенной как стохастическая машина. Абсолютно неустойчивая, без защитных механизмов на этот случай. Величайшим образцом такого является Октябрьское восстание, устроенное Троцким.

– **Но это недалеко от взгляда Малапарте, что власть просто выпала из рук, за ней нагнулись и подняли.**

– Выделяя момент технологии и преувеличив его, Малапарте отчасти верно обращает внимание на новую ситуацию в XX веке. Но в Петрограде все было несколько сложнее. Власть не вырвали, но из нее ушла содержательность, и любые уже принятые решения откладывались.

Прийти к власти тогда уже почти ничего не стоило. Подлинная проблема пришедшего к власти была в том, как ее удержать? Удержать под своей властью Россию – задача с множеством неизвестных. Еще и усугубленная отсутствием связи, нарушением транспорта, безгра-

мотностью населения. Империя еще воюет, а распад ее идет полным ходом. Так что вовсе не в том дело, как в Петрограде занять мосты, Зимний и музей Эрмитаж!

В этой ситуации для Ленина вопрос двояк. Хорошо, брать власть можно – это не начало июля 1917-го. Но выученный 1905-м годом, где он себе места не нашел, Ленин теперь мыслит масштабней. Он знает, что Петербург за Россию не решит. Но тут, кажется, и сама Россия на подходе. Не менее важны симптомы надлома Германии, на которую его внимание всегда направлено прежде прочего. В резолюции 10 октября 1917-го о восстании оценка состояния Германии поставлена *перед* положением в России! Но деградация власти обновляет проблему: когда власть так легко взять, что, собственно, ты берешь? Взяв ее, останешься ли собою, или выступишь уже в чужом интересе? Второе – государство. Не думаю, что государство было для Ленина делом всей жизни. Проблема *власти* оставалась для него коренной всегда; все вращалось вокруг вопроса о власти и к нему возвращалось. Но *концепции государства* в прямом смысле, как системы учреждений, обеспечивающих связность целого, у Ленина нет. Вот почему он ухватится в конце, как ты помнишь...

– **За цивилизацию?**

– Да, и цивилизацией он мысленно уточняет свой «госкапитализм».

– **Меня это интересует с точки зрения предстоящей нам здесь политической работы. Вопрос о 1917 годе важен практически как вопрос о государственной альтернативе. Присутствовало ли государство в 1917 году как проект? Как замысел связать гоголевское пустое пространство государственным образом? Была ли в спектре вариантов 1917 года идея государства вообще?**

– Да, тогда она у Ленина появилась – как решение вопроса о содержании будущей власти. Цель: неутопически связать воедино рассыпающийся русский Мир. Вот где спасительная формула, вписываемая в мировую революцию: *общая связность без всеобщего обобществления*, Ленин это различал. И тут-то он вводит государство: *государство Советов* реализует эту общую связность, *минуя* приобретение в собственность наличных ресурсов хозяйства. И одновременно вводит революционизированную и противогосударственную массу – во власть.

– **Это о какой модели говоришь, модели 1920 года или о модели 1917-го?**

– О модели осени 1917 года. Только тогда вопрос о том, *как* заработает новое государство, орудийно, кадрово и аппаратно, приобрел для Ленина значение. Его концепция госкапитализма 1917 года, хотя в ней он ссылается на Германию, не слепок с немецкого образца.

– **А что государственного противопоставляют Ленину его враги в 1917-м? У меня к ним упрек, что они, искренне пытаясь сдержать хаос, не использовали революцию для строительства государства. Все лето 1917 года остается двусмысленность, Россия – это что, империя или республика? Даже акт 1 сентября 1917-го о создании Республики был еле замечен.**

– Республика опоздала либо была преждевременна. Ни к чему важному ее не приурочили – ни к войне, ни к земле, ни к миру.

– И так – большевистская революция. Условно большевистская, включая военный заговор и так называемое восстание в Петрограде. Она самоорганизуется, сложным путем наследуя что-то от интеллигентов от XIX века, а отчасти возобновленный Лениным универсализм. Но в совершенно другой редакции, чем представлял Маркс. Как приземлить универсализм, сделать его повседневным, ввести его во власть, учредить? Навстречу идет стихия народной революции в деревне, которая с лета 1917-го развертывалась параллельно. Смежность энергий человеческих типов.

Вся коллизия Ленина в том, что в какой-то момент и непостижимым образом, где, можно сказать, превалировала Божья воля, он соединил большевистскую революцию, ее коммунистический мессианизм с народной крестьянской революцией. *Соединил собой и в себе как вожде обеих!*

Бывают странные сближения, говорил Пушкин. Ленин отчасти борется с народной революцией в качестве лидера-демиурга большевистской, универсалистской коммунистической революции. А поскольку большевистская сама растет из народной, то в какой-то момент он начнет бороться и с народным большевизмом.

Вот это революционное наваждение, то народное, то коммунистическое – оно не делится на полочки и вот-вот рухнет! Эту проблему Ленин находит возможным решать странным способом, выводящим за пределы той и другой, *стравливая две Революции между собой*. Здесь советский исток кардинально расходится с фашистским истоком.

– Разве в истоках фашизма низовая стихия не значима?

– Понимаешь, надо бы ввести некоторые новые категории. Привычные категории – народ, общество... Сказать, что «народ – это стихия», неправда. Я вообще не понимаю, что такое «народ»? Если «народ» значит просто «не-общество», то в России все творится из других элементов.

Здесь нужна *категория множества*. Запад как-то растерял эту категорию, потому что там выстроилось общество. Хотя война нанесла ужасный урон, общество в Германии все-таки было. Ленин начинает, берясь за полуфабрикат множества. Гениальная выдумка *формирования множества путем его введения в структуру власти!* Поскольку обстоятельства позволяли с этого сразу начать. Такой тигель был в России 1917-го, где возникло множество, по Андрею Платонову, и стихия народной революции была сразу вводимая во власть. Этот момент очень интересен – смычка большевистской революции с народным множеством.

Вводимая во власть, революция множеств стала руководимой! Как иначе использовать ее напор, ее поддержку, держа ее под контролем, – что значит «под контролем»? Это же революция! Апеллировать к ней и одновременно держать под контролем – как? Сталин и Троцкий могли каждого десятого расстреливать, но это же не рецепт. Такое действует, пока Колчак наступает, а пятая армия бежит.

Ленин находит гениальную идею *государства Советов*. Я считаю, ленинская идея государства Советов гениальна для того времени как идея управления революцией и ее обуздания. Причастность к власти останавливает людей, отчасти табуизируя их.

88. Десуверенизация государства Советов. Военный коммунизм. Конфедерация республик Европы и Азии как альтернатива сталинизации.

– Революция разнуздывает страсти и с неизбежностью порождает страшную гражданскую войну. Но ведь революция, мотивированная безвластием 1917 года, добровольно отказываясь от части Империи, большую ее часть удержала. Да еще в такой форме, что РСФСР приняла на себя правопреемство *всей бывшей Российской империи!* Этот трюк еще тогда большевики проделали. Когда ныне кремлевские настаивают на «правопреемстве», они не оригинальны: эту новеллу сочинили Ленин с Чичериным в конце 1917-го.

Но вскоре военно-коммунистическая стихия подчинит, втянет и растворит в себе лидера революции. Ленин надолго становится рабом чуждого ему по концепции «военного коммунизма». В котором утонет и государство Советов.

– Снова – рабом?

– Втягивается он, видишь ли. Это он, который в 1918 году с левым коммунизмом сражался по всем линиям, включая экономическую. Но в 1920 году Ленин уже ярый «безденежник», человек, который действительно думал: ну а вдруг? Не проскочит ли капитализм? Не прорвется ли Россия к коммунизму на-фук?

Удивительно, как он и другие капитулируют перед ходом революции, как все они следуют ее стихии. Возьми «Декреты советской власти», любопытное издание – адская смесь проработанных декретов, вариантов, черновиков. Явилась откуда-то делегация рабочих – и первый отловленный в коридоре нарком подписывает им декрет о национализации их фабрики, где якобы саботаж. Затем добавляется казус Брестского мира: немцы требуют возврата секвестрированной в войну немецкой собственности. Иоффе шлет истеричные шифровки в Москву – отклонить это требование можно только через всеобщую национализацию! Ее и провели поначалу как фикцию, ради отклонения немецких требований. Но далее мотор завелся и пошел работать.

Эта старая русская песня: управление несводимым к единству пространством Евразии так, чтобы, имея вид целостности, оно давало власти пользоваться собой в внеположных людям интересах. В тот момент – в интересах мировой революции. Парадигма, которая далее сама упадет в руки Сталину. Уже в 1922-м понимание, что вопрос о суверенности советских республик – это вопрос государственного принципа Республики, ушло и не было общим мнением. Первый акт трагедии очень ранний.

– А в чем был первый акт?

– Понимаешь, уже первый акт был двоичен. Особенность вновь созданной власти Советов (оставляя в стороне чисто идеологический лозунг «государства типа Парижской коммуны») – что та свяжет всех воедино, не превращая их в государственных работников. Зато она дает право вторгаться, утилизировать, задает курс, пропорции потребления и производства. Гигантский эксперимент, кончившийся многоактной катастрофой, растянувшейся во времени. Говоря о двоичности, я говорю, что была и другая возможность. Но без всевластья даже нэп невозможно было бы начать.

– Это большой соблазн – иметь возможность делать почти любые шаги, зная, что можешь почти все.

– Конечно, на этой возможности можно опять выстроить власть вместо государства и организации под видом институтов. Внутри идет селекция людей, и среди них воздвигается роль человека – единственного, который *персонифицирует всевозможность*.

Ленин к 1922 году уже сам подавал дурной пример. После взлета 1921-го у него был сильный срыв 1922-го, это надо разобрать подробнее. Бессмысленно свирепо раздавленный Кронштадт уже не первый, а скорее второй акт трагедии. Ему надо было целиком отказаться от всего военно-коммунистического – казалось, так просто. Но что вместо этого? Чем в тот момент заменить способность регулировать жизненный процесс в целом? Продразверстка, по известному выражению Троцкого, вела к тому, что к каждому мужику приставили по красноармейцу – отнимать хлеб. А на этом много строилось. Чем это было принципиально заменить? Ну, давай перечислим из того, что нам любо: многопартийностью?

– Ее пришлось бы придумывать заново – многопартийность же отменилась с 1918 года.

– Но еще многое тянуло в сторону формулы «Россия в Мире – Мир в России», с перестройкой самой России в конфедерацию. Мировая революционная миссия и русский коммунизм пока еще уравнивали в массах русское миродержавие. Хотя, если читать национальную фракцию на XI съезде, даже выступления на X съезде, уже тогда люди типа Затонского и Раковского прямо говорили: дело проиграно. Возникает красный империализм, красное великодержавие.

– Но что бы толкало тогда в сторону конфедерации? И кто бы тянул всерьез, когда «коммунизация» Венгрии, Польши и Германии отпала?

– Конфедерация «республик Европы и Азии» по Ленину была единственной доступной России того времени формой демократии. Сохранить функцию общего регулирования без вмешательства в любую судьбу, в каждый жизненный акт и этническую особость.

– Такой модели они не могли принять. Никто тогда не принял бы идеи суверенитета как границу утопии.

– Отчего же в некоторых выступлениях речь шла и о многообразии экономических моделей. Например, Украина очень хотела быть другой. Но когда постулируется, что все коммунисты одним миром мазаны, то не о чем говорить. Одних изничтожат, другие возьмут верх. Нужна была большая проработка экономики и политики, наукой тогда еще не сделанная, – ведь разработки регулируемых экономик пошли только после мирового кризиса. Кейнс начала 1920-х годов еще не тот Кейнс. Что уж нам так сурово судить тогдашнюю нашу неопытность. Были интересные мыслители, как Кондратьев, Бруцкус, Валентинов, другие люди в разных местах. Но все погубил кошмар «единства партии». Кронштадтско-съездовский кошмар: один ложный шаг – и тоже из-за приверженности классике революций. Помнишь книжечку Мстиславского, маленькую?

– Да-да.

– Как он тонко наблюдал, сидя в президиуме II съезда Советов за спиной Ленина с Троцким, – для чего те брали Зимний дворец? Военной необходимости нет. Но им надо было классическим прецедентом увенчать переход власти. Не в формах голосования, которое можно переголосовать, а символикой «штурма русской Бастилии». Увенчание придаст революции необратимость. То же и с Кронштадтом – зачем было его брать штурмом, да еще в день съезда, готовящегося к принятию продналога? Только чтобы затвердить *свою инициативу!* Кошмарный, но логичный ход политики, особенно коммунистической. А вот зачем это было еще подкреплять резолюцией «о единстве партии»? То ли Ленин побоялся сопротивления нэпу внутри партии, то ли и это входило в классику жанра в его представлении.

– А известна история происхождения этой резолюции?

– В РКП(б) были оппозирующие течения, но не столь уж сильные. А у Ленина была старая мания «угрозы меньшевизма» при резких поворотах генеральной линии. Как монопартийность сочетать с сохранением демократических норм? Без прямого вмешательства власти в повседневность с ломкой несовпадающих способов жизнедеятельности? Они реально несов-

местимы, они в самом Ленине тяжело совмещались и вели его к обрыву в болезнь. Что говорить о партийном целом.

– **Итак – была *конфедеративная альтернатива* как несталинский вариант революции в отдельно взятой стране? Превращение России в человеческую, государственно многосложную среду с оборонческим каркасом для защиты от внешнего мира. Твой конфедеративный русский мир это что – вариант евразийских США?**

– Да, и вместе с тем это антикапиталистический и антифашистский сценарий.

– **Как бы такое представить в лицах, вариантах и политических возможностях. Ты же знаешь, что у них такого языка, даже такого набора слов не было?**

– Почему, были зачатки. Но они конфликтовали в вопросе – кто государственный субъект? Многопартийность в 1920-е годы дала бы развал страны либо через ход-другой также вылилась бы в диктатуру, скорей всего типа той, что позже назовут «тоталитарной».

Конфедеративный путь распределял функцию власти в государстве и, распределяя, ставил местных руководителей перед задачей выжить в очерченных рамках, сохраняя для каждого шанс удачи. Возьми модель Сингапура как незападный вариант развития: смешно сказать, но позднему Ленину Ли Куан Ю пришелся бы по вкусу.

Сегодня дело не в том, чтоб припечатать историю революции эпилогом «катастрофы», а чтобы рассмотреть, *как* делается человеческая история – на том, что действительно попытались сделать. В сущности, *Октябрь – истинно последняя революция*. Как монгольское нашествие – последний полномасштабный акт переселения народов, так и русская революция 1917 года – последняя из мировых революций. Остальные, впрочем, тоже вправе звать себя «революциями», дело вкуса.

89. Черный передел средствами мировой революции. Коммуна и мужик.

– Ленин – персонаж совершенно другого времени. Имеет какой-то смысл это время для нас?

– Масштаб фигуры и след, им оставленный в судьбе России, а через нее и Мира, неизгладим. Я не разбираю ни апологетического мифа о Ленине, ни уничтожающего. Они плоски, хотя не без внешней убедительности. Например: в России, где монарху поклонялись как представителю Бога на Земле, когда его место освободилось, возникло место для следующего царя. Нет царя – пришел Ленин, нет Ленина – пришли другие... И так вплоть до президента России. Инерционное объяснение, не лишенное оснований, но бесконечно банальное.

Ленин укоренился в людях гигантской страны, лишенной хороших коммуникаций, когда его в 1917 году вне Кремля и в лицо никто не знал, вовсе не потому, что место монарха нужно было кому-то занять. В авторе Декрета о земле безграмотный крестьянин увидел осуществление не «царистской», а своей мечты – мужицкой утопии *черного передела*. Согласно последней вся Россия обращена в одно поле и равно поделена между людьми земледельческого труда.

– Но как мог совпасть ленинский коммунистический проект будущего мира с мужицкой мечтой о равной нарезке пашни?

– Поскольку у мечты были веские основания. Пахота была исковеркана массой перегородок, мешавших человеку на земле развернуться. Ленин называл это «крестьянским гетто» и в октябре 1917-го пошел на снос аграрных перегородок средствами мировой революции, которую давно проектировал и ради чего создавал партию. РКП(б) для него была не инструмент, а инструментальная проекция Мира. Куда коммунистическая Россия войдет свободным, независимым, но сопряженным с прочими странами Евразии государством. Идею России – единого поля, равноподеленного на всех трудящихся на земле, Ленин синтезировал с идеей России-строения свободных производителей и России – низовой инициативы. Достижимой средствами, несовместимыми с буржуазностью и буржуазности противостоящими. Необычайный синтез!

Вот почему в 1917 году на мировой коммуне сошлись Ленин и мужик. Свято место, что пусто не бывает, занял не монарх, а русский разночинец, перепаханый Чернышевским. А далее инерцией взятого места его пошли захватывать другие, следуя Ленину, но его бессознательно изничтожая.

90. Главная тайна 1917 года: почему Россия не распалась? Интеллигентско-мужицкая целостность русского мира. Русское удержалось советским.

– **Примитивно поставленный вопрос о Ленине звучит так: неочевидна его актуальность для наших текущих дел, при его отпечатках пальцев на всех современных процессах и памятниках в каждом селе.**

– Да, Ленин как бы вне событий, отчего кажется нам сомнительным, подозрительным и просто ненужным. Но ведь это можно повернуть другой стороной, допустив – без оценок, как вопрошающую констатацию, – что однажды этот человек оказался именно тем, что было *России показано*. Судьбой, существованием, мыслями и действиями Ульянов оказался чем-то, во что она поместилась. И сам оказался тем, кто на время вместил в себя Россию как целое. Двойная загадка – *вмещения России* в одного человека, при вмещаемости ее в него: что он Гекубе? Что ему Гекуба?

– **Россия дала себе увлечься Ульяновым? В духе Блока, что ль, – «какому хочешь чародею отдам разбойничью красу»?**

– Сама позволила, влекомая к нему судорогой тупика 1917 года. Это каким-то образом стало для нее неизбежным. Ленин связью обстоятельств стал человеком, способным на краткий момент ее истории разместить в себе Россию как целое. Пускай утопическое целое и с проистекающим из утопии насилием в полном комплексе.

Огромный Мир России держался не только властью и не был чем-то сплошным и единым. Он держался как Мир внутренними несовпадениями, противоборствами. С одной стороны, он полным ходом несся к распаду, с другой обострял потребность начаться сызнова – дикая, в общем, идея. Носителем которой была интеллигенция – не слой, не класс, да и дело было не в ее численности.

Войной империя быстро вошла в распад, но большевизмом тут же перешла в новую целостность – без промежутков и с чудовищной ломкой всего. И тут начало загадки: ведь мощь призыва к распаду была велика, силы распада были очень реальны. Если бы действовали только они, как России не распасться? Естественней было распасться, и кто бы в тот год ее удержал?

– **Вот как сейчас у нас – ни войны, ни революции, а за год-два все пропало. Где устойчивый советский быт? Все куда-то исчезло, от горчичников до генсеков.**

– Распад всегда таинство. Но развал 1917 года был очевидней для всех, глубже и *причинней*. В XX веке эталонным ответом на хаос такого рода неизменно был *распад империй*. Причиняют – «погубили Россию!» – и не проявляют недоумения оттого, что русский мир удержался. Осуждают те именно свойства русских интеллигентов, которые и образовали главный мотив удержания России от развала. Не обсудить ли нам в конце концов реальный вопрос – *чем и кем в 1917 году Россия удержалась?*

Есть чему подивиться, даже я удивляюсь! Судя по всему, после 1917-го должен был наступить полный распад страны, а не – *собралась опять: чем?* Не декретами же Совнаркома в безграмотной стране с разбитой вдребезги транспортной сетью и рухнувшей почтой. Не латышскими же стрелками-чекистами! Чем заново собралась многомиллионная человеческая толща? Какие стержни в реакторе затормозили центробежность, запустив обратную реакцию?

А вот чем – прямым революционным вхождением России в Мир, плюс черный передел Декрета о земле.

– **Какое вхождение в мир – при потере страной выходов к морям по Брестскому договору?**

– *Русская мировая революция сохранила Россию от распада*. Мировая революция как способ выхода из мировой войны. Говорят, экие сумасброды Ленин и Троцкий, с идиотской затеей мировой революции – да ведь русскими она воспринималась *как своя мировая!* И очень разными русскими.

Только так и сомкнулись иначе несовпадавшие процессы. Один чисто земельный: с лета 1917 года деревня ушла из империи и возвращаться не собиралась. Село восстало, крупное землевладение не имело ни одного шанса. Ленин исходил не из «социалистических предрассудков», а из реальности, преломленной в крестьянском сознании как *Черный передел*. Россию обратить разом в единое поле и поделить – земля не принадлежит никому! А навстречу шла интеллигентская, все слои пропитавшая установка: России должно быть Миром, *русским человечеством*. Так стала возможной и пошла воздвигаться *интеллигентско-мужицкая целостность России*. Которая, разумеется, удержаться надолго не могла. Но для спасения страны и одного 1918 года хватило.

Коренная задумка Ленина, любимый его поворот мысли – это *начало как бытие*. Осевая идея всего русского XIX века, у него она получила политическое приложение.

Взять их спор с Бухариным в дни Брестского мира, дикий спор: начинать революционную войну с Германией немедля или не начинать? Под конец Бухарин говорит: я уже вообще не понимаю, о чем мы спорим – об отсрочке войны на одну-две недели?! А Ленин ему: и что же, пусть неделя! Бегущий с фронта мужик на неделю вернется домой и увидит, что *земля стала его*. А там поглядим, может, он тогда и на революционную войну согласится.

И вторая идея Ленина, что после революции в Германии мы в России станем *снова отсталыми* – иными словами, успешно осознавшими реальное положение. Ленин боялся, что в коммунистическом авангарде с его мифом о великой мировой роли забудут про Россию и все погубят. Но отказаться от утопии ему самому уже было трудно.

– **Каким же образом интеллигент спасал целостность России, будучи лишен всей имперской культурной инфраструктуры?**

– Тайна того, что русское не распалось, в том, что *русское удержалось советским*. Откуда и взялось советское целое. Но держаться коммунизмом долго оно не могло, его с двух сторон взяли под сомнение – интеллигенция по-своему, мужик по-своему.

91. Чудо Брестского мира. Первый крах Бухарина с левым коммунизмом. Триумф военно-коммунистической практики.

– Наступает момент, когда всё, что вошло в орбиту партийных интересов, партийного сознания, раз партия правящая, – непосредственно включается в жизнь всех в России. Это важный перелом. Он имел ситуационное оправдание и очень дальние последствия. Любопытна у Троцкого ключевая фраза в выступлении на том знаменитом заседании о мире с Германией, где только его голос переломил в пользу Ленина позицию ЦК. Троцкий сказал примерно так: то, что мы должны были бы сделать как партия, мы не имеем права делать как государство.

– РСДРП(б) партия, разрушающая государство, и вдруг такие государственники.

– Но должен сказать, что государственничество Троцкого тогда еще даже не ленинское. Ленин начала 1918-го еще выступает как идеолог мировой революции, но решающий все капитально иначе.

Для Ленина дискуссия о мире с Германией – это спор о тактических рисках. С левым коммунизмом он борется как с опасностью, губительной для его варианта мировой революции, который Ленин считал единственно реалистичным в той ситуации. И уже в ноябре 1918-го всё неожиданно подтвердилось по Ленину – ноябрьской революцией в Германии. Немецкая революция стала для РКП ошеломляющим чудом, которым Ленин поразил левых коммунистов. Но что если бы та не произошла?

– Чудо мифологической оптики: мировую войну не выиграли, но в мировой революции побеждают.

– Левые думали, что вызвать революцию в Европе можно только превентивной революционной войной. А в ноябре 1918-го все обернулось так, будто Ленин волшебник – революция в Европе вызвана его Брестским миром и возвращением мужика с фронта домой на землю. Верх взяла неклассическая концепция Ленина, при которой мировая революция может стимулироваться стороной, не принадлежащей к самому мировому революционному процессу.

Левые коммунисты потеряли свою центральную посылку – единства мирового процесса, и Бухарин как теоретик признал себя банкротом. С этого момента он дал зарок никогда не вступать в конфликт с Лениным! Левый коммунизм еще ждет философско-исторического исследования. Казалось бы, вне Ленина и рядом с ним в большевизме трудно было явиться чему-нибудь. Но появление левого коммунизма связано с очень глубоким разногласием в универсальной природе процессов.

Исчезая как оппонент Ленина, левый коммунизм трансформировался в военно-коммунистическое сознание, а то, в свою очередь, оккупирует и самого Ленина!

– Что интересно: левый коммунизм опирался в основном на новое поколение, на молодежь.

– А в чем было отличие большевистской молодежи? У нее нет личной связи с русским XIX веком. В лидерском слое большевизма человеком, кровно прикосновенным к наследию прошлого века был только Ленин; даже близкий по возрасту Троцкий, девять лет всего разницы, был homo novus. Для их мозгов вообще не существовало трудности перехода – в котором сломался и израсходовался Плеханов, застрявший внутри XIX.

Здесь глубокое психологическое отличие его от окружающего его слоя. Были старые люди, которые могли бы тоже про себя это сказать (вроде Ольминского), но они не играли первых ролей в большевизме. Иные ушли, как Богданов; Луначарский человек совсем иного склада, а всё руководящее ядро – это набор революции 1905 года. Для Ленина ценностью было

то, что он происходит из духовного руслу прошлого века – и принятием, и преодолением его. Постоянный самоконтроль опытом русского XIX века всегда присутствовал в его мысленной и духовной биографии.

Последнее, что следует иметь в виду, – обстановку гражданской войны, которая разгораясь задолго до октября 1917-го, впервые породила *раскол внутри советского лагеря* – да какой, военный! Ведь конфликт с левыми эсэрами был внутрисоветским конфликтом и, что очень важно, – расколом фронта сторонников мировой революции.

В воспоминаниях Вацетиса важны их разговоры с Лениным. Вацетис сыграл решающую роль в подавлении июльского мятежа левых эсэров 1918-го. Полковник имперского генштаба, он перешел на позиции большевиков, командуя латышскими стрелками. Что его удивляет в июле 1918-го?

Загадочное бездействие большевиков в дни мятежа, притом что в руках у них военная сила. Пассивен Муралов, который командует московским военным округом. Вацетис – военная косточка, для него нет проблемы: мятеж? Ударить и разгромить!

В ночь мятежа Вацетиса вызвал Ленин, и того ужаснул трагизм, с каким вождь мировой революции относился к происходящему. С одной стороны Муралов, который не пускает в ход оружие, с другой – Ленин, который ночью спрашивает: сколько часов мы еще продержимся? Вацетис отвечает: Владимир Ильич, да какая вообще проблема? Взял пушки, подкатил к помещению, где заседали левые эсэры – дал залп и рассеял мятеж.

Для полковника тут была только военная задача, и даже годы спустя переживаний большевиков мемуарист не понимает. Ведь в основе их тогдашней медлительности, в ядре невидимой драмы 1918 года была мировая революция и Россия.

Что – за счет чего? Кто – за счет кого?

92. Коммунистическая революция универсальна. Ленин и Сталин – универсалисты. «Мы снова станем отсталыми».

– Ленин вполне ортодоксальный марксист, конечно, монист и универсалист. С другой стороны, он единственный в большевизме шел от наследия русских трагедий XIX века. Хотя большевизм, который Ленин создал, чужд русскому XIX веку, лично Ленин не был ему чужим. Ульянов вышел из XIX, будучи глубоко им изранен, и исторгал его, как бы ища свободы от себя самого. Сочетание ортодоксии коммунизма с русским наследием XIX века выразилось в неуходящей идее: *осуществиться в человечестве*. Эта русская сверхидея нашла себе в Ульянове коммунистически-прагматичную редакцию.

Согласно патриарху-основоположнику Карлу Марксу, коммунистическая революция может быть только универсальной. Но когда обнаружилось, что ее можно начать неклассически, для Ленина идея неклассического начала стала мотивом и доминантой. Она придавала ему как политику громадную силу управления обстоятельствами. С другой стороны, это идея утопическая.

– **У нас все, что политически не удалось, потом зовут «утопическим».**

– Нет, а проследи, как внутри Ленина всякий раз проигрывается заглавная идея универсального начала. Почему пять лет, с 1917-го до 1921-го, он так фантастически прикован к мечте о немецкой революции? Ради которой готов был на все, даже «прощупать штыком» Берлин через ненужную ему Варшаву? Потому что Ленин успокаивал себя тем, что после революции в Берлине мы в России «снова станем отсталыми». Отсталыми здесь означает – нормальными!

Судя Ленина, надо помнить не только про маниакальность его идей, но и идейные истоки маниакальности. Одна из них – пресловутое *ускорение истории*. История, которая ускоряется, – что за дурная экспонента? Но ускорение истории у него связывалось с *вовлечением множества в Событие*. Чем большая человеческая масса примет участие в движении, тем сильнее ускорится ход истории. Идея тайно финалистская, Ленин выдает ей свой ход сознания, выводящий политику на проблему *начала*. Он догадывается, что начало нельзя растянуть бесконечно: либо мировая революция уже на подходе и поставит Россию на ее естественное место в человечестве – либо непосильная ноша коммунистических импровизаций раздавит страну. Начав дело, следует быстрее повести его к кульминации. Мировое начало надо как можно быстрее приземлить в национальных пределах.

Но этот его личный мотив под конец не мог уже задать курс гигантской военно-коммунистической партии. Ленина бросает из крайности в крайность: то дает команду вычистить из РКП(б) две трети ее членов, то гонит из России несчастных профессоров-идеалистов, которые якобы мешают монополюльно утвердить коммунистическую идею.

– **И коммунизм потонул в его личных метаниях?**

– Коммунистическое начало выступает гипертрофированно отделенным от будней еще у Троцкого, а у Бухарина его практически нет. Коммунизм уже тогда должен был быть сменен чем-то другим. Вот к этому другому, очень условно говоря, «национал-коммунистическому», Бухарин совершенно не готов. Не говоря о политических качествах, он попросту не лидер по своим личным данным.

Собственно говоря, уходящий Ленин сам вооружил Сталина идеей, что мировой переворот можно осуществить в собственных российских пределах. Сталин ее оседлал и, отредактировав, дал свою версию его идеи.

93. Как Ленину отделаться от РКП(б)? Между мужиком и интеллигентом.

– **А как надо было?**

– Надо было незавершенный рывок русского к мировому, этот отложенный переход *признать нормальным состоянием*. Отказываясь считать советское общество лишь «переходным» и «предшествующим» утопически невозможному целому. *Реальное новое целое* признать государственным *состоянием номер два* и основанием для будущего развития. Ходом интеллекта Ленин был подготовлен к тому, чтобы «состояние номер два» учредить и от ставки на утопию перейти к ставке на переходное целое. Назвав его *нэповской Россией*.

– **Ты не слишком концептуализируешь? Истории уже почти не видно.**

– Потому что излагаю это специально не теми словами, какие привычней. «Военный коммунизм», «нэп» – отчего я избегаю этих слов?

Новое советское целое, вот оно – возникает, пускает корни в институты и полномочия, затягивает людей, пригубивших власти, – но ничего мирового в нем уже нет. Не попробовать ли, подумывал Ленин, еще раз пойти навстречу мужику и интеллигенту, учредив на месте революционного государства Советов некую стабильную переходность?

– **«Навстречу интеллигенту» он пошел философским пароходом? Оригинально.**

– 1922 год вообще провальный год Ленина, наихудший год. Проигранная революционная война с Польшей стала его философской катастрофой. Близко знавшая его женщина мне говорила, что «после Польши наш Ильич стал совсем иной человек». У него хватило сил развернуться нэпом навстречу крестьянину, а пойти навстречу одновременно крестьянину и интеллигенту – уже нет. Взамен пришла иллюзия. Чтобы совершить обратный ход от abortивного миро-революционного целого к основаниям регулярного, многоукладного целого, Ленину понадобилось «единство партии».

– **Зачем ему, кстати, свобода от оппонентов? Трудно понять такую слабость в лучшем полемисте России. Расчищал поле – подо что?**

– Ленину надо было как-то отделаться от того, чему посвятил всю жизнь, – от *Партии как субъекта*. И его новый утопизм, уже не имеющий прежнего оправдания, был в том, чтобы, я думаю, партию сделать инструментом противопартийного переворота. Провести перевертывание цели внутри РКП(б)! Для этого Ленину, с одной стороны, нужна была партия без фракций, а с другой – чтобы извне не мешало «общество», то есть интеллигенты. Не случайно этим он в том же плохом 1922 году расчистил место для Сталина. Правда, «генсек» мало значил в то время, а Ленин предупредил, что в РКП(б) председателей не допустит, но все это не объяснение. Втянуты-то были все, интеллигенты тоже.

Многое шло асинхронно: в области культуры партия кого-то уже подминала, а на огромных пространствах революция только разворачивалась. Почему, собственно, надо было выслать Бердяева, оставив Шпета с Валентиновым? Дать простор Эйзенштейну? Освободиться от Шагала, но уживаться с Фальком и Малевичем? Это в органике асинхронности революции. Мы изображаем процесс, слишком выпрямляя его, – кто с плюсом, кто с минусом.

– **Итак, все было предопределено, и ниоткуда не выбросить ни одной фазы?**

– Нет, но через последовавшие ужасные катаклизмы род человеческий накопил опыт, с помощью которого Россия может (если ей удастся, конечно) попробовать еще раз сохраниться как целое. Уже естественное, ненасильственное и не сводимое к унитарному знаменателю целое. Но до войны в мировом запаснике политических опытов не было ничего, кроме «распада империй». Который Россия для себя отсрочила на семьдесят лет при помощи *русской мировой революции* по Ленину.

94. Как «нэповская Россия» не состоялась из-за польского батрака.

– Последняя публичная фраза Ленина – «Из России нэповской будет Россия социалистическая».

– Превращение России в нэповскую еще не состоялось, когда Ленину уже виделось, что она ей стала. Чтобы Россия смогла построить *работающую цивилизацию*, требовалась такая тонкая социальная политика и регулирующий механизм, каких экономическое развитие Мира тогда еще не имело. Были экономисты, которые близко подошли к этим вещам, как Кондратьев, Юровский и другие. Но, вообще говоря, до Рузвельта и Кейнса политика этого еще не могла. В катастрофе нэпа дело было не только в расколе политбюро и Сталине, умело его обыгравшем. Простое взяло верх над несозревшим сложным – случай не редкий в истории, но катастрофичный для советской цивилизации.

Как-то, заночевав в одном доме, среди старых книг нашел воспоминания комкора Путны о польском походе. Путна – латыш, известный во время гражданской войны командир Железной дивизии, после – советский военный атташе в Англии и, конечно, в 1937-м расстрелян. Он описывает поход 1920 года в Польшу под девизом «Даешь Варшаву – дай Берлин!» Красноармейцы были расположены на Урале, и, чтоб женщины не снимали мужчин с эшелонов, поезда охраняли другие красноармейцы, – до Уральского хребта из европейской России, а в европейской России охраняли уже сибиряки. Иначе женщины, подстерегавшие на станциях, тащили своих мужиков домой. Красная армия уже воевать не хотела и не могла.

Путна пишет откровенно – мы как, говорит он, воевали в гражданскую войну? Захватывали территорию, пополнялись жратвой и мужиками, которые сами шли в состав красных войск. Но придя в Польшу, мы столкнулись с невиданным – мужик уходил от нас вместе со своим паном! Это определило катастрофу гениальной идеи Ленина и Троцкого пробиться сквозь Польшу в Германию: польский батрак ушел от Коммуны с паном-поляком.

95. Дойти до Темзы или до Шпрее? Первый съезд партии без ЛЕНИНА. Рождение канона советского косноязычия.

– Ленин же практически провалился в 1920 году. На 9-й партконференции ВКП(б) обсуждалась неудача в Польше, но очень интересные речи и моменты из стенографического отчета были выпущены. Господствовало ощущение, что мировая революция проваливается и ушла, а что дальше?

Пока все эти цекисты спорили между собой, Радек Ленину говорит: вы что, Владимир Ильич, собрались штыком измерить готовность Европы к революции? Дойдете до Темзы? А Ленин ему в ответ – *нет, до Шпрее!*

Речка, где Берлин стоит, – это место в напечатанной стенограмме опустили. Один представитель казанского губисполкома сказал Ленину: все бы вам прощупывать Германию да Англию – а не пора ли наконец прощупать Россию? Пора бы партии заняться своими домашними делами! Таково политическое крещендо накануне нэпа – возмутительно запоздавшего.

12-й съезд ВКП(б), первый без Ленина, был дико интересен и весьма содержателен. Гениальный доклад Троцкого о госпромышленности. Национальная секция, где уже ясно, что все рухнет на национальном уровне. Но главное – приветствия съезду: это же язык Андрея Платонова! Такого я никогда не читал. И никто бы не написал эти речи: их корявость и непринужденность, их пафос и вместе с тем их мощную *каноничность*.

Когда-то Ключевский написал диссертацию «Жития святых как исторический источник». Смысл тот, что жития не являются историческим источником, поскольку строятся по стереотипу. Но Ключевскому возражали, что именно это делает их историческим источником. Стереотипизация творит сочинение по канону и возобновляет канон, что само по себе важно. Так и здесь стихия речи творит канон, по которому все начинают говорить и жить. И косноязычие входит в канон! То, что Платонов достиг гениальностью писателя, тут само породило канон. А что говорят о «революционной безнравственности», это разговор ни о чем. Вопрос о нравственности есть вопрос о *недостаточности ее* для таких ситуаций – она в них просто не работает. Мне это важно, как механизм привыкания к убийству.

96. Последняя утопия Ленина: русская цивилизация между Западом и Азией. Наследство, наследники и эпигоны.

– Что считать поражением – оборванную жизнь? Недовершенные замыслы и решения? Смерть лидера всегда таит опасность для других, встает проблема наследства и эпигонов. Но я имел в виду несколько иные вещи.

Поражение начиналось еще при жизни и проявилось в двух неодинаковых процессах. Один шел внутри самого Ленина. В последний раз он интеллектуально двинулся от себя к себе-другому. Последняя вспышка мозговой энергии, обращенной к новому образу Мира, чтобы соотнести красную Россию и Мир. Заново найти место русской революции, а найдя, придать найденному вес политического решения, которое было для него заключительным аккордом на переходе в действие.

В чем, однако, трудность, позволяющая мне употребить сильное слово *поражение*?

Он задавался вопросом об особенностях развития России, уже явно пережившей свою революцию и входящей в фазу долговременного развития. Изменяются ли эти особенности в новой фазе, и если продолжать называть ее революцией, то в каком смысле? Согласуются ли эти особенности? Нарушают они ход всемирной истории и общий закон ее, каким он, по Ленину, зафиксирован у Маркса? Ленин твердо отвечал *нет* – но думал ли так? Или диктовал, зная, что так это прочтут?

Я полагаю, что он так и думал. Но, думая так, по сути уже менял в уме классический Марксов образ Мира. Тот образ, которого Маркс держался почти до конца жизни. А о том, как именно менял этот образ в последние годы жизни Маркс, Ленин имел слабое представление либо запер эти мысли в себе.

Меня всегда удивляло, что, когда в 1908 году была опубликована переписка Даниельсона с Марксом, прямо трактующая тему России, Ленин, всегда откликавшийся на новые публикации классиков, на этот раз не откликнулся. Удивил ли его Маркс неприятно близостью к Даниельсону? Или ум Ленина не был готов к этой проблеме и он зашифровал отклик в статье о Толстом – зеркале революции, о русском народничестве в «Двух утопиях»? Трудно сказать. Два понятия, две идеи начинают у него сближаться и вглядываться, притягивая одна другую.

Первая – это идея *России, многоукладной надолго*. Многоукладности как исторически нормального для России состояния, где будут меняться лишь пропорции и места укладов, прежде всего социалистического. Многоукладность не пережиток и не инерция, в ней содержится нечто модельное. Многоукладность совпадает с тем *естественно-историческим процессом*, которого доискивались Маркс, марксисты, да и все политические умы в русле новоевропейской цивилизации. Итак, с одной стороны, вот русская многоукладность. А с другой – Мир, также «многоукладный», принципиально разный.

Мир разнонаправленных развитий. Впервые употребив это выражение в 1968 году в статье «Маркс, Энгельс и революционная Россия», я опирался на интереснейшее письмо Маркса 1858 года в наброске так называемого ответа Вере Засулич. Конфликт разнонаправленных развитий вступал в противоречие с теми априори, которых Маркс придерживался в свой «ортодоксальный» период.

Маркс видел развитие Мира с постоянным отставанием в развитии то тех, то иных его макрорегионов, которые так или иначе будут жестко вовлечены в это развитие и подчинятся ему, ибо прогресс по природе универсален. Единый мир, единый революционный процесс делает всех своими субъектами *volens-nolens*, ибо он и есть единственный субъект Мира.

В новой картине Маркса конфликтует не универсум развития с его эмбриональными вариантами, а развитие, вступающее в конфликт *с развитием же*. Мир входит в полосу разно-

направленности «прогрессов». Тут невозможна экстраполяция классического образца. В центр революционного действия выходит проблема *управления синхронизацией*.

Только сегодня, через сто лет после Маркса, трудности его ума стали практическими трудностями нашего мира. Уходящий Ленин пошел на прорыв для разрешения этих трудностей. В исходный пункт своей новой картины Мира он кладет разнонаправленное развитие и делает из этого выводы, вторгающиеся в политику правящей партии РКП(б).

В новой версии Ленина Мир триедин. Мир Запада (имелась в виду прежде всего Германия) застрял в движении к социализму, пока не найдя своей модели. И пока он ее не найдет, задержка останется его неизбежным состоянием. Мир Азии начинает движение к «буржуазно-демократическому», как выражался Ленин, развитию. Движение к тому, что для Запада давно пройденный путь и его нормальное состояние. Тогда третий, евразийский мир победившей русской революции – лишь мост встречи двух первых, Азии с Европой? Нет, это слишком просто для Ленина.

По Ленину, Россия соединила *приостановленное начало* мировой революции, уже отгиснутое в советской организации власти и социальном строе – с нерешенной задачей *исходных условий человеческого развития*. *Нерешенность* которых – предмет Ленина еще с ранних лет его марксистского самоопределения. Отсюда соединение проблемы *начала*, которая всегда оставалась для Ленина ведущей, с волатильностью исходных условий.

А теперь? Россия долговременно оставалась «революционной наедине», в активном окружении мировых сред. Как ей соединить советский строй *с нехваткой исходных условий развития*, оставленной ей в наследство и усиленной войной и затем военно-коммунистическим импровизированием? Вот где у Ленина появляется новое для него понятие: цивилизация. Категория, которой он прежде не пользовался.

В характере Ленина довольно высокая строгость терминологии. Приведу пример. До конца революции 1905 года Ленин пользовался общепринятым термином *самодержавие*. Противопоставляя ему, по наследству от «Народной воли», то *самодержавие народа*, то сходные политические конструкции. Затем он пришел к выводу, что царизм после революции 1905 года переменился. Политика Столыпина обновила власть и взялась за решение задач побежденной революции. А по отношению к «палачу-душеприказчику» революции альтернативой может быть только демократическая республика. Из этого Ленин сделал вывод, что термин «самодержавие» к Российской империи более не употребим – и до конца жизни он больше его *не употребляет*.

Понятие *цивилизации* как фокусирующий термин вводится Лениным в обход его обычной лексики, лишь поскольку он не находит других терминов для предмета – обновленной сцепки России с советской властью. Цивилизацию Ленин отсчитывает от *дефицита непреходящих условий развития*, просвещающего человеческую массу. Оттого и *кооперация* для него теперь не оптимизация производства в мелкотоварной стране, а *концепт, исключаящий коллективизацию*. Надолго ли, Ленин знать не желает; дело не в сроках. *Строй цивилизованных кооператоров*, о котором он говорит, имеет философский приоритет.

Вопрос о политической реорганизации советской власти становится для него практической темой. Разнонаправленность развитий в советской России не катастрофа, если ее упорядочить. Какой в этой *неосоветской России* должна стать государственная организация?

Есть и другие аспекты этой темы: почему Ленин вдруг обращается к «госкапитализму»? Это еще одна попытка обойти партию – он ищет экономическую организацию, которая не стесняла бы разнонаправленных микро- и макрополитик внутри советской власти.

Госкапитализм – понятие, к которому он прибег ради неортодоксальной интуиции, не найдя точного соответствия. Речь шла теперь о такой экономической организации страны, которая была бы нестеснительной для цивилизующего процесса, оставаясь его арбитром.

В конечном счете главным затруднением для Ленина стал смысл сохранения созданной им партии. Была ли РКП(б), будучи однородна и достаточно дисциплинирована, готова принять и освоить политику многоукладного развития? Сможет она управлять синхронизацией развития либо она этого *не допустит*? Ответа на этот вопрос он не находил, но искал. Есть факт, сохраненный в рукописи его секретаря старухи Драбкиной, о нэпе. Некоторые вещи оттуда не вошли в печатный текст, в частности то, что Ленин запрашивал запиской членов политбюро: не назрело ли создание отдельной крестьянской партии? На что большинство высказались настороженно либо отрицательно. Ленин производил зондаж идеи многоукладности.

Отсюда преувеличенное, апокалиптическое значение, которое вдруг приобрел для Ленина так называемый *национальный вопрос*. То не был вопрос этносов или национальностей, то был вопрос о государственной множественности внутри Республики. Доведенная до болевой точки, эта трудность предстала перед ним в оголенном виде – в товарищах по партии, самых близких ему, он увидел вдруг *губителей будущего*. Но тут, в самый острый момент, Ленин теряет речь.

Это и стало окончательным поражением. Поражение высокое понятие, такое же высокое, как трагедия. Поражение мысли, которая увидела то, чего другие не видят, есть сюжет, где место состраданию, пониманию, даже преклонению.

Поражение Ленина имело и другой аспект. Возникла политическая проблема наследства и наследников: наследники налицо, но в чем *наследство*? Политическое наследство колоссально – партия, страна, власть, революция. Преемникам надо было свести ленинские взгляды в систему, систематизировав их, но по какому признаку? В чем именно состояло идейное наследство Ленина – в немногих фрагментах, которые он диктовал в последние месяцы? Или в том, что он говорил и делал до того? *Проблемное наследство* стало битвой, которая должна была неизбежно начаться, если бы даже не протекала в столь людоедских формах.

На переходе от Ленина к Сталину с ущемленно, что *Сталин единственный, кто предложил партии систематизированного Ленина*. Создал «Ленина-классика», в котором поглощен и изглажен классический Маркс, а прочее исчерпано «основами ленинизма». Станный русский гений Ульянова предстал одномерным «Лениным» – могучим козырем сталинских претензий на наследство.

Интуицией человека, рвущегося к власти, покинут Лениным, Сталин разгадал его проблемное поражение в вопросе о партии. А дешифровав поражение Ленина первым, Сталин опередил понимание остальных, уничтожил их одного за другим и унаследовал власть в СССР.

Думаю, проблема наследства Ленина не решена по сей день.

97. Володя Ульянов в Горках – возвращение в XIX век. Жизнь онемевшего ума.

– В хрущевские времена в ходу была версия сталинского заговора – Ленина изолировали в Горках и изоляцией намеренно убивали.

– Я и сам отдал этому дань, но теперь так не думаю. Его охраняли чекисты, которым он верил, и те ему были преданы, исполняя все, что он говорил. Чекисты там в основном латыши были, строгая команда. Латыш, который возглавлял, инструктировал – не вступать в разговоры, никого не пускать! – А если вдруг приедет товарищ Дзержинский или даже сам товарищ Троцкий? – Все равно не пускать! В парке с наганами, с ружьями чекисты кругом, чтобы никто из членов политбюро не проник. В отместку политбюро распускало слухи, чем в какой-то степени режиссировал Сталин. Заметен был тайный подтекст – интеллектуально дискредитировать Ленина. Показать его невозвращенцем к жизни, все поступки которого диктовала болезнь в последней фазе. Тогда пустили и слух про наследственный сифилис от бабки-калмычки.

– Ты не относишься серьезно к этой версии?

– В распускании слухов о сифилисе участвовали разные лица. Ленина смотрел и Бехтерев, который, кстати, версии не отвергал, хотя вообще она сегодня отвергнута медициной. При глубоком склерозе мозга последние фазы действительно напоминают клинику сифилиса, нелеченного или наследственно переданного. У Ульяновых была склонность к ранней смерти от склероза мозга: отец, затем Анна Ильинична – почти у всех этот диагноз.

Масса легенд, после заглохших. Но сплетни, направленные на то, чтобы дискредитировать Ленина периода его борьбы со Сталиным, не имели значения в 1930-е. Когда в отношении Ленина уже не допускались никакие порочащие суждения, поскольку тем самым они проецировались на Сталина.

Есть такое издание «Лениниана» – воспоминания, написанные сразу после смерти Ленина. Их потом авторы переписывали, пока не переписали всё. Горький переписал, Луначарский переписал... Другие тексты просто исчезли, их как бы не существовало. Неоткуда стало прорваться сквозь казенщину «скучного Ильича», вписанную в общую схему: великий Сталин – продолжатель дела великого Ленина.

Болезнь Ленина шла синусоидой, он умер в фазе явного улучшения. Тут тоже разные версии – отчего умер? С другой стороны, болезнь была в той фазе, когда любая мелочь могла вызвать смерть. Но были моменты, когда даже Ферстеру, немцу, руководившему лечением, казалось, что он вернет Ленину речь. Тут тоже были разногласия. Был отличный логопед, который с ним занимался и которого Ленин выгнал, когда, после первых успехов, увидел, что процесс дальше не идет. Он вообще изгонял всех свидетелей его умственной немощи. Девочек-медичек он устранил раньше всех, ему было стыдно.

С Лениным много занимался Доброгаев. Доставал из чемодана лимон – смотрите, Владимир Ильич, это лимон – желтый, почти круглый, с толстой кожурой, его нарезают и кладут в чай для аромата. Сегодня утром вы пили чай с ароматным лимоном. Разрезает лимон пополам, дает половинку – лизните, Владимир Ильич. Ленин рефлекторно сглатывает слюну, но от лимона отказывается. Доброгаев отрезает ломтик, морщась, разжевывает его. Потом складывает две половинки лимона, спрашивает: что это? Ленин тихо, отчетливо говорит: ли-мон. Как Доброгаев с ним занимался!

В Горках у него был период ухудшения с галлюцинациями. Ленин повсюду видел людей, которые хотят с ним что-то сделать. Поднимал ночью санитаров, заставлял возить его из комнаты в комнату; те беспрекословно выполняли все, что он просил. Завезли в ванную без окон, где отовсюду видны углы – и только там он заснул, иначе не мог. Но этот период прошел, галлюцинации ушли.

Притом что никого к Ленину не пускали, каким-то образом в Горках оказалась группа рабочих Глуховской мануфактуры. Кто их пустил, неясно. И вот сравниваю, что они писали после его смерти. Какой-то рабочий из тех, кто там был, рассказал, что Ильич, выйдя к ним, снял шапку. В Горках Ленин ломал шапку перед всеми – как увидит человека, снимает шапку. Бывало даже, что руки целовал, но чаще просто снимал шапку. Вышел, снял шапку, они ему говорили что-то, плакали, и он плакал. А после началось – одна работница «вспомнила», что он им что-то «сказал», другой ее дополнил, и наконец вышел кинофильм, где Ленин *разговаривает* с рабочими.

Ленина можно не любить, но о том, как человек умирает, фельетоны писать грешно. Хотя разоблачение легенд невольно придает всему фельетонную остроту – ведь кошмар с этим фильмом, где работницы и рабочие «вспоминали», что им «говорил» немой Ленин. Фактически говорил он только «а-ля-ля» или «вон-вон», хотя и с богатством жестикуляции.

В какой-то момент Ленин сумел даже побывать в Кремле. Когда однажды Ленин вышел и сел в машину, сказав: *вон-вон*, охрана и санитары сказали: Ильич хочет в Москву! Надежда Константиновна в плач: Володенька... а он твердит «вон-вон!», и машина поехала. Чекисты беспрекословно выполняли службу вождю революции. За ней на других машинах полетели вдогонку – куда и зачем Ленин едет?

Теперь по новым материалам выяснилось, как он – немой! – к этому хитро готовился. За день или два велел себя постричь и следил в зеркале, чтобы стригли аккуратно, чем никогда в жизни не интересовался. Шел к цели последовательно, никому не говоря, что делает. Принял ванну. Выбрал момент, когда его чекисты были рядом и машина тут была. И подготовленный к поездке, поехал – прямо в Кремль, в свою квартиру.

По официальной версии, он был там только день, по воспоминаниям – два. Когда Ленин приехал, у него был момент улучшения, а после Кремля настало ухудшение – возможно, из-за поездки. Говорят, Ленин стал открывать ящики письменного стола, увидел, что бумаги не в порядке, и ужасно разволновался, устроил скандал. Была даже версия, что Сталин какие-то документы из его ящика взял.

На самом деле все проще – Ленин пробыл в Кремле два дня. Заговоров никаких не было. Сталин, конечно, следил за тем, что происходит, понимая, что, если больной оживет, его политической карьеры конец. Но повлиять на ход событий тогда он не мог.

Кажется, Ленин хотел поехать на сельскохозяйственную выставку, хотя как он мог понимать? С другой стороны, у него бывали просветы, когда он даже мог читать, но после все терялось.

Показания медиков часто не сходятся. Когда у Ленина началось улучшение, медики уже были им отстранены. Оттого и нет непосредственных медицинских наблюдений – он их просто не подпускал к себе. Попов как-то застал Ленина, который, стоя один, читал фельетон Троцкого в газете. Троцкий там высмеивал людей, придумывающих революционные имена. Ленин стоял и смеялся. Когда Попов подошел, Ленин ему показал это место и сказал – смешно. Однако непонятно, что он узнавал в тексте. Он знал по газетному стандарту, где передовая, и показывал места: читать здесь.

Каждый день Ленин требовал себе газеты, и когда ему раз дали старую, устроил страшную сцену и повыгонял всех. У него вообще были страшные приступы ярости, гнева.

Интересно, кто к Ленину приходил, а кто нет. Преображенский приходил, Воронский, сидели и с ним говорили. А Бухарин и другие «вожди», приходя, глядели на Ленина в щелочку. Когда им предложили с ним встретиться, испугались и сбежали. Между ним и ими уже прошла такая трещина, что они не знали, чем кончится встреча. Я думаю, в них был страх, что Ленин их всех прогонит. Они знали, как он приходит в ярость, а в ярости он был страшен. Но безумно любил студентов-медиков в Горках, которые все записывали за ним и сохранили блокноты. Теперь все опять заперто на семьдесят пять лет.

В Горках был свой мир взаимоотношений между людьми, окружавшими Ленина. Интересно, как человек, утратив речь, ограниченный нечленораздельными звуками и жестами, выстроил себе мир, который полностью был ему подчинен. Но что дальше делать с этим миром – не знал. То есть Ленин в сжатом виде повторил историю всей своей жизни!

У Ленина было много старых друзей, из тех, кто не занимал высокого положения. Они иногда заходили к нему на чай и раньше, когда он был здоров. Товарищей по политбюро Ленин никогда в гости не звал.

Был друг его Преображенский – не троцкист, а другой Преображенский, чудаку-утопист. Он создал коммуны, но все из нее разбежались, и он жил в одном из флигельков в Горках, на правах старого друга семьи. Вот однажды Ленин на прогулке. Его на каталке катали, а доктор Ферстер заново учил ходить – еще шаг, либер президент, еще шаг, либер президент... И Крупская во время прогулки ему рассказывает: помнишь Преображенского, Володя, с его коммуной? Разбежались люди от него, а помнишь, ты ему говорил, что все разбегутся? Ленин: да, да-да, да-да! – Он теперь у нас тут живет, в южном флигельке. Проходит время, никакой особой реакции – как вдруг Ленин возгласами «вон-вон» требует везти его к флигельку Преображенского.

Подвезли, говорят – дальше нельзя, Владимир Ильич, лестница крутая, коляска не пройдет. Вдруг он себя вышвырнул силой из коляски и на четвереньках пополз вверх по крутой лестнице. Санитары и охранники за ним, подняли его – и наверху, в этом флигеле, он обнял своего друга. Показывает на фото людей, которые были в коммуне, старых знакомых, и Преображенский, следуя за ним, – да, Владимир Ильич, это такой-то, он уже умер, а вот этот – он в эмиграции. Потом оба долго стояли обнявшись и плакали.

Как это изобразить, если не на уровне большого искусства? Выглядит убожеством: безумный вождь ползет по ступенькам.

Это есть в записных книжках, раскопанных Борисом Равдиным. В записях видно, как дрожала рука: то в машинах записывали, то где-то на ходу. Эти ребята медики вели маленькие записные книжки. Они сохранились, и это самый ценный источник. Все они в большинстве стали врачами, один погиб в 1937 году. Сами записки трогательны, их пишут молодые мальчишки, преданные больному старику. «Ни один честный человек не прочтет эти заметки без моего согласия, – написал один из них, – 17 мая 1923 года, Горки, 12 часов дня. Сегодня пошел 53-й день моего пребывания возле Владимира Ильича». Ни один честный человек не прочтет без согласия!

В Горках этот немой боролся уже только со своим внутренним миром. Так сложно умирает мозг. И когда ничего уже не осталось, на маленьком клочке ума продолжается жизнь, со всей его сложностью.

Из коляски он однажды увидел гриб. Его сестра Марья Ильинична, большая дура, велела собирать грибов и натывать в земле вдоль дорожки. Расставили, вывезли Ленина. Завидя грибы, Ленин развеселился, наклонился, взял гриб – и видит, что основание отрезано ножом. «Вон-вон», в дом обратно. Помрачнел и не стал ни с кем больше разговаривать.

Когда он умирал, все вышли из закрытого домика. Изгнал всех врачей, отказался принимать лекарства. Теперь это выяснено: он всех изгнал и заставил охранников возить его по всем помещениям, чтобы удостовериться – врачей нет, их и след простыл. Даже на Ферстера чуть не набросился с кулаками, чтоб тот поскорее уехал. Это была его личная реакция на беспомощность. С ним остались только охранники и студенты-медики – санитары, которым он абсолютно доверял.

Что-то он понимал, что-то он очень понимал. Невероятно сложная внутренняя жизнь, в которой он один, немой выстроил мир, который его удовлетворял. У меня есть предположение, что особенно его мучила память, которая удерживает неосуществленные замыслы. Память сильней удерживает не то, что было, а *то, что не состоялось*. Ленин был во власти какой-то

своей последней утопии. Возможно – что еще сумеет произвести переворот в верхах. Химера, конечно...

Впрочем, я не исключаю – если б Ленин вдруг вернулся к относительно нормальной жизни, положив на чашу весов весь свой авторитет, и дал бой Сталину, он и овладел бы положением в политбюро. Исключать этого нельзя. Однако настоящий вопрос, скрытый в «если бы»: *смог бы Ленин политически справиться* с обнаруженными интеллектуально диспропорциями замысла? С той асимметрией, которая завладела его последним образом Мира? С его «волновой» идеей увязки разнопорядковых миров Евразии единым движением, которое было бы цивилизаторским и революционным одновременно? Коммунистическим и леводемократическим – сохраняя контуры и сущность революционного процесса, как цивилизующего миро-единства? От этого зависело многое, почти все.

– Так как – смог бы или нет?

– Прежде у меня была конструкция Ленина в изоляции, но конструкция историка сталкивается с жизнью прошлого как таковой. Изоляция выдумка, Ульянов выстраивал нечто сам. Своей невероятной волей, по отношению к которой один из профессоров говорил: «Загадочный пациент! Трудно понять, что он может!»

98. Раб Ульянов освобождается.

– Тривиально до банального – чем больше власти человека над другими людьми, тем исчезающе меньше в нем самом человека.

Человек – это существо, которое изобретает прошлое. Отсюда выросла отрасль знания, где эта творческая игра приобретает форму реконструкции прошлого. Ленин – наихудшая из фигур для реконструкции. Человек, облепленный мифами и апокрифами, нарезан на цитаты для транспарантов и лишен из-за этого всякого человеческого интереса.

– **Итак, мы тут с тобой гадаем о Ленине-вещи в себе?**

– Нет, мы обсуждаем, как человек, у которого осталось шагреновой кожи мозга всего на квадратный сантиметр, сумел в этом кубике воссоздать свой мир жизни, в соответствии со своим архетипом. На этом ничтожном клочке человек Ульянов, осознав необратимость случившегося, отстраивает работу ума. Вместе с тем совершается, возможно, бессознательная, но что можно знать теперь о его сознании? – ревизия им своего прежнего, «рахметовского» архетипа. Поразительна способность Ленина на жалком кубике еще живого мозга регенерировать всю жизнь ума. А он там еще и ведет внутри собственную ревизию, пересматривает архетип.

Это различимо уже при входе его в немоту. Когда он диктовал, уже зная, что теряет все, и судорожными диктовками пытался все обернуть и переиграть! Одновременно в нем довершалась тайная ревизия самого себя, которая ценой жуткой болезни вновь сделала Ульянова свободным человеком. На клочке о с тавленной ему жизни, которую трудно называть жизнью. Жизни после смерти, но не в смысле бестселлера Моуди, а в смысле, скорее, Федора Михайловича, у которого все вообще герои произведений живут после смерти. Начиная с «Мертвого дома», где все умерли, но живут.

В каком убожестве уходил из жизни этот человек. Однако, немой, с помощью жестов он проделал не только свой путь – он вообще путь человека проделал.

99 Писал бы ЛЕНИН мемуары, как ТРОЦКИЙ? «Первый» уходит в смерть, а «Второй» – на мокрое дело

– Я думаю, нельзя стать свободным человеком, не осознав, сколько в тебе неизбежно изначального и к самой человеческой сути отнесенного рабства. Но когда я сотрясаюсь гениальной пушкинской строкой, двумя словами *усталый раб* – это он о себе! Усталый раб Пушкин, и усталый раб я. И в качестве усталого раба я пытаюсь понять Ленина.

Может, и Ленин был усталый раб к концу жизни? Может, его финалом должно вымерить всю его жизнь, посвященную тому, чтобы *взорвать заданность*? Вымерить в тех терминах, образах и смыслах, что вписаны в его существо и его волю? Вписать свой взрыв в миллионы других, а в конце ощутить – *нет!* Нерешаемо, но будет решаться бесконечно, и в том удел человека... Не юдоль, а удел! И мне бы не то чтоб сильно хотелось этого Ленина его конца повидать и поговорить. Но хочется из точки финала разглядеть всю ситуацию, где он был творящим субъектом и вместе с тем *рабом* им разнузданной стихии. Подчинившийся ей. Понимавший: чтоб оставаться творцом, он должен ей покориться и, приняв в себя, стать ее частью. Приведенная тобой в действие, она тебя поглощает, тебя подчиняет, растворяет в себе, приговаривая к действию по законам стихии, хотя те законы страшны и смертоубийственны для самой стихии. Надо вовремя уйти из нее... но ведь человек Ленин уйти не мог! Можешь представить его в отставке или в иммиграции? Пишущим мемуары, как Лев Давидович? Оппозиционный журналист, частный наблюдатель? О, нет! Тут Мир и Россия, тут судьба Кромвеля, а не Робеспьера, судьба стольких русских – и нечто понятное только Корчаку в гетто. Тут один выход, в смерть. Когда стал уходить в смерть, и не ушел сразу... Увидев, что ему отказали в просьбах к Сталину и к Наде – дать яду, он стал из ничтожного лоскутка жизни строить что-то человеческое. Мир для одного, откуда тайные тропы, лазы-выходы вели к людям. Не обстоятельства паралича и беспомощности, не одно обызвествление мозга заставляло Ленина ломать шапку, кланяясь в ноги крестьянам, и целовать санитарам руки!

Нет, я не в порядке сентиментальности. Моя площадка встречи с Лениным раздвинута за пределы Мира, которого уже нет. Место встречи сузилось и оказалось у выхода из истории в свою смерть. Ситуация Ленина была такова, что выход был или в смерти, или в убийстве. Но когда *Первому* довелось уйти в смерть, тот – *Второй* – двинулся тропой убийств.

– **Когда Сталин стал Вторым? Он же и вторым не был.**

– Второго в роли Другого быть не могло. Либо революция, самоувековечивающаяся стихия, заглатывает и подчиняет всех, делая пищей свое собственное существование. Либо ты пытаешься ее сломить – но чем можно сломить *ее*? Как *ее* сломишь? Ты *изнутри* только можешь ее сломить, не обойдя грех убийства. *Второй* станет ее продлевать и увековечивать, не мысля себя вне Революции. Нет ее, и ты превратишься – во что? В Сталина, пишущего мемуары? В того, кем ты уже не сумеешь быть?

– **Но твои Первый и Второй, Ленин и Сталин, в равной степени не могли стать просто людьми – разве нет?**

– Не способны, ты прав, но по-разному. *Ленин – убийца поневоле*, а для Второго убийство станет гигантским жизненным смыслом. И он наполнил этим смыслом нашу жизнь. Исподволь, незаметно нас совращая *убийством как смыслом*. Ленин подошел ближе к тому, от чего был поначалу далек, – что пора *освободить людей от революции*. Но Второй в некотором смысле стал его наибольшим наследником.

Сталин ощущал, и в какой-то степени осознавал ту же проблему конца революции. Но для него это означало закончить ее в модусе самоувековечивания. Когда революция уже не освобождает раба, а творит антимир, собирая себя из античастиц. Продолжая обладать страшной силой, жесткой каузальной логикой – и каждый становится рабом этой связи. Поразитель-

ным образом чувствуя себя при этом свободным! Казалось бы, нельзя быть свободным за счет кого-то. Ты пытаешься отстоять в мышеловке чувство свободы не за счет других – и тогда погибаешь. Благодаря этому же возвышаясь к великому, как мы в войну. Но после – падаешь, падаешь, падаешь – в страшную грязную яму.

Часть 7. Сталин, таинственный сценарист.

100. «У него мужественное лицо».

– Недавно узнал: оказывается, из последней редакции «Мастера и Маргариты» выбросили единственную фразу о Сталине, которая есть в романе. Выброшена, вероятно, вдовой, но есть в рукописи.

Это последняя фраза Воланда в Москве, на балконе Пашкова дома. Воланд говорит следующее – у *него* мужественное лицо, и вообще, все кончено здесь, нам пора.

– Да что ты говоришь!

– Да, фраза, как пишет автор примечаний, «по неизвестной причине» отсутствует в издании 1972 года и в иностранном, даже в последнем пятитомнике. Понятно, в 1967 году даже в «Октябре» такое нельзя было напечатать. Ну а после, видно, вдова не захотела.

– У него мужественное лицо... и вообще, нам пора – поскольку он все делает правильно. Это совершенно подтверждает мою версию, что роман – *Евангелие от Пилата*.

И Пилат центральная фигура книги. Хотя «Мастер и Маргарита» мне родное произведение, авторская тема как бы недозаявлена. Может быть, Булгаков остерегался сам себя? Не осторожности ради: он друзьям читал рукопись «Мастера», и те говорили, что он ходит по острию бритвы, а Булгаков им – почему? Разве это в СССР нельзя напечатать? Хотя не был наивный человек, практическую сторону жизни знал и шел ей навстречу – я не думаю, чтобы он, смертельно больной, сделал это ради проходимости.

– Да, это последняя редакция, и как раз то место, которое он успел еще пройти перед смертью. На первой фразе следующей части романа Булгаков умер. О какой там он мог думать «проходимости»?

– Мы все думаем – там, где Сталин, со Сталиным нам все ясно. «Мы вам очень надоели?» – он говорит Булгакову по телефону. С кем так станут говорить? Вот я себе представляю – 1982 год, у меня идет обыск, и вдруг звонят из ЦК – мы вам не надоели?

Невольно начнешь возлагать надежду на того, кто так разговаривает! То, что делает Сталин, – игра, но хватило же у него ума повести игру с Булгаковым. Правда, есть одна деталь: Булгакову он звонил сразу после того, как застрелился Маяковский. Решил, наверное, что допустили некоторый перегиб.

101. Культура 1920–1940-х. Шостакович как советский историк. Перепутья революционной архаики.

– Теперешняя критика описывает историю как? Культурную иерархию сломали «бесы», быдло вышло на поверхность! Но ведь в 1920-е едва только нарождалась новая культурная стратификация.

– **Какая? По уровню, по интересам, по способности рефлексировать?**

– Конечно. Постреволюционную культурную стратификацию важно найти и прощупать. Показать, какой страшный удар нанесен по ней, и отнюдь не Октябрем 1917 года, как теперь стали считать. Был ли ударом «философский пароход» и все высылки – это еще вопрос. Неизвестно, пошла та высылка во вред или на пользу русской культуре: сопоставь-ка судьбу Шпета с судьбой Бердяева; а ведь тогда они легко могли сменяться местами. Власов спас тысячи жизней советских солдат тем, что вербовал их в свою армию.

Правила революций жестки – они отклоняют простую лояльность. Революция требует прямого участия от всякого и во всем подряд. Но разве революция – лишь те, кто с ней солидарен, сделал карьеру и строит жизнь по правилам, которые та предписывает?

По мере того как революция разворачивается, она втягивает в себя не только сторонников и новобранцев – в движение она приводит всех. Идет уплотненное во времени и катастрофичное по средствам пересоздание человеческих судеб, характеров и отношений. И тут оказывается, что люди, маргинальные в отношении революции, но ей не чужие, тоньше схватывают перемену в человеческих отношениях.

Трое из двадцатых – Мандельштам, Платонов, Булгаков, обращаясь внутрь человека, переосмысливают революцию. Они не чужды ей, это не Бунин, нет. Трагические финалы: одного убьют в лагере; другой, непечатаемый, умрет от чахотки; третий, непечатаемый, умирает от гипертонии – мартиролог. Кто, кроме них, – Пастернак? Пастернак мог появиться раньше или чуть позже, хоть вчера; Платонов, Мандельштам, Булгаков – только в свое время. В советский век.

Меня с издевкой спросили: ну-ка, назовите крупнейшего историка советского XX века? Я говорю – Шостакович! Он в том же ряду, что Платонов, Мандельштам, Булгаков. Я бы еще поставил Шаламова перед Солженицыным. Далее – Василий Гроссман, литературный гений. Но первая тройка безусловна и неколебима.

Если смотреть на двадцатые годы не только сквозь Соловки, видно, что большинство людей, почти все, приняли совершенное революцией за данность и были лояльны по отношению к ней. Вместе с тем в лояльной среде сохранялась множественность творческой жизни. Были частные и кооперативные издательства, бурлила жизнь. В верхних эшелонах политики утверждалась монополия одной идеологии и слоя ее носителей, а внизу царил человеческий плюрализм. Экономически сосуществовали государственная промышленность, тресты, частные предприятия и море товаропроизводителей-крестьян. Вопрос был в том, выльется ли это в нечто стабильно нормальное или будет расценено как препятствие, подлежащее устранению.

Они же шли немаленькими когортами. Одна культурная оккупация Москвы Одессой – факт истории 1920-х, вообще говоря!

– **Перелом двадцатых годов разве не состоял в согласии со статус кво? Что сделано, то сделано – надо побыстрее самоопределяться. Половину двадцатых считают временем расцвета советской культуры, но Осип Мандельштам не любил эти годы.**

– Подъем двадцатых не был ни иллюзией, ни гипнозом страха. После Гражданской войны было невероятное ощущение, что побежден и внутренний враг, и весь внешний мир. Волнующее восприятие необратимого переворота и сама его необратимость выглядели источником новых возможностей. Являются вещи, которых до Октября в России вообще не было, – напри-

мер, научные институты. Конечно, очень плох 1922 год, который обновил и перестроил основание власти. Но процессы долго шли асинхронно.

– Но асинхронность все же накручивалась на неумолимость. Осуждай-не осуждай, боролся ты против или помогал – неважно, игра сыграна.

– Возьми раннюю биографию Булгакова – он ничуть не приспособился к восторжествовавшей системе. Огромное поприще видов человеческой активности, и оно открыто.

Если рассматривать двадцатые как предварение того, чем станут тридцатые, возникает принципиальная аберрация. Люди, так видящие, – адепты финалистского взгляда, вроде ортодоксальных большевиков. Рассмотрим это как ситуацию развилки, когда та уже не могла далее оставаться *только* развилкой.

Задним числом ясно, что продналог еще не нэп, а нэп – еще не нэповская Россия. Но ощущало ли время себя таким образом? Знали ли, что на перегоне от нэпа к нэповской России поезд пойдет под откос? Поскольку нэповскую Россию выстроить было невозможно, политически неизбежен становится обратный ход. То, что не удалось выстроить нэповскую Россию, рикошетом делает нэп избыточным, и любой его кризис становился преддверием конечной катастрофы. Нэп стоял на том, что кризисы – это нормально, они будут и должны возникать. Знаменитые *ножницы цен* Троцкого входили в механику нэпа: есть крестьянская товарная стихия, посредники, есть госпромышленность на автономных началах и есть власть, которая является регулятором.

Но раз политика не достроилась до нэповской России как нормы, а нэп не затронул отношения во власти – то сама заложенная в нем продуктивная кризисность превращала каждый кризис в коллапс. Поощряя этим монополистов власти и с советским обществом обращаться как с угрозой, с вечной предкатастрофой, внося во все привкус чрезвычайщины. Я немножко сложно выражаю свою мысль? Сейчас это никого не устраивает.

– Мысль как таковая никого сейчас не устраивает.

– Нечто позволяет сопоставить это и с нашим моментом. В нэпе заложен был императив: к многоукладности надо относиться как к тому, что нельзя отменить. Нельзя отменить приказом то, что Россия соткана из разных образов жизни. Можно было политически отнестись иначе: отменить нельзя – давайте с этим работать. Признаем в этом новое преимущество, найдем искомые средства. Из этого всю Россию можно было выстроить заново! У Ленина был черновик такого подхода, у умных из сменовеховцев были проблески, у Кондратьева. . . Немало людей с разных позиций шли к тому, *что многоукладность – это нормально*. Она продуктивна и перспективна, но ее надо достроить.

Люди культуры были очень уверенные в себе люди! Отсюда важный психологический подтекст Сталина: нет уж, голубчики, – резвитесь, но конечный результат не должен принадлежать никому, кроме меня одного. Все обязано уместиться в мой результат, если не уместилось – невместившееся должно *прекратить быть*. Но тогдашние люди – то заигрывая с ним, то отстраняясь, пародируя и смеясь, – верили, что осияют сталинский результат, соорудив из него нечто себе по росту. Это и возраст, и затухающий импульс революции, и общая их уверенность в себе. И еще атмосфера времени. В диссидентском издании «Память» есть список добровольных объединений, ассоциаций и клубов в Ленинграде конца двадцатых годов. Их бесконечно много! Помню, я страшно смеялся – были общество бухгалтеров и, отдельно от него, общество главных бухгалтеров. Эта жизнь ничуть не была инерционной, доставшейся от царского времени.

Она была *архаично революционной*, вставленной в новую рамку нэпа.

Сейчас тоже так следовало бы, но старый монополизм уже заместили новым, а плюрализм – пустая фраза, так проще лавировать, поощряя то тех за счет этих, то этих за счет тех.

– А другой ход мысли невозможен для тех, кто мыслит триумфом и считает реформы следствием «победы демократов». Плюрализм противоречит самоощущению триумфатора – неважно, как я победил, важно, что я в Кремле.

– Но XX век в конце концов пришел к другому. Задачей и смыслом политики ставится дать людям *жить иначе*. Эту «эврику» надо заложить во все. Это категория не экономическая и не политическая – она антропологическая. И в опыте двадцатых годов XX века была завязь такого антропологизма. Кстати, именно она, завязь советского антропологизма, делала людей сторонниками совершающегося. Они были в его ауре, озарены коммунистическим антропологизмом. Даже обыденная речь тогда стала афористичной.

102. Управление слухами. Громкий хохот тридцатых и сталинская режиссура.

– Громадную роль в сталинизме играли слухи, колоссальную.

– **Это уже после войны?**

– И до войны даже. Помню слух-предвестник падения Ежова. Был тогда человек, даже внешность его по фотографиям помню, – Брускин. Был директором ЧТЗ, наркомом машиностроения, в 1938-м его посадили. Обычное дело, а тут по стране вдруг пошел слух. Будто Сталин спросил у Ежова: «Где Брускин – у вас?» – «Да». – «Привезите, я сам его допрошу». Тот замялся и говорит: «К сожалению, нельзя, товарищ Сталин». – «Почему?» – «Брускин расстрелян». Слух прошел, когда Ежов еще сидел на своем месте в НКВД. Сталинский слух был великой силой.

Но вот 1946-й, голодный год. Картошка стоит 30 рублей кило, страшно дорого. Кушать нечего. Прошел слух, будто секретарь Воронежского обкома заявил, что не может сдавать хлебопоставки государству. «Не имею права, – сказал, – люди начнут умирать, кормить нечем. А от меня еще требуют перевыполнения». Микоян на него якобы прикрикнул: «Вы обязаны это сделать! Скоро возможна война со Штатами, есть военная угроза, и стране нужны продрезервы». Секретарь обкома позвонил Сталину, и тот-де ему сказал: «Товарищ Микоян ошибается, а вы правы». Что не мешало и дальше со всех драть хлеб. Но слух играл свою роль.

Помню, очередное присуждение Сталинских премий было, и листик пошел по рукам. Очень подробный был слух, там упоминалось много людей. Сталинские премии присуждал, конечно, Сталин. Это его любимое занятие – сам все смотрел, читал. Был такой писатель Степан Злобин, написал роман про Степана Разина – между прочим, неплохая книжка. Сталин спрашивает Кружкова – а почему в списке нет Злобина? Знаменитый Кружков, завкультгрупой ЦК. После и я имел с ним дело, когда он выкинул из первого тома истории КПСС мой текст.

Так вот, Сталин говорит: «Почему нет Злобина? Хорошие книги». Идиот Кружков отвечает: «Товарищ Сталин, Злобин был у немцев в плену, есть порочащие сведения». Сведения такие, что в плену Злобин был то ли кашеваром, то ли хлебоборезом. Но Сталину важней, что после писатели расскажут друг другу. «Сколько лет с тех пор прошло, товарищ Кружков? В каком году Злобин попал в плен?» – «Пять лет прошло, товарищ Сталин». – «Пора бы уже забыть, товарищ Кружков!» И все мы пересказывали друг другу это сталинское *«пора забыть»*.

Но расцвет слухов о том, что Сталин сказал, был все же после войны. А в тридцатые годы слухи заменял смех, все смеялись.

– **Да-да, помню сталинский афоризм – «когда весело живется, тогда и работа спорится».**

– Сталин сказал: жить стало лучше, жить стало веселей – и вам теперь кажется, что это прозвучало издевательски. Хорошенькое дело: Кирова ухлопал, готовился ухлопать еще миллион, а ему, понимаете, жить веселей! Но его восприятие таких вещей несло свою избирательность, с накруткой и нарастанием решений, которые Сталин для себя принимал.

Я к тому, что нельзя сказать, будто Кирову на XVII съезде аплодировали непредусмотренно, настораживающе для Сталина, спонтанно. Нет, вообще, тогда много смеялись и охотно хлопали. Такова характерология тех лет.

Никогда столько не хохотали, как в тридцатые годы, с таким облегчением и так свободно – черта времени. Смеялись и во время речей вождя, искренне смеялись. Роль смеха в тридцатые фиксируется даже протокольно – то и дело «смех в зале», «хохот».

– **А помнишь, на каком отрезке смеялись больше всего?**

– Что-нибудь так: 1930–1936 годы. В 1930 году, в неполные двенадцать лет, первая книга, купленная мной на денежки, что выпросил у мамы, была «Сталин и Каганович, политотчет ЦК ВКП(б) XVI съезду». Там много смеялись и много-много аплодировали. Но это не были нарушающие норму, выделяющиеся спонтанностью аплодисменты. Зато овация Бухарину на I съезде писателей Сталина вывела из себя до чрезвычайности. Бухарин был у Горького, и кто-то сказал ему: ваша речь прекрасна, какая овация! И Бухарин мрачно заметил: я за нее расплачусь. Мне кажется психологически вероятным, что у Сталина все это мало-помалу накручивалось на его внутреннюю катушку. Мои крымские переживания: секретари обкома партии всегда выступали первыми – все встают, шквал аплодисментов, крики «ура!». Сталин с этим покончил, заодно покончив и с ними со всеми. В конце сороковых этого смеха уже почти нет.

Мягкий смешок Сталина – это вообще его манера. Вот из рассказов того времени. Гронский был такой, ужасная дубина. Редактор «Известий» и до Горького первый председатель оргкомитета съезда. По делам оргкомитета Союза писателей его вызвали на политбюро. Сталин к тому времени поменял отношение к Демьяну Бедному, с которым прежде был в больших приятелях, и на заседании сделал замечание в его адрес, что пора критичней к нему отнестись. Подпевала Гронский возьми и брякни: у меня вообще плохие отношения с Демьяном Бедным! Сталин сразу: «А почему? Почему это у вас плохие отношения с крупным советским поэтом?» Гронский смутился, говорит: «Это, знаете ли, частный, домашний случай». «Нет, – говорит Сталин, – вы на политбюро, товарищ Гронский, рассказывайте нам все откровенно». – «Понимаете, я был у него в гостях, а на стол подавали котлеты, очень вкусные. Беру вторую порцию, а Демьян мне кричит: довольно!» Сталин с Гронского не слезает: «А теперь поподробнее расскажите политбюро, какие у Бедного котлеты на вкус». Все, естественно, над дурнем хохочут.

Я всегда считал, что Сталин как автор и режиссер своих спектаклей в тайной сценарной работе много раз переписывает свою роль.

103. Почему никто не убил тирана? Сильные люди 1937 года перед незамеченным выбором.

– У каждого поколения есть в детстве свой дурацкий вопрос. Дети семидесятых интересовались, какает ли дедушка Ленин. А у нас, родившихся в последние годы жизни вождя, детский вопрос был таким: как злой Сталин дожил до 1953-го – почему никто из взрослых вовремя его не убил?

– Тайна 1937 года – отсутствие противодействия. Почему не нашлось тираноубийцы? Знаю со слов тещи Фриновского – помнишь такого? Заместитель Ежова. После нарком военно-морского флота, затем был расстрелян. Она рассказывала, как в разгар террора к ним приходил Ежов. Минуя калитку, в полубезумном состоянии перелез через забор. И, готовя чай, она слышала из кухни, как Ежов говорил Фриновскому: «Его надо убрать».

А еще к этому вот рассказ однокурсника, недавно умершего Вадика Фельдмана. Его отец был замнаркома НКВД по кадрам, должность была такая – представитель ЦК ВКП(б) в НКВД. Он ведал там кадрами и от ЦК надсматривал.

В 1937 году Вадим свое получил и замолчал надолго. Лет десять назад мы с ним повидались, и он все рассказывал мне, будто на исповеди. Почему-то хотел, чтобы я знал это и запомнил. Среди прочего такую сценку. Они жили в ведомственном особняке, и вот, говорит Вадим, рано утром я перед университетом сижу, пью чай, читаю газету – доклад Сталина на том февральско-мартовском пленуме 1937 года. Отец только пришел с работы, принял душ. Проходит через комнату, я ему – правда, хороший доклад Сталина? Отец стал, долго молча на меня глядя, а потом только – *нет, Вадик*. И ушел к себе.

Но я не про это. Август 1937 года, в Тушино парад авиации. Вадима очень туда тянет, и отец говорит: «Что, посмотреть хочешь?» – «Да, но если с товарищем». И отец приносит два пропуска! Двум молодым людям, одного из которых вообще не знает, он выписывает пропуск на правительственную трибуну. Стоим мы там, рассказывает Вадик, рядом Сталин и вожди, включая Ежова, – подходят к столу с закусками, пьют. Друг ему говорит: давай и мы поедем. Они поели. Конечно, соответствующие ребята охраны на них поглядывали, но, видимо, принимали тоже за соответствующих парней.

Убрать Сталина им всем ничего не стоило. Они были хозяевами положения – и они молча, покорно ждали своей судьбы.

– **А что отец Вадика?**

– Отца вскоре расстреляли, конечно.

– **Складывается ощущение, что, пока Сталин уничтожает советский мир и наследие революции, вы этого не видите в упор.**

– Катастрофа выбора нами не воспринималась как катастрофа, и даже большинством жертв не рассматривалась в этом контексте. Уничтожение Сталиным строя, персонифицированного им самим, никто, кроме остро мыслящих единиц, не опознал как нечто, утраченное навсегда.

Мы были третьим советским поколением, и мы не распознали в сталинизме потери выбора. Выбор сделали за нас и до нас, а нам должно было всей жизнью его оправдать, включиться, найдя свое место в рамках выбора, сделанного отцами. Но страшней всего, чего вам уже совсем не понять, – мы не видели в происходящем катастрофы. Но мы не были черствы, как карикатурный Павлик Морозов. Страстная потребность владела нами: уразуметь! Гибели буквально окружали нас, выхватывали близких из нашей среды, а мы все искали, как согласовать это с идеей раз навсегда сделанного выбора и будущей жизни в его пределах.

Некоторые вещи я хорошо, даже слишком хорошо помню. Шли первые дни занятий после летних каникул, сентябрь 1937 года. Среди нас был такой Шура Беленький – сейчас он

в докторам исторических наук. Отец его – известный деятель, торгпред в Италии, а после – зампредсовнаркома в одной из среднеазиатских республик. Шура женился на однокурснице, молодые поехали к отцу, и вдруг – его арест. Помню разговор между нами. Это не какая-нибудь тайная встреча, где мы боялись ставить вопросы вслух, – ничуть! Мы стояли в актовом зале, был перерыв в собрании. Мы были остро заинтересованы в судьбе Шуры и его отца. Наше отношение к нему самому не ухудшилось от происшедшего. Но нам всем надо было согласовать происшедшее между собой, объяснить его и поставить на место.

Мы обсуждали версии ареста отца, и Шура участвовал в разговоре. Сейчас, спустя много лет, мне стыдно вспоминать, как легко мы обсуждали этот страшный для него вопрос. Он уверен, что отец невиновен – и мы не подвергаем это сомнению, мы ему доверяем. Главное, чем мы озабочены, – как вписать факт ареста крупного советского политика в общее видение коммунистической цели? Безоговорочной цели, само собой разумеется, – ведь иной не бывает. Для нас это первичная аксиоматика, априори, – наше «иного не дано!» Кстати сказать, это роднило со старшими поколениями, сближая отцов с детьми.

Хотя обсуждается арест его отца, я помню у Шуры выражение серьезности – он допускает, что, может, все так и есть. А мы обсуждаем среди прочих и такую версию: будто немецкая разведка создала в СССР линии глубоко эшелонированного проникновения. «Вторые линии» – эта идея была популярна в нашей среде. Якобы люди на вторых линиях ничем не проявляют себя до решающего момента. Все они обыденно связаны по работе, вписаны в штабные планы и, не проявляя себя, опутывают невинных. Отсутствие примет измены еще не говорит о невинности последних: сегодня тебе легко разглядеть в этом версию сталинской лжи про «пятую колонну».

А вот другая картинка. В тот день было выступление Сталина, известное фразой, которая после вошла в обиход и дала название книге Гроссмана: *руководители приходят и уходят, только народ бессмертен, товарищи!* И я помню наше с другом ощущение... как бы это назвать? Счастья! Счастья удовлетворенной потребности в том, чтобы все наконец стало на место. Чтобы картина мира, где нам жить, не разрушилась. Дочитав речь, мы с другом радостно переглянулись – теперь нам все ясно. Но *что нам было ясно?*

Думаю, вам сегодня этого не понять. Но хочу быть точен в передаче тогдашнего настроения. Важно не то, что мы приняли это за объяснение, – хотя каким оно было объяснением? Но в мире советской метафизики, сопровождаемой лаконичным словом и образом Сталина, нам от этого *физически буквально стало тепло*. Возникло ощущение, близкое к счастью! Хотя и у него, и у меня уже были личные утраты из-за террора, и вскоре нам самим предстояли крупные неприятности – все теперь не имело значения.

Я не утверждаю, что такое типично. Но для советской молодой среды моего поколения это было господствующим настроением.

– Не оттого ли, что склад вашего мышления уже был проникнут конформизмом?

– Нет. Более того, наше языковое сознание оппонировало однозначности мейнстрима, куда вписались уже столь многие. Мы позволяли такое, чего человек постарше себе бы уже не позволил. Защищать товарищей публично стало опасным, но мы так поступали и не засчитывали себе этого за смелость. Советская априористика увязывалась со свойствами нашего поколения. С его образованностью, с большей свободой выражения себя в слове, с потребностью все взвесить, поставить на место и сообразовать. С несклонностью к функционерским навыкам в своей среде.

Изначально вписанные в ортодоксию единого хода человеческой истории, в этих рамках мы обладали тайной свободой и сами определяли отношение друг к другу.

104. «Организатор убийц». Сталинский перенос преступлений на жертвы.

– У Сталина ясно выражен перенос его преступлений на жертвы. Перечитывая газеты 1940 года, нашел сообщение в «Правде» после убийства Троцкого: обычный набор слов о «реставрации капитализма», но что выделяется главным?

Организатор убийц Троцкий! Я уверен, что это надиктовал Сталин сам, другой так не напишет. Во-первых, русский не скажет «организатор убийц», он скажет либо «организатор убийств», либо «предводитель убийц». Главное же, Сталин Троцкому приписывает роль «организатора убийц», хотя это он самолично подсылал к Троцкому убийцу за убийцей.

Бухарин ему пишет с Лубянки и, казалось бы, знает Сталина. Нет же – демонстрируя полное его незнание: Сталин не переносит разговоров про смерть. Тем более, когда это подразумевает и его самого.

Есть пяток версий телефонного разговора Бориса Леонидовича Пастернака со Сталиным о Мандельштаме. Пастернак не понял замысла Сталина: тому нужно было, чтоб Пастернак упрашивал его спасти жизнь Мандельштаму – а Борис не понял, чего от него ждут!

Он же мастер, мастер – намекает Сталин, а Пастернак ему в ответ про то, что у них с Мандельштамом разногласия в стихосложении. Да ему стыдно говорить с Кремлем из коридора коммунальной квартиры: соседи услышат! Разговор явно захлебывается, и Пастернак молит Сталина: «Я хочу с вами еще разговаривать!» – «О чем же?» – «О *жизни и смерти!*»

Сталин бросает трубку. Разговор прерван, и Сталин никогда больше не желал слышать Пастернака.

Оказывается, ему легче быть виновником смерти миллионов людей – человек для этого оправдание в себе найдет. А убить одного-единственного друга оправдание найти трудно и едва ли возможно. Не говоря о том, что Сталин не присутствовал при казнях. Хотя пули, которыми застрелили Бухарина и других, извлеченные из их тел, он разглядывал.

105. Логика вражеского окружения. Бухарин на Лубянке. Теология Человека Слабого.

– Бухарин на Лубянке выступает в двух лицах. Что до «троцкистов», те у него последние подлецы и, конечно же, контрреволюционеры. В отношении их для него допустима уверенность, что они в союзе с Гитлером. Даже если объяснять это тактикой самозащиты, все выглядит скверно, если не гнусно, а главное – не соответствует складу характера Бухарина. Но он себя уверил и теперь в этом уверен. А уверившись, что они могли такое сделать, какие основания у Сталина не распространять это подозрение на него?

В пределах этого речевого поведения все преимущества на сталинской стороне, и, согласно сэру Исае Берлину, сталинцы искренни, хотя некоторые догадываются, что им грозит. Их реплики на пленуме 1937 года кошмарны, это лексика кандидатов в мертвецы.

Из них не вырывается простая реплика здравого смысла – да быть же такого не может! А почему она не вырвалась? Расшифруем их логику, так называемую *логику классово́й борьбы*. Согласно той, любой проигрывающий в классово́й борьбе, оставаясь в ее пределах, вправе хвататься за любое средство – такова норма! Классовый императив *разрешает* терпящему поражение применять *любые средства неограниченно*.

В эту норму не входит нравственное самоограничение: я человек, и так я не поступлю ни за что.

Но ведь и фашизм был реален, и реален *фашистский человек* с его нахрапом.

– **Ты хочешь вникнуть в их мотивы или реконструировать альтернативу?**

– Я пальпирую утрату советским коммунизмом содержания истории. Поскольку у истории есть человеческое содержание, утрата выступает деградацией речевого поведения. И возврат в этом случае станет возможным только на самом краю их жизни. Для этого каждому коммунисту, как королю Лиру, надо стать голым человеком. Тогда только в поведении и сознании его восстанет зыбкий контур другой жизни.

Это невозможно, пока люди ставят логику «вражеского окружения» и «террористической деятельности» в один ряд с приверженностью к буржуазной демократии. Для них это были вещи одного порядка, стоящие в одном ряду мотивов. Грубо говоря – раз ты за буржуазную демократию, почему тебе не убить Кагановича? Ведь это норма классово́й борьбы.

Отчего могучий левый Запад капитулировал перед Сталиным и оказался разоружен перед лицом фашизма? Они так далеко зашли в критике буржуазной цивилизации, что не находили опоры в ее пределах. Тогда последняя оставшаяся им опора – сталинская Москва и могущество Красной армии. Если и их не станет, ресурсов не остается вообще – что и случилось после советского пакта с Гитлером.

Тогда только – я говорю упрощенно – пришел боевой экзистенциализм европейского Сопротивления как новый человеческий ресурс. Человек на краю, признающий свою смерть смертью, воздвиг соответственный поступок. Руководствуясь знанием того, что его *смерть важна* и что *память* – иное имя смерти. Ты следуешь нормальности смерти как исчерпывающего подытоживания жизни? Этим ты входишь в память, ибо мертвые однажды воскреснут. Где? В памяти, где ж еще им воскреснуть! Я не только разъясняю этим свое понимание писем Бухарина Сталину с их контуром человеческого безумия. Нет, я еще утверждаю, что его письмо в Кремль с Лубянки – *теологический* документ века.

– **Это хорошо бы мотивировать, между прочим.**

– То, что я говорю, и есть моя мотивировка. Бог является к людям, избрав для этого обличье Сына Человеческого. Бог не может сойтись с людьми вполне, не войдя в какого-то из них нераздельно – без этого встрече не быть. Без торжества слабой человечности не выйти

из тупика теодицеи: зло царит в мире, откуда удален Бог, пока Он, всемогущий, не вернется во славу.

Когда Гегель говорит: все действительное разумно – это конформизм. Все подвластно разуму, нет же ничего, чем разум раньше или позже не распорядится. Нет коллизии, где бы разум не взял верх так или иначе, ибо что не в домене разума? Тогда Шестов говорит: да пошли вы к черту со своим разумом! Если все в домене разума, то все попадут либо в домен Сталина, либо в домен нацистского «окончательного решения». И Гегелева *роза на кресте современности* обернется *Endlösung*’ом.

Кто против? Против – слабый голос слабого человека. Слабость человека в какой-то момент легла на чашу весов и, легкая, не перетянула чаши, где была сила и собрались сильные люди. Но слабость несла предчувствие, аромат выбора.

Выбор тридцатых не мог быть сделан в среде сильных, сильными людьми. Чтоб явились люди выбора – дерзкие, нравственно упорные, перешагивающие через ложь, – должны были подать тихий голос и уйти в небытие слабые. Но они, слабые, присутствуют и в выборе сильных.

– Что если это не слабый человек, а всего лишь голос его слабости? Слабость ведь бывает разного происхождения, по себе знаю.

– Нет, я утверждаю, что *Человек Слабый* – это такая же дефиниция, как *Номо sapiens* или *Номо egestus*, *Человек Прямоходящий* и *Человек Мыслящий*. Таков его антропологический статус в истории. Слабый может сделать что-то, что сильному не дано. Тираноубийство, к которому напрасно призывал Мандельштам в антисталинском стихотворении 1933 года, над Сталиным все же свершилось, – посмертно.

106. Упущенные альтернативы 1930-х годов. Заговор Сталина-хозяина против Сталина-лидера нормализации.

– Все наше месиво судеб и страшно свершившихся фактов можно рассмотреть под углом зрения *отсутствия выбора*. Тему Сталина можно назвать катастрофой выбора.

– **Отсутствие выбора равно отсутствию альтернативы. Раз в субъекте выбор не совершается, была ли вообще альтернатива сталинизации в двадцатые-тридцатые годы?**

– Это то, над чем я думал годами. Тут равно важно сперва допустить такую возможность и затем ее доказательно распознать. Без этого, убежден, предальтернативы не понять. Ее можно отследить рядом фактов, входя в конкретику, но это будет неполно, если не сопоставить с прошлыми предальтернативными ситуациями – 1918, 1921 и 1922 года. Ведь объективность альтернативы навязывалась мысли ходом вещей, до мысли возникшим или сопричастующим ей.

Учтем и заостренность *проблемы Начала* для русской истории. В этом Ленин особенно явно наследует XIX век. Для него проблема начала не в ряду остальных, она его сквозная интеллектуальная проблема.

Сперва пафосное самоутверждение через Октябрь и его уникальность как нового начала мировой истории. Но далее вопрос начала попадает в драматический контекст с массой вопросительных знаков. С этой точки зрения период нэпа для Ленина – новая редакция русского мирового начала.

Но тогда уже быстро нарастал его отрыв от ближнего окружения. Нарастает и незавершенность, фрагментарность его мысли. Не только из-за ограниченных болезнью ресурсов мозга. Болезненна сама симптоматика мысли, нащупывающей и не находящей свой политический предмет. И что важно, не выработавшей для себя нового лексикона.

Ленин эпатировал политбюро тезисами типа *госкапитализм выше социализма*, а те не понимали – что Ильич имеет в виду под госкапитализмом? И это не был вопрос неуточненной дефиниции. Тут у него присутствует нечто важное о России, не нашедшее имени и поэтому проясняемое прецедентом. Возвращением к его старым, еще предоктябрьским интеллектуальным ходам.

Для Ленина в полемике с народниками, для его концепта пореформенной России важно представление, что капитализм в России, безусловно, есть. Он добросовестно доказывал, в какой степени и какой именно капитализм есть в России. Но далее он выдвигает свой тезис против Плеханова: естественным порядком, диктатом экономической необходимости Россия капиталистической не станет. Из этого политически осмысленного вызова вытекает вся концепция революции по Ленину. Творимая революцией *власть* – как условие перехода от наличного капитализма к свободной капиталистической России. Нечто подобное по ходу мысли возникает теперь у Ленина в связи с нэпом: от наличного нэпа – к нэповской России.

– **Ты имеешь в виду известное выражение, процитированное в каждом советском учебнике: «Из нэповской России – к России социалистической»?**

– Дело в том, что до нэповской России надо было еще дойти, и это стало камнем преткновения для Ленина. У Ленина видна сцепка его недотягивания с очень сложными внутренними переходами. *Ленин философски недотянул до постановки проблемы альтернативы*. Сюда втягиваются и ограничения, накладываемые на мышление с внутривнутрипартийной борьбой.

Для второго поколения большевиков ничего этого уже нет. Любопытно посмотреть на философские мозги поколения, начавшего 1917 годом, – *для них проблемы начала нет вообще*.

Забыта первая альтернатива, еще предоктябрьская; нет и второй – той, что породил Октябрь, очень мощной по возможностям и вариантам, которые в ней таились. То, что октябрьские альтернативы не развернулись в политике и не нашли опоры в младобольшевистском

стиле мышления, облегчит третью катастрофу альтернативности – в 1929–1930 годах. Альтернатива ушла с уровня работы мысли – уродуемой политическими страстями, но все же наличествующей – в вопросы тактики. Хотя интеллектуальные спазмы были еще заметны весной 1929 года в последней статье Бухарина как лидера и теоретика партии – каковым он сразу после этого перестает быть.

Альтернатива 1934 года (если так ее условно назвать) – страшно интересна. Ее надо сопоставлять не с 1929-м, а с 1921–1922 годами – когда сам ход событий вынес альтернативность в политическую повестку.

После победы курса коллективизации все устремилось в русло регулярного протекания. И множество факторов к этому фрагментарно подводили. Перечислять их долгое дело, они разнопорядковые. Они захватывают экономику, как снижение темпа индустриализации. Они захватывают сферу культуры – возникает Союз писателей СССР. Они вторгаются в сферу идеологии – в отношении к русской истории, к прошлому. Все они разнолики, а не проекции чего-то единого, лишь распределенного по секторам. Их пестрота ставит вопрос перевода фрагментарной нормализации в политику. И процесс к этому действительно двинулся. О *сталинской оттепели* середины тридцатых можно говорить совершенно уверенно. Ее фрагменты должны были соединиться в нечто целое – но во *что*?

Произошло же вот что: Сталин замкнул эти фрагменты на их эрзац и проиграл свою альтернативу *лидера советской нормализации*. От его «Головокружения от успехов» до декабря 1936-го, до Конституции, альтернатива была спародирована, проиграна, а затем зверски умерщвлена в 1937–1938 годах.

– Что за «культ личности»? Политику надо быть титаном, чтоб в одиночку обнулить тренд такой силы!

– Тут ряд моментов личного и неличного порядка – как возрастает (это тоже ведь черта времени, нуждающаяся в объяснении) роль *одного человека*, действительно оказавшегося способным соподчинить себе огромный процесс! Ее нужно объяснить, преодолев магию «графика злодейств», сегодня представленную антисталинизмом. Такова же, кстати, аберрация в отношении Гитлера: некий готический упырь в тайниках своей души продумал календарь предстоящих злодейств на целый век и захватил власть, чтобы организовать работу по графику! Нет же – *все не так*.

Известная, многократно отмеченная черта Сталина – он берет *чужую* программу и включает ее в *свой* сценарий. Та принимает новые свойства и работает на его задачу, чем образует для всех непредвиденно обескураживающий фактор. Коллективизация по Сталину – не совсем то, что предлагали Преображенский с Троцким, а последующее было и вовсе не то. Но из 1934 года (если брать его как рубежную дату) все гляделось по-другому.

С одной стороны, фрагментарная нормализация казалась еще одной удобной программной подсказкой для Сталина. То обстоятельство, что режим вышел из предкатастрофы коллективизации без краха, а сам Сталин даже политическим победителем – предрасполагало его *присвоить альтернативу*. Фрагменты нормализации объединить под своей эгидой в программу, наперед задав свое лидерское место в ней и приспособив к личному руководству.

– Почему было Сталину-триумфатору не явиться сильным лидером внутренней советской нормализации?

– Но тут сразу два вопроса, первый: поддавался ли нормализации сталинский результат? И второй: устраивало ли это Сталина? Желавшего оставаться единоличным *хозяином обстоятельств*, а не *лидером* – первым среди равных.

Вероятно, впервые у Сталина тогда возникла нужда в особой тайной сценарной программе. Инстинкт сохранения себя *хозяином обстоятельств* – непрерывно приспособляющим их к себе, в способности к чему его уверил 1930 год, – диктует ему, что теперь сами обстоятельства должны стать другими. Их можно приспособить к Сталину, только если им

придавать, причем всегда, постоянно и наново – черты неостывающей экстремальности. Для этого Сталину надо было поменять обстоятельства! Фрагменты которых ему следовало рекомбинировать и собрать в неузнаваемом виде, лишив их малейших следов альтернативности.

Теперь и от себя ему нужно нечто новое, чтобы самой природой своей (на уровне речевого инстинкта, предсознания) вечно опережало сцепку этих фрагментов в норму и вытравляло из них альтернативность. А для этого ему самому, *Сталину, нужен новый Сталин.*

Вот чем объясним сталинский персональный масштаб. Здесь в условия будущего переворота (ибо это был великий и страшный переворот) входит *прелиминарное уничтожение альтернативности* – как актуальной потенции мышления и как потенциала личности. Опережающая ликвидация Сталиным всего несовместимого с его ходом мысли требовала реального вживления сталиноподобия в советскую антропологию. Отвечающего всегда заново творимым им обстоятельствам.

Предальтернативность не просто идет по угасающей, ее не просто свертывают. Идет ее мозговой слом и ампутация – с замещением органически ей противным, но опережающим ее, следовательно, всегда чем-то *новым!* Надвигается советская катастрофа выбора, даже в тех узких пределах, какие еще оставались для него прежде.

107. Телеграммы Сталина как симптомы бессознательного.

– Арифметическая версия сталинского «списка злодеяний», где к исходным добавляются одно за другим новые и новые, по документам не проходит. Сегодня просматривал телеграммы Сталина. Оказывается, еще перед Шахтинским процессом⁴ в Донбасс ездила комиссия политбюро: Молотов, Каганович, Томский и Ярославский. Томский тогда прямо указал на разгильдяйство и развал управления как причину аварий. Остальные, конечно, твердят про вредительство и «заговор врагов». Но есть телеграмма Сталина в Донбасс – одернувшего Ярославского, который выступил в местной прессе про заговор. Он пишет: не произносите там громких речей и не печатайте такого в газетах! Видно, у Сталина уже был свой взгляд на вещи: можно сколько угодно твердить рабочему про темпы индустриализации, но без картины казней за провал темпов не добьешься. Теперь ему требовались грандиозные исторические спектакли.

Иначе выглядит и картина всего, что предшествовало его знаменитой статье «Головокружение от успехов». Речь, собственно, о том, как Сталин ушел от почти неизбежной катастрофы из-за авантюры с коллективизацией. Катастрофа надвигалась неумолимо, и первыми виновниками ее были сами сталинские функционеры.

Пошли так называемые «перегибы», начинаются крестьянские восстания, дело приняло крутой оборот. И ни один член политбюро, которые выезжали на места, ни Калинин, ни другие об угрозе ему не докладывают и вопроса об отступлении не ставят.

– Кто предупреждал Сталина?

– Только ОГПУ, Ягода. Сталин шлет по стране телеграммы: приостановить коллективизацию! Никакой реакции. Последняя его телеграмма, посланная этим всемогущим сталинским партсекретарям, начинается так – страна на краю катастрофы, антиколхозное движение перерастает в антисоветское повстанческое. Бросить Красную армию, крестьянскую по составу, на подавление крестьянских восстаний – значит ее разложить и открыть границы врагу. ЦК предлагает вам немедленно прекратить – никакого впечатления!

Вот когда появляется знаменитая статья «Головокружение от успехов» – и Сталин навсегда входит в роль Спасителя. А сталинский функционер – в роль будущей жертвы.

---

⁴ Дело об экономической контрреволюции в Донбассе (1928). Обвинение большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности во вредительстве и саботаже.

108. Что такое революция сверху?

– Коллективизация, или сталинская «революция сверху», развернулась неожиданно и для Сталина. Она происходит по принципу нерешаемости сложных проблем – при таком их упрощении, которое своей технологией неожиданно нашло для себя социальную опору в миллионах зверски атомизированных людей. Вот что Сталин во время коллективизации назвал «революцией сверху». Каждая революция все-таки коренная перемена отношений собственности и власти, и в коллективизации перемена отношений собственности очевидна. Уничтожение общины, частного владения землей, крестьянства вообще.

Порабощающая атомизация, при которой каждый в отдельности символически восходит к самому верху власти. Сломав весь деревенский уклад жизни, Сталин создал нового человека, выплеснув его частью в лагерь других – людей с тачками, которые строят Магнитогорск, в города, а большую часть оставил в колхозах. Посмотри биографии будущих функционеров, включая военных, – почти все выходцы из крестьян. Атомизация миллионов людей, изгнание их на стройки, в аппарат власти создало социальную твердь сталинизма. Но есть и помехи, в один раз не решилось – помехой окажутся люди, которые разрушали деревню, а теперь сами стали хозяевами и опекунами колхозов.

Часть 8. Ленинский «субъект субъекта» в аду персонификации.

109. Сталинист Маркс о владычестве в Индии.

– Великий коммунистический эксперимент закончен. В этом один из трагических моментов и моего личного бытия в эти годы. Я ощущаю себя последним из могикан – хотя понимаю, что не на мне лично история обрывается и я не та личность, чтобы оборвалось на мне. Однако товарищ Сталин прав: русские либо *нация недоступного человечества* среди существующих наций, либо ничто.

Сказав «ничто», он поймал Маркса на слове. В некотором смысле Сталина можно назвать учеником Маркса даже больше, чем Ленина. Со слов свидетеля помню разговор Сталина с Бухариным о кулачестве. Бухарин будто бы ему возражал – а ты подсчитал, Коба, сколько миллионов крестьян придется принести в жертву? Сталин ему – ну и что, Бухарчик? Ты не забыл статью Маркса о «Британском владычестве в Индии»? Пойди перечитай, про жертвы там все хорошо сказано.

Вчера, думая о жестокости Маркса, вспомнил, как уже немолодой Маркс пишет в письме про свое близкое к ненависти отношение к пролетариату, который все никак не умеет стать хоть чем-то. У Маркса там такая фраза: пролетариат либо революционен, либо он ничто. Поскольку только революционность по Марксу действительно реализует всемирность и только она универсальна.

110. Принуждение неразвитых к глобальности. Полицейские функции коммунистической революции.

– **Всемирность и всеобщность совпадают в исходном субъекте развития?**

– Всемирность и всеобщность не совпадают ни по территории, ни по календарю. Всеобщность реализует себя этапами «неполной глобальности». А всемирность никогда не всеобщна буквально – она нарастающе всеобщна, и думаю, что в принципе не всеобщна по природе. Не реализуемая универсально, всемирность реализуется лишь, когда, как сейчас, перестав существовать, она целиком тонет в «глобализации». С Марксовой точки зрения, Всемирность равна Истории, равна Революции и равна Утопии, имея и еще ряд ипостасей и статусов. Что для меня очень важно.

Хотя Маркс тут идет от Гегеля, он вносит нечто принципиально свое, ставя всемирность на почву того, что назвал *естественноисторическим процессом*. Этим он выступил как Гегель – объединенный с Дарвиным, вместе взятые. Но что у него вышло? Всемирность универсализируется движением капитала и мировым рынком, но этим она еще недотянута. Окончательно ее универсализирует связка двух экспансий – синхронность революционного самопреодоления капитала при глобальной экспансии самого капитала на всех пространствах планеты.

В меру революционности *всемирность имеет право принуждать* всех к соучастию и соподчинению. Всемирность реализуется не так, чтобы просто уподоблять Западу развитие остальных, нет – она *обрывает собой их естественный ход*. Если этого не признавать, то это уже не Маркс. И тут возникает гигантская трудность.

– **Трудность в чем? Маркс верил, что есть один-единственный путь развития, им вычисленный. Рано или поздно этим путем пойдут все.**

– Не пойдут. В том и дело, что не все пойдут – *их поведут!* Те, кто воплощают собой всемирную потенцию революционного самоотрицания.

Тогда коммунистическая революция осуществляет – что? Какую работу? Чисто полицейскую: принуждая народы войти в европейскую историю. А чтобы всех принудить *войти в историю*, самому принуждающему надо *выйти* за ее пределы – куда? Ведь история по природе всемирна, это ее органика, она не включает в себя «всех вообще».

– **Итак, чтобы в историю вошли отсталые народы, передовые народы должны выйти из нее в коммунизм?**

– Для Маркса ясно одно: коммунизм, ради которого все это вершится, ни на что ему известное не похож. В некоторых текстах, что удивительно для него, он вдруг переходит на язык пророчеств: «Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню: оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира». Это «Классовая борьба во Франции», еще до «Капитала». Что же выходит – вы пасете и приносите в жертву народы только ради того, чтобы с ними вместе сойти со сцены?

111. «Калужское тесто» и управление обратным ходом вещей. СТАЛИН как гений изничтожения.

– После ухода Маркса были две версии приземления того, к чему он подошел и что далее потерялось. Вариант Бернштейна: *движение все, цель ничто* – и русский вариант Ленина, подготовленный всем, что внутри России марксизму предшествовало.

Движение – Россия, где цель приземляется, сохраняя освободительную сверхзадачу. Для Германии «движение – все» означало пропитку общества социал-демократией, которая, будучи встроена в государство, постепенно переустраивает его самое. Исходя из государственной данности, но переустраивая данность, – такова цель движения по Бернштейну и по Плеханову также.

Тем, что в России капитализм уже есть, для Плеханова все исчерпывается. Раз есть капитализм, есть и предпосылки будущей социалистической революции. Она – дело рабочих, им для этого нужна социал-демократическая партия. На пути стоит абсолютизм, несовместимый с капитализмом? Что ж, эту политическую помеху однажды придется устранить. Но устранение архаики не дело пролетариата. Ему следует подсобить буржуазии, временно отдав ей буржуазные результаты – кому они и принадлежат по природе вещей. А самим изготавиться к *своей будущей* революции – по Бернштейну.

Для Ленина тоже в России есть капитализм. Но своим органическим ходом Россия капиталистической нацией не станет: народничеством он опознал затруднение. Русское народничество для него не «предрассудок», а проблема в ложной форме – *государственная данность России не поддается переустройству*, – перестроить несвободную данность нельзя. Цель социал-демократии – внести в жизнь миллионов, в их многоплеменную разноязыкую массу *отсутствующую в ней мировую действительность*. Для европейского процесса это уже пройденный путь, но для России это ее *второе начало*, послепетровское, и в неслыханно новом контексте.

У Ленина складывается концепция-утопия привнесенной историчности с обратной последовательностью действий. Привнося в Россию капитализм американского типа, мы *привносим и классы* в холопски неоформленное, сословно-бесструктурное образование. В *калужское тесто* кавелинское. Тем самым мы привносим в Россию и само общество. Но кому это по силам – кто субъект обратного хода вещей?

Партия – вот субъект всемирного начала. Партия Ленина возникает как *субъект обратного хода вещей* внутри России. Из этого проистекает ее траектория и развязка обратного хода. Раз она партия «переначатия мировых начал», надо решить ответственную задачу – кто внутри партии явится ее внутренним перводвигателем, *субъектом субъекта*? Хотя бы в одном человеке.

Весь эмбриогенезис Ленина – через брата, отца, через Веру Засулич – ведет его к принятию этой роли. Русское сознание оказывается готовым включиться в решение всеобщей задачи, даже против самого себя. Россия выдвигает субъекта, который умеет работать, обращаясь с ней самой как с поприщем.

Партийность начинается в одном человеке – в Ленине. Он отвергает идущее от различия этическое деление на «партию вешаемых» и «партию вешателей» – нет, жертвами мы не станем! А если надо для дела, то сами побудем и вешателями временно – пусть! Переступить через отца и брата – не проблема. Важно, что мы те, что могут позволить свободную перековку себя – из «калужского теста» в партию.

Кто этот субъект обратного хода вещей, который воспринимается вместе Лениным как отвечающий истинному мировому ходу вещей по Марксу? Еще Чернышевский учил, что «опе-

редить» нельзя, однако можно особым способом *поравняться* с передовыми. Россия должна выйти в *передовики проекта выравнивания* с Западом, ушедшим далеко вперед.

Задача эта по Ленину – динамическая, нелинейная, но решаемая.

Только эта *политика обратного хода вещей* отвечает, как Ленин был убежден, мировому историческому процессу. В ней заложена единственная, но фантастическая возможность осуществить Маркса в России. И в этом таится опасность: что если он, единственный Человек Начала, обернется одиночкой к концу?

Моя центральная мысль, что к Октябрю можно было прийти только таким путем, но тот, кто все придумал, – *субъект субъекта стал лишним*. Нэп сделал излишней сперва партию как субъект обратного хода вещей, а далее и самого субъекта субъекта. И когда Ленин как субъект субъекта захотел было пересмотреть свое коммунистическое начало, он стал избыточным для партии, а для него самого партия – неуместной.

– **И сам он понял это?**

– До самого финала, до немоты в финале не понимал. Но, ставший избыточным, он вынужден был заживо онеметь. Именно так – разом. Как некогда сразу Рахметов в нем победил Чернышевского с Тургеневым, так субъект субъекта в 1923 году разом стал избыточен.

Он хотел было открыть России начало начал заново – а Россия не захотела. Ни Россия мужика не хотела, ни Россия партфункционеров. Сталин объединил первых со вторыми, уничтожив по очереди тех и других. Надо сказать, и Ленина он уничтожил тоже. Буквально вытравив его из памяти – нивелировав, возвеличив, заполировав, – Сталин Ленина в России искоренил. Сталин очень глубокий *человек уничтожения*, но и он проговаривался. Мог сказать после расстрела металлургов, что руководители приходят и уходят, только народ бессмертен.

Сталинский монстр зла вырос из монстра европейской, естественно-исторической необходимости. Он взял от марксизма историческую теологию самодетерминации. Исторический процесс по Марксу не первично задан неким первотолчком, нет – исторический процесс детерминирует самое себя. Тем самым исторический процесс оказывается наиболее *объективен* в точках его интенсификации, они же *персонификации* детерминистского чудища.

Вот откуда Марксово «пролетариат либо революционен, либо он никто и ничто». Для Маркса пролетариат перестает существовать, если он не революционен. То, как снимает революцию Эйзенштейн в «Броненосце Потемкине», для Маркса просто не имело бы смысла: подумаешь – колясочка на лестнице! И из бесспорного факта, что Ленин был продолжателем Маркса, ничуть не следует, что Маркс предшественник Ленина, а не Сталина.

112. Лексическая история сталинизма. Пятая колонна, враги народа и народы-враги.

– Как менялось в тридцатые представление о социализме? Шло речевое оформление нового коллективного бессознательного. Разбуди меня мальчиком в двадцатые ночью и спроси: что такое социализм? Я бы отрапортовал: *три «без» – без денег, без классов, без государства*. Как вдруг Сталин – «одни мелкобуржуазные уроды верят в труд без денег». Докладывая по Конституции, Сталин разъяснил, что при социализме классы есть, а уж государство – само собой. И нелегко сегодня представить наше потрясение от импортного клейма: *пятая колонна внутри СССР*.

– **Какое значение имело сталинское управление словами? Как появился *враг народа*?**

– Кажется, какое значение у слов, когда людей убивали, пытали в застенках? Нет, значение имеют. Бинарность «свое – чужое» по совершенно другим признакам. Сперва был термин *белогвардеец*. За ним в другую эпоху явился термин *вредитель*, функциональная характеристика. Вредитель – кто это? Это специалист буржуазной формации, связанный с каким-нибудь Торгпромом, бывал за границей. А кто *враг народа*?

На расстоянии это кажется тривиальным, но «враги народа» означали ментальный сдвиг. Это понятие и раньше мелькало, но не особо срабатывало. Оно не было функциональным. Один бывший работник НКВД, он еще в Ленинграде молодым работал, мне рассказывал – мы спросили Ежова, почему арестовали Медведя, а он и говорит: Медведь не понял, *что враги Сталина – это враги народа*. Терминологическая перемена делает террор резиновым: во враги народа можно вогнать любое число людей. А их вычеркивание из жизни «проясняет» само понятие народа: народ – все за минусом «врагов народа», кто их уличил и исторг.

Поздней это увяжут с идеологической глорификацией царских полководцев и патриотизма. Сужаясь, понятие *своего* укореняется заново. Десятилетиями складывалось понятие *всемирного отечества всех трудящихся*, и вдруг семантический переворот. Скажем, Бухарин в «Известиях» обмолвился, как социализм меняет людей, – пришли стахановцы, а *нация обломовых* ушла в прошлое. На другой день разгромная статья в «Правде» – никакой «нации обломовых» не бывало!

– **Знаменитая история, когда это было?**

– 1935-й или 1936-й. «Нация обломовых» – о старой России так выразиться стало уже нельзя. Потом все начнет увязываться в «свое-чужое» и в плане этно-национальном. В СССР появятся *советские нации*, появятся нации *некоренные*, а затем и *народы-враги*. Все это сперва еще по инерции работает на антифашизм, затем – на русское национальное чувство. А вместе является перековкой *советских людей* в советских *государственных русских*.

113. В «ежовых рукавицах» – Сталин «начальников поредил». Народный миф о Сталине.

– 1937 год был еще и операцией на русском языке. Пытками добивались повторения терминов, разнесения себя и близких по их категориям. Впоследствии самые травмирующие образы народная память табуировала. Классический пример – *ежовые рукавицы*: те выпали из речевого употребления навсегда. Я постоянно прислушиваюсь – вдруг кто-то, где-то? Нет, вышло из употребления.

– **Бывает еще, но в контексте поколенческих припоминаний. Ежова помнят, а что это русская присказка, забыли. Когда я работал на стройке, бригадир дядя Коля учил – Ежов, говорит, выдумал ежовые рукавицы, а знаешь, что за рукавицы? Очень просто, говорит – раз в неделю вешали по министру. И был порядок.**

– Знакомый мужичок из Черемушек говорил еще лучше: Сталин был *подпольник*, крутоват, но до чего хорошо он *начальников поредил!* «Поредил», во как! Я у него выясняю – а как тебе Ленин? Видел, отвечает – у нас в Семеновском дома кирпичные? Это еще ленинские, от нэпа. Я сам, говорит, не против колхозов, в правлении состоял, коллективизацию в селе у себя проводил. Хочешь вступать – вступай; не хочешь – налог повыше. Год прошел: не вступаешь? Налог еще выше, и смотришь, говорит, – сами в колхоз идут и скота резать не будут!

Жулик правда был отчаянный, но страшный любитель поговорить. «*Поредил*» – это он здорово. Народный миф о Сталине, что Сталин начальников поредил. Может быть, самое успешное изобретение Сталина – это когда он воспринял все, что предлагал Преображенский, эту троцкистскую затею с эксплуатацией крестьянства.

114. Роковая фраза Каменева «Мы ввели рынок» – нэп в столыпинском тупике.

– Обреченность нэпа прямо связана с фразой Каменева: «*Мы ввели рынок*». Тогда эти *мы* и есть монополярная сила – что в 1923-м, что в 1993 году.

Но в двадцатые годы еще было море мелких товаропроизводителей, рыночная стихия в самой элементарной форме. Была игра в три руки: государство, госкапитализм в отдельности от государства и рынок жили отдельно, а государство между ними выступало в роли арбитра, иногда насаждая гостресты. В случае с нэпом процесс мог и должен был пойти дальше. Его запуск имел сперва характер поправки, облегчения после Гражданской войны. Проходит время, и социальная релаксация споткнется на старом месте, о которое еще Столыпин ушибся, – аграрное перенаселение. Сибирь, Казахстан, фрагментарная инфраструктура цивилизации, транспорт – все это вызвало обратную волну еще перед войной. Столыпин не мог индустриализировать Россию. Где бы он взял нужные ему рабочие места, будучи окружен массой натуральных крестьян, ненавидящих помещика и хуторянина? Просто натуральных крестьян с их натуральным образом ведения дел?

Нэп повторно попал в столыпинский тупик – натуральность советского села возросла. Деревня, осередняченная Декретом о земле, возродившаяся русская община с ее переделами: что и как здесь индустриализировать? Если предоставить процесс его собственному ходу, крестьяне, разоряясь, станут куда-то уходить – но куда пойти советской власти в деревне? Перед ней не былой натуральный бедняк, а *политизированная беднота*. С партийной сетью на местах – и она снизу давит на партию, ища ходы наверх. Уже только ради решения этой проблемы требовалась индустриализация.

Советская власть, какой та сложилась, не справилась с *усложнением* естественного хода процесса. Все упиралось в вопрос о власти при необычности ее экономической модели. К этой теме шел Кондратьев, шли белонародники, Валентинов с меньшевиками под крылом у Дзержинского в ВСНХ. Все они прорабатывали какие-то ходы.

– Тут интересный момент *государство*. В нэповской модели еще была странная, но содержательная роль государства. Место для его рациональных управленческих функций.

– Благодаря тому, что непосредственный товарообмен с деревней отдали в руки нэпа, гостресты отделили от власти, предоставив им самостоятельную жизнь, – при которой власть, однако, могла их призывать к порядку. Но и они оказывали давление на власть через ВСНХ и Совнарком, то есть было место для лоббирования и сложной политической игры. Только в партийную политику это поле не проецировалось, и взял верх тот, кто олицетворял простоту решений, – Сталин. И нашлись социальные силы, которые под него запряглись.

115. Кадровые бонусы катастрофической коллективизации.

– Нынешний взгляд равняет: все советское равно тоталитарно – все покорились воле Сталина. Представление неверное, хотя с известного момента так и стало. В нем пропущены никем не предвиденные события. Грандиозная оргия перепахивания страны, чем была коллективизация, уничтожала основной уклад жизни людей в России. Говорят – «уничтожили продуктивную часть крестьянства». Это неверно, но крестьянин перестал быть крестьянином. Русский способ жизни людей, в громадном числе сосредоточенных в деревне, возрождение свободной общины после Октября, продолжавшееся в двадцатые годы, – все прекратилось.

В результате перелопачивания сельские слои поднимаются вверх, вливаясь в индустриальный класс и в аппарат власти. Рушится общинная связь, и атомизированные люди, повсюду вламываясь, атомизируют советский социалистический уклад.

Конечно же, это не запланировано Сталиным. Но в результате коллективизации, погубивши крестьянство и сломив деревню навсегда, он получил небывалую социальную опору. Вся советская элита после террора сплошь крестьянские дети и выходцы из села, там почти нет рабочих. Глупо отделять «период индустриализации» от «периода коллективизации» – это была единая, сжатая во времени импровизация. Она потрясала умы и меняла все и вся в СССР.

116. Никаких «люмпенов» не было.

– Есть точка зрения снобов, которые всех чуждых культуре Серебряного века, с ее кружениями и замыканиями внутри себя, считают люмпенами. Полагая, что после революции из подвалов поднялся грубый «человек массы» и пошел творить беду.

Я не согласен с модной позицией, авторы которой выводят сталинизм из люмпенизации и в качестве типовой фигуры режима рисуют «люмпена, дорвавшегося до власти». Во-первых, кто этот люмпен, люмпен ли он и в какой степени? Вывести его из бедности нельзя – это не люмпенство. Истинный люмпен характеризуется тем, что разорен, опрокинут на дно и пытается оттуда вырваться средствами власти, пригубив каплю ее.

Здесь надо выйти на советский социальный парадокс. Чудовищное разорение деревни, сопровождаемая выбросом людской массы во внедеревенское пространство, подхлестнуло урбанизацию. За спиной раскрестянных – разорение, мор, потеря родимых мест, но молодое их большинство в спазматически краткий срок включилось в новую жизнь. Это переворачивание создало базовое основание сталинской власти, ее самые существенные ходы. Но они ничуть не были люмпены.

Вот помню папу космонавтки Савицкой⁵, маршала авиации⁶, – пример сталинского выдвиженца. В партии с коллективизации, старт военной карьеры – с Большого террора в годы войны, летчик-ас, человек смелый. Помню его в истории с шпионским самолетом Пауэрса, которого сбили. U-2 долго летал над СССР, и мы не могли понять, что это там летает? Савицкого взяли в главные эксперты по этому делу. В обсуждении участвовали и конструкторы – Микоян был, Яковлев. Все говорили, что это не самолет, и Савицкий убеждал, что это не самолет. Сочетание высоты полета с тем обстоятельством, что U-2 легко менял скорость и парил. Американцы построили его по принципу планера. Тогда один смелый летчик на МИГе, у которого потолок 7000 метров, с риском подбросил себя на 9000 и разглядел, что это точно самолет. На что маршал Савицкий ему говорит – ты, парень, наверное, просто хотел заполучить от нас орден? Долгое время не хотел признавать, что U-2 – это самолет, пока, наконец, не сбили.

Так что же, люмпен этот Савицкий? Конечно, нет. Просто сталинский экземпляр человека с глубоко безальтернативным мышлением.

---

⁵ Савицкая Светлана Евгеньевна (род. 1948) – советский космонавт, первая в мире женщина-космонавт, вышедшая в открытый космос. Депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации III, IV, V, VI созывов от КПРФ, заместитель председателя комитета Госдумы по обороне.

⁶ Савицкий Евгений Яковлевич (1910–1990) – советский военный летчик и военачальник. Ас-истребитель Великой Отечественной войны. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Маршал авиации (1961).

117. «Сталинская оттепель» и сталинские метания. СТАЛИН против сталинцев.

– Кто такой Сталин в стабильной ситуации? Перейти к регулярному существованию на базе всех этих новаций? Или искать точку для другой, еще не известной ему самому экстремы?

Вот, например, 1934 год, уже после съезда 17-го – с триумфом Сталина и покаянными речами бывших лидеров. Кошмарная речь Бухарина (первый набросок обвинительного заключения против него был взят из его речи на этом съезде). И потом, где-то весной, совещание первых секретарей – и чего те хотят? Политотделы закрыть, восстановить советскую власть. Калинин в мягкой форме, Киселев, секретарь ВЦИКа, Киров наиболее резко говорят: речь не только, чтобы закрыть политотделы, – надо восстановить советскую власть на селе! Покончим с чрезвычайными комиссиями и восстановим советскую власть.

Но вмешивается Сталин. В свойственной ему манере: чего не хочет – не слышит. Говорит, вы все тут радители колхозников, за колхозы стоите. А если в колхозах все будут жить хорошо, кто пойдет в шахты добывать уголь? Кто пойдет рубить лес, я спрашиваю?

Казалось бы, что такого? Нет, это очень важная симптоматика. В отличие от Бухарина с его «пониманием Ленина», кое-что в Ленине Сталин уловил глубже. Он помнил, как Ленин противился продналогу в предчувствии, что, сделав первый шаг, придется идти дальше к нэпу и еще дальше.

А перед ним уже выстроилась железная когорта вождей: первые секретари, вся власть на местах у них. Все – *сталинцы*, люди регулярного дела, с неотъемной властью на местах. Одно ОГПУ было экстерриториально, и то не вполне. А было еще голосование на XVII съезде. Думаю, пресловутые сотни голосов «против Сталина» – легенда, но Сталину хватило и трех-четырех «за» Кирова, чтобы понять угрозу.

Чего добивался Сталин? Сделать советское пространство максимально соподчиненным, а для этого унифицированным. Конечно же, и национальный компонент в идее террора не мог не присутствовать – поскольку ты унифицируешь все, ставя целью привести к абсолютной однозначности. Именно в оттепель 1934–1936 годов появилось понятие *национального своеобразия* – бесконечные приемы национальных представителей в Кремле, переводы эпосов, юбилей «Манаса» и так далее. Национальные партвожди – Бетал Калмыков в Кабарде, о котором поэмы в прозе в «Правде» печатали; Нестор Лакоба в Абхазии, отец Дагестана Коркмасов. Срезать пласт людей, которые почувствовали себя хозяевами жизни. Я их не идеализирую, но среди них было много толковых людей, а советские директора – то вообще были люди американского масштаба. Когорта директоров крупных предприятий – их имена гремят на всю страну, их каждый мальчик знает: Франкфурт, Брускин, Гвахария! Сталину теперь надо *сломать созданную им систему*. Страну сделать максимально, до абсолюта соподчиненной ему, но как? Сталин одинок, и отсюда прямо вытекает – террор.

Так вызревает Большой террор. Вывести его из паранойи Сталина нельзя.

118. Бухарин и Сталин: высокий абсурд советского диалога.

– А где ты запнулся с Бухариным, что не вышло? На метафоре «силы слабого человека» сталинизма не развинтишь.

– Ну да, а на ней все построено. В речи на суде Бухарин почти уже верит во все, что говорит. При всей их полярности, в важных точках характера Сталин ему очень близок. Он вошел в его роль, принял ее и исполняет с достоинством. Это не забитый Рыков⁷, говорящий вымученные слова. Нет, Бухарин говорит – мы, заговорщики, парни раздольные, лихие и свое контрреволюционное дело делали спустя рукава. Сюжет его заключительной речи – заговор был, но велся вполсилы. Так он подводит к доказательствам, что шпионом не был, Менжинского не убивал и вообще не причастен ни к одной смерти. С другой стороны, зачем Бухарину вообще затрагивать этот сюжет? Мы, мол, неполноценно делали свое злое дело, без убежденности в том, что его вообще надо делать, – и якобы это все Гегель называл *несчастнейшим сознанием*. Зачем ему весь этот сюжет? Заключительная речь производит впечатление энергией и курсивностью, которая не покидала его до предсмертного часа. А теперь насвистывают: то «Бухарин – пионер рынка», то «Бухарин – мерзавец, как все большевики». Погудки для дураков, они просто смешны.

– Слышал даже, что «Бухарин – убийца Есенина»!

– Случай Бухарина уникален, надо давать отчет. Его не подвергают телесным пыткам, дают в камеру столько книг, сколько закажет. Он пишет там философский трактат и роман, препираясь с наседкой Зарецким. Надо же быть в состоянии творить на Лубянке столь энергичным образом.

На февральском пленуме 1937-го Осинский⁸ выступает и, спасая себя, говорит: «Да что вы с ним обсуждаете? Отправляйте его на Лубянку!» И тут же рассказывает, как встретил Бухарина на улице, и тот признался, что не понимает категорий «противоречие» и «качество». Выходит, даже для сдавшегося Осинского это все еще существенно.

Бред истории – моя любимая тема. Бреда на пленуме много, но на уровень *высокого абсурда*, фундаментального для Homo sapiens, поднимаются только двое – Сталин и Бухарин. Зато самые подлые там Ежов, Каганович и Молотов. Молотов Бухарина прямо толкает в могилу. Но когда он обвиняет его в приверженности к буржуазной демократии, Бухарин напоминает про 7-й конгресс Коминтерна⁹. «А помните, – говорит, – мою речь против буржуазной демократии на Учредительном собрании?» В их среде все еще привычно помнить о Коминтерне, марксизме и Учредилке.

У Бухарина на пленуме никакого ресурса оборонной наступательности. Появится такой на Лубянке, когда он встанет на путь признания – и обретения новой идентичности. А найдя, вступит в бой с Вышинским. Только по частным вопросам, но – в бой!

– Разве предарестное письмо «будущему поколению вождей партии» написал человек, лишенный идентичности? У меня обратное ощущение.

⁷ Алексей Иванович Рыков (1881–1938) – советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров РСФСР и СССР (1924–1930). В 1929 году вместе с Томским и Бухариным подвергнут осуждению резолюцией ЦК в качестве лидера «правого уклона» (за сопротивление сворачиванию нэпа); признал свои ошибки, покаялся, формально продолжал оставаться членом политбюро. Один из главных обвиняемых в открытом процессе (Третий Московский процесс) по делу «Правотроцкистского антисоветского блока» в 1937–1938 годах. На допросах признал себя виновным, осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

⁸ Валериан Валерианович Оболенский, парт. псевдоним Н. Осинский (1887–1938) – советский экономист, государственный и партийный деятель, публицист. Был привлечен к процессу Бухарина – Рыкова в качестве свидетеля; впоследствии арестован, приговорен и расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

⁹ 7-й конгресс Коммунистического интернационала проходил 25 июля – 20 августа 1935 года в Москве.

– Вот тебе – пленум, и лишь через десять месяцев письмо Сталину. И сразу затем процесс.

119. Интеллектуальная потребность Сталина в Бухарине – основа расстрельного сценария.

– При полной нераздельности политической и частной жизни, при речевой невозможности их развести – разве эта среда допустила бы признание человеческих ощущений и слабостей? Частная жизнь растворялась в политике, а та, в свою очередь, трактовалась монопартийным существованием. Мифом исключения любого мира в Мире – кроме единственного, который они сами представляли. Случай Бухарина незауряден – его человеечно-слабое слово переросло в подрыв императивов поведения, в *разрушение основ*.

Идет февральский пленум. Бухарин уже и террорист, и вредитель, и человек, входящий в союз с Гитлером. Как вдруг Сталин ему говорит: «*Ты должен войти в наше положение...* После всего, что произошло с этими господами, как Тр оцкий, которые договорились до соглашения с Гитлером, – ничего удивительного нет в человеческой жизни». Что это? Можно сказать, Сталин ваньку валяет: ясно же, что он назначил Бухарина к смерти. Но зачем он это говорит? Нейтрализовать возможное противодействие членов ЦК новой казни? Незачем после того, как те отправили на тот свет Зиновьева с Каменевым. Или это зачем-то самому Сталину нужно?

– **Сталин себя убеждал в том, что так надо?**

– Не убеждал, иначе. Есть слова, которые запомнила старуха Дан Лидия Осиповна – родная сестра Мартова и, кстати сказать, жена Дана. Что самая человечная, может быть, даже единственная человечная сторона в Сталине та, что он не мог допустить, чтобы кто-то был в чем-то лучше его. Но что это значит при растворении частного существования в политическом? Которое, в свою очередь, трактуется по законам окончательного решения? Это означает, что Сталину нужно изыскать сценарий, в котором Николай Бухарин превратится в человека, *удостоверяющего правоту* его, Сталина, при отправке на смерть. Причем сценарий должен был стать общим для них обоих.

Я отрицаю, что Бухарин прибегал к каким-то подтекстам, что он говорил эзоповым языком. Шестидесятники любили эту тему, так как сами увязли в подтекстах. Ничего подобного, Бухарин говорил вещи, которые, на его взгляд, в аллюзиях не нуждались. И то, что он осмелился их выговаривать вслух, в глазах Сталина подтверждало его неисправимость. А следовательно – в его тайной сценарной логике «подтверждало», что при плохом для Сталина обороте фортуны Бухарин может снова выйти в лидеры ВКП(б). В том, *как* говорит Бухарин, его злому чуткому другу слышалось нечто, что может однажды стать правдой многих слабых людей. Эту латентную *правду слабых* Сталину надо было казнить и изгладить.

Бухарин говорит в письме-завещании: я ничего не замышлял против Сталина. И он скрупулезно честен. Он действительно ничего против него не таил, вообще ничего. Но то, *как* он разговаривал, было для Сталина явным умыслом против него. Слабость, не нашедшая собственного языка, – соучастник своей и чужой гибели.

120. Январско-февральский пленум 1937 года. Мертвые как живые в сталинском уме.

– У Сталина с Бухариным диалекты поначалу не столь различны. Каким станет итог, зависит как от первого, так и от второго – от их диалога судеб. В феврале 1937-го пленум ЦК рассматривает дело *товарища* Бухарина. Они еще товарищи и еще на «ты».

Бухарин: «Поймите, что мне тяжело жить». Сталин: «А нам легко?» Бухарин: «Мне сказали, что я пользуюсь каким-то хитроумным маневром, пишу лично товарищу Сталину, чтобы воздействовать на его доброту». Сталин: «Я не жалуясь». Хорош, а? Бухарин: «Вы думаете, что оттого, что кричите “Посадить в тюрьму!” я буду говорить по-другому?» Сталин: «Ты должен войти в наше положение. Троцкий со своими учениками Зиновьевым и Каменевым когда-то работали с Лениным, а теперь эти люди договорились до соглашения с Гитлером. Можно ли после этого называть чудовищными какие-либо вещи? Нельзя. После всего того, что произошло с этими господами, бывшими товарищами, которые договорились до соглашения с Гитлером о распродаже СССР, *ничего удивительного нет в человеческой жизни*». Ведь как Сталин говорит, а? Сидит среди остальных, но во всем от них отличаясь!

– **Это на последнем пленуме, февральско-мартовском 1937 года?**

– Да. «Ничего удивительного нет в человеческой жизни!» Никто не видит, что здесь творится страшный апокриф. Сидят рядом и сообща творят апокриф, играя роли, совершенно непонятные, им самим еще не ведомые роли.

– **Диалог судеб все же слишком сильное выражение в свете дальнейшей судьбы товарища Бухарина.**

– Я считаю, что у них был диалог судеб. Более того, я прослеживаю его до самого конца Николая Ивановича, и даже потом. В том, как Сталин распорядился каждым шагом в отношении Анны Михайловны – буквально каждым шагом. Хотя она, естественно, этого не признает. Она это человечески и не может признать, но факты бесспорны. У нас с тобой свой диалог судеб, хотя мы так шикарно не выражаемся. Я почти физически ощущаю потребность Бухарина в присутствии Сталина в его жизни. И странным образом, встречную потребность в этом самого Сталина.

– **Ну первое, положим, понятно. А что значит второе? Какая потребность у Сталина в Бухарине?**

– Тут особое свойство Сталина-человека, который всегда пишет свою тайную биографию, и в ней должны перемежаться страницы – местами добрые, местами нет. В какой-то момент не было человека, более близкого ему, чем Бухарин. Вместе с тем именно к нему Сталин питает мстительную зависть, даже когда тот уже отрешен. Зависть к удачливому в поражениях.

Сталин не выносил чужой удачи, это свойство натуры. Тут глубокие вещи, если о них говорить. Включая безумный всхлип звонка пьяного Сталина Бухарину в 1936 году – «у тебя жена молодая, а Надя моя уже старая, старая!»

– **В 1936-м? Это он о покойнице Аллилуевой «старая»?**

– Частый речевой ход Сталина – говорить о мертвых так, будто те живые. Отношение Сталина к смерти поражает меня неожиданностью. Судя по дневникам Сванидзе¹⁰, он изменился благодаря двум потерям – смерти матери и смерти Кирова. Играя спектакль, он настолько входит в роль, что абсолютно верит, будто таковым и является. И когда Сталин на пленуме Бухарину говорит: «А нам легко?» или «Ты должен нас понять» – это не одно фарисейство.

¹⁰ Карл Николаевич Сванидзе (род. 1921), один из руководителей Политиздата при ЦК КПСС.

121. Анна Ларина, жена расстрелянного: Сталин платит долги убитому другу. Что я жалею в Сталине?

– Молодую жену Бухарина высылают в Астрахань с женами расстрелянных маршалов. Потом их в Астрахани арестовали и всех, кроме двух, перестреляли. Жизнь сохранили Анне и жене Якира. Почему Якиру, судить не берусь. Запало в сознание Сталина, что Якир перед расстрелом крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» или что-то еще. Анну Михайловну отправляют куда-то под Челябинск, где пытаются вкрутить ей дело о контрреволюционной деятельности. Устроили даже мнимый расстрел. Вывели якобы на расстрел, и во время этого расстрела (мнимого задним числом!) бежит человек – прекратить! После этого Ларину привозят в Москву на Лубянку. И она смотрит с удивлением – всюду грузины... какой-то переворот? Где Ежов? Ее принимает новый наркомвнудел Берия, пролистывает ее дело и говорит: ах, какая вы доверчивая (кому-то она там в лагере наговорила лишнего). Вы одна остались после ареста Николая Ивановича? Берия ведет разговор таким образом, что у нее создается впечатление, будто Бухарин жив. Берия нарочно о нем говорил как о живом человеке.

Все это поразительно. Демонстрируя расположенность к ней, чего добивается Берия и зачем она ему в Москве? В деле Бухарина никакой инициативы проявлять нельзя, действует непреложное правило: с тем, кого числят за Сталиным, инициатива недопустима. Берия выясняет у Лариной – что перед арестом Николай Иванович говорил о «выдающихся деятелях нашей партии»? Сталину важно, что Бухарин, давно мертвый, о нем говорил!

Так Сталин пишет себе биографию. Я знаю таких людей, вся их жизнь есть продумывание их личной биографии.

Итак, с Лубянки Анну Михайловну со свежими фруктами отправляют в камеру, где держат довольно долго. Каждый месяц она получает перевод на 100 рублей; спрашивает – от кого, кто-то из родных? Нет, говорят, внутритюремный перевод. Потом отправляют в лагерь.

Проходят годы, истек срок ее заключения. Послевоенное время, обычная тогда практика – всем продлевают сроки автоматически. Но нет – жену Бухарина, хотя и с ограничениями, выпустили на свободу. Единственная линия преследований – ее второй муж. У нее роман с хорошим человеком, который ее очень любил. Возник брак – и ее мужа преследовали с невероятной изощренностью, пока он в конце концов после освобождения не умер. Но ее не трогают.

Кто, кроме Сталина, мог распорядиться освободить жену Бухарина? Все получали продление лагеря, кроме нее. Кто еще мог в СССР, тайно следя за ее судьбой, распорядиться ею?

Сына Юру передавали с рук на руки между родственниками. После войны последнего из родственников посадили, и мальчика отправляют в детский дом. Считая родственников своими родителями, он не понимает ситуации и из детского дома бежит; его возвращают. Недавно собирались питомцы этого детдома, и старушка директриса рассказала Юре – когда ты бежал и тебя вернули, меня вызвали в НКВД и сказали: один волос упадет с головы мальчика – и тебе головы не сносить! В какой-то Саратовской области местному НКВД пришло в голову такое? У мальчика уже другая фамилия была, и другое отчество даже.

Нет, у Сталина в его личной биографии есть секретная бухаринская глава, где ее судьба и его судьба связаны. Может быть, Сталин Бухарину это как-то пообещал, не знаю. А может, сам решил, что такая глава хорошо бы выглядела в его тайной биографии. Тайную биографию он писал только для себя, одного... Знаешь, в этой истории Бухарина мне жаль бесконечно, но мне и Сталина жалко.

– Вот чего я не понимаю – жалко? Я не против слова, я по сути. Ведь Сталин в приведенных тобой примерах знал, что врет? Или для него это все как-то не так?

– Наших форм солипсизма тебе не понять. Причастные к власти большевики убеждены, что им в принципе *уже принадлежит земной шар!* Хотя слово «жалко» здесь непригодно.

Жалею что – какую-то такую его сторону, которая на благо? Нет, вероятней, нечто им и нами утраченное. Нами со Сталиным вместе.

– **Жалеть – ведь это чувствовать родство.**

– Пожалуй, слово не то. «Жалость» здесь экзистенциальная, конечно. Я жалею в Сталине *восходящий в нем страшный вопрос*. В этом человеке выраженное в чудовищной форме, а может быть, и не могущее быть выраженной *не-чудовищно* – погибает такая масштабность! Масштабность, при которой все могло, во всех тогдашних существованиях, быть увязано человечески. Но могло ли оно быть увязано иначе, *не-сталински*?

– **Ты не досказал – ощущаешь ли ты некоторое ваше с ним родство?**

– Родство, говоришь? Конечно. Это же вся моя жизнь того времени. Я тяготел к этому, не ради себя лично, но ради участия в той масштабности. Конечно, я ощущаю *родство* – и оттого сегодня тяготею к совершенно иному.

122. Советское освобождение самовыговариванием.

– Кстати, вполне представляю себя в положении Бухарина на Лубянке и, вероятно, сам поступал бы, как он.

– **Это биографическая интуиция. Но примет ли это объяснение твой читатель?**

– Примет ровно в той степени, в какой я вправе говорить о себе тогда. Я знаю изнутри ту советскую коллективность. Парадоксально ощущая себя каждодневно свободной, она прогрессирующе несвободна в самореализации. И прорыв из несвободы мог сбыться только актом *самовыговаривания*, которое не могло не принять вида безумия всех его участников для современного человека.

Речь не о благоразумии. Речь об определенном роде советской цивилизации. Прежде чем оценивать ее по пятибалльной системе, попробуй-ка ее описать.

123. Американское чудо в советской степи – Сталинградский тракторный. Пошаговая стратегия Михайлова-Иванова.

– Сталинградский тракторный построили в степи в начале тридцатых с иголки – все американское, самоновейшее; эталон. Конвейер не хуже, чем у Форда: собирала целая колония американцев. А завод не идет, до проектной мощности не дотягивает, его лихорадит. Каждый распоряжается конвейером – то включит, то выключит, и все ломается. Приезжает директором человек, кажется, по фамилии Михайлов-Иванов. Начальник Всесоюзного автотракторного объединения. Приезжает с задачей поставить завод и вывести на проектную мощность: сто тракторов в день. Каждый день проводит оперативное совещание – всплывают десятки неувязываемых причин. Как вдруг его осеняет мысль: да ничего такого не надо! Довольно увязок, совсем другая стратегия: каждый день выпускать на трактор больше. Добавлять ежедневно по одному трактору, но только по одному – не более! В одном пункте выйдем из прорыва, а там подтянутся остальные. Так через несколько месяцев, добавляя в день по трактору, завод вывели на проектную мощность. И в тот же день директор умер. Благодаря чему Михайлова с почестями похоронили на Красной площади, а не уморили на Лубянке, подобно Фокину, следующему директору СТЗ. Был роман Якова Ильина «Большой конвейер»¹¹, где Михайлов выведен под именем Селиверстова. Ильин тоже умер, недописав роман.

Вот и сегодня в Российской Федерации, как на Сталинградском тракторном – поломки и сумбур всякий день. Каждый начальник включает рубильник и рушит все. Дело ведет к взрыву всего. Виноватых нет, но все сумасшедшие, с совершенно безумной идеей, будто «всегда найдется та или иная возможность». Так нет же, *возможности создаваемы!* Возможность – это некий человек, который в хаосе разглядел истинную причину.

---

¹¹ Роман Якова Ильина «Большой конвейер» (опубликован в 1934 году) – одна из первых книг о начальном этапе индустриализации СССР.

124. Фотографический сталинизм 1930–1940-х.

– Ситуация Сталина – куда теперь? Пойти по пути оттепели, которую он сам начал? Стать лидером советского умиротворения – но зачем тогда нужен он? Фотографироваться с детьми на руках, как с девочкой Гелей и Мамлакат?

– **Разве сталинские фото не все постановочные?**

– Во всем была постановочность, и была своя натуральность. Что сказать сегодня, глядя на те фотографии? Улыбнуться по поводу одетых в мужские рубы женщин на тракторах? Что мы за этим увидим? Тридцатые годы – вторичное раскрепощение женщины. Она не формально, а социально стала равной мужчине, заняв равное место и на уровне славы, почета, знатности. Символы тогдашней, все более урбанизируемой жизни – коммуналка и клуб. Люди жили вместе, работали вместе и отдыхали вместе. Жизнь сообща грозила утратой чего-то в человеке, но в тот момент что-то и привносила. Был взлет самореализации, и сколько теперь его ни оскорбляй термином «охлократии» – взлет массовой самореализации и энтузиазма составил одну из опор складывающегося сталинского режима.

– **Как в фильме «Светлый путь»?**

– Да, и фильм «Светлый путь», хотя он уже нами воспринимался как дрянная поделка, где талант Орловой уходил в ничто.

Орлова стала общим кумиром и любимицей после «Цирка». Молодая советская студенческая публика «Цирк» любила, но дальнейшее воспринимала как поделку, если не фальшь. Ведь наше восприятие не было убойно-апологетическим.

Странным образом втесненность идейных стандартов в жизнь не воспринималась массой людей как насилие, поскольку оставляла малое место индивидуальному чувству и отношениям. Тридцатые сейчас рисуют историческим сплошняком, жестко запрограммированной прямой, где все изначально пахнет террором. На самом деле все гораздо сложнее. Многие процессы, начатые революцией, только развернулись, что-то было еще незавершенным или только лишь начатым. Эту асинхронную, неравномерную картину после смяла война. Но война и подняла на новую высоту, внеся в быт страшную смерть, голод, ранний труд и прочее.

Сталинизм пришел к своей полноте, увенчанию и однородности только в годы холодной войны. Пиком сталинистского вытаптывания различий стал не 1930-й и даже не 1937-й, а вторая половина сороковых и первые годы пятидесятых. В 1940 году, впрочем, уже видны стилистические намеки на 1950-й.

125. Убитая оттепель и страх оказаться лишним.

– Когда рассказывают о советской истории, возникает некая «сталинско-солженицынская» прямая, взятая то ли из Гарвардской речи Александра Исаевича, то ли из «Краткого курса истории ВКП(б)»: все шло неумолимо, шаг за шагом, и всегда в одну сторону. Будущее состоялось уже заранее, лишь слегка меняясь в пропорциях по мере его воплощения.

На самом деле важны вероятностные ситуации, которые не дорастали до альтернативы. Где каждая следующая ситуация включает в себя неудачу предшествующей как добавочное ограничение. Бухаринская альтернатива уже была отягощена проигрышем предальтернативной ситуации 1928-го. Сейчас напечатана его речь на пленуме, где он шесть часов подряд убеждал в своей правоте, – почему не убедил? А вот почему: 1934 год, XVII съезд. Бухарин пришел домой и с порога кричит Анне: «Ура, газета!» Его назначили редактором «Известий». Изволь видеть энтузиаста сталинской поры.

– **Что же такое этот период, с 1934 года по 1936-й, от трупы Кирова до расстрела Зиновьева с Каменевым. Что произошло?**

– Сталинская оттепель. Классическая предальтернативная ситуация. Иногда думаю – боже, если б Сталин умер в 1934 году! Только-только стала спадать чрезвычайщина – в России это 1933–1934 годы. Функционеры, загонявшие мужика в колхоз наганом, стали местными секретарями и теперь защищают колхозников – они теперь их люди. Первый секретарь тогда – крупная, ни с кем не сравнимая фигура. Я был комсомольцем в Крыму, и при словах «Да здравствует железный руководитель крымских большевиков товарищ Вегер!» все вставали. Товарищ Вегер – это звучало.

Что дальше? Такое пережили – что далее, чем продолжать? Не войну ж начинать. Что предшествует террору? Стабилизация, разрядка. Фразу «Сын за отца не отвечает» сегодня считают образцом лицемерия. А тогда она вызвала миропотрясение. Выступает парень, тракторист с Алтая или с Сибири – передовик на совещании передовиков, и едва начинает – «я сын бывшего кулака...» – как Сталин вдруг его перебивает: *Сын за отца не отвечает!* Это был ментальный переворот. Естественно, и его связали с именем Сталина. Снижаются темпы индустриализации с передвижкой в сторону группы Б. Акты на вечное пользование землей колхозами, новый устав сельхозартелей. Отмена классового набора в вузы. Седьмой конгресс Коминтерна – антифашизм впервые выдвинут в центр. Наконец Конституция 1936 года. Конституция альтернативна в резчайшем смысле: ее надо либо принять всерьез, либо террор – средней ситуации быть не могло.

Представь Сталина в этой ситуации. Он лидер этой стабилизации – и всеми фибрами чувствует, что далее он ей станет не нужен. Жизнь перестает быть экстремальной. Испаряются основания чрезвычайщины в структуре власти. Но что вместо?

Стержень психики и поведения Сталина был *страх оказаться лишним*. Он проявился впервые в дни конфликта Ленина по национальному вопросу и далее всегда в нем гнездился. Это маниакальность неостановленной революции, усугубленная личной манией. Она так глубоко засела в жизни, что Ельцин не подозревает – и у него есть мания экстремальных ситуаций, хотя о Сталине ничего толком не знает. Из природы продлеваемой революции вытекает потребность создавать экстремальные ситуации. Экстремальные ситуации создали Сталина и сделали его необходимым. Расширяя пространство власти, они возвышали его в глазах всех, а главное – в его собственных глазах.

Весной 1934 года идет совещание первых секретарей обкомов, где решается вопрос о политотделах МТС. Я-то их видел в натуре. Единственные люди в деревне с легковой машиной, и заместитель – всегда от НКВД. Комиссары чрезвычайщины, несовместимые с идеей нормальности и порядка.

Но колхозы укрепились, все согласны, что политотделы пора ликвидировать. Киров выступает: с политотделами вопрос ясен – пора восстановить советскую власть на селе. Все его поддерживают. Далее выступает Сталин и так говорит первым секретарям – вы, я вижу, стали все радетьями колхозов? (Еще бы не стать – они их создали из-под палки, и теперь всемогущий первый секретарь обкома защищал свои создания от поборов и выкачивания всего.) Сталин говорит – а вы подумали о том, что если колхозникам, которых вы так защищаете, станет слишком хорошо житься – кто пойдет добывать уголь в шахтах? Кто на лесоповал добровольно пойдет?

Вот его стиль – учуяв предальтернативную ситуацию, Сталин опять всех опередил. А ведь эта оттепель была сильнее и дала бы стратегический результат больший, чем бухаринские метания 1928 года. Предальтернативу 1934-го по мощности могу сравнить разве что с 1923-м – которую Троцкий проиграл, имея все карты на руках.

126. Культ результата. «Возвращение» Троцкого. Империя антифашистского могущества – упущенный вариант.

– Вопрос о реальности того, что я именую «сталинской оттепелью» или предальтернативной ситуацией 1934 года, состоит в следующем. Что могло быть содержанием нормализации?

Рассматривая вопрос о реальности курса нормализации после сталинской «революции сверху», скажу про *культ сталинского результата*. Он обуюл тогда всех, от рядовых до высококолых, и даже вчерашних яростных оппонентов Сталина.

В архивах есть письмо Троцкого Сталину 1933 года, где Лев Давидович предлагает вернуться в СССР! Заверяя Сталина в лояльности, с условием, что сохранит право на собственные взгляды. Но в главном Троцкий Сталина признал и согласен идти под его руководство. Культ сталинского результата овладел и главным противником Сталина!

– **Что могло бы стать предметом иного, альтернативного курса – лозунг «За нормализацию!»?**

– Но это не язык того времени. И не тот стимул, который мог бы подвигнуть нас на далеко идущий поступок. Это, замечу в скобках, и к анализу причин человеческих падений в 1937-м: что другое?

На выходе из Гражданской войны вопрос о нэпе стоял. Но разве мог в 1934-м встать вопрос о возврате к нэпу? Даже у активных нэповцев такой идеи не было. А идея нормализации в них была? Безусловно, но идеологически неартикулированно.

– **Может быть, могла быть другая, не сталинская нормализация?**

– Разве для склада мысли таких людей, как тогдашние мы, *нормализация* сама по себе составляла идею? Политическую программу? Что-то, что может быть развернуто против Сталина? Это он в нас такое подозревал, политически опередив ход нашей мысли. Перенос антифашистского импульса внутрь СССР, в соединении с запросом на стабильность после ломки мог нечто дать. Но тут мы еще раз сталкиваемся с речевой трудностью сталинизма.

То, чего не хватало людям политики, недавним лидерам и мыслителям большевизма, отброшенным Сталиным и возвращенным ненадолго лишь затем, чтобы быть принесенным на заклание, – им не хватало *новой утопии*. Возможно, наброски языка для такой утопии надо искать у двоих людей – Булгакова «Мастера и Маргариты» и Андрея Платонова.

– **Был ли в тридцатые вообще другой политический выход? Другой и в то же время сталинский?**

– Выход был в том, что мировые деления, заложенные в большевизм прошлым – капитализм и социализм как взаимоисключающие понятия, равно притязующие на земной шар, – признать *нерабочими*. Символами, ставшими аберрацией, поскольку возник фашизм и прежние взаимоисключения упраздняются.

– **Здесь, в СССР, это значило бы что?**

– В пределах сталинского результата, который берется за основу? В антифашистской политической логике – мы *очеловечиваем результат* двух революций, Ленина и Сталина, укрепляя его как главный антифашистский барьер. Кстати, это соответствовало бы альфе и омеге их большевистского существования: мы закладываем в основу очеловеченный сталинский результат.

Возникает империя антифашистского могущества – СССР. При этом не исключалась превентивная война с фашизмом, и уверяю – с победным счетом для армии Тухачевского – Уборевича. В 1942-м Сталин упрекал Баграмяна – что так плохо воюете? Вы же ученики Уборевича!

– **О чем он думал, уничтожая таких богатырей?**

– Сталин сценарист по натуре. Он подставлял себя вместо них, рисовал картины, как бы он сам на их месте справился со Сталиным, – и далее исходил из этого, как из несомненной реальности. Сценариями он себя убеждал – вот так бы изменил Тухачевский, а вот так бы по Сталину нанес свой удар Бухарин... Была перед 1937-м и реальная основа интриги – высшие военные стоваривались между собой убрать дурака Ворошилова из наркомов. Даже согласие Гамарника получили, что важно, – ведь Гамарник в армии представлял ЦК.

127. Катастрофа под рубрикой «1940 год».

– Мне сильно не хватает примеров из жизни и истории.

– Могу предложить два примера, короткий и долгий. Если хочешь представить катастрофу советского альтернативного мышления в одном акте, возьми стенографический отчет XVII съезда, там все вычитывается! Во всяком случае для меня. В год, когда было это событие, 1934-й, я вступал в сознательную жизнь советским подростком. И отчет *съезда победителей* мною был читан как Священное Писание, с захватывающим интересом к оттенкам, фразам и персоналиям. А повторно перечитал его спустя много лет, в пятидесятые, – это кошмар, я читал его с ужасом.

– **Я тоже: палачи куражатся вместе с жертвами. Но переходи к длинному примеру, раз обещал.**

– Длинный носит у меня название «Сороковой год», хотя начинается из катастрофы тридцатых.

Штука серьезная, имела мировой контекст. Перелом шел по в сем у Миру. Он синхронизирован тридцатыми, и тут Ясперсово понятие *осевое время* очень уместно. У Ясперса взяли его «однократную» христианскую трактовку, будто осевое время ограничилось исходной эпохой. Но тогда всю концепцию легко поставить под сомнение, тем более что у Ясперса там несовпадения на столетия. Нет, *тридцатые годы XX века – это добавочное осевое время*, еще одна мировая развилка. В том осевом моменте много линий: Гитлер, Сталин, Ганди, Рузвельтов New Deal, переход китайской революции в русло Мао. Мир тянется к непознанной альтернативе, но страшно осекается. Вместе с тем порождая предальтернативы, работающие на будущий ход вещей.

128. Осевое время подготовки мировой войны. Сталин, Рузвельт и Гитлер.

– Посмотри, как от осени 1939-го к весне-лету 1941 года ситуация нас вводит в осевой момент истории, который я условно называю «Сороковой».

Сталин тридцатых стоял перед проблемой выхода. Оргия коллективизации, бывшая фактически побочным результатом внутривнутрипартийной борьбы, закончилась его победой. *Утрамбованная революция* жаждала стать еще чем-то, поскольку революция себя законченной не объявляет, – и тот, кто это скажет первым, страшно рискует. Всем ходом предшествующего – войной, военным коммунизмом, монопартией ВКП(б) – в роли итога подсказывалось *могущество*. Сложилась схема: *капиталистическое окружение – угроза интервенции – могущество*. Каждый раз инсценируем крайность положения, добиваясь согласия на лишения, – а с людьми расплачиваемся могуществом.

А что в это время в западном мире? Люди едва очухались после Первой мировой войны, и тут Большой кризис. Обвал столь же мировой, как война. Такой катастрофы Запада не было за все время капиталистического общества после XVI века! Полярные точки отчаяния – Штаты и Германия, и поиск выходов пошел именно там.

Вроде бы каждое из событий прямо не обусловлено, но их совпадения во времени образуют реально нарастающую связь. События перекрещиваются – Рузвельт начал президентство с двух символических акций: отменил сухой закон и дипломатически признал Советский Союз. Гитлер стал канцлером. Нацисты устроили выборы, но коммунисты на них все же получили шесть миллионов голосов – еще была сильная партийная сеть. КПГ могла попытаться ударить, но нуждалась в советской поддержке. Один из ближайших к Тельману, стратег компартии Нейман, едет в Москву за помощью, а Сталин ему: какая поддержка? Вы поглядите, что у нас творится в деревне! Любопытно, ведь это значит, что он уже пересматривает пределы своего триумфа.

Гитлер, поскольку его курс получил поддержку немцев, идет на поэтапную ликвидацию версальской системы – что входило и в программу мировой революции, еще со времен Ленина. С другой стороны, выход из предкатастрофы коллективизации, где в 1930-м все повисло на волоске, для Сталина стал моделью выхода навсегда.

Утвердился стереотип сталинской политики: создание *предкатастрофических экстремальных ситуаций*, выход из которых укрепляет единовластие. Придает культовое, религиозное отношение к *человеку-спасителю*, способному вывести народ из предгибели, им же затеянной. Губитель, сдвоенный с Вызволителем, – это глубиннейшая мифологическая сцепка. Она работает на уровне *Nomo mihi sus'a*, предшественника Человека Исторического, и невероятно сильна.

Почему каялись, примирались и внутренне капитулировали вчерашние враги и оппоненты? Почему непартийный интеллигент пошел за Сталиным? Это не только миф могущества – распоряжения миллионными множествами людей, в кратчайшие сроки меняющих место и образ жизни. Это еще особая *персона* человека, якобы способного вывести себя и других из любых бедствий!

По этому персональному признаку я объединяю троих: Рузвельта, Гитлера и Сталина. Но как распорядятся персоны и их режимы спасением от катастроф, вселяющим сакральное отношение к власти? Власть разная, и природа властей обернется различием формы выхода и его последствий.

Конечно, задним числом во всем, что делал Гитлер, видна авантюра. Он верно рассчитал, что западные демократии не могут рисковать новой мировой войной, когда еще не выветрилась память о первой – «Великой». К 1939 году он добился почти всего, чего можно было

добиться, не проливая немецкой крови. Ликвидируя версальскую систему и вернув Германии статус великой державы. Как писал немецкий публицист-антифашист, если бы Гитлер умер к этому времени, он вошел бы в галерею национальных святых. Но такова ли была природа его режима?

Фашистскому режиму нужно постоянно обновляемое *поприще риска*, выигрышей и успешных авантюр для удержания народной массы в очарованном подчинении. А это требует все новых сенсаций, волшебных по воздействию на умы. Ставки только растут, снизить их нельзя. Это не пробел в стратегии, а природа режима и его лидера. Человек, который путем чудес вывел немцев из социального отчаяния, нуждается в следующих чудесах. Только обновляя ситуацию крайнего риска, он всякий раз заново подтверждает и наращивает сакральный фундамент единоличной власти. Расизм на это тоже сработал, но был далеко не так важен, как думают.

Номинально спор идет о «данцигском коридоре» и территориальных приращениях за счет Польши. Хотя после наглейшего поглощения Чехословакии общественное настроение в Англии переменялось, но, не исключая, Лондон бы пошел на еще одну, последнюю умиротворяющую уступку. Но теперь уже самому Гитлеру не нужен был второй Мюнхен. Теперь ему нужна *настоящая война*, с настоящей и тоже *волшебной военной победой*.

Но примешивается новый момент: Гитлер эту *свою* войну с гарантированной победой не мог устроить *без СССР!* Отсюда начинается его путь к Сталину, и тут оказывается, что Сталину *тоже нужна война*.

Никогда Сталин не был настолько силен и популярен. Он рассматривался всеми как победитель и лидер умиротворения. Всякий шаг, касался ли он деревни или его знаменитой фразы «дети за отцов не отвечают» – связывали с его именем. Сталин мог пойти по этому пути, но для него это значило потерять самого себя.

– Но почему? Чего может опасаться победитель в момент полной победы?

– Потерять эту ситуацию нужности. Необходимость в нем лично жила только на чрезвычайных, исключительных ситуациях. Которая придавала загадочный и сакральный характер власти. У Гитлера в 1934-м был момент выбора, когда он должен был принести в жертву революционный нацизм. И для Сталина настал такой же момент.

Где-то весной 1938-го последним большим процессом Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестьянского и других Сталин наконец решил внутреннюю задачу. Он сделал свой выбор, но теперь выбор, им сделанный, предстал как мировая сцена. Пустое пространство, *простор отсутствия* – чем заполнить? Каким собственным сталинским действием? Прежнее действие террора успешно, но должно быть продлено чем-то новым – и Сталина позвало за пределы Союза. Неистовой устремленностью к большой войне Гитлер открывал ему новое поле игры. Возможность совершить то, что самому Гитлеру удалось при ревизии Версальского договора с 1933 по 1939 год.

Используя, как он верил, Гитлера, Сталин добился территориальных приращений немногой кровью: Прибалтика, Западная Украина, Западная Белоруссия, Буковина, финские земли. А Гитлер, используя разгаданного им Сталина, начал свою войну. Мировую.

129. После Дюнкерка. Гитлер или Сталин – кто был опасней для СССР?

– В моей жизни 1940 год – очень глубокий рубеж. Я был очень тогда ортодоксален, очень. Трещинки, которые появлялись, имели глубоко запрятанный, как будто побочный характер. Но договор с Гитлером 1939 года был для меня шоком.

По законам советского поведения я искал всему объяснение, удовлетворяющее меня. Мы жили в студенческом общежитии, и в нашей среде впервые возник раскол. Рассорились так, что перестали разговаривать друг с другом.

Главное, я стал англофилом. Сопrotивляющаяся Гитлеру Англия была для антифашиста спасением, я ее полюбил. У нас на историческом факультете университета работал Абрам Яковлевич Гуральский. Человек с очень сложной судьбой, был некогда секретарем у Зиновьева в Коминтерне. Не знаю, какой ценой остался жив в 1937 году, в то время он был резидент Коминтерна в Латинской Америке. В сороковые годы он работал с пленными немецкими генералами. Паулюс – это его работа. После и сам был в лагере, а когда вернулся, через несколько дней погиб. У меня с ним были хорошие отношения.

Я никогда не забуду этот день – мы с ним встречаемся, а накануне как раз был Дюнкерк. И Гуральский говорит: Дюнкерк означает, что *вчера Гитлер проиграл войну*. Это я запомнил стенографически точно. Есть моменты в жизни, где я помню не только слова, но и цвет неба даже. И эту фразу помню – «Гитлер проиграл войну». Между прочим, насчет Дюнкерка Гуральский был совершенно прав.

Сегодня сосчитано, сколько комкоров было уничтожено и сколько командармов... И все же Красная армия и после всех обезглавливаний могла прекрасно сражаться. Но страшная опасность теперь была в *самом Сталине*, в изменениях, которые 1937–1939-е внесли в его личность. Вот где таилась гибель 1940 года. Перестав ощущать сопротивление, Сталин превратился в солипсиста, и Мир стал ему тем, чем он его втайне воображал. Надо понять состояние сознания человека – в 1940 году он достиг высшей точки власти. Убит Троцкий, с которым он в тиши на языке ненависти заочно разговаривал каждый день. Для Сталина убийство Троцкого было триумфальным миропереворачиванием – он остался единственным в Мире! Правда, человек, которого он больше всего тайно ненавидел, был не Троцкий, а Ленин. Но и тут Сталин считал себя в плюсе: почти не пролив крови, присоединил к России столько, сколько Ленину в 1920 году не удалось именем мировой революции. Если, конечно, верить, что Ленина когда-либо волновала геополитика.

130. Ерусалимский и Молотов в кабинете Сталина. Как редактировали геополитику.

– Я впервые расшифровал для себя сталинский сороковой год, когда слушал рассказ профессора Ерусалимского о его встрече со Сталиным осенью 1940-го.

Ерусалимскому заказали предисловие к мемуарам Бисмарка, и по просьбе Молотова он написал текст, полный геополитических намеков. Когда книга была напечатана и уже в переплете, вдруг нашелся читатель, который решил все отредактировать сам, – Сталин. Напечатано: «Предисловие» – Сталин зачеркнул и написал: «Бисмарк как дипломат». Кое-где ему показалось, что нужно соединять абзацы, – он их соединил. Жданов на своем экземпляре слово «великий юнкер» обвел и написал: «Надо ли нам так его называть?» Сталин «великого юнкера» не тронул, а вот «провинциального юнкера» вычеркнул – нет, пускай юнкер остается великим. Надо сказать, редакция Сталина литературно всюду вполне оправданная. Но тенденция его вычерков и снятий курсива заключалась в том, что Сталин повычеркивал все те места, которые заказал Молотов. У меня была в руках одно время сама эта книга, с пометками Сталина. Первого ее читателя и редактора.

Вычеркнул Сталин главное – то, что Бисмарк завещал не нападать на Россию, чтобы не воевать на два фронта. Это было выделено курсивом, и все это Сталин жирно вычеркнул. Сталин вызвал Ерусалимского, и у них был разговор, на котором присутствовали Молотов, Жданов (кроме Ерусалимского) и Юдин, который тогда заведовал ОГИЗом.

Молотов и Жданов молчали (они в таких случаях привыкли молчать), а Ерусалимский робко, но спросил Сталина – разве не в этом главный смысл задания? На что Сталин ему сказал очень-очень тихим голосом: *зачем их пугаете? Пусть попробуют*. Ерусалимскому мешало слушать Сталина шумное горячее дыхание Жданова в затылок, а Сталин почти шептал.

В чем смысл истории? Будучи сценаристом и автором личной биографии, которую он всякий день мысленно пересочинял, Сталин не мог обойтись без эффекта внезапности для ближних сотрудников. На этом у него все держалось. Те не могли угадать его реакции и потому никогда не могли заранее приспособиться. Он вел их намеренно извилистым, тяжким для них путем, с полной потерей ими себя в итоге.

Под конец Сталин говорит: зачем вы свой текст кончаете Шипкой и каким-то «стойким русским солдатом» (русского солдата он вычеркнул)? Вот прекрасное место – где Бисмарк, великий юнкер, сумевший подняться выше своего класса и видя его исторические задачи, незадолго до смерти посетил крупнейший порт Германии Гамбург. Глядя на океанские корабли, уходящие в дальние рейсы, он промолвил: это другой мир, новый мир!

Вот же, говорит Сталин, ключ к Бисмарку. После чего заметил: «У вас там еще говорится про Орлова и Шувалова “русский друг Бисмарка” – не надо. Кто знает русских друзей Бисмарка? Кто знает о самом Бисмарке даже среди членов ЦК? – говорит Сталин уже погромче, и, обернувшись к Молотову, – а среди членов Советского правительства кто-то знает Бисмарка?»

Уже было ясно, что статью надо переделывать, хотя тираж отпечатан. Сигнальный экземпляр в переплете, на нем цена. Вдруг Сталин говорит Юдину: «А вы что молчите, товарищ Юдин?» Тот ему: «Я зав. ОГИЗом». – «Это я знаю, вы им лучше не заведуйте». Сталин ему, сердится: «Вы там что, мылом торгуете? Почему такая высокая цена на книгу? *Снизить!*»

Из выхода мемуаров Бисмарка сделали общесоюзное событие. Об этом есть донесение посла Шуленбурга. Все газеты дали рецензию, и ни одной газете (включая «Правду»!) не разрешалось печатать рецензии без личной визы Ерусалимского. Только он теперь знал, что хочет Сталин!

По многим признакам я ощущал 1940 год как роковой и что мы в СССР переступили рубеж, где нас что-то подстерегает. Я понимаю, как Сталин допустил, чтобы у наших вооруженных сил не было не только оборонительной концепции – что даже *плана обороны* не существовало.

Сталин никому не позволял ничем распорядиться и не делился тайными ходами мысли. Сам же попал в вилку-ловушку двух версий, которые никак не мог согласовать. Гитлер ему намеренно подбрасывал поводы для тревог – это о них Сталин сказал Ерусалимскому «попробуют»; заодно то был добавочный инструктаж Молотову перед поездкой в Берлин. Молотов ведь очень жестко с Гитлером говорил, а потом Сталин уступил по всем пунктам. Думаю, после финской войны и падения Европы, чувствуя неготовность к войне, Сталин пытался скрыть слабость за жесткостью требований.

В тактических целях он создавал иллюзию могущества и мало-помалу сам поверил в нее. Но то была стратегическая ловушка. Либо разделить Мир с Гитлером, пойдя дальше пакта 1939-го, вплоть до выхода к Персидскому заливу (зачем вам какая-то Румыния – Молотову говорили в Берлине – берите Индию!). Либо, помедлив и словчив, изготовиться нанести Германии удар первым.

Скрывая все от Молотова и других, Сталин не догадывался, что Гитлер читает его тайные мысли!

131. Гитлер, раскусивший сталинскую игру.

– Конечно, ужасной ошибкой было разоружение старых границ. С военной точки зрения следовало оставить все эти знаменитые УОРы, границу 1939 года, которая была превосходно укреплена, и за ней держать основную массу войск. Выдвинутые части использовать путем маневров – удар-отступление, удар-отступление, не втягивая в затяжные бои. И, насадив армию на старую границу, задержать немецкое наступление. Но ведь вообще не было оборонительного плана! Зато, когда Шапошников предложил перенести базы снабжения на Волгу, Мехлис сказал: вы, я вижу, собрались воевать на советской территории? И Сталин эти глупости слушал. Посчитал, что раз Гитлер все ему поотдавал на востоке, он и дальше будет отдавать, а когда на западе встретит сопротивление, Сталин развернется сам и ударит.

Гениальная была бы игра в принципе! Если б только Гитлер не раскусил Сталина и не видел его игру насквозь уже с лета 1940-го. Этой игрой Сталин тогда сам подсказал ему идею «Барбароссы». Здесь тоже свой диалог судеб.

Часть 9. Война и возвращение с войны

132. Гроссман – о комиссарах. Эренбург как советский спаситель.

– Прекрасно помню, как Гроссман мне сказал: теперь комиссары пойдут на *слам*, но 1941 год без комиссара нами был бы проигран.

– **Чем так важен был комиссар?**

– В 1941 году речь шла о *сражающейся человеческой массе*, но еще не об армии, действующей по законам военной организации. Для массы очень важна роль цементирующего примера и личного бодрящего слова. Комиссар 1941 года был ключевой фигурой сопротивления. Не контролер при командире, а человек, имевший дело с людьми, которые тогда могли выбрать – воевать лучше, воевать хуже либо не воевать совсем. В условиях, когда все советское рушилось и погибало.

Гигантскую роль Эренбург сыграл в 1941 году. Сейчас трудно себе представить «Красную звезду» с его каждодневными статьями, а я помню, как мы в армии вслух читали эти статьи. Комиссары зачитывали их бойцам. Наибольшую роль Эренбург сыграл именно на переломе 1941 года – отклонением страха перед парализующим натиском немцев. Вызывая презрение к сильнейшему противнику, он делал это очень умело – не верь, что немец сильнее тебя! Эренбург внес в войну недостающий элемент презрения к превосходящей силе врага. В 1941 году очень важно было поверить, что Германии вообще *можно* противостоять.

Это нужно было не нам, молодым интеллигентам-антифашистам, а миллионам мужчин, которых выхватили из жизни и послали на войну. Тем нужны были другие слова, и Эренбург им их дал. Ведь Красная армия бежала, и любой мог просто отойти в сторону – одни хотели воевать, другие не хотели.

Все-таки в 1941–1942 годах еще нет военной машины – есть воюющее людское множество, призывники с массой добровольцев. В 1943 году доброволец почти исчез, он был истреблен. Молодежь ломилась на фронт, но в целом доброволец перестает быть типичной фигурой. А в начале войны доброволец критически важен, особенно ополченец-доброволец 1941-го. Гибель московского ополчения вообще особая страница, мои там почти все полегли.

– **Ты-то сам не в 1941-м был ранен?**

– Повторно я был ранен под Ржевом в августе 1942-го. Пуля попала в руку, когда я, делая вид, что командую, указывал в атаку – вперед! Все оказалось бессмыслицей, нас там перестреляли, как цыплят. Но когда я плакатно протянул руку вперед, пуля пробила всю кость, вдоль насквозь, и точно против сердца расцарапала кожу. Меня вывезли с фронта. Я снова попал в любимый Торжок, и в пересыльном госпитале врач говорит: знаешь, что тебе ногу спасли? Это было ночью, в фэповской палатке.

– **Что значит «фэповская»?**

– Фэп – это фронтовой эвакуационный пункт. Опорный узел системы Бурденко по селекции раненых, спасшей сотни тысяч жизней.

В ленд-лизинговой палатке под керосиновой лампой хирург осмотрел ногу и говорит: ранение не страшное, но твоя нога мне не нравится. Я ее располосую – терпи. И порезал ее всю, сверху донизу. В Торжке врач мне сказал: он спас тебя от гангрены, с ногой все в порядке, а с рукой хуже – ранение в плохом месте, нервы задеты. Лангетку наложить наложили, да кость смещена. Рентгена там не было. Рентген, говорит, мне не нужен – я на ощупь вижу. Давай, я

тебе ее сейчас вправлю. И кричит: этому стакан вина и укол морфия! От морфия я плавал, молил: Боже, продли!

133. История комиссара Зоркого.

– А вот история настоящего, не плакатного комиссара. Был такой профессор Зоркий Марк Соломонович. Один из организаторов комсомола Украины, управлял издательством «Молодая гвардия», стал комсомольским деятелем. А в Москве была своя политическая игра. Зиновьев, тогда еще в борьбе с Троцким, подбил руководство комсомола, чтоб те выступили против. Но Троцкий пока еще в политбюро – и Сталин вдруг повернул дело в осуждение недопустимой выходки: покушение комсомольцев на единство политбюро. Всех наказали и раскассировали, Зоркий вылетел из «Молодой гвардии» на истфак заведующим кафедрой новой истории. Звание профессора у него отобрали. Он чувствовал себя неуютно и знал, что в сталинской лотерее его билет может проиграть еще раз.

Мы на факультете проводили конкурс на лучшие работы, я возглавлял студенческое научное бюро и выпускал его бюллетень. Вдруг Зоркий снимает с конкурса несколько работ, у их авторов родители репрессированы. Нам это не понравилось. Я написал статью против Зоркого, и сверху заголовки огромными буквами – «Нехорошо, товарищ Зоркий!». Тот очень обиделся. Он все напоминал мне: пора бы уже снять стенгазету. Но то что я прямо высказался по острому поводу, укрепило наши с ним отношения, они стали почти дружескими.

С начала войны Марк Зоркий ушел комиссаром, начальником политотдела ополченческой дивизии Красной Пресни. В последний раз комиссара Зоркого видели с развороченным животом – мина легла рядом. В те наихудшие дни, когда почти вся дивизия ополченцев погибла, и сам я чуть не оказался в плену.

– Это случай под Мосальском, о котором ты упоминаешь в «Сталин умер вчера»?

134. Мой несостоявшийся плен.

– Да. В Мосальске развертывалась армия – прибыл штаб, все будто спокойно, все хорошо. Мы едем, тут шофер говорит мне – что-то с машиной не в порядке, вода кипит. Остановились, кроме нас никого. Мосальск наверху, мы снизу, прямо перед нами лесок. Тишина звонкая, удивительная и прекрасный осенний день – солнечный, голубизна неба. По обочине красноармеец бредет. Приостановился, я его спрашиваю: ну, как там? А он показывает – в том леске немецкие танки.

А ему не поверил! Водителю говорю: с ума сегодня все походили. В прежние дни сплошных бомбардировок поверил бы, а тут – тишина! Солдатик побрел дальше, он уже был без винтовки.

А снизу вверх – вот он, Мосальск. Вот тенистый лес, там меня ждут свои, где-то рядом речка. Ладно, говорю, поехали. Едем. Вижу, стоят спинками к нам автобусы какие-то, странной формы. Что за непонятный день, говорю – объезжай их! Мы объезжаем, а из-за них два автоматчика – немцы! Приехали!

«Пистолька есть?» – меня спрашивают. Вывели, шофер остался в кабине. К стеночке дома отвели. Провинциальное городишко, дома одноэтажные. У стены летчик лежит раненый с простреленной ногой, немец рядом стоит. Рогатки вдоль рокады – главная лавина немецкой техники шла к Москве. Летчику было плохо, а рядом солома – я взял соломы и ему подложил под голову. Подкладывая, заодно избавился от бумажника. В нем у меня партбилет, паспорт с обозначением национальности и документ: Михаил Гефтер является начальником спецотдела района полевого строительства Главоборонстроя СССР. Полный расстрельный набор. Бумажник, пока солому подкладывал, я прикопал немножко, немец не заметил. Видать, боец из охранения трассы.

Пока заторможенность действовала, документы закапывал совершенно спокойно. Есть моменты, когда нервная система тормозится и возникает внешний рисунок спокойствия. Татарин шофер все сидит в несчастной машине, рядом с другими. Вдруг подлетел немецкий мотоциклист с пулеметом, и автоматчики к нему повернулись, разговаривают. Тогда я, одним скачком перелетев через плетень и кювет, побежал через поле.

Выстрелы сзади слышал, но не знаю, может, и не в меня. По пути в домишко заскочил – спрячьте, товарищи! Слава богу, те отказались. Идя дальше, в лесу наткнулся на штаб армии, который только развертывался, – майоры, полковники, подполковники... А я им – в городе немцы! Они были потрясены.

– Повезло же тебе. А вот генерала Власова немцы догнали. Или он сам прибежал к ним.

135. Власов, несостоявшийся маршал СССР. Стратегическая патология сталинского ума.

– Не думаю. Власов до плена человек безукоризненный. Мы не вправе предъявить ему профессиональных претензий, нет и оснований искать наклонность к измене. Командир очень сильный, отступая, прошел с войсками всю Западную Украину. Командовал армией, которая мужественно и умело отстаивала Киев, и не его вина, что Киев пал. Один из знаменитых командармов битвы за Москву: в ряд с Жуковым не поставлю, но с Говоровым и Рокоссовским основания поставить есть. Они и на тогдашних фотографиях вместе.

Пойди дальше так, как началось, мы бы видели маршала СССР Власова на параде Победы 1945 года. Ан нет: Волховско-Новгородский котел, мясорубка в скученной местности, раздробленные войска, масса солдат среди местных людей и скота, все перемешалось. Армию надо спасать, но люди мешают войскам, полная обреченность и плен.

– **Да, но что руководило Власовым далее в плену?**

– Говорят, что смесь трусости и честолюбия, а я не верю. Вероятно, иллюзия, что с помощью победоносного вермахта он осуществит русскую национальную идею. Такие иллюзии в годы войны бродили по Миру. Египет, Индия, когда к той подходили японцы, – попытки самоосвободиться с помощью чужой побеждающей армии. Иллюзия овладела и Власовым. Он решил, что противоречия между вермахтом и нацистской партноменклатурой при его лавировании позволят сделать что-то свое.

Власов-генерал не заслужил снисхождения – армия не политическая партия, война не выборы. Генерал должен до конца выполнить свою долю. Но Власов еще и человек, а сейчас не 1945 год. Всюду, где испытания ведут к падениям, возникает вопрос о шансе человека встать и распрямиться. Был ли у Власова такой шанс? Одну его фразу я не хочу считать лицемерной. Незадолго перед казнью он сказал, что в заслугу себе ставит то, что его действия сохранили жизнь десяткам тысяч советских военнопленных. Это правда. Как человек, прошедший войну и потерявший друзей на войне, в 1945 году я бы сказал, что такая фраза мало чего стоит. Сегодня я к ней прислушиваюсь.

Власова, перешедшего на сторону Гитлера, стало быть, предателя, я не прощу. Но и повешенный Власов мне не чужой. Были просчеты и ошибки хуже власовских измен. Возьми стратегическую патологию Сталина, который нагнал несметное множество войск вплотную к границе и подвел их под удар вермахта.

Как такое вообще случилось, что это – полное непонимание природы современной войны? Нет, тут нечто другое. Свой подлинный замысел Сталин таил от всех, и правило недоверия привело к тому, что мы потеряли в 1941–1942-м миллионы жизней. Когда Сталин придвинул Красную армию к границе под удар немецкого вермахта, – это не был только просчет! За этим генеральный сталинский принцип, что его подлинный план войны был неизвестен ни верхушке советского генералитета, ни командующим фронтами, ни начальнику генерального штаба. Доверие к советским людям у Сталина вырвал лишь ход войны – Жуковым ли, массовым ли «Василием Теркиным», другой разговор. Его недоверие к людям чуть не похоронило в 1941-м СССР и Европу. Если урок Сталина не разобрать, то чего, собственно, ворошить прошлое, вынося повторные приговоры Власову и другим ушедшим людям?

Все тот же вопрос об асинхронности сталинизации. Если воображать, что сталинщина изначально одна и та же, лишь набирая темпы и силу, – один разговор. А если разглядеть, что сталинизм асинхронен по существу, целостным стал лишь под конец и сразу этой целостностью вошел в агонию – другая история.

136. Выход из войны. Победа – праматерь зла. Сталинский победительный плебс.

– Годы после войны для тебя – это сплошная эпоха или со своим переломом?

– Для меня время это было трудным. Вышел из войны искалеченный, семья в Крыму уничтожена. Настала подвешенность, я никак не мог самоопределиться – чем заниматься? После войны мы вообще с большим трудом приходили в себя. А тут переход к новой жизни. Кто больше к ней подготовлен, кто меньше, но нет уже той россыпи мест и вариантов устройства, что была до войны. Начались трудности. Несколько лет были ужасны по тяготам жизни, хотя, с другой стороны, начался взлет хорошей литературы. Она сразу о себе дала знать. Но так же быстро пошел распад. От каждой победы бывает производно некое зло. Но от этой, 1945-го, зло было неизмеримо большим.

– В 1945-м тебе ведь так не казалось?

– Еще бы! Настолько грандиозным представлялся триумф, особенно после успехов Гитлера, которых, строго говоря, могло не быть вовсе. Масштабом Победы все прежнее отодвинулось. И был очень быстрый вход в холодную войну. Обезоруживающе, ошарашивающе быстрой. Инициатором холодной войны выступил Запад, для защиты от сталинской экспансии. Поначалу сталинизму для сохранности холодная война была полезней, чем западной стороне. Но далее она вела к переменам, которые обрекли советскую систему на вырождение и агонию.

Помню «Литературную газету», которую лично придумал Сталин. Всякий раз для созревшего в нем сценария он заводил особый орган. В конце войны он завел журнальчик – «Война и рабочий класс», где печатались антисоюзнические выпады. А тут он решил возродить «Литературную газету», и Ермилов стал редактором.

– «Орган советской общественности».

– Орган общественности, да. Дизайн изменили, газета стала больше. И в первом же номере на второй странице, три колонки слева – Борис Горбатов, «Ма льчик в коротких штанах» – о Трумэне. Заказанная статья; событие – был официальный протест от Госдепа. Вскоре появилась знаменитая «Культура и жизнь» – газета, которую делали прямо в здании ЦК, где была ее редакция. Редактором поставили Александрова, и газету называли «Александровский централ». Кошмарная, каждый номер открывали с дрожью – кто следующий? Вдруг в один прекрасный день газетенке дали по морде. По капризу Сталина, он и повод выбрал – оперу «Борис Годунов» в Большом театре. «Культура и жизнь» напечатала статью о постановке, изругав Большой театр за сцену под Кромами – та непатриотически изобразила слепоту народа, пошедшего за наймитом иностранцев. Как так? Народ никогда не ошибается!

А к этому времени Александров у Сталина впадает в немилость. Сталин вызвал Поспелова и велел дать в «Правде» отповедь: мол, Пушкин наше все, он мудр, а народ что? Народ, бывало, и заблуждался. После этого «Культура и жизнь» перестали бояться, и та быстро кончилась. Такая неожиданная игра в сталинском вкусе.

Во время войны сильно продвинулись патриотические чувства, и возникли трудности со своим интернационалистским сознанием. И в это уже стала проникать и въедаться агрессия расправы. Мы к такому не были подготовлены.

– А разве до поздних сталинских кампаний между вами уже был конфликт со знаниями?

– Мы вышли из войны с ощущением силы. Но ведь и не лучшие из нас силу почувствовали, победа – добыча общая.

Помню, был я в твоей Одессе после освобождения. Пришел к секретарю Одесского горкома партии представлять нового секретаря горкома комсомола. Вхожу – сидит украинский тип. Феноменальный, с видом Пацюка, прямо сейчас начнет галушки в рот отправлять. И спра-

шивает комсомольца: «Ты что читал?» Утверждает секретаря горкома комсомола в присутствии представителя ЦК вопросом: «Что читал?» Тот что-то назвал, не помню – Пушкина или Николая Островского. Но Пацок уже не слушает, а на меня рычит: «Не суперечь!» После чего развернулся и говорит: «Думаете, вам из вашей Москвы виднее?» Тут мы решили, что Пацюка придется снимать.

Война разбудила национальные чувства и культивировала их по-разному. Непонятно для многих людей было – каким образом евреи дали себя уничтожить? Ожившая паранойя питалась из разных источников, и должен сказать, постепенно паранойя сработала. Сталин, конечно, после войны уже распадался, но свой маневр проделал в дикой форме, и весьма эффективно. Операция по расколу победителей прошла успешно. Сформировался новый победительный плебс – и все стало гнить прямо на глазах.

– Там сам переживал это как идеологическую операцию Сталина?

– Знаешь ли, по нарастающей. До войны, когда только начались эти вещи, мы их открыто презирали. Помню, вышла книжка о Суворове, и в ней главка, где с восторгом описывалось, как тот штурмовал польскую столицу. Была лекция по книге, и мы написали в редакцию «Правды» коллективный протест, ничуть не смущаясь в словах. Так же плохо мы приняли фильм Эйзенштейна «Александр Невский», он нам не пришелся – и мы открыто писали об этом в стенных газетах на факультете. Мы были моложе и смелее поколения ушибленных 1937 годом.

Мы лишались близких людей, но не лишались внутренней свободы. Поскольку советское было *наше данное*, то мы и свободу переживали в рамках данного. А после войны я ощутил, как мне навязывают нечто, чего я не приму. Привычно всему искал объяснения, но где-то же есть предел. Все-таки на войне я вырос. Но стремления отойти в сторону не было, своим активизмом был уже закален.

– Страшно не было?

– Страх был. Но не страх угодить в лагерь за другими, а страх иного типа, что сам вообще уже не принадлежишь себе.

Притом иногда просто везло. Раз принесли на просмотр свежееотпечатанную «Комсомольскую правду», контрольные экземпляры. Смотрю, а на первой странице статья «Памятник Сталину в Курейке». В Курейке действительно установили монумент, говорю напарнику: «Юра, они там сошли с ума. При живом Сталине – “памятник Сталину” – представляешь, что будет?»

Юра: «Придется Ольге Петровне докладывать». Ольга Петровна была стервой, не то слово – была самой Лубянской на Маросейке. С другой стороны, читаем ведь не только мы, а и напротив с Лубянки присматривают. Посидели часок – ладно, думаем: сделаем вид, что не заметили. Дрожали страшно, но под конец дня стало ясно, что пронесло. Только тогда позвонили в редакцию и говорим: «Вы там что, идиоты? Что натворили? Хорошо, никто не заметил». А ведь правда было ужасно, кто-то бы сел.

Помню, написал я Сталину длинное письмо. В книжке Вознесенского о военной экономике СССР в годы войны говорилось, что мировая война приняла прогрессивный характер только с 22 июня 1941 года, но я считал, что не так: а упорство Британии, а движение Сопротивления? Меня вызвали в ЦК и вежливо побеседовали, говоря, что я абсолютно неправ. Ну а я считал, что прав, и на этом мы расстались. Потом этот же человек из ЦК мне помог трудоустроиться. Позвонил в Институт истории и сказал: «Почему Гефтера не берете на работу?» – «Знаете, есть порочащие анкетные данные». – «А я, – говорит, – доложил начальству, начальство не возражает». Тут Сергей Утченко мне вдруг звонит – давненько подумываю вас взять на работу!

137. Его добрый юмор и злая память: «Как, вы забыли своих врагов?».

– Сорок первый год. Идет Сталин понуро, ему навстречу Малышев: «Здравствуйте, товарищ Сталин!» Тот поднял голову: «Как? Вы еще на свободе?» – и пошел себе дальше. Малышев, сам понимаешь, приготовился, но ничего – обошлось. И вот он уже нарком танковой промышленности, генерал-полковник, 1945 год. После парада Победы Сталин произносит знаменитый тост о русском народе, обходит Георгиевский зал – маршалы, наркомы... Подходит к Малышеву: «Товарищ Малышев – ваше здоровье, за ваш вклад в победу! А помните, – говорит, – товарищ Малышев, наш маленький эпизод в июле 1941 года?» Тот ему: «Как не помнить, товарищ Сталин!» – «Вот видите, товарищ Малышев, даже в те тяжелые дни мы, большевики, не теряли чувства юмора!»

– **Славная история, но не пойму про что – про добрый сталинский юмор или про злую память его?**

– Память Сталина была абсолютной, пока обслуживала его сценарные тайны. Все отмечали, как Сталин запоминал врагов. Но лишь пока те были действующими лицами его внутреннего спектакля. Вот что мне рассказывал академик Василий Емельянов (дочка его у нас в институте работала). Он в Министерстве металлургии ведал вооружением после войны в Испании, когда выяснились дефекты советских танков. Проблема танка – соотношение неуязвимости с маневренностью: утяжеляешь броню, и уязвимость опять растет. А тут как раз один изобретатель придумал новую броню.

Правда, изобретатель был сумасшедший. Он якобы изобрел такую броню, что при контакте со снарядом та расступается и «втягивает» его в себя, лишая убойной силы. Все, кто ознакомился, говорят – псих, гоните. Но вот на совещание по танкам в Кремле пришли все: Тевосян, Емельянов – а псих тут как тут! Входит Сталин, спрашивает: «Как у нас дела с танковой броней?» Тевосян докладывает. Сталин говорит: «Плохи дела. А вот послушаем свежего человека» – и встает наш изобретатель. А язык у того хорошо подвешен, гипнотическая сила воздействия. Сталин заслушался, говорит: «Замечательно, товарищи – это же диалектика: мягкость брони гасит убойную силу!» Ну, когда диалектика, все молчат. Сталин спрашивает: «А как дела с внедрением?» Изобретатель отвечает: «Никак, товарищ Сталин». – «Почему?» – «Есть противники». Тут Сталин встает с места, подходит вплотную и спрашивает: «Кто именно?»

Емельянов рассказывал – «Я вмиг покрылся холодным потом. Довоенные были годы – в послевоенные был бы инфаркт на месте. Но инфаркты в моду еще не вошли, умирали мы тогда от других причин». Минута критическая, все в напряжении, и тут псих говорит: «*Не помню, товарищ Сталин.*» – «Как это – *не помните?* У вас есть враги, а вы не помните, *кто они?*» Глянул ему в глаза – и погас, отвернулся. Перешел к другим вопросам, навсегда потеряв интерес к его броне и к «диалектике мягкого». Вот что значат людские свойства – человек просто не назвал имен. А ведь его будущее в тот момент зависело от перечисления пары фамилий.

138. Злая память слабеет: академик Панкратова стала членом ЦК вместо подследственной.

– Война и необходимость планировать реальные операции на фронтах не нарушили его злую память?

– После войны резервы посадок снизились как раз тем, что у Сталина память сдавала. Вот эпизод. Заканчивался XIX съезд, на котором делал отчетный доклад Маленков, а Сталин вышел ненадолго в конце, приветствуя иностранные компартии.

– **Да, за незнание этого я получил тройку по истории КПСС.**

– Состав ЦК согласован. Но в ночь перед последним заседанием Сталин говорит Маленкову: «Женщин мало. И ученых маловато в ЦК. Подумайте про Нечкину». Его Светлана в то время собиралась у Нечкиной диплом писать, потом, правда, перешла в другое место. Маленков звонит в отдел науки: срочно материалы на Нечкину, а ему: Георгий Максимилианович, Нечкина же беспартийная! И так, включать в ЦК нельзя – но и не включить нельзя тоже. Пришлось доложить. «Товарищ Сталин, отдел науки говорит, что Нечкина беспартийная». – «Да? Но я вообще-то говорил про Панкратову¹²». Сталин сделал вид, что оговорился.

А над Панкратовой уже нависало плохое дело, Анну Михайловну подвергали гражданским казням. Огонь велся по местному национализму. Во время войны Панкратова эвакуировалась в Алма-Ату, и ее ученик Бекмаханов, казах, защитил под ее руководством докторскую о хане Кенисары Касымове. Тогда у каждого народа СССР был свой национальный герой, под него собирали деньги...

– **Они бывали довольно неожиданными.**

– Да. Была даже танковая колонна имени Шамиля. И в Казахстане был свой герой Кенисары Касымов – блестящий молодой хан, хорошо воевавший с Россией. Авиэскадрилья имени Кенисары Касымова, танковая колонна имени Кенисары Касымова. Когда пошли громить местные национализмы, начали, конечно, с Шамиля, в специфичной для Сталина форме. Гусейнов написал про Шамиля книгу, азербайджанец, и ему за нее дали Сталинскую премию¹³.

– **А «сталинку» разве давали без утверждения Самого?**

– Утвердил, но у него, понимаешь, свои игры с собой. Гусейнову сообщают о присуждении Сталинской премии, как вдруг сообщение в прессе: «Комитет по Сталинским премиям постановил: отменить постановление Комитета о присуждении Сталинской премии такому-то». С этого сообщения пошла обратная волна. Теперь в каждом ауле «националистам-касымовцам» положена секир-башка. Бедняге Бекмаханову за диссертацию о Кенисары Касымове 25 лет дали! Это уж местные так расстарались.

– **Вручили национальную премию.**

– Анну Михайловну всю отполоскали в дни съезда. Багиров¹⁴ выступил по поводу Шамиля, московские историки подхватили – огонь уже велся по Анне Михайловне. А у нас с ней были очень дружеские отношения. После одного моего выступления она даже отвела меня в сторону и сказала: «Михаил Яковлевич, мы вас любим, и умоляю, не выступайте так – вы не представляете, чем это может кончиться».

¹² Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – советский историк, партийный и общественный деятель. Член ЦК КПСС (1952–1957).

¹³ Гейдар Гусейнов. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века (1950). Сталинская премия, присвоенная Гусейнову за эту книгу, была вскоре у него отобрана; не выдержав гонений, основанных на критике книги, автор покончил с собой в том же году.

¹⁴ Багиров Мир Джафар (1895–1956) – советский и азербайджанский партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК Азербайджана (1933–1953).

Она уже раз прошла по этому кругу – муж троцкист, ее саму исключали из партии, но спасли, и посажена не была. Теперь второй круг, и тут думает – все, конец. Я старался ободрить, но настроение было жуткое. «Не утешайте, – говорит, – это ни к чему. Поверьте, со мной кончено». На другой день достаю газету из почтового ящика – состав ЦК, выбранного на XIX съезде: *Панкратова А. М.*! Она приехала в институт – стоит Дружинин, я и еще кто-то. Николай Михайлович поздравляет – Анна Михайловна, говорит, поздравляю, теперь вас уже преследовать не посмеют. Она отмахивается: «Уверяю, там просто напутали. В ИМЭЛе есть другая Панкратова, и они перепутали». Вдруг, как на старых картинах – фельдъегерь в коридоре: «Товарища Панкратову!» К нам идет капитан с кобурой.

– **Синие погоны!**

– Цековский пакет! При нас она его вскрыла – написано: «Члену ЦК КПСС товарищу Панкратовой А. М. Приглашение на встречу с делегациями иностранных компартий». Так известили о том, что ее ввели в ЦК.

Понимаешь – Сталин не хотел показать Маленкову, что память его подвела и он забыл про беспартийность Нечкиной, – и так академик Панкратова вошла в ЦК, а не пошла под следствие по делу Бекмаханова. А что у нее еще и муж троцкист, Сталину просто доложить не успели, не хватило времени. Человек из отдела науки ЦК рассказал мне всю подноготную.

– **Интересно, что оба сюжета со сталинской памятью связаны с советскими академиками. Сталин явно пестовал эту элитную когорту. До революции статус академика был чисто почетный.**

139. Разжалование в советские академики: Сталин и Майский. Академик Курнаков и конкурс институтских Оль.

– В советские академики попадали и за провинность. Майский¹⁵ в Моженке мне очень красочно рассказал, как стал академиком. Забыл подробности и начисто, как всегда, забываю цифры. Короче, расхождения в Ялте по репарациям были примерно один к двум, допустим, двести миллиардов к ста миллиардам. Майский как председатель Комиссии должен докладывать Большой тройке. Ввиду разногласий звонит по начальству Молотову, тот ему: «Вопрос в компетенции товарища Сталина, я узнаю». Ладно. Через некоторое время он звонит снова, и Молотов ему: «Я спрашивал». – «И что же?» – «Товарищ Сталин ничего не ответил». – «Так мне же докладывать Тройке! Спросите товарища Сталина еще раз». Молотов: «Не буду».

На другой день утром, говорит, съезжаемся. Положение невозможное – не знаю, какую цифру назвать, понравится она Сталину или нет? Тогда, говорит Майский, в последний момент наклоняюсь я над ним...

– **Над кем – неужели над Генералиссимусом?**

– ...над Сталиным наклонился, тихо спрашиваю: «Так как – двести или сто?» Сталин поднял голову, вы бы видели, какими глазами на меня поглядел! «Двести».

А через несколько дней на политбюро: «Не пора ли нам Майского сделать академиком?» И поперли того из МИДа в Академию наук. У нас в институте, когда началась борьба с космополитизмом со страстями на партсобраниях, Майского вызвали на ковер. Он каялся с трибуны: «Простите меня, – говорит, – я еще совсем молодой академик!» Но Майского все же посадили, и после него в Институте истории еще было несколько посадок.

– **Не все советские академики были молоды и пытаны лично Берией, как Майский.**

– Да, бывали благополучные старцы. Сталин баловал эту важную для него группу. Был такой академик, химик Курнаков. Родился сразу после Крымской войны, в которой отец его принимал участие, а умер аж в годы Второй мировой. Под него целый институт создали. Ягода и его, кстати, посадить хотел, но не сложилось.

Вступив в должность директора Института общей химии, Курнаков вызвал заведующую отделом кадров и говорит: «Будьте добры, мне списочек всех сотрудниц института, которых зовут Оля, Ольга». – «Зачем?» – «Знаете ли, покойную жену звали Ольгой – не хочу переучиваться!» Вызывает Николай Семенович всех Ольг по очереди на собеседование, на одной остановился, говорит: «Хочу предложить вам выйти за меня замуж». Она: «Простите, я замужем». А он так спокойно: «Ну и что? Пойдите домой, посоветуйтесь с мужем: уверяю вас, не проиграете». Пошла эта Ольга домой, посоветовалась с мужем и как-то решила, что проигрывать не резон. Правда, и Курнаков после этого недолго прожил. А милой Оле, выполнившей обязанности тезки, остались восемь или десять комнат – Курнаков был маститый, химик с мировой известностью. Под знаком музея квартиру вдова сохранила. Сын Курнакова об этом страшно забавно рассказывал.

Он еще говорил: «Михаил Яковлевич, уж не кушаете ли вы мясные бульоны?» Я: «Вообще-то, да». – «Ох, не надо – отец поел мясного бульона и умер!» Простите, спрашиваю, сколько вашему батюшке было лет, когда умер? Восемьдесят один год! Сын был убежден, что

¹⁵ Майский Иван Михайлович (1884–1975) – советский дипломат, историк и публицист. В 1943–1946 годах заместитель наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. Участвовал в Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 года). Был председателем Международной репарационной комиссии. Член АН СССР (с 1946 года). В феврале 1953 года арестован по 58-й статье (за шпионаж), освобожден и восстановлен в партии в 1955-м, реабилитирован в 1960 году.

отец в возрасте за восемьдесят умер от мясных бульонов. Впрочем, я с тех пор действительно их не ем.

- **Да это прямо история русского барина из XIX века.**
- А академикам у Сталина позволялось некоторое барство.

140. Академик Михаил Тихомиров, Дмитрий Лихачев и моржи-патриоты.

– Был такой академик Михаил Николаевич Тихомиров, историк; в пятидесятые он уже стал академиком-секретарем. Тоже большой барин – благородный русофил, очень честный. Еще в 1946 году на этой почве он сразился с Лихачевым. Лихачев выпустил книжечку о том, что русский XVI век не уступит европейскому Ренессансу. Тихомиров, русофил больше Лихачева, написал тому, что надо и приличия знать – в Европе уже были Данте и Шекспир, с чем их в России сравнивать, побойтесь Бога! «Разве мы, историки, – он писал, – авгуры, перемигивающиеся на глазах непонимающей публики?»

Став академиком-секретарем, Тихомиров решил было моими руками осуществить реванш над врагами. Русские главы писали Черепнин и Пашуто, Тихомиров их терпеть не мог. А главы и правда плохие. Каждая начиналась «развитием производительных сил», а так как сеяли одно и то же – рожь да ячмень, все «развитие» было в том, чего сеяли больше. Тихомиров меня вызвал и говорит: опять они прислали эту галиматью про производительные силы пшеницы и ячменя! Пусть, говорит, напишут о развитии производительных сил в Антарктиде и как там русские моржи основали автохтонный университет. Проследите только, чтоб было сказано – и прогнали чужеземных пингвинов!

– Где Тихомиров, там и Нечкина где-то неподалеку?

141. Туалет академиков на Волхонке. Академик Нечкина и языкознание Сталина.

– Нечкина еще в университете была моим учителем. Всегда говорила «Гефтер такой бледный», и однажды принесла мне бутылочку с рыбьим жиром: «Пейте рыбий жир!» Она ко мне благоволила. Но кончилось у нас с ней прискорбно, полным разрывом под конец жизни. На Волхонке, где теперь Институт философии, все институты были. И был коридорчик отделения истории АН СССР. С особым клозетом для академиков: место знаменитое, историческое.

Как-то в очередной раз застопорились выборы в Академию. Из ЦК нажимают выбрать, забыл кого, – а академики не голосуют. У них там свой сговор и свой лидер был, Волгин, а саботировали они всегда очень умело. Второй раз проголосовали – снова не вышло. Целый день идут голосования, всех держат. Позвонили Куусинену, который был не только член Президиума ЦК, но заодно еще академик: «Отто Вильгельмович, очень просим приехать проголосовать!» – «Ладно, еду». На Волхонку примчались парни из отдела охраны КГБ – не шутка, член Президиума ЦК! Позапирали двери на этаже – и заодно опечатали уборную для академиков. Никого не пускают и не выпускают. Теперь ты этих советских старцев представь, с их мочевыми пузырями...

– **С аденомами простаты!**

– Академики озверели до бешенства и провалили всех-всех! При последнем голосовании они любые предложения ЦК стали валить, и все из-за своего закрытого клозета.

– **Маленькие кремлевские тайны.**

– Волхонка. Коридорчик, где вся жизнь протекала. Одна большая комната и три сектора в одной комнате. Один стол на заведующего сектором.

Я пришел, а тут Нечкина, говорит: «Вы читали «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталина? Я отвечаю в том смысле, что да, только лучше б такого не читать. Говорю: «Разве это научная дискуссия? И простите, но “классовость языка” у Марра – чепуха. Главное у него (я Марра тогда очень любил) единство глатодонического процесса». Она мне: «Пожалуйста, проводите меня домой, поговорим на Волхонке». Мы пошли, и тут уж я развернулся в полную мощь насчет последних сталинских дискуссий... Раздражение во мне накопало еще с дискуссии по теории Павлова.

Я серьезно верил в свою ортодоксальность. Когда в генетике была история с Лысенко, почти не реагировал на побоище. А вот с физиологами все иначе – академика Сперанского еще в юности читал и сам хотел быть таким идеологом науки. Сперанский Алексей Дмитриевич, дворянин, его книгу я читал еще в школе – «Элементы построения теории медицины». Хотя я там и не понимал 98 процентов, но прочел, меня она заворожила. И погром в области физиологии меня огорчил сильно. А тут и «Вопросы языкознания» подоспели.

Марра я любил и стал Нечкиной его объяснять. Он, конечно, гениальный человек, но вместе с тем сумасшедший. Но тут Нечкина меня прерывает. До сих пор помню место, где мы идем по улице, а она говорит: «Миша, как вы не понимаете – у вас был отец, а у вашего отца – его отец, а у того тоже свой был...» Как в анекдоте! Я резко вскинулся, мы остановились, и я говорю: «И так вот мы будем объяснять всю мировую историю до ее начала?» – «Да!»

Я говорю: «Милица Васильевна, вы сами в такое верите?» Тут она страшно рассердилась, мы разошлись, но отношения тогда не были окончательно испорчены. Потом была общая с ней борьба за реабилитацию народничества. Но когда я заведовал сектором, у нас уже шли постоянные стычки.

Брат ее мужа был крупный партийный деятель, Яковлев – наркомзем, секретарь ЦК. Он один из авторов Конституции, ее первого чернового наброска – Яковлев, Таль, Стецкий. Его

расстреляли в 1937-м, а муж Нечкиной родной его брат, и та, конечно, жила под гнетом этого обстоятельства.

– **Он тоже был расстрелян?**

– Ее муж? Нет. Обошлось. Как-то так повезло.

142. Третьей мировой войны быть не могло в принципе.

– Ты часто говорил о послевоенных альтернативах. Но раз возможна глобальная альтернатива – там возможна и новая мировая война.

– Утверждаю, что *третьей мировой войны вообще уже не могло быть*. Не могло – в антропологическом смысле, заявленном Гитлером и Сталиным во Второй. Во Второй мировой все упиралось в то, что два человека оказались неспособны к регулярной политике вне ситуации радикального обмана. Отсюда странность Второй мировой, втянувшей в себя миллионы, опустошив страны, принеся в жертву народы.

Война в истории всегда *мотивирована*. В Мире холодной войны война утратила мотивировку, но повсюду влезла в жизнь, в человеческую обыденность. Растекаясь, война вместе с тем потеряла мотив. После исчезновения пары Гитлер – Сталин не стало мотива к войне, и не было шанса породить ей аналог. Война могла быть только мучительно изживаема. Но в это изживание вошло страшное зло – атомная бомба с идеологией и прагматикой, которые мистифицируют ситуацию. Изыми Бомбу из Мира 1945 года, и сцена предстанет в ее истинном виде: *невозможности мотивированного глобального военного действия* после конца Второй мировой войны.

Холодная война, взятая обособленно от специфики, внесенной ядерным оружием, – это лишь затянутый коллапс существа человека. Человек немотивирован в тех именно его действиях, которые относятся к его исторической классике! Таким он уже не мог вернуться к этим действиям, сперва надо попытаться себя замотивировать заново. Он мотивирует себя в формах личности, уже не притязающей на устройство вселенной. Тут можно назвать Карибский кризис, и так далее, и тому подобное. Наступивший *коллапс мотивированности связан с истощением истории*.

– **Что за «коллапс мотивированности»?**

– Хотя история никогда не была «историей всего», но она долго главенствовала в мотивациях Homo sapiens. Создалась привычка к поиску вмещающей якобы все исторической мотивировки. Если же та ушла, то что такое теперь мировая война – и что такое история? Только воспоминание о том, что было и что не может повториться после произошедшего.

143. От короткой корейской войны – к долгой холодной.

– Сегодня ничто не исключает малорисковой распределенной мировой войны. Ведь риска не ждали и от Балкан перед Первой мировой. Исчезла биполярная схема сдерживания, и может быть запущена многополюсная схема 1914 года. Вот тебе вариант третьей мировой войны в новом виде.

– А почему нам не вспомнить, как возникала холодная война? Буквально мировой ей мешало стать то, что из двух командных центров можно было уничтожить друг друга и весь Мир. Но идея гарантированного взаимного уничтожения возникла не сразу. К ней пришли, но начали не с нее. Много было проиграно на корейской войне. Сперва Северная Корея против Южной Кореи, затем США, а там Китай со всей людской мощью. Тут и мы подключаемся. На этой почве возникло НАТО – которое было пустой звук, но благодаря корейской войне станет военной силой. Есть целая история интернационализаций и глобализаций локальных конфликтов. Разве Вьетнам и Афганистан не были скрыто глобальны?

Корейская война – это биполярность, спроецированная внутрь Кореи: коммунистический Север, проамериканский Юг. Ирак совсем не то.

– Мир возвращается к старью, и невозможное снова стало возможным. Мировая неядерная вой на, на мой взгляд, – это что? Речь идет о системном военно-политическом кризисе с участием стран нелокальной группы.

– Ты верно сказал, системное вмешательство нелокальных держав. Хорошая формулировка. Блестящий пример этого Персидский залив. Но полагаю, и война в Корее была не менее блестяща: Советский Союз тихо вернулся на свое место в ООН, откуда Сталин ушел, саботируя Совет Безопасности. И возникло НАТО. Но что дала коалиция для Ирака? Ничего подобного тому, что дала корейская война.

А почему? Потому, что американское действие оказалось менее альтернативным, чем более грубое и прямое действие США времен корейской войны. Принцип выбора строя был защищен военными силами сторон даже ценой национального расчленения. Чтобы защитить право Южной Кореи остаться самой собой, были созданы гигантские мировые структуры. Разумеется, и лицемерие там было, как без него.

Но сегодня возникают войны национальные, по отношению к которым проблема вмешательства осложнена вторжением во внутренние дела, что переворачивает вильсонскую догму самоопределения в догму вмешательства. Югославия и наш Кавказ являются военными новшествами. Большими и скверными новшествами.

Мир не решит эти проблемы, не став иным. В качестве нынешнего – не сможет. При супервооружениях, усовершенствованных для того, чтобы их употреблять прицельно на малых территориях; здесь вообще новое качество оружия. Когда-то мне говорил мой приятель Алексей, бывший посол на Кубе. Я ему: «Зачем вы поставляли Кастро такие мощные ракеты? Не было ли чего послабей?» Он говорит: «А послабей у нас самих тогда не хватало!»

144. Последний универсальный враг Сталина: еврей.

– Победа во Второй мировой войне заложила основу крушения коммунизма. Присоединенные страны не могли быть унифицированы сталинской системой, но вместе с тем не были введены в ее состав на суверенных началах. Отвергнув альтернативу, система проделала ряд зверских операций приведения стран Восточной Европы к единству с Союзом – таким, каким он сложился в итоге прошлых унификаций. Это заложило взрывчатку в систему. Раздавленная альтернатива в итоге сдетонировала внутри системы-убийцы.

Зачем, собственно, к концу сороковых годов Сталину нужно срочно соорудить универсального врага? Потому что его замысел оставался универсальным. Человек, которому мы отдали свои существования, чтобы он распоряжался советскими душами, не мог охватить пространство от Одера до Янцзы. Но мог ли универсалист Сталин оставить в покое Евразию какова она есть – многоукладная, несводимая к единому основанию? Для него это немыслимо. А раз так, неизбежна та или иная форма насилия. Плюс личная патология – он душегуб.

Плюс возраст. Сталин догадывался, что ему остается считаное время, и сразу прибег к самым крайним формам выравнивания. При опыте унифицирования, проведенного им прежде над Советской Россией, ему теперь нужна была остро радикальная форма. А поскольку концепт универсального выравнивания требует универсального врага, сама история подсказала ему: *еврей!*

Сталин умер, недописав черновик указа. Осталась первая строчка, что «в целях предотвращения акций, вызванных справедливым гневом народа...» Маленков в марте 1953-го, найдя, все уничтожил.

– **Это пересказы пересудов.**

– Да, но что происходило при подписании «письма евреев», я знаю. Ерусалимский там был, он подписал письмо, мне все рассказывал, включая замечательные детали.

Сталин, надо сказать, умел и любил редактировать тексты. Когда на последнем XIX съезде отчетный доклад впервые делал Маленков, Шепилов написал ему доклад в связи с «Экономическими проблемами социализма в СССР», Сталина брошюра. Соответствие произв одительных сил и производственных отношений, есть, мол, закон, открытый товарищем Сталиным. Сталин, которому доклад показывали перед съездом, на съезде ничего не сказал, но после съезда звонит Шепилову: «Товарищ Шепилов, в докладе, который вы написали для товарища Маленкова, вкралась ошибка – закон, открытый Карлом Марксом, вы приписали товарищу Сталину. Товарищ Шепилов, ошибки надо публично исправлять!» – «Но как же, товарищ Сталин...» – «Выпустите новый тираж доклада с исправлением».

Так же, когда евреев собрали подписывать письмо о том, что большинство еврейского населения националисты, академик Трахтенберг говорит: «Я все же экономист. Кто подсчитал, сколько евреев заражены духом мелкобуржуазного национализма? Почему “большинство”, разве есть статистика?» Его поддержал генерал из евреев, может быть, Крейзер, и, кажется, Маргарита Алигер. Но организаторы все пропустили мимо ушей. А когда подписали, тут Сталин и говорит: «Почему здесь нет осуждения антисемитизма? Надо дополнить!» Невероятное он все-таки порождение. Есть сатанинское начало в людях.

У Ерусалимского было типичное еврейское лицо, на что ему кто-то в метро указал. Атмосферка... Мы с ним тогда очень были близки. Рассказывая мне все это, он спокойно заметил: «Знаете, еще один такой случай, и я покончу с собой». Молотов тоже, когда прочел в газетах сообщение о деле врачей, сказал: «Я понял, что пришел мой конец!» Потому что главными будут не врачи, а поощрители и вдохновители. По всем правилам сталинской игры.

Вот, между прочим, движущий момент российского социума власти – он не признает *никакого предела*, пускай нарушаемого. И к этому его приучали те, у кого у самих предел был! Они в это втягивались.

145. Сны 1953 года. Нашествие врачей-убийц. Яркий Хрущев – лидер блеклого и лживого антисталинизма.

– Мне долго снилась война. Пока не перестала зимой 1953 года, когда по нарастающей звилась «антикосмополитическая» кампания. Началось еврейское «дело врачей». Зима 1952–1953-го. Иду по Мещанской, а накануне мне кто-то сказал, что в отделении Боткинской стало не хватать врачей – все арестованы. Вдруг я остановился, и изнутри меня стукнуло: не бывает же такой заговор, чтоб сотни медиков сговорились ради убийства! Таких заговоров в истории не бывало вообще.

До этого я имел привычку все объяснять. Помню, женщина, очень хорошая, спросила у меня – как может быть, чтобы врачи намеренно убивали? Я понял, что дурацкие слова насчет логики классово-борьбы не годны, и говорю ей – понимаете, противостояние с Америкой сделало людей ненормальными, они безумеют... Но по лицу ее понял, как страшно ее огорчил.

Первая реакция моя всегда была – *спасти объяснимость*. Объяснить и вписать событие в картину, даже если я его не приемлю. Раз событие таково, картина целого не рушится. Например, я не принимал пакт с Германией, поскольку был ярым антифашистом. Но пакт вписывался для меня в картину Realpolitik Сталина. А тут вижу, что происходящее более не вписывается ни в какую картину! Но что вместо? Я так жить не смогу – и я рухнул в болезнь. Контузия 1942 года вырвалась в пятидесятые и накрыла меня с головой.

– Ну ты и скачешь, от 1953-го к 1956-му.

– Да, но это длилось долго. Сначала из снов ушла война. Шли мучительнейшие месяцы начала 1953 года. У сына была нянька, и я заметил, как та роется в моем ящике – Люба, неглупая девка, но ей приказали. А дворничиха стала спрашивать, куда я иду. Военные сны ушли, каждую ночь просыпаясь, явственно слышал звонок в дверь.

Моя картина мира стала рушиться. Но еще быстрее она рухнула в 1956-м – *отказом от дарованного освобождения*.

– **Отложенная реакция на 1953 год?**

– Да, отложенная реакция. Вдруг бац – а этого я не принимаю! Хрущева¹⁶ поначалу я прямо возненавидел.

– **Смутные слухи до меня доходили, как в дни «оттепели», когда все, как им положено, радовались, ты мрачно каркал что-то консервативное.**

– Да. Однажды я даже очень открыто выступил. Уже в прологе болезни, почему и свалился. Шла читательская конференция журнала «Вопросы истории»¹⁷, и посыпались пошлости: да здравствует Шамиль¹⁸, нужен пересмотр истории революции – и далее по всем тогдашним либеральным пунктам. Я выступил, говорю – товарищи, а ведь за вами ничего не стоит. Ни-че-го. Вы хотите пересмотреть несколько пусто-пустых редакционных статей? Извольте, какой пустяк. Вы хотите пересмотреть целиком историю революции? Давно пора. Тут я сказал, а это была моя любимая мысль, что революция 1905 года – не пролог Октября, она имела внутреннюю силу, и неизвестно еще, что масштабней – 1905 год или 1917-й.

В этом демарше я понравился всем лагерям, аплодировали мне дико. Только самому себе не понравился. Аудитория до этого аплодировала односторонне, «обличителям», а мое выступление вызвало аплодисменты обеих сторон. Но воспринималось оно, вероятно, странно.

¹⁶ Никита Сергеевич Хрущев стал Первым секретарем ЦК КПСС с 1953 года, в том же году выступил на XX съезде с речью о культе личности И. Сталина и массовых репрессиях.

¹⁷ В 1956 году.

¹⁸ Шамиль (1797–1871) – имам Дагестана и Чечни, борец против власти Российской империи на Кавказе; в 1956 году историки пытались подвергнуть ревизии сложившуюся официальную трактовку движения Шамиля.

– **Слышал, что после твоего выступления Бурджалова¹⁹ сняли.**

– «После» не значит «по причине». Затем ко мне при всех подошли несколько человек из ЦК, среди них Толя Черняев²⁰ – давайте письменный текст своего выступления. Но, придя домой и сев писать, я вдруг испытал странную реакцию. И написал им записку с идеей, что нужно создать Историческое общество, куда входили бы ученые, учителя и люди, любящие историю. История не принадлежит никому в отдельности, писал я, но история не принадлежит и новым критикам.

Отдал им эту бумажку, чем их сильно разочаровал. Был такой Лихолат²¹, мерзавец из отдела науки ЦК. «Что же вы, Михаил Яковлевич, написали, – говорит, – мы от вас ждали совсем другого». Тут я понял, раз из ЦК просят, что-то они задумали.

На другой день вижу там одного типа из Академии общественных наук. Он плохую роль тогда играл, опасный циник. К нему подошел друг: ну что, спрашивает, было что-то интересное? Он отвечает: толковое только выступление Гефтера. Тут меня как холодом по сердцу полоснуло. Чем же, думаю, тебе я понравился, чем удружил вашему лагерю? И через считанные дни рухнул в болезнь. Мозговые спазмы и так далее. «Всемирной истории»²² доредактировать мне не удалось.

– **Третий том²³ тогда шел?**

– Да. Но вот что интересно. С одной стороны, я долго независимо балансировал, дольше многих. Поддерживал ситуацию объяснимости происходящего, не приемля ее тех и иных сторон. Тут пришел XX съезд, все счастливы выгодной полуправде. А я рухнул в болезнь, и когда выполз из нее на карачках, несколько лет на это потратив, я был уже другой человек. Я болезнью заплатил за то, что освободил свой ум собственными силами. И больше не хотел полулжи.

---

¹⁹ Эдуард Николаевич Бурджалов (1906–1985) – историк, профессор, заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории», в 1957 году снят с должности.

²⁰ Анатолий Сергеевич Черняев (род. 1921) – помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем Президента СССР по международным делам (1986–1991), впоследствии – сотрудник Горбачев-Фонда.

²¹ Андрей Васильевич Лихолат (1914–1993) – украинский советский историк, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б)/КПСС в 1942–1957 годах.

²² «Всемирная история. Энциклопедия в 10 томах». Выходила с 1955 по 1965 год.

²³ Третий том энциклопедии посвящен Средним векам, вышел в 1957 году.

Часть 10. Путаница десталинизации.

146. Почему в Крыму не было голодомора? Крымские и украинские страхи.

– Возможно, всему есть чисто физиологическое объяснение, но сквозь мою жизнь проходит ощущение счастья в Крыму. Этот свежий, благоуханный воздух – он был сладким! В Крыму я спал на балконе, и рядом высился кипарис. Август месяц, просыпаешься – невероятный воздух, черное бархатное небо, как полог над головой, падающие звезды... Дни за днями длящихся счастливых мгновений. Крым – чудо, и то, как его загубили, кошмар. Но первое ощущение со мной сквозь всю жизнь. Когда мы шли этой царской тропой, которую теперь удлиннили, было чувство, будто не иду, а плыву.

Так вот, бывают земли, про которые надо сказать твердо – они ничьи в отдельности. Концепцию Крыма я бы вывел из тупика российско-украинских отношений. Любая привязка Крыма то к России, то к Украине ничем, кроме крови, не кончится. Еще дай бог, чтобы кончилась только пролитием дипломатических чернил.

Как теперь распределить Крым между Россией и Украиной? Никак. Но есть множество ходов. Нужна вдохновляющая идея, из идеи может родиться проект планетарной идентичности Крыма. Его уникальности, сопряженной с историей, когда через него катились эпохи, каждая оставляя свой след. Возможно объявление международного конкурса на превращение Южного Крыма в национальный парк, и чтобы весь Крым стал предполем этого национального парка. При этом необязательно втягивать сюда Севастополь и военно-морскую базу ЧФ. Все идеи должны быть соподчинены одной, выводящей из тупика российско-украинского конфликта. Иначе Крым в тупике застрянет, обрастая мелким политиканством с необъятными последствиями.

– **Твой крымский проект поражает меня риторичностью.**

– Видишь ли, я хочу выделить Крым как внутреннее единство, достижимое полиэтническим согласием. Идею уникальности Крыма. Если тут и есть риторический оттенок, то он направлен против присвоения уникальности Москвой. Но с важной поправкой, Глеб.

В 1934-м, когда Украина корчилась и голодала, Крым был сыт только благодаря работающей многоэтничности. Все работали. *Почему у нас в Крыму голода не было?* Как вообще случился украинский голод, об этом никто не спросит? Будто Сталин мог написать директиву: «Товарищи, устройте-ка им голод на Украине». Это же Украина, плодородные земли. Не было засухи, как в 1920-м, – отчего голод, почему умирают миллионы? Хлебозаготовки были варварские всюду, гребли под метелочку, ясно. Но семенное зерно все ж оставляли. Каким образом украинский крестьянин перестает себя кормить?

Мы в Крыму сидели на минимуме, ели черный хлеб, но не умирали. Жила деревня, был базар. А на Украине, среди прочего, сработал украинский характер. Я могу вступить в колхоз, но семена сдавать в ломбард не хочу – неизвестно, как их там хранят! И ведь верно, глупейшая идея эта сдача семенного зерна в ломбард. И у нас в Крыму тоже была, «семенная тревога» называлась, жесткие объявления – кто не сдал, высылают в Сибирь. Но я хочу выяснить то, к чему привыкли как к необъясненному. Ведь не бывает голода на пустом месте.

– **То есть думаешь, что в голодоморе была некая эскалация, а не плановая расправа?**

– Голодомор – это ошибка чисто украинского характера с чисто сталинской мстительностью. Был процесс подспудного сопротивления, а в ответ на него – акт мстительной расправы.

Могли же и гибко отреагировать, когда хотели, – кому-то дать в лоб, кого-то поощрить семенами. Так нет, решили сломать! Вот это точно от Сталина шло – *сломать их!* Украинцы не хотели сдавать зерно в колхозные амбары – им сняли поставки семенного зерна. В ответ на это они не посеяли – а им в ответ сняли поставки хлеба. Вот тут люди селами пошли умирать с голоду. Не знаю, предвидел Сталин масштаб смертей и насколько занимали его ум эти вещи. Было сильное письмо Затонского²⁴ в ЦК, с ужасами украинских бедствий. Помню в Крыму беженок с Украины в мешковатой одежде темно-рыжего цвета, и как от них жутко пахло... То ли от того, как они добирались, то ли это запах голода. Ужасные, в подъездах от них шаркались.

Только в самом Крыму голода не было. Крым – он такой: немецкие колхозы, еврейские колхозы, татарские, болгарские, греческие – ими вся степь возделана была, оба татарских анклава и южный берег. Украины вообще не ощущалось в Крыму. Не помню даже, были у нас в школе украинцы или нет.

– **Украина строит государственную идеологию из старых обид на русских.**

– Помню, пришел я к Ларисе Богораз, а был, видно, какой-то религиозный праздник. У нее сидели женщины с Украины, ели пирог. Украинка, жена кого-то из известных националистов.

– **Надя Светличная²⁵, наверное.**

– Да, вроде она. С мягким говорком, немножко святочный рассказ, мол, как славно было украинцам при Шелесте²⁶ – ходили на колядки, никому не мешали. А теперь милиция за колядки преследует. На другой день зашел у меня с Ларой разговор о том, как бы не воздвигнуть кумира из диссидентства: общего ведь у нас одни преследования. Люди расходятся все дальше, и общим остаются преследования.

Я ей говорю: «Лара, колядки – это мило! А как думаете, Лара, в случае чего они русскую кровь прольют?» Она мне: «Пожалуй, да. Прольют». – «Лара, но ведь кто-то потом назовет нас по именам и скажет: не только слепы они были, но и безответственны». Трудный разговор у нас тогда вышел.

– **Твое крымское детство милое, как украинские колядки.**

– Нет – второй крымский образ страшный и лег во мне глубоким оттиском. Перед нашим домом, где церковь напротив, а слева улица Большевикская, в переулочке ночью ограбили и убили человека. Убивали не сразу, не до конца. Бедняга ломился в окна первых этажей, но никто не вышел. Утром, узнав новость, мы выскочили, и в меня вошел ужас. Ставни первого этажа были еще закрыты. Но на них – кровавая пятерня оползающих пальцев. В меня вошел страх. Но едва он во мне отпечатался, ситуация обратилась: я стал бояться страха и поступал ему наперекор. Те чувства позже переработались в смесь из страха и его боязни, и она медленно из меня уходила, пока в диссидентские годы совсем не ушла. Но я навсегда помню: симферопольское двойное окно, закрытые ставни и кровавая пятерня как соединение смерти и равнодушия.

Вообще, неосознанные приятия детства и жизни очень важно для себя опознать и продумать.

---

²⁴ Владимир Петрович Затонский (1978–1938) – украинский и советский партийный и политический деятель, академик АН УССР. Был уполномоченным ЦК КП(б)У по вопросам хлебозаготовок, выезжал в голодающие области, после чего отправил письмо Центральному Комитету КП(б) о ходе хлебозаготовок, фактах укрывательства хлеба, необходимости улучшения работы партийных и советских органов Одесской области, по выполнению плана хлебосдачи (от 22 января 1933 года).

²⁵ Надежда Алексеевна Светличная (1936–2006) – украинская правозащитница, диссидент. После отбывания четырехлетнего срока эмигрировала в США (1978), член Зарубежного представительства Украинской Хельсинской группы и редактор-составитель «Вестника репрессий в Украине» (США).

²⁶ Петр Ефимович Шелест (1908–1996) – украинский партийный советский деятель, председатель ЦК КПУ (1963–1973), поддерживал украинскую культуру, защищал писателей от обвинения в украинском национализме.

147. Светлана Аллилуева и причуды ее «папки». Раздельное обучение и пять ворот. Бериевская перестройка.

– Никак не могу забыть: у Светланы (Аллилуевой. – Г. П.) был день рождения, и она при мне говорит подружкам: что ж вы, девоньки, ко мне вчера не зашли? Я вам пропуска заказала, а то дома совсем никого. Один папка, да с ним Ворошилов. Хорошая была девушка Аллилуева.

– **А ты с ней познакомился когда?**

– На истфаке в конце 1943 года, после госпиталя. Я долго в госпиталях лежал. Никак не могли закрыть рану на руке, было несколько операций.

– **Светлана интересный человек?**

– Очень славная. Закрытая, скромная девочка, в отличие от отвратительной Светланы Молотовой. Ту я знал в более позднем возрасте, когда она работала в Институте истории.

В то время было много историй с детьми. Алексея Каплера несколько раз сажали, все из-за романа со Светланой. В первый раз посадили к концу войны, Аллилуева была еще студенткой. Знаменита история, где пострадали и дети Микояна. Там был дипломат наш, он потом был послом в Штатах или в Мексике, сейчас не могу вспомнить его фамилию. Он при очень странных обстоятельствах погиб, в авиационной катастрофе при полете из Штатов в Мексику. А до этого была история, что в нее был безумно влюблен сын Шахурина. И так она унижала его самолюбие, что он ее застрелил. В общем, дошло до Сталина, тот выслал участников дела в разные города – и приказал ввести раздельное обучение мальчиков и девочек в школах! Это послужило ему поводом – так он всегда шел, от эпизода к эпизоду. Любимое занятие Сталина было придавать давно задуманным действиям форму случайности. Теперь историку, пользующемуся его архивами, нужно обладать большим даром реконструкции, чтобы восстановить его логику.

Пройдет еще какое-то время, и над нашим Сталиным станут посмеиваться. И верно, нет в нем современной изысканности. Я был на последней даче, для него выстроенной где-то в лесу, – там пять ворот! Человек со мной ходил очень осведомленный, я спрашиваю: эти пять ворот для чего? Чтобы Сталин всякий раз выезжал из других.

У него была гениальная способность всех вокруг сводить с ума, делая безумцами. Вообрази только: пять ворот!

– **И в марте 1953-го они ему отомстили.**

– Ты же понимаешь, что значит не оказать *первой помощи при инсульте*? А Сталин как раз инсульта боялся, боясь участи Ленина, – инсульт которого его спас в 1923 году. Ленина он с тех пор тайно ненавидел, это моя давешняя гипотеза.

Берия был прямо опасен политбюро как тот, кто мог в любой момент покончить с любым из эпигонов лубянскими методами. Но опасен еще и как человек неожиданный. Теперь они его боялись, как прежде Сталина, и особенно их вспугнула бериевская перестройка. Когда Берия под крылом Маленкова пошел ломать и менять всю систему.

В вину Берии поставили многое из того, что теперь числят в заслугах Хрущева. Тут и желание навести мосты к Югославии, и отказ от строительства социализма в ГДР, и поездка по союзным республикам, где отзывались русские вторые секретари, и заодно МВД очищалось от русских начальников с заменой «националами». Берии важно было всюду быстро нагромождать массу чего-то противосталинского. А Маленков, хоть и был орудием в его руках, смертельно боялся своей прежней роли и подписей на старых делах.

Вся политическая борьба пятидесятых велась только вокруг темпов и моделей десталинизации. Единственное, что можно было, спасая себя, противопоставить перестройке по Берии, была десталинизация по Хрущеву – выпуск людей из ГУЛАГа. Это неизбежный, необходимый ход, поскольку в других отношениях конкурент тебя легко опережал.

148. Никита Хрущев и «волчья стая». Непереводимость сталинской советской системы в иное состояние.

– Жалко, ты не досмотрел фильм, мы с тобой могли бы его обсудить. «Волчью стаю»²⁷.

– Мне стало противно. Хотя я люблю и плохие исторические фильмы, но не люблю обвинительных.

– Этот не плохой, он посредственный.

Но интересен, конечно, финал Хрущева. Человека, который рано, еще при Сталине, закончился, как вдруг воскрес и мучительно для других самопродлевался. Даже в худшие моменты у него сохранялись человеческие мотивы. Сохранялась связь с временем, которое его выдвинуло. У Хрущева было чувство причастности к времени. А людишки вокруг уже вполне вне истории и немислимы вне своего номенклатурного гнезда. Для них незыблема данность, к которой они должны приспособиться и в рамках ее достигать своих целей.

– У заговорщиков 1964 года тоже есть интересная сторона. Их звездный час – двадцатилетие от 1945-го до 1964-го. Они выдвинуты войны и послевоенного взлета. Благодаря смерти Хозяина пропасть не распахнулась под ними. Для них время после 1945-го – взлет, восхождение вверх! Время невероятных карьер. Многие внес в их жизнь сам Хрущев, они хрущевские ставленники. Но время в фильме отсутствует, а есть тупая схема «номенклатурности». А ведь 1964-й – это бунт хрущевцев против Хрущева.

– Как раз то, что я хотел сказать, – нужно их представить в том виде, в каком они были тогда. Важна фигура Хрущева между фиаско и банкротством. Хрущев споткнулся на проклятии второго шага. Первый шаг его был впечатляющий и обновляющий. Первый шаг Хрущева поистине революционный – он открыл ворота лагерей уничтожения и выпустил на свободу сталинских политических заключенных, этих бесповодно виноватых тоталитарного режима. Важно было не только их возвращение в жизнь и не их затянувшаяся, отчасти лицемерная реабилитация. Этот акт совершился в стране, которая представляла из себя один лагерь, глядящийся в другой лагерь. Лагерь и лагерь, глядящиеся друг в друга, как в зеркало. Это открыло дорогу человеческой нормальности и ее представителю – свободному слову. В первом акте 1956 года в зачатке присутствовало все будущее – не только властное, но и противовластное. Не только шаги вперед, но и шаги назад. Все остальное, сделанное Хрущевым или при Хрущеве, – это поиски *второго шага*, равного по масштабу. Поиски не увенчались ничем, но отложились в ряде результатов положительного и негативного свойства. И в завершение – Новочеркасская бойня и Карибский кризис, надлом и падение Хрущева: *второй шаг не удался*. Теперь о Хрущеве говорят в комическом жанре – «Никита-кукурузник», но трагический регистр более точен. Он оставался правоверным коммунистом и дальше коммунизма, возвращающегося к «незамутненным первоистокам», пойти не мог. Остальное – личный момент: его скачки в тупике, оснащаемые его самодурством. Иссякания сил, своего банкротства он совершенно не ощущает и не поймет никогда, до самой смерти.

В этом отношении у стаи 1964-го больше проблесков понимания, несмотря на изменчивость их побудительных мотивов. Заговорщики начали с экономической реформы, отказа от его шараханий.

²⁷ Речь идет о фильме «Серые волки» (1993) – полнометражный политический детектив студии «Мосфильм» (реж. Игорь Гостаев) о снятии Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС посредством заговора высших политических функционеров в 1964 году (решением Октябрьского пленума); помимо художественно-драматической линии сюжета, на основе архивов КГБ в фильме воссоздана историческая канва событий. В фильме снимались Ролан Быков, Лев Дуров, Богдан Ступка и др.

Интрига – в коллизии непереводимости системы Сталина в иное состояние. Даже освобождаясь от хрущевской вздорности, которую нельзя было дальше терпеть, эпигоны делают это не иначе, как по ритуалу системы. И третья неизвестная – в фильме отсутствуют люди, на судьбе которых так или иначе все скажется. Которым спустя много лет трудно решить, что для них было лучше – хрущевская эксцентрика или налет волчьей стаи?

– Поразительна возможность такого заговора, для советских заговор – это дерзость, и они ее осознают. Он рвет с правилами лояльности партии. Как они себя при этом чувствуют?

– Опыт организации заговора уже был – прежде всего, заговор Хрущева против Берии²⁸, затем заговоры против самого Хрущева²⁹. В сознании этих людей Вселенная вставлена в рамочку заседаний политбюро, вне рамочки ничего значащего нет. В фильме стерты их побудительные мотивы; была же разница между Брежневым³⁰, Подгорным³¹ и, скажем, Устиновым³² и Шелепиным³³. Взяли образ волчьей стаи, а ведь мотивы там у людей были разные. Не случайно Косыгина из антихрущевского заговора исключили. Он уже тогда начинал не вписываться, и его держали в неведении до последнего момента. Неясна роль Игнатова в этом деле и его побудительные мотивы.

То, что я зову *цветением аппарата*, пришло позже. Но Хрущев наступал всем на ноги. Он мешал аппарату, который привык решать, и жить хотел вровень праву решать. Для антисталиниста Никиты Сталин остался тайным образцом. Он еще жил своими прежними страхами и прежним обожанием. А для новых Сталин просто сказочное чудовище, он мертв и безвреден. Опасным зато для них стал Хрущев.

---

²⁸ В июне 1953 года. Результатом стало смещение Берии со всех постов, арест по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти и его расстрел в декабре 1953 года по приговору суда.

²⁹ До Октябрьского пленума, закончившегося отставкой Хрущева, попытка сместить его производилась в июне 1957 года; провалилась благодаря действиям сторонников во главе с маршалом Григорием Жуковым.

³⁰ Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) – советский партийный государственный деятель, секретарь ЦК КПСС, один из инициаторов заговора против Н. С. Хрущева в 1964 году; после смещения Хрущева возглавил секретариат ЦК КПСС.

³¹ Николай Викторович Подгорный (1903–1983) – советский партийный деятель, Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977).

³² Дмитрий Федорович Устинов (1908–1984) – советский партийный и военный деятель, маршал Советского Союза (1976).

³³ Александр Николаевич Шелепин (1918–1994) – советский партийный государственный деятель, секретарь ЦК КПСС (1961–1967), один из инициаторов заговора против Н. С. Хрущева в 1964 году.

149. Срыв середины 1950-х. Апостол Павел в лагере Кенгир. Коммунизм и Архипелаг ГУЛАГ.

– Срыв середины пятидесятых годов – результат житейских ошибок и невероятного потрясения, которым стал для меня XX съезд с хрущевскими разоблачениями. Понимаешь, вот мой парадокс: человек внутренне сопротивлялся сталинщине, но не дойдя до грани, где мог сам себя освободить от наваждения, – не принял освобождения извне (еще и банального по форме). Я отказался принимать свободу *извне* как человек, который внутренне шел к освобождению, но еще не дошел! Меня *оскорбляли* легкомыслие и банальность, с которой меня освобождали извне именем «дорогого Никиты Сергеевича».

– **Что для тебя тогда значило «освободиться изнутри»?**

– Внутренне свободно помыслить категории возмездия и расплаты в образах своего века – невозможности освободить нескольких, когда гнали в концлагерь всех. Вот ситуация апостола Павла в лагере Кенгир: быть со всеми, чтобы освободить хотя бы нескольких. Это и перечеркнуто XX веком, и возобновляет все заново. Нельзя отказаться от спасения немногих – но и найти в том утешение нельзя, легко впасть в самообман выполненного долга.

Почему коммунизм оказался неспособен заговорить языком Павла? Он мог выстоять, только сызнав всего себя пересмотрев как автора советской трагедии. Я давно пришел к мысли, и еще в Институте истории ее проводил как доктрину: если коммунизм причастность к трагедиям XX века и ответственность за них не введет в предмет рефлексии о самом себе, – коммунизм обречен. Тогда «Архипелаг ГУЛАГ» победит в двояком смысле – в солженицынском, а затем и буквальном. Либо коммунизм, искушенный Архипелагом, либо встречи с «групповым Солженицыным» ему не снести.

150. Михаил Лифшиц ждет «советского ТОЛСТОГО». Обоснование ленинской революции по Солженицыну.

– А о Солженицыне у Романа Гуля написано интересно?

– Роман Гуль счастлив, что совпал с Солженицыным в отношении к Синявскому. Рецензию свою он назвал «Прогулки хама с Пушкиным». Идея Гуля, впрочем, интересна – Солженицын как давно ожидаемая советским марксизмом фигура, культурный герой, которого долго ждут. Лукач и Лифшиц еще с тридцатых годов ждали, что великие события дадут «советского Шекспира» или «советского Льва Толстого». В связи с чем Лифшиц даже пригласил Андрея Платонова с некоторым для себя риском. Прочитав «В круге первом», Лифшиц решает – пришел советский Толстой! Тот, кто искупит кровь и зверства истории коммунизма.

– Лифшицу понравился «В круге первом»?

– О, да, Гуль приводил цитаты. Интересно, кто чего ждал в СССР от Солженицына. Солженицын поначалу колеблется, ведь нельзя сказать, что в шестидесятые он категорически отвергает советский строй. Конструкция Гуля наводит на вопрос – какого мессию ждали в СССР шестидесятых? На Солженицыне сошлась масса надежд, и каждый боролся за свое ожидание от Солженицына!

– Забавно. С Лифшицем связано одно мое воспоминание частного характера. Во время войны он жил в помещении Третьяковки, где одно время был замдиректора галереи. Как-то в ожидании гостей Михаил Лифшиц³⁴ спешил домой. Нес выданную по талончику водку, почти бегом. Руки дрожат, во дворе споткнулся и разлил драгоценную! Вот лежит наш Михаил Александрович, столп ортодоксии, на брюхе и слизывает с травы остатки пайковой влаги. Находясь в шоковом состоянии! Сильнейшее потрясение.

– А что, и водку давали по талонам?

– Да, в тылу ее выдавали советским писателям, а Третьяковка, возможно, была приписана к писательскому дому в Лаврушинском. Но я, собственно, о Солженицыне.

Солженицын в своем многотомном фельетоне «Красном колесе»³⁵ поначалу думал воскресить старую Россию, зашедшую в тупик, но подлинную. С итогом, который мог стать другим. И этим «другим» вымарать сбывшийся революционный. Однако, будучи писателем, он не смог этого сделать! Надо воздать ему должное. Не сумев воскресить старую Россию образными средствами, не сумел и привести ее к той точке, где бедная агонизирует и кончается, физически перестает существовать. Тогда где же та, *другая – настоящая*? Другая и есть ликвидатор империи! Это она уничтожает остатки старинного русского Мира.

Его писательская неудача важна, если даже не испытывать к Солженицыну симпатий. Что и вообще не обязательно – разве все испытывают симпатии к Толстому?

– Слушай, а многие русские писатели симпатичные люди? Сильно симпатичен Тургенев? Симпатичен Некрасов? Кто не страдалец и не убит, тот мало симпатичен.

– Нет, ты подменил слово. Я сказал «испытывать симпатию», а не «симпатичный», но сейчас говорю о тех, кто не испытывает. Солженицын, который натянул на себя миссию и демонстрирует ее читателю, рискует потерять его доверие. Но сквозь это надо помнить о роли, которую он взял на себя, перелаывая шестидесятые.

Как упразднение Советского Союза могло пойти по Горбачеву или по Ельцину, так выход из шестидесятых был возможен по *Твардовскому или по Солженицыну*. И публицистика

³⁴ Михаил Лифшиц (1905–1983) – советский философ-марксист, эстетик и литературовед, замдиректора по науке Третьяковской галереи в 1938–1941 годах.

³⁵ «Красное колесо» (1993), роман-эпопея А. Солженицына о России в 1914–1917 годах.

его полна двусмысленности. Даже во времена Брежнева он обращался не к кому-нибудь, а к *вождям СССР!* Свой финал романа он поражением не считает, но у него достало художнического чутья прерваться. Не связывалось дальше, не получалось!

Хватило чутья показать, как старая Россия исчерпала истоки жизненной энергии в тех аспектах, которые для него непременно важны. Конец он затянул, на убийстве Столыпина зря не кончил, но этого не поставишь ему в упрек.

Странно требовать, чтобы Солженицын глядел на царскую Россию еще и другими глазами, видя в ней море человеческих бедствий. Во-первых, как человек Архипелага он те бедствия и за бедствия не считает, а при его взгляде на русскую историю тем более. Солженицын вообще к горю вполне равнодушен. Но при той исключительности, которая ему свойственна, и эстетическом монизме, вытекающем из советской жизни и литературы, он исчерпал старую Россию в старом ее русле. Тогда куда же идти? Та, другая, откуда начала сама себя – из пустоты?

В послесталинских спорах о непорочной русской истории, которой следовало бы остановиться на феврале 1917-го, Солженицын поставил жирную точку, дав аргументированный приговор их никчемности. И вышло так, что «Красное колесо» – странный солженицынский аргумент в пользу неотвратимости ленинской революции!

151. Почему советский антисталинизм 1950-х остался пацифистским? Кеннеди, президент, которого должны были убить.

– Почему молодое поколение, восставшее против отцов, конформистов тоталитарного времени, на Западе стреляло, а у нас в СССР нет? Решили действовать иначе. Ведь не было советского позыва к террору. И почему те – там – стреляли? Перемешивание поколений много значит, и еще доверие к советской власти, сумевшей после XX съезда пойти дальше. Но не стреляли же! Конечно, Лубянка не полиция ФРГ. Но было все же ментальное затруднение. В Европе террор – реакция людей, которым свобода досталась от рождения, а советские люди к минимуму ее должны пробиваться, сами. Власти в людей стреляли, это да, при Хрущеве на улицах убивали, но люди не отстреливались.

– **В Москве конца пятидесятых бродила идея о покушении на Хрущева. Около Г. С. Померанца в кружках эту идею обсуждали. Активная молодежь муссировала идею убить Хрущева – немножко конспирации, немножко поэзии.**

– Но и тут разница, Глеб, – молодые немцы стреляют в конформистов. Они не целят в главную политическую фигуру.

– **Чего не скажу об американцах. Убийство Джона Кеннеди сделало юность моего поколения неслыханно романтичной.**

– Мне Кеннеди близкий человек. Он выпал из президентской нормы Америки и в образе президента США стал неприемлем. Это очень облегчило его убийство. Но как без него понять шестидесятые годы и людей шестидесятых годов? Он центральная фигура шестидесятых. Президент на официальном приеме мог подсесть к гарвардскому профессору и проговорить несколько часов, не обращая внимания на остальных. Его отношения с Мартином Лютером Кингом отдельная история. Кеннеди вывел Кинга во внутренний сад Белого дома и сказал: готов вам помогать, но мне доложили, что у вас есть связи с коммунистами? Тот ему: они же люди, я не могу прервать личные отношения. Что ж, говорит Кеннеди, только говорите с ними потише – мы вас прослушиваем!

– **Кеннеди был слишком хорош для того, чтобы остаться президентом?**

– Слишком непохож на президента, чтобы быть президентом в той прежней Америке. Америка позже других включилась в сексуальную революцию. Позволяя себе романы напропалую, президент выглядел как простак, чем облегчил мафии убийство. *Такого* президента, с точки зрения мафиози, убить можно. Поздней могли появиться Картер и Рейган, когда что-то в Америке сдвинулось. Но тогда страна не была подготовлена к такому президенту.

Необычность поведения выдает человека, которого, уж прости меня, должны были убить. Проще было нажать на курок.

– **А кто центральная фигура для Союза шестидесятых – Солженицын? Хрущев?**

152. Центральные фигуры времени: Сахаров, Твардовский, Солженицын.

– Что такое *центральная фигура времени*? Редчайшие случаи! В истории советского духовного раскрепощения их всего два: Твардовский конца шестидесятых годов и Сахаров семидесятых на переходе в восьмидесятые. И каждый, исполнив роль, уходит в небытие. Андрей Дмитриевич перед смертью был уже совершенно спокоен, только устал. Он просто выполнял свою судьбу. Выбор был им сделан когда-то давно, в 1968-м, а далее оставалась судьба.

Кстати сказать, это хорошо прописано у Плеханова в тексте о Белинском³⁶. Человек, который в силу совпадения ряда качеств и свойств в редчайших случаях, какие бывают в истории, оказал духовное действие на людей еще при жизни – а не постфактум, как духу более свойственно. Центральные люди влияют не только мыслями и поведением, они воздействуют сочетанием своих качеств. Отвержение всего, что образует духовное рабство людей, их самих пригибает к земле, при том что других они распрямляют.

Для меня важно, что приобщали к свободе нас люди, которые сами избрали для себя добровольную несвободу. И еще отношение центральных фигур эпохи к своим «Пилатам», Хрущеву и Горбачеву. Если развивать эту тему, напрашиваются параллели: *Твардовский – Хрущев* и *Сахаров – Горбачев*. Тут, конечно, надо бы и Солженицына ввести – смог он или не смог? Почему он, с моей точки зрения, так и не стал центральной фигурой – ни в эмиграции, ни здесь?

---

³⁶ Г. В. Плеханов написал целый ряд работ, посвященных оценке идейного наследия В. Г. Белинского: «Белинский и разумная действительность» (1897), «Литературные взгляды Белинского» (1897) и др.

153. «Большевики открывают космос». Хрущевские поколения вступают во внутреннюю войну.

– Когда поколения погибают, как наше, факт их гибели обращает к началу. Возникает пространство для некоторого произвола или свободы, потому что воображаешь, кем они были к моменту гибели. Гибель соединяет несоединимых.

– **Смерть работает как заместитель преемственности поколений.**

– Моему поколению пришлось во взрослом состоянии еще раз начинать жизнь с азов. Когда мы уже с вами соприкоснулись, многое я ощущал через вас. Не мы вас повели, а мы включились в вас, хотя не полностью растворившись в вашем поколении.

– **Но и наше поколение возникло не на пустом месте.**

– Да, ваше поколение не на пустом. Но если брать индивидуальные биографии, все-таки мы как поколение начинались и кончались в 1941-м. Для каждого из нас стоял вопрос, как войти в следующие поколения, которые начали совершенно другую страницу жизни. Чтобы, войдя, не потеряться и что-то привнести. Получалось так, что мы принесли свой жизненный опыт, но начинали – вы. Тогда легко было потерять надежду, и для меня было важно, что есть вы, а для вас было важно то, что существую я. Потому что остальные были как живые мертвецы.

Дело в том, что мы были уже особыми советскими людьми к тому времени, когда к действию выступил новый советский слой – жизнерадостный, непокалеченный, из людей, которым открыли возможность действовать свободно, а когда там спохватились, было поздно. Спыхватились почти сразу, но все равно уже было поздно. Вам, конечно, тоже было что переступить индивидуально, через страх и что-то еще. Но нам нужно было переступать через себя. Вот наш задерживающий момент, который стал скрытым плюсом. Допускаю, что этим мы и были вам интересны.

Для нас нравственное начало всегда ставилось в зависимость от общих соображений. Для вас этическое выступало как таковое. Это очень важный момент. А далее пойдет уже включение поколений друг в друга, поколенческое перемешивание. Хотя удары следовали один за другим, на самом деле шло счастливое перемешивание. Возникали личные отношения на совсем другой почве, чем личные отношения в мое время.

Началась десакрализация сталинизма. При десакрализации уже трудно что-то вколотить. Когда нет сакральности, все видишь иначе. Помню, как повел сына на «Интервенцию»³⁷ Славина, когда-то один из любимых спектаклей. Он был поставлен в Вахтангова до войны, очень красиво поставлен. Какой-то воздух, остроумие, и еще этот одесский колорит. Люди подполья, французы там замечательные. Но сын смотрел на меня с удивлением – куда ты меня привел? Я посмотрел его глазами и вижу – бездарность.

Валька, мой сын, устроил первый в Москве вечер памяти Мандельштама, в университете на мехмате. На вечер приехал Эренбург, у всех после были неприятности. Помню еще знаменитую выставку в Москве при Хрущеве, где Никита ругал модернистов. Мой сын сцепился с военным, при обоюдной ненависти. Военный моего возраста кричал – мы вас всех истребим! А сын – вы попробуйте-ка нас истребить! Все мешалось, поколения надвинулись друг на дружку. Но теперь для демократов Эренбург – «прихлебатель большевиков». Конечно, Эренбургу надо было показать, что он сам из тех, о ком пишет. Но он просто недотягивал, был неглубоким человеком.

---

³⁷ «Интервенция»(1932), пьеса Льва Славина об оккупации Одессы войсками Антанты в 1919 году, классика советской драматургии.

Оборвалось все очень быстро, особенно в кино. Помню, как в Доме ученых смотрели «Чистое небо»³⁸ Чухрая. Я очень любил его ранние вещи, но посмотрел «Чистое небо» и, выйдя, сказал спутнику – все, Чухрай кончился. Пустая лживая вещь. Потерян язык искусства, который что-то открывает. С этим впечатлением вышел из Дома ученых, перешел на другую сторону Кропоткинской. А там огромный плакат – Никита Хрущев, обнявший Гагарина одной рукой, а другой – Титова³⁹. И подпись: «Большевики открывают космос». Я истерически расхохотался и, стоя на улице, не мог остановить смех. В кино наступила пауза, обрыв. А потом пришли новые люди. «Иваново детство»⁴⁰ – другой язык, который уже никого не разоблачает. Я с опозданием смотрел «Обыкновенный фашизм»⁴¹. Он у меня вызвал чисто отрицательное впечатление. Умозрительно понимал, что он сыграет свою роль и кому-то что-то докажет. Но как человек своего поколения я считал смешной двойную задачу Ромма – показать, что фашизм похож на сталинизм, и одновременно – что фашисты просто дурачили людей.

---

³⁸ «Чистое небо» (1961), фильм режиссера Григория Чухрая.

³⁹ Известная фотография, на которой Никита Хрущев запечатлен вместе с Юрием Гагариным и Германом Титовым на ступенях Мавзолея (9 августа 1961 года, во время демонстрации в честь возвращения Г. Титова из 25-часового космического полета на корабле «Восток-2»).

⁴⁰ «Иваново детство» (1962), фильм Андрея Тарковского по мотивам повести Владимира Богомолова «Иван».

⁴¹ «Обыкновенный фашизм» (1965), документальный фильм Михаила Ромма.

154. У советского коммунизма не нашлось подлинного судьи.

– Возьми эту пару – социализм и коммунизм. Коммунизм с социализмом бродили, никак с ними Мир не мог расстаться. Вся жизнь, в общем, строилась вокруг них. Ну что в них в конце концов было такого? Социализм – равенство возможностей? Но равенство возможностей нереализуемо. А чем станут люди, когда они перестанут добиваться нереализуемого? Просто оглянись сегодня вокруг...

Чем идеальней модель, тем она дальше от человека. Человек должен допускать капитальные ошибки, которые обладают непредсказуемыми эвристическими возможностями. Дело не в коммунизме как таковом. Коммунизм, если исчерпан, то он исчерпался в роли самокритики притязаний европейского человечества.

В конце концов все обернулось парадоксально тем, что выбор важнее выбираемого. Речь о суверенности самого выбора, суверенности человека, способного осуществить тот или иной выбор.

Недаром мы живем в стране Россия, которая сперва повредилась умом, а потом и во всех прочих элементах существования. Вот на этом самом она повредилась – на поклонении делу. На его святости. На нравственных максималистах.

Убогость эпохи Хрущева не дала нам не только ответить на эту проблему, но заметить ее существование. Тем не менее от проблемы нельзя уйти. Передвижка затронула все идеологии и веры. И наша капитуляция пред «иною не дано» связана с тем, что у коммунизма не нашлось своего подлинного судьи.

Разговор в СССР в августе 1991-го

– Так что там с Украиной, какие разъяснения?

– **Олег Румянцев выступает с речами о предателях, которые отделением ударили в спину демократии.**

– Заявка «кто не с нами, тот против нас» на полном ходу – кто 19 августа не присоединился к Белому дому, тот сам соучастник путча. Почти шекспировский театр, потрясающе. Чем больше люди могут, тем они глупей. Не знаю, может быть, люди уже обречены? Наше гигантское пространство сгибает человека, и этот человек либо встанет еще раз, либо окажется между властью и смертью, в которой он опять вынужден будет погибать или убивать сам.

Таково мое глубочайшее убеждение. Все, что я знаю об этой земле, меня к нему склоняет. Это неумолимое правило в силу обстоятельств приобрело неслыханную скорость.

Перезревший процесс, имеющий глубоко планетарные основания, с входом в XXI век. Если одной строчкой отреферировать русскую историю: в пространстве России личность не может уцелеть – победит пространство либо личность. Погибая, личность может быть услышана на весь мир, оставив глубочайшую отметку в духовной летописи людей. И уйдет в землю, как она уходила. Уйдет раньше или уйдет позже. До нас уходили, при нас уходили, это мы еще... недозакопанные.

Мир в ужасе от двух вещей: наших ракет и наших беженцев. Если мы не смеем применить армию для усмирения Гамсахурдии, то взорвать земной шар невзначай еще можем.

Самое страшное, что я вижу, – это радостные лица неглупых людей, которые твердят, что «у нас революция». Только этого не хватало! На земном шаре больше не может быть *продуктивной революции*. Сегодня задача в том, как революции избежать.

У революции свои неписанные законы, которые она с неотвратимой силой вершит. Русская революция все творит явочным порядком, а после берет вождей за шкирку: пиши декрет! Пиши указ! Пиши Конституцию! Других революций не бывает – иначе это не революция. И Ельцин действительно поступает по революционным правилам. Я не знаю, что за идиот в окружении подсказывает ему территориальные претензии и цены на тюменскую нефть, только они действуют по правилам революции. Но время революций прошло. И у нас тут не революция.

– **Ты сам себе противоречишь. Сказавши А, скажи Б: власти нельзя давать вытирать о себя ноги. Нельзя ее дать растолочь в пыль, как мы видим сейчас.**

– Но сейчас речь вообще не о власти. Сохранится советское евразийское пространство на ненасильственной, а стало быть, невластной основе? И в какой государственной форме? Потому что на властной основе без насилия здесь нельзя, причем насилия крайнего. Я это формулирую так телеграфно, поскольку годами над этим думал и давно к этому пришел.

– **А государство? Ты же различаешь власть и государство.**

– Но государства здесь не было и нет. Государство там, где есть общество.

– **Тогда у нас непременно возобновится господство, в иной униформе. Разве не видишь, что происходит в Москве?**

– Повсюду это происходит, в каждой союзной республике.

– **Не могу оценить Туркмении, а в Москве вижу воскрешение и обновление власти, в паре с народом. А слияние народа с властью и есть то, что исключает государство.**

– То, что творит Гаврила Попов, мне бы в голову не пришло. Зачем этот грабеж Старой площади, зачем скоропалительные переезды в новые кабинеты? Только чтобы поддержать эйфорию успеха и на бирже борьбы заполучить больше капитала, чем Собчак? Все-таки интеллигенция защищала Белый дом, зачем нам здание ЦК? Где набрать столько новых людей, чтоб рассовать во все эти комнаты?

Однако в планетарном смысле слава богу, чтоб это совершилось быстро и без превеликой крови. Вот моя программа-минимум. Кроме события, взорвавшего Россию, еще большее событие в том, что Москва отступила. И на базе игры выкристаллизовалось соглашение. Республики стали страннами полугосударствами. Не будет одинаковой политической и общественной постройки. Не может быть унитарности, им уже никогда этого не добиться. Никто не экспортирует во все эти страны ни европейскую, ни какую угодно единую модель – они станут разными. И дать этому процессу некровавый ход еще можно.

– Ты столько лет потратил, чтобы опознать в русской истории маятник власти, сжимающийся до размеров Кремля, чтобы потом снова размахнуться на полпланеты. То, что я вижу сегодня, это он, несомненно.

– Я уже начал писать про это. Распространиться, чтоб развернуться затем во всю заключенную ширь. Но спросим себя: не пожирает ли каждый раз эта ширь исходный пяточок? Вот мой вопрос. А исходный пяточок – это Белый дом с интеллигентами, которые там собрались. Этот пяточок не развернуть в пространстве!

– Зато есть восставший Центр и новый пожиратель пространств, Борис Николаевич. Теперь, развалив Союз, он выступает в роли собирателя власти, а не раздатчика, как вчера. Он обменял все на абсолютную московскую власть. Я не говорю, что он плох, но такова заданная ему сценарием русской власти роль.

– Альтернатива есть. Она может состояться или нет, но только внутри процесса суверенизации. Ни в чем другом альтернативы не найти. Может, я утопист, но считаю, что внутри РСФСР процесс уравнивает только суверенизация русских территорий. Единственное, что может выровнять процесс, – *регионал-федерализм*. Когда будет Дальневосточная республика, Сибирские республики, Республика Большой Урал.

Чему на деле надо бы удивляться? Удивляться надо тому, что Союз держался столько десятилетий. Какой же прессинг, какая инерция и какая вовлеченность рядового советского человека во все дали Союзу продержаться столько лет.

Чем держалась советская цивилизация? Она нечто давала каждому втянутому в процесс, разным по-разному. Кому возможность подняться наверх и вкусить, кому из националов возможность что-то получить. И только под конец стала у всех отнимать. Теперь кажется, что вся советская история один только геноцид. А *самогеноцид*? Самогеноцид – особый русский тип геноцида.

Я знаю только, что обновить идею человечества уже нельзя. То была потрясающая идея – аэволюционное породнение всех, не подчиненное эволюции *Homo sapiens*. Претворяющего тот вид в состояние, по отношению к которому все различия не более чем варианты братства. Но эта идея израсходовала себя. Она создала Мир, где мы живем, – страшный Мир, где жить мы больше не сможем. Но то был великий Мир. Читайте Брэдбери – наша марсианская цивилизация достигла высот, она породила гениев. Она дала Гауди. Она дала музыку, какой никогда, может быть, Вселенная не услышит больше. И она же сделала Мир таким страшным, где нельзя жить. Самым великим и самым страшным. Мы сделали свое дело, другая идея идет нам на смену... А может быть, на смену вообще не нужна идея? Может быть, жить надо так, как живут испанцы?

Часть 11. Есть ли будущее у прошлого.

155. Советская действительность была русской. Второй русской действительности может не получиться.

– Примитивная мысль, совершенно не оригинальная. О параллельном в человеке, что ставит себе задачи, к чему-то готовится, часто предвосхищая то, что будет потом. И второе – повседневное, что составляет основной поток бытия. Когда эти начала сливаются, происходит сложение. Сложилась сталинская действительность. То есть советская действительность, *которая еще была русской*. От чего мы в СССР погибали, понятно. Почему она пришла к концу, и пришла ли она к концу, другое дело. Но второй раз это сложение не повторится! Оно никак не давалось XIX веку и только раз получилось в XX.

– **В который раз?**

– В постоктябрьский советский период вышло же? Два процесса соединились, сформировав грандиозную и, конечно, тяжкую *советскую действительность русской культуры*. Главное, что такое стало возможно! А сейчас расслоилось. Движение мыслей и слов не привязывает себя к потоку жизнедеятельности, вместе с тем не давая соединиться с ним. Произошло отслоение, очаг инфицирован...

Я к тому, что на этот раз *второй русской действительности не получится*.

156. Случай Юрия Трифонова. «Дом на набережной» – прошлое, с которого совлечена его святость.

– Что я мог бы сказать в отношении этого семидесятилетнего прошлого?

У Юрия Трифонова его «Дом на набережной» – это дом мертвых при жизни, которым еще предстоит быть убитыми. Вместе с тем автор не находит сегодня в жизни других единокровных ему людей. Эти же – самоубийцы, готовящие свое собственное убийство. Прошлая жизнь во всех проявлениях принадлежит человеку и людям. Не может быть, чтоб прошлое как сфера жизни принадлежало Лубянке или Институту российской истории! Нет, такого не будет больше. И отношение к случившемуся с нами в прошлом стучится сегодня.

Мы ушли от апологетики, поменяли знаки и переворачиваем картину. Но что вышло? Демонстрируемая этим власть позволения, адресованная человеку, поощрила его к насилию. Русский самогеноцид поощряет прошлое, с которого совлечена святость – десакрализованное прошлое. К этому еще добавилась преступная жизнь в безнаказанности.

Человек не догадывается о *разнообразии* человеческих поведений, включая свое. Он не доверяет сложности, не признает актов милосердия. Высокие поступки духовной солидарности – все, чем была в советском мире поддержка человека человеком, – как малозначимые, ушли из картины. Но ведь это было! Без этого советские люди не жили, и не выжили бы. Без этого неосуществим был даже сам советский тоталитаризм! Когда Шаламов, бессмертный Варлам Шаламов, говорит в «Колымских рассказах» о том, что в лагере человеком нельзя остаться, он опровергает это, собой и своей книгой.

Вот страшная вещь – уничтожение более двух миллионов евреев на оккупированных немцами территориях СССР. Оно осуществлялось не только немцами, были местные пособники – что сделано, чтобы мы свой печальный опыт осмыслили? Почти ничего. А что сделано, чтоб отметить акты *спасения* – редкие и немногочисленные подвиги спасения евреев советскими людьми, рисковавшими при этом жизнью? Ничего вообще.

Речь не о том, что стало много *чернухи*, давайте окропим ее розовой водицей «духовности». Это никого не возвысит и не питает. Питают картины человеческих действий и помыслов, необычайное разнообразие микропоступков, в которых заключена обыденная жизнь. Надо позволить себе заглянуть в тайну того, как мы жили в таких обстоятельствах и в чем оставались людьми. Как выживал и развился в этих обстоятельствах интеллект, высокая наука, что требовало драгоценных усилий. Не исследовать всего этого – значит поощрять в себе человека-убийцу! Толкать советского человека к тому, чтобы он убивал и убивал еще, ища расплаты за «проклятое советское прошлое».

Дом на набережной опустел, а наши дома полны людей, и между ними есть связь. Связь между тем, как мы относимся к прошлому, не исключая оттуда никого в роли действующих лиц, – с тем, как относимся друг к другу. Пиная прошлое, мы в окружающих встретим лишь злобных ненавистников. Человек, поправший прошлое, зарабатывающий на его оплевывании, опасен для соседей по дому и по жизни. И он уже незримо, флюидами готовится стать убийцей.

157. «Россия, которую мы потеряли» и другие тренировки ненависти.

– Людям нашей цивилизации свойственна такая занимательная, трагичная, такая неотъемлемая от нас игра – восстанавливать мертвые репутации. Люди любят погибшие репутации, любят забытые упущенные идеи. И это входит в статус человеческого существа. Нам жаль этих людей, они нас занимают, они часть нашего «я». Таков статус движения внутри культуры, без этого мысль недотягивается до реальности.

Впрочем, это предполагает запас необходимого времени последствия в человеческой мысли. Вопрос в том, не исчерпался ли ресурс времени, не отнято ли у нас это свойство? Не погубил ли его XX век? Не оказывается ли, что, приобщаясь к судьбе и оттенкам мысли Платона, мы сами уже не меняемся – поздно! Глядя на все такое, человек моего типа ощущает обиду: неужели тебе нечем ответить *им*, справиться с *этими*? А может, и не надо справляться?

– Московская публика заигралась в отложенную контрреволюцию. В своих фантазиях они убедили друг друга, что сегодня переигрывают 1917 год и революцию Ленина.

– Давай пойдем друг друга в тесном кругу желающих друг друга понять. Однажды событийная волна подвигнет нескольких из нашей среды на то, чтобы начать действовать, влияя как-то другим способом.

Но это не так просто в отношении к антисоветской наглости. Наглость построена на известном рецепте – о лжи, достаточно невероятной, чтобы ее приняли за правду. Говорухин действует наугад. Фильм не останавливается перед прямой ложью. Зато он обладает техникой воздействия на вегетативную нервную систему, в обход коры больших полушарий. Вегетативная нервная система, в свою очередь, обладает ресурсом эмоциональной памяти. Образ задерживается в ней, претворяясь в рефлекс отношения. Рефлекс в данном случае один – ненависть. В чем сообщение фильма?

Оказывается, тебя, зрителя, хотели убить, растерзать. И есть люди, которые несут в себе это нацеленное на тебя намерение – убивать. Собственно, тема «России, которую мы потеряли» не развернута, если не считать перечня деликатесов, которыми торговали в питерском Елисееве. Грубые, наглые, но очень эффективные приемы воздействия на вегетативную нервную систему.

Я разгадал его технологию вызывания ненависти. Тебе показывают полумертвого Ленина, с обезчелоченным лицом, затем его записку 1922 года о том, что «мы никогда не откажемся от террора». Возникает отталкивающий облик живого трупа, который еще и требует смерти других. Он отпечатывается в вегетативной системе и творит реакцию ненависти. А мелкие обманы либералов, какие у нас в ходу нерезультативны, и подпитывают Говорухина. Чем отвечать на такое воздействие, на такое свинство в обход коры больших полушарий?

– Но Говорухин эффективен. Твоя альтернатива ему в чем?

– Рассмотреть, как люди разных станов, лагерей, меняющиеся люди, шедшие навстречу друг к другу, но так и не встретившиеся, – *как они вместе изготавливали смерть*. Как и зачем втягивались в действия, развязка и внутренняя мотивация которых непременно вели к вычеркиванию человеческого существования. Разглядеть все это. Распознать, что происходит, как это происходит, почему происходит?

Разве я слишком абстрактен, когда, ссылаясь на Гераклита, пытаюсь рисовать картину сложных движений мысли, которая сочетала падение и движение к смерти с восхождением к первоначалу? Сложный ход, где всегда возможен разрыв двух движений. Никто из новых деятелей от этого не огражден.

158. Советские люди – народ наследников падших.

– Произошло событие 14 декабря 1825 года – и мы зовем декабристами людей, которые шли к нему. Но ведь это не *их* событие, оно было навязано обстоятельствами. В это не свое событие они многих вовлекли, в том числе обманом; многих погубили. В документах следствия, написанных ими, я ищу следы того – иного, несостоявшегося их «своего» события. «В железах» они переживали поражение как свое падение, и то, как они переживают его, стало другой Россией. Есть понятие «декабристов без декабря» – Грибоедов, Вяземский, кто-то еще, но уже Гоголя в ряд не поставить – какой из Гоголя декабрист? А не будь события 14 декабря и опустевшей вслед за ним сцены, разве увидел бы гений Гоголя страшные морды действительности, предстал бы ему фантазм жизни, способный, как ему верилось, высечь в душах новую надежду? Нет!

Мы больше не учимся так воспринимать пережитое. Мы не только ответственны или совиновны – мы *народ наследников падших*. Высокая честь быть наследником падения людей, переживших такое. Я сам из тех, кто стал жертвами ими добытого. И письмо Бухарина Сталину, которое все вправе рассматривать банально, как капитуляцию, является для меня актом вызволения человека. Комментируя письмо, я отчасти чувствовал себя Бухариным сам и смею сказать – не уверен, что смог бы достойно выйти из его положения, не потеряв дар речи. А ведь он еще написал на Лубянке роман и философский трактат.

Но я и Сталиным себя отчасти ощущал при этом. Не «объективности ради», а потому, что иначе не мог. Иначе я был бы лгуном, гостем в человеческой трагедии, интересующимся, чем кончилась пьеса.

159. Эффект Варлама Шаламова. Лагерный человек пересоздаваем.

– *Человек пересоздаваем.* Может быть, это самая коренная, самая глубинная черта XX века. Обставленный страхом и ужасами, человек возвращает себя с помощью пересоздания прошлого.

Но что именно он вернул – подтверждение своему существованию? Нет, планку надо поднять выше. Подтвердить лишь свое существование мало – ввиду всего, что с легкостью может вычеркнуть всякое существование вообще. Противопоставить этому можно лишь *подтверждение своего пересоздания*. Но это довольно трудный предмет для обсуждений.

Почему это нужно? Потому что человек весь там, в этом прошлом. За счет того, что это прошлое он включил в себя, ему нужно его – отринувши – принять. Трудно даже сказать, какие тут идут операции, при которых сам человек уже не светлая половина себя. Только существовать, поверь, для этого мало. Человек легко сдает позиции, если слишком многое может его существование вымарать. Но есть и Шаламов. Твердя, что в лагере жить нельзя, он доказал, что человек, прожив там десятилетия и выйдя, может создать «Колымские рассказы». Значит, что-то в нас возобновимо – и именно там, где человек не сохраняет себя. Сохранить себя человек не сможет, но есть шанс возобновить. Сохранять себя ему легче без прошлого, а возобновиться без прошлого нельзя.

Прошлое приобрело совершенно новые средства и качества. Оно уже не традиция. Человек может себя пересоздать. Это входит в наше понятие и близко к сути дела – реализовать себя, будучи разным и не стремясь быть не тем, что тебе показано. Я вышел на это, когда самому пришлось связать эти вещи в себе. Вот мой случай – ушедший в опалу заведующий сектором в Академии наук написал «Прощальную записку». А далее, уже от всего освободившись, потеряв былые статус, роль и влияние, голенький стал писать тексты.

160. Волково кладбище как свалка постсоветской истории.

– Было когда-то в Петербурге Волково кладбище – крохотное, захолустное, для бедняков. Умер Белинский, денег у него нет, и жалкого нищего похоронили на жалком Волковом кладбище. Как вдруг оно стало пантеоном русской культуры – каждый писатель и поэт хотел быть похоронен там, где лежит Белинский, символ духа России.

Там и у меня есть дорогая могила – Вера Ивановна Засулич, маленький камень, за которым никто не смотрит. А рядом великолепная работа известного скульптора Гинзбурга – памятник Плеханову. Красивый Плеханов, красивый памятник с прекрасными стихами Шелли, любимого покойным. Рядом Вера Ивановна, женщина, без которой Плеханов бы не состоялся, умер и был бы забыт. В земле еле различимы буквы: *Засулич*.

На Волковом похоронили мать Ленина. Потом умер муж старшей сестры Анны Ильиничны – Елизаров, его положили рядом. Ленин был на похоронах, есть хорошие кадры, где прикосновение смерти уже у него на лице. Умирает сестра Ленина Анна Ильинична – ее, естественно, хоронят там, где муж.

Но вот пришла великая советская эпоха – покойников достают из могил, свозят вместе и посреди Волкова образуют «фамильное кладбище Ульяновых». Идиотичное по убожеству. Марья Александровна, Анна Ильинична, Елизаров... всех перезахоронили. И теперь говорят – давайте туда, в это убожество, и Ленина перетащим!

161. Шлиссельбург. Врагов прошлого переделать нельзя.

– Я побывал в Шлиссельбурге. Крепость, место боя со шведами, потом знаменитая политическая тюрьма в крепости и наконец – место жесточайших боев с немцами во время войны. Знакомому, который там воевал, повезло – рана была слишком тяжелой, и его просто не донесли до места концентрации раненых, откуда всех забирали в тыл. Как вдруг немцы пошли в атаку, наши во встречный бой – и танки шли в бой по своим раненым.

Истинно великие исторические руины. Всех молю, уважайте свои руины – нет! Приехал, а там даже не заповедник, только охранный зона. «Мы здесь, – говорит мне начальник с торжественным видом, – восстанавливаем царские тюрьмы!» Вот, пожалуйста, уже восстановили ту, где сидели члены «Народной воли». Вхожу – все блестит краской, тюрьма как свежестроенная, в ожидании партии эков.

Абсурд же! Я спрашиваю: «А где тут лежит Грачевский?» Он не знает. Был такой жертвенный рабочий-народоволец. Народовольцев засадили в крепость надолго, и о них все забыли. Их не выпускали даже гулять. Грачевский облил себя керосином и сжег – тогда женщинам разрешили прогулки. Но женщины отказывались от привилегии, пока не приказали выпускать и мужчин.

Подхожу к стене – доска красного мрамора: «На этом месте казнен (среднего размера буквы): Александр Ильич Ульянов (большими буквами): Брат Владимира Ильича Ленина».

Я говорю – слушайте, а вам вообще известно, кто кому старший брат? Директор даже не понял моей фразы! Это же оскорбительно: Александр Ульянов – геройский парень, на суде взял всю вину на себя и был казнен с четырьмя товарищами за покушение на царя. Был марксистом, но считал, что сперва надо выполнить долг совести: наказать того, кто казнил предшественников. Только пройдя через жертву, так он верил, марксисты вправе отклонить взгляды предшественников-народовольцев. Сейчас никто не излагает его мотива, нет – но важно, что у него брат Ленин! Я интересуюсь: а как вы установили, где именно его повесили? Говорит: не знаю, тут доска смотрится красивей. Выходим из крепости, видим величественное и страшное свинцовое Ладожское озеро, почти море. А на берегу скромный белый столбик, где перечислены все повешенные: эсеры, народники, анархисты, марксисты... Я ему говорю: «Так вот же! Почему вам так не сделать?» – «Но это же не будет смотреться!» Зато триумфальная доска красного мрамора – здесь повешен брат самого Ленина. Этих людей переделать нельзя – *они враги прошлого*. Должны прийти какие-то другие люди.

162. Отказ от советского прошлого в порядке подчинения. Гибель утопии братства.

– Почему с такой легкостью советское население отказалось от советского прошлого?

– Мне кажется, люди так легко отказывались от СССР, не распознав за этим глубины перемен в человеческих отношениях. В 1991 году советские люди в очередной раз *подчинились чему-то, что шло не от них, а к ним – «сверху»*. И еще незримо, травмируя основательно, в поры жизни вошел Мир. Если Вьетнам стал разделительной чертой в американской истории, то для нас Афганистан был еще более резкой чертой.

– Неужели самая благородная из утопий, утопия человеческого братства, погибла в дрянной Панджширской долине?

– Я у старых большевиков расспрашивал, что значило на войне быть пораженцами? Они отвечали – *братание!*

– Братание сегодня считают коварной спецоперацией немецкого Генштаба.

– Полная чепуха, фронтовые братания известны давным-давно. О них Лев Толстой знал в Крымскую войну. Мы сегодня уже не в состоянии подняться на их уровень. Хотя вроде бы нам следует быть капельку выше. Я не верю, что из жизни людей уйдут цель и утопия братства. Вопреки очевидности – хотя что сегодня очевидно? – я все-таки мыслю *планетой дома*. Для меня прежняя коммунистическая парадигма планеты-дома рухнула. Но я не уверен, что она рухнула раз и навсегда, в этом вам предстоит разбираться. Есть циклы, возвраты, сложные неугасшие чувства, которые вспыхивают в неподходящий момент. Да, отмирает коммунистический мир с его заявкой на универсум, и одновременно в долгих конвульсиях и в крови отмирает Мир, созданный Европой Запада, – мир национальных членений и разделений. Две судороги пошли навстречу одна другой, как две волны-убийцы.

Будущее, если только оно будет, – это какая-то сложная, трехступенчатая организация, где каждая ступень будет проекцией Мира миров. Маленький, обозримый чувством мир ближних людей. Мир жизнеспособных полнокровных стран и их группировок. И нечто еще, обнимающее всех по неясному мне принципу – не Объединенных Наций, а скорей параллельных глобальных структур, входящих в определенного рода связи друг с другом. Глобальных структур правительств и государств, плане тарных сплетений «невидимых колледжей», коалиций меньшинств, структур экологической регуляции и контроля. Такое переплетение сил потребует новых совершеннейших систем учета мнений. Каких именно – я не знаю.

Но в отношении фундаментальных жизненных возможностей люди должны не выравниваться, а стать глубоко разными. В сфере духа воздвигнется своя иерархия сложных несовпадений. Нельзя строить разные миры, в которых живет человек, на едином универсальном принципе. Каким бы ни был тот принцип – европейский либерализм, советский коммунизм или американский триумф победителей.

163. Мои причины гордиться советским человеком. Обыски, лагеря и блокада Ленинграда.

– Вещи сугубо разнопорядковые оставляют иногда одинаково сильный след в сознании. Так соединились во мне «Авессалом, Авессалом!» Фолкнера с фразой молодой следовательницы прокуратуры при обыске, сказанной мне полушепотом. Кончался мой первый обыск. Гэбэшники вышли в коридор, унося мешки, набитые моими рукописями, а молодая женщина-следователь задержалась, собирая протоколы и карандаши. Мосгорпрокуратура была только прикрытием для КГБ, хотя формально ее именем велось дело вашего журнала («Поиски». – Г. П.). Следователяша просто вела протокол. Пришли они ко мне в восемь утра, а ушли в десять вечера, все это продолжалось четырнадцать часов. Следователь позвонила маме – заведи мальчика из детсада, я задержусь на работе. Парни уже вышли в коридор, а я, сидя в кресле, листал «Авессалом, Авессалом!» в ожидании финала, которым мог стать арест. И тогда эта женщина, опустив голову, вдруг еле слышно сказала – простите нас, если можете.

Знаешь, я был потрясен. Я испытал озноб гордости за советского человека: не все еще пропало, еще можно продолжать жить.

Мне Анна Михайловна (Ларина. – Г. П.) рассказала, как на февральско-мартовском пленуме 1937 года Иван Акулов, зампред ВЦИК, сравнительно приличный еще человек – был противником «троек» Ягоды, первый прокурор СССР, – подошел в перерыве к Бухарину и сказал: *муржайте, Николай Иванович*. Помня о том времени, и этих нескольких слов довольно, чтоб самого Акулова помянуть добром.

Или вот – «Архипелаг» Солженицына доходит до меня с опозданием, в дни, когда я в Одессе встречаюсь с тетужкой Фридой – женой дяди, погибшего в лагере. Сына которой немцы убили в Симферополе вместе с моей мамой.

– **Это 1976-й, мы разминулись – я уже уехал из Одессы.**

– Тетя сама была в лагере, и возникла связь: лагерь солженицынский, лагерь Шаламова – и лагерь моей тети Фриды в ее памяти. Я домогался страшных историй – а в ее памяти осталось одно доброе: добрый поступок, хороший человек. Не потому, что она попала в легкие условия, нет, очень тяжелый был лагерь. Но у Пушкина сказано: *что пройдет, то будет мило*. Разнопорядковость и разнокалиберность эпизодов советской жизни входит в состав моей интеллектуальной медлительности. Они не уводят от мира, а подстегивают и стимулируют. Не вечно же нам гнаться за орущими «Смерть большевизму!».

У Лидии Гинзбург есть фрагмент о Ленинградской блокаде с таким ходом мысли: люди вели себя, подчиняясь грубым правилам выживания в обстановке, выживание исключавшей. Тем не менее они не отделились инстинкту одиночной особи, остаточек солидарности в них оставался. Скажем так: есть *человек-особь* и есть *человек-человечество*. И этот остаточек солидарности чаще помогал человеку выжить. В конце концов, сегодня в памяти блокадников остался только он. Он присутствует в них как героическая эпопея блокады, где каждый день – человеческое деяние с высокой буквы. И Лидия говорит: но ведь у них есть право на это!

То, что она пишет, противостоит блокадным записям Фрейденберг. Я читал их в рукописи во времена самиздата, выдержки теперь напечатаны в «Минувшем». Надо сказать, меня резануло ее отрицательное отношение к людям. Конечно, человек в блокаде встречал страшное, вплоть до каннибализма. Но память – это отбор. То, о чем говорит Гинзбург, возведено в степень поступка, самоотреченного и бескорыстного. В форме легенды оно, как ни странно, обладает большей строгостью, чем записи Фрейденберг о вешах, трудно совместимых с представлением о человеке. Хотя я уверен, там все достоверно.

Пытаясь выяснить вопрос, мы идем по минному полю. Человек-пленник заданности обесмысливает жизнь; человек в составе массы, вместе с которой заполнил историей все свое существование, – жизнь насилует. Невольный участник насилования, он станет и его жертвой.

Вот трагедия поколения, как она предстала передо мной. Я соучастник насилия над повседневностью – и жертва насилия, вместе с поколением, которое губило себя и за это осуждено задним числом. Вместе с тем это великое поколение. И не только потому, что в его лучшей части оно погублено.

164. Чудесное явление послевоенной прозы.

– Я рос в таком Советском Союзе, где уже есть разные политические течения, коммуны, стили письма. Где есть «деревенщики», диссиденты, есть идейные сторонники правительства, есть подполье. Этот увлекательный советский мир по разнообразию казался мне вровень западному.

– Сегодняшнее представление, будто можно отсчитать семьдесят советских лет, представив их ледяной пустыней, – полная глупость. Например, был период сразу после войны, когда Сталин долго жил в отключении от дел на озере Рица⁴² – и вдруг будто ниоткуда явилась новая литература. Пошли косяком добротные книги – Виктор Некрасов⁴³, Панова⁴⁴, первые вещи Николаевой. Кто сейчас добром вспомнит Галину Николаеву⁴⁵, ее «Трое в серых шинелях»⁴⁶? Или Казакевича⁴⁷ с его ранними вещами? Все это вскоре прихлопнули со страшной силой, но поначалу шло духовное оживление Союза. В прозе война предстала как свежий трагический опыт, какого у нас до того не было. В той первой военной прозе немцы, как внешний повод, почти не фигурировали – все сосредоточилось на отношениях между советскими людьми, отношении к жизни и распоряжению ей.

Помню погром чудной вещицы Казакевича «Двое в степи». Герой – молоденький лейтенант, первые дни войны. Растерян, не выполнил приказа. Сажают под трибунал, ему светит расстрел. А тут немцы, и он через степь идет к своим с казахом-охранником. Вдвоем идут искать сбежавший в тыл трибунал. По ходу дела воюют, отстаивают себя. Он спас жизнь казаху, казах спасает ему жизнь. В конце тот его довел до трибунала и пытается отпустить – и, боже, какой тут поднялся вопль критики: караул, *ремаркизм!*

Человеческие отношения выламывались из сталинских отношений. Художественным откровением стала «Кружилиха» Пановой. Кто ее теперь вспомнит? Как будто вообще этой культуры не было. Подошло и великое из более раннего. Мешанина, но внутри мешанины завелась новая жизнь. Сталин полистал-полистал, и вдруг понял, какая это опасная для него штука. Все было закрыто. Для вашего поколения это уже не означало того, что значило для нас. Ведь мы только начали осмысливать свой личный опыт.

---

⁴² На озере Рица (Абхазия) в 1947 году на месте охотничьего домика для партийной элиты для Сталина была выстроена небольшая дача, место отдыха.

⁴³ Виктор Платонович Некрасов (1911–1987) – советский писатель, лауреат Сталинской премии (1947). В начале 1980-х лишен советского гражданства и выслан из страны.

⁴⁴ Вера Федоровна Панова (1905–1973) – советская писательница; лауреат трех Сталинских премий (1947, 1948, 1950).

⁴⁵ Галина Евгеньевна Николаева (1911–1963) – советская писательница; лауреат Сталинской премии (1951).

⁴⁶ «Трое в серых шинелях» (1948) – роман советского писателя Владимира Добровольского, за который автор получил Сталинскую премию (1949).

⁴⁷ Эммануил Генрихович Казакевич (1913–1962) – советский писатель, публиковался на идише и на русском языке (преимущественно); дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1950). Военная повесть «Двое в степи» (1948) была разгромлена в советской критике.

165. Советское как великое утраченное навсегда. Пастернак на высоте нерешаемой задачи.

– Перечитал вчера «Охранную грамоту» Пастернака.

И знаешь, вдруг удивление, а для чего он написал в 1930 году «Охранную грамоту»? И почему *охранная*? Название не находит прямой опоры в тексте.

Гляди, какие разные люди подвели к революции. Для них она не только акт возмездия или спасительное сведение счета со старым миром. Это вновь открытые неведомые и великие возможности. И для них вызов в том, как распоряжаются возможностями те, кто может великое погубить. Кто даже и не понял, какие возможности революция всем открывает.

Как быть человеку, который твердо знает, как велики возможности, и так же твердо не хочет отдать их на произвол невежд? Вот высота *нерешаемой проблемы*. Эпохи лучше всего сопоставлять по высоте нерешаемых проблем.

Пастернак, как всякий писатель, штукарь. Но о Маяковском у него лучшее, что о Маяковском вообще написано. Комната, кто-то плачет, мертвый лежит в другой комнате. Он говорит: я посмотрел в окно. В Москве были непонятные апрельские заморозки, и в день его гибели вдруг бурный перелом погоды, зима отступила и пришла весна.

Пастернак говорит: «Я смотрел в окно, и казалось, что я вижу его как длинную тихую улицу, вроде Поварской». В этом месте у читателя возникает впечатление некоего пункта безумия... «И там, в конце этой улицы, стоит наше государство, великое и неслыханное. Великое в своей неслыханности. И ждет. Кого? *Его!* Потому что среди всего гражданства, понуждаемого волей или неволей, он единственный был простой гражданин этой гражданственности».

Ну что скажешь, врет нам Пастернак, что ли? Я потрясен этим местом. Подумал, как мне выразить ту жизнь как *простое утраченное*? Великую возможность, попавшую не в те руки, притом что в иные руки она и не могла попасть!

Вот трагедия нерешаемых проблем, и человека меряют высотой *нерешаемого* для него.

166. Homo soveticus по Мамардашвили и без него.

– Есть некоторые тексты, вот как мы с тобой сейчас обсуждали «Охранную грамоту», – понимаешь, почему я рассказал тебе? Чтобы затвердить в сознании, а сейчас вспомнил – мы же обсудили это, да?

– **Про уровень нерешаемой эпохой задачи?**

– Да, уровень нерешаемых задач. Эпохи бывают выше или ниже по этому уровню нерешаемости. И кто доказал, что советская была ниже? Термин «Гомо Советикус» – кошмарная ложь.

– **Да. Так можно говорить либо в чаадаевской версии, отклоняя советское с попыткой из него выскользнуть, либо в варианте Зиновьева – на уровне свифтовски-уничтожающего отрицания советского с надеждой его спасти.**

– Мераб мог быть поставлен в первый из этих рядов. Он никогда не был тем, чем были его друзья. В шестидесятые годы в СССР был какой-то философский конгресс, приехал Альтюссер. Он послушал-послушал все это и говорит Мамардашвили: Мераб, что это вообще такое? Кто эти люди? Почему ты меня не предупредил? Но когда он начинал объяснять себя, все сводилось к нескольким основаниям. Первое основание, конечно, Гомо Советикус. Такое отвратительное существо, которое даже назвать «гомо» – значит оскорбить предшественника!

С другой стороны, Мераб из людей, которые стойко не вписывались в среду. Стойкость была в том, что они не вписывались, но продолжали думать и искали источники для стоического невписывания. Тут у него и появляется Марсель Пруст, потому что немцы, естественно, для этого не годятся. Скрыто директивный момент в классической немецкой философии присутствует всегда.

– **Она разрабатывает процедуры вписывания в сущее, в широком смысле, не обязательно в государство. Мамардашвили был для меня человек вписанный, только вписанный чуть иначе. Все они для нас были в принципе *вписанной генерацией*. И в моих глазах не имели прав на оценки такого рода по отношению к советским людям.**

– Да, совершенно верно. Это очень важный момент. Потому что хочется еще раз, собравшись с силами и выйдя за рамки ностальгий, держась своей линии, хочется все-таки действительно понять – *что это были за люди, советские?*

167. Отличие советского человека от нацистского: социальное бескорыстие.

– Самое трудное для понимания сегодня – *природа советского соучастия*. Несмотря на все параллели между *нацистским* и нашим вариантом оставалось глубинное различие. Не в степени добровольности – добровольность соучастия была и там, и у нас. Не в том, что у немцев нарастающе присутствовал шовинистический, расистский компонент. Он и в Германии не был единственным; во-вторых, и у нас он, чем ближе к финалу, тем явственней ощутил. И все-таки различие не здесь. Оно не до конца распознано.

Отличие нацистского человека от советского можно неточно определить словом *бескорыстие*. И тут и там – честолюбцы, карьеристы; и не у каждого фашиста был расчет пожить чужим и насладиться хрустом мыслящих костей. Но *социальное бескорыстие* составляло существенное отличие советского человека от фашиста.

Удельный вес бескорыстной сопричастности питался ностальгической романтикой и поисками эталона – чем была революция и гражданская война для старшего поколения, – отличие важное, миновать его нельзя. Процесс формирования замкнутой в себе правящей верхушки, поднявшейся на запустении русских земель и насилии, едва начинался, когда был оборван войной. Война поставила нас всех в экстремальные условия. Она способствовала жесткому отбору в среде управляющих и командующих, которые головой отвечали за происходящее. И они вдруг становились независимыми, а иные даже бескорыстными людьми.

168. Метафизика лагерей в СССР и Германии. Советский криптонацизм и российское историческое невежество.

– И сверх этого единственная на свете взаимность опыта лагерей уничтожения. Опыт лагеря входит в метафизику, в самое бытие советского и немецкого существований. Но и лагеря были разные! Сталинская система не дошла до ликвидации евреев как таковых, превзойдя немцев в уничтожении своих, советских людей. Вывернутый наизнанку человеческий смысл лагеря – то, что вошло в советскую жизнь непосредственно. Делая наши страны по сродству трагического опыта, может быть, сомасштабно единственными на свете.

У русских, бесспорно, нет той вины перед евреями, как у немцев при Гитлере. Зато и сознание ответственности у советского общества сильно занижено по сравнению со степенью причастности к советскому самогеноциду. Еще меньше понято, как эта ответственность сопряжена со смыслом нашего бытия. Это все еще неясно для человека с гуманными наклонностями и с либеральной доминантой сознания. Отсюда внезапность выбросов у нас чего-то, как выразился однажды Григорий Померанц, *криптонацистского*.

Неготовность сознания к опознанию и противодействию тому, из чего растет криптонацизм, от непроработки своего невероятного опыта. Будучи запечатлен русской культурой на высотах человеческого духа, опыт не перешел в обыденное сознание, где смог бы стать поступком. Россия – круглая невежда в отношении своего же опыта и своей исторической страшной судьбы.

169. Советское сопротивление повседневностью. Власть над душами, Солженицын и Порфирий Петрович.

– В чем же отличие советского «криптонацизма» от просто фашизма?

– В особой природе советского сопротивления. *Советское сопротивление – это сопротивление повседневностью.* Человеку противостоит не национальное государство, а *власть над душами.* При нацизме еще можно было противиться именем национального права. У нас сопротивляются только отчаянным бунтом – либо именем человеческого самостоянья. Теплом постели, фронтовым письмом-треуголкой, конвертиком этим жалким. Здесь надо вписать еще многое, чтобы истинно войти в нашу драму и возвыситься до нее.

– **Власть над душами известна еще со Средних веков как сюжет христиански-государственный.**

– Но отчего она в русском так глубоко и надолго застряла? Как в России образовалась власть над душами? Непреходящей важности вопрос, связанный с исключительным, только русским явлением так называемой *интеллигенции.* Миф она, класс или конструкция, но интеллигенция делает заявку на *свою власть* над *этими же* душами. Что втягивает интеллектуала в игры близости к власти. Кошмарная ролевая игра, с оборотнями и перелицовками личностей и с застреваниями в чужих ролях навсегда. В русской культуре только трое, но очень важная троица инстинктом учуяли в этом опасность – Пушкин, Чехов и Булгаков. Они добровольно уступали первенство, при условии, что власть оставит людям их души. *Оппортунизм Чехова – русская разновидность гуманизма,* это отречение интеллигента от власти над душами. Мол, кесарю кесарево, но души оставьте человекам – и нам, рассказчикам историй про них.

С этой точки зрения и без всякой мании величия я бросаю вызов Солженицыну. Потому что Солженицын – это концентрированный бунт колоссальной силы, но одновременно он сам – следователь Порфирий Петрович. Власть над душами ему нужна не меньше, чем российскому императору. А я прямо против того, чтобы кто-то снова заявлял в России власть над душами.

170. Бегство из-под трупов XX века. «Огоньковская культура» как репрессия сопереживания. Терапия образом.

– Советский человек знал слишком много страшного. Он не только сам его пережил, но знал о страшном и бежал от этого знания, отталкивал его от себя. Вот судьба космонавта и инженера космических кораблей Феоктистова – расстрелянного немцами мальчишки из белорусской или смоленской деревни, не помню. Расстрелянный, израненный мальчик ночью уполз из-под трупов. Вот образ человека, уstraшенного и бегущего от себя в XX веке.

Когда говорят «погибли миллионы», мы этого не воспримем. Можно воспринять гибель одного или нескольких – смерть миллионов человек уже не воспримет, он останется равнодушным. А когда на людей валят публикации с лавиной кричащих фактов, как в годы «гласности», они не знают, как им быть перед лицом этих страшных вещей. Одинокие, беспомощные, желавшие только прожить жизнь нормально, они не умеют превратить ужас в поступок.

Насчет *огоньковской культуры* надо поговорить особо. Об этой лавине неряшливых фактов, спущенной с целью ошеломить и привести в подчинение новой силе. Гласность этого рода противостояла нормальной склонности человека к сопереживающему пониманию прошлого. Можно его обвинять в этом? Нет – он защищался от разрушающего его знания. Между тем оно ему необходимо.

Новая ситуация в том, что человек уstraшен. На него хлынула масса картин с телеэкрана, он ежевечерне видит новые ужасы, и его знание стало до известной степени опасным для человека. Требуя «всей правды», надо знать, что *вся* правда человека только оттолкнет – он от нее защищается, оберегая память.

Вот был взрыв европейской полемики в связи с Аушвицем. Считалось, там погибли четыре миллиона евреев. Исходили из пропускной способности человекоуничтожающей техники, но масса людей погибала в пути, и выясняется, что их «всего лишь» полтора миллиона. Что даст изменение числа 4 000 000 на 1 500 000 – что ада не было, или ад не так адски страшен? Полемика, взрывы пустых и грязных страстей. Так называемые ревизионисты говорят, что лагерей смерти вообще не было. Другое дело, если с памятью работает *образ*. «Холокост» – нехитрый американский телевизионный сериал, который в семидесятые годы прошел сквозь весь Мир и в самой Германии вызвал потрясение. Казалось, все известно. Десятилетиями шли процессы над причастными к убийствам, есть уйма фильмов, книг, вся эта разрушительная лавина знаний, невыносимых для человека. Но в дело вступил образ, который знания сгустил, пропуская через спасительную мысль, и возвращает их человеку человеческими. Вызывает переживания, освобождающие человека. Тот чувствует себя уверенней, и теперь он способен свое знание претворить в поступок.

XX век беспокоит своей чуждостью, страхами, которые он внушил человеку. В человека бьет поток уstraшающей, подминающей его информации. Внимание приковано к уходящему веку и вместе с тем как бы выталкивает его. Человек XX века не только пережил эти страшные события, перепады в судьбах – он еще *знает* это о себе. События, ставящие под сомнение существование, – не просто сами события, это и то ужасное, что мы знаем о них по себе!

Булгаков говорил – я хочу окончательной ясности. Он писал не для читателя, он писал для себя. Ему было неясно, и он себе уяснял. Его образы сгущены самоприсутствием автора. Образ автобиографичен, в нем живет человек пишущий, обращающийся к другим, вступающий с ними в контакт через ров времени. В России образ играл уникальную роль, пока не был оттеснен сталинским талмудизмом, засорением умов догматом и оценками без разбору. Сейчас образ вернулся и играет важную роль. Мир сокрушает человека лавиной фактов, но образ – это мост над миром!

171. Причастность русской культуры к насилию над людьми. Беззащитность советской культуры перед чекизмом.

– Должно уразуметь истинную *сопричастность русской культуры насилию над русскими людьми*. У России с Германией, кстати, есть сходство в этом вопросе. Культуры чрезмерных контрастов несут для людей нечто опасное: вершины бессмертных творений, а жизнь то и дело входит в трагически-кровавую бессмысленную колею.

Разве Андрей Платонов остановил паровой каток сталинизма? Разве призывное стихотворение Мандельштама побудило нетрусливых людей тридцатых убить тирана? Разве художественные откровения Достоевского отвратили 1 марта 1881-го или стали преградой неопишимо страшной Гражданской войне, длившейся дольше, чем гражданский мир?

Соприкасаясь культурам внутреннего подвига, с их столь мощной духовной силой, нельзя застрять на сентиментальном аханье: как народ, воспетый в «Войне и мире», допустил, чтоб из него вышли орды людей, насильничающих над ним! Отбросим всхлипы мелкой патетики – мы обязаны проникнуть в природу страшных вещей.

Что это, культура не совладала со своей ситуацией? Или диссонанс культуры и повседневности соучаствует в этих трагедиях? Чрезмерная напряженность этики, действующей внутри эстетического, – единственной настоящей этики, отрывала ее от жизни, и та упускала близость к теплу повседневности, к насущному человеческому дню. Мне скажут, что все это вне сферы высокого; что я в область духа пытаюсь вдвинуть нечто не из этой области. Я так не думаю. Невероятные приключения могут произойти со страной, художественный лик которой настолько чужд ее реальным плотским движениям.

Допускаю, что говорю об уже ушедшем мире, и сейчас все будет решаться иными способами. Тем важнее понять это в отношении прошлой эпохи. В конце концов, не в том же дело, что Вагнер был национальной Бетховена. И не в том только, что революционная левая культура, столь страстно в двадцатые годы себя проявившая, влилась в русло с аббревиатурой *ЧК*. Возможно, на это есть много ответов. Я же хочу понять: каким образом в XX веке из среды людей, привычных к нормальной жизни, выдвинулся целый слой людей, самореализующихся в насилии? Вот что должно понять. Должно оценить беззащитность русской культуры по отношению к этому и то, что порог ее сопротивляемости недостаточно высок.

172. Россия дня и Россия ночи. Разорение культуры при слиянии с реальностью. Обвал стратификаций.

– Та Россия, которую Мир узнал по невероятной интенсивности и масштабности русской культуры, и Россия, которая попросту бытует, – Россия дня и Россия ночи – две незнакомки. Россия простых слов и привычных снов вовсе не похожа на *Россию своей культуры*.

И это бы неплохо. Сходства и соответствия в культуре – черты отрицательные. В разговоре о России первенствует *несоответствие* ее художественного лика (того, что вошел неустрашимо в русскую культуру) и ее повседневности. несоответствие – признак жизни. Но тайна в *масштабах разрыва*.

Наихудшие полосы советской истории – времена *совпадения* культуры с реальностью. Когда люди, сверяя себя и жизнь с культурой, уверяются, что обе подобны. Культура атрофируется, а жизнь, санкционированная пошлой культурой, теряет меру взыскательного отношения к себе. Теряет норму недовольства существованием, проистекающую из несоответствия художественных форм маскам повседневности. Тогда культура начинает жить «Роман-газетой», а люди, покинутые культурой (фальшиво бытующей как жизнь), попадают в наихудшие объятия, где ими распоряжаются имитаторы, лживые поводыри.

Представить себе литературу первых пятилеток – «Время, вперед» Катаева, Gladкова «Энергию»...

– ... «Цемент» Gladкова.

– Нет, «Цемент» раньше, в двадцатые годы, а я говорю о сталинских тридцатых. Еще много произведений, как у того же Леонида Леонова, – вещей, как к ним не относишь, литературных. Но еще в тридцатые быть не могло, чтобы приобрел всесоюзную популярность какой-то Бабаевский, Кочетов или Иванов с «Вечным зовом»! Что должно было случиться, чтобы после такой войны в конце сороковых годов повалила наружу эта макулатура? Вот где сталинский слом стратификации.

Сейчас существует трудная проблема – возродить стратификацию культуры.

Сказать, что Россия тонет в трясине бескультурья, – сильно опошлить суть дела. Здесь зазор, в котором действуют силы таинственного свойства. Открылся старинный разрыв, и он каждый день все ощутимей, между высокой русской культурой, с возвратом к ранее не прочитанному, – и человеческой социальностью, которая к этому была не готова, а при нынешних перегрузках тяготеет к культурным подменам.

Старая русская культура совмещала литературу мирового уровня в лице Толстого, Достоевского с устойчивой традиционной культурой. Потом был взрыв революции и прошла советская массовизация высокой культуры – Пушкин с Толстым на обложках школьной тетрадки. Не теряя свойства высокой, культура тиражируется для миллионов и приспособливается к новой аудитории.

Параллельно шла коммунизация и советизация фольклорной традиции, блестяще показанная Юрой Буртиным в его анализе частушек. После войны относительное сосуществование двух культур перешло в фазу агонии. Высокая культура получила удары, вынуждающие спуститься до пошлого уровня массовизации либо уйти в подполье. В то же время традиционная массовая культура канонизируется по нежизненным образцам, отключенным от изменений, которые идут в жизни.

Для сильной культуры надрыв пока не смертелен. Есть пример Слуцкого, который, однажды выступив в подголосках против Пастернака, впал в полубезумие – и ушел в гениальный стих. Высокая культура во внутренней эмиграции получила новый импульс-толчок, а традиционные формы культуры с концом русской деревни и городской коммунальности потеряли жизненную основу.

173. Советская привычка к культурному инструктажу. Генезис современной «чернухи».

– Между повседневностью, в которой русская культура (по умыслу Пушкина!) обитала прежде – российская жизнь в сильной степени пропитана русской культурой, – образовался разрыв. Возмещением его пришли барды, новые песенники. Наметилось место новому союзу высокой и массовой культур, представленное такими людьми, как Высоцкий или Шукшин. Но традиция Шукшина и Высоцкого оборвана и не вошла с должной силой в советскую повседневность. Обострилось гложущее чувство незаполненного привычного места культуры.

Вообще говоря, это чувство – особая русская тема. В ее истоках скудость быта, требующая компенсации. Есть и привычка к *поучению*, я бы сказал – *жизненному инструктажу* советского человека со стороны русской культуры. Культурный дидактизм, отчасти поощряемый Сталиным, вошел в обычай. В основе советской идеократии был еще и русский культурный дидактизм. Высокое учительство, которое с падением уровня превратилось в назойливый бубнеж.

Вот где вакуум, который теперь именуют *чернухой*. Чернуха плоха не тем, что чернуха, а тем, что она подавляет в человеке способность сопротивляться в качестве отдельной личности. Здесь разгадка того, почему это нынешнее, казалось бы, свободное бытие не отвечает ничьим духовным запросам. Нуждается ли человек в том, чтобы смотреть вот эту самую чернуху? Идет ли та навстречу тому, чего он жаждет получить?

Чернуха – это гангрена советской культурной компенсаторики скудости постсоветского бытия. Это нагноение дидактикой отталкивает человека от высокой культуры, и *обкрадывание его русскостью* обостряется и убыстряется.

174. Нашествие людей с поддельными биографиями. «Не хочу быть вашим полезным фашистом».

– Внутри постсоветского человека установлен интеллектуальный блокиратор. Я о нем сейчас пишу эссе в сборник «Иное». В России возникла новая массовая особь «беловежского человека», уверившего себя, что всякая реальность поддельна. А с поддельной незачем иметь отношений, ее незачем знать, эмпатии ноль. Комплекс массовой закрытости на сей раз неидеократичен. Возник беловежский мутант, и мне он кажется страшней того, что был.

– Я это проще воспринимаю. В моем поколении не разобраться, где оно начиналось, где кончается. Сколько поколений зарыто под одним моим поколением? Мою биографию однажды составили, и я ее ревностно исполнял. Затем пришла десталинизация – не мое время, к которому я, с одной стороны, опоздал, с другой, болезненно его перестрадал. Ситуация перевернулась – вокруг все спешно меняются. Характер перемен под копирку резко противоречит моей натуре! Я внутренне протестую против коллективности, которая видится людям освобождением. Теперь я хочу обрести *свою* биографию и берусь ее строить. Тут начинаются мои новые сложные пути, в чем полезную роль сыграли преследования.

Вообще говоря, преследование – хороший, оздоравливающий момент всякого дела. А вокруг множатся люди, согласные жить по наспех предписанным им биографиям. Они заполнили все, я вынужден считаться с тем, что и они есть в жизни. Та первая жизнь, где биография была нам задана, иногда кажется мне идиллией при виде жизни, где снуют люди с поддельными биографиями.

Растет ощущение вездесущности обмана, принятого людьми за свое. И надо бы кричать, что все – обман, что страна в катастрофе... Но остается надежда, что если негодяи, которые размножаются сегодня, как мухи, не одолеют, зазвучат и живые голоса. Станет слышно, кто еще жив, кто шевелится. Тогда можно пойти им навстречу, что-то сказать. А дразнить нынешних господ положения – эй, слушайте, и я с кумачовым флагом ходил! Бесполезно. Но ты не подумай, что это некое заявление о намерениях.

– Такова часть нашей общей метафизики События. Оно готовится, хотя сам его можешь не увидеть. Впрочем, на наших глазах и такое уже было дважды.

– Моя метафизика События в следующем: я его признаю, пока *навстречу Событию идет мой поступок*. Событий вне поступка, диктуемых мне извне, я не принимаю. И другим могу объяснить, что так немислимо, что из этого проистекает убийство.

– **Неприменно убийство, а не просто бытовой конформизм?**

– Убийство, поскольку в промежуточных звеньях копится ненависть. Ненависть от принуждения к участию в событиях, лишивших тебя поступка – твоего, идущего изнутри, и лишь для тебя обязательного поступка.

Мне тут рассказали про одного идеолога нашего фашизма. Говорит, я понял, что мы были просто нужны кому-то в Кремле. Для какой-то их игры – а я не играю! Раз моя идеология начинает давать льготы, за которые можно что-то выторговать, я не хочу быть «вашим полезным фашистом».

Часть 12. Теология убийства. Фашизм: идут съемки.

175. Демократическая глухота. Убийство узурпирует политическую повестку.

– Момент моих европейских впечатлений – самообновление и выход на арену фашизма. Смотрел телепередачи и его узнавал в физиономиях, в словах, в жестах... Фальшивый ход банального мышления: сопоставлять неофашистские марши с Веймарской республикой – гляди, как похоже! Нет, похожа *природа неподготовленности*. Это не «тот» фашизм, а мутация, возникающая при смене в составе проблем.

Нечто низменное в нас монополизирует неопознанные проблемы. Там, где проблемы не названы их собственным именем, по отношению к ним складывается *демократическая глухота*. Демократы слушают сами себя и не слышат ничьих голосов больше. Тогда низменное, выступив в облике убийства, узурпирует неопознанную повестку, закрывая подход к решаемости. Убийство захватывает сложную повестку дня и, упростив ее до вопроса жизни или смерти, монополизирует.

Мутации фашизма связаны с узурпацией состава проблем, затрагивающих основания человека. Когда человек снова загнан обстоятельствами в ту праситуацию, где он когда-то познал себя обреченным, он отвечает на обреченность странным образом. Позывом перенести обреченность на другого и спасти себя его вычерком. Убийство остро проблемно, вот где страшная вещь. Здесь мутации фашизма не размежеваны с мутациями сталинизма.

Эта праситуация сейчас выступает заново: обреченность Номо, который располагает техникой всемогущества, но в восприимчивых у нее есть только убийство.

С убийством надо поработать как с понятием «человека показанным». Тут мало Фрейда и Лоренца; недовольно наблюдений над агрессивностью, эволюционно заложенной в человеке. Убийство связано с неизвестной нам *исходной аэволюционной проблемой*. Там, где *обреченность* выступает в формах, непреодолимых для набора эволюционных средств, она замещается убийством как чем-то человеческим.

Когда христианство, преломившись в безумно реалистичную концепцию Павла – концепцию организации власти на последние времена, – вышло из катакомб в эпоху христианских империй, как оно этого достигло? Как человек новоевропейской цивилизации достиг баланса прогресса, приемлемой оборотной стороной коего (не станем делать вид, что это не так) является *избирательная гибель некоторых*?

Все, чего достигла эта цивилизация – революцией, техникой, колониальной экспансией, – началось с того, что христианам запретили убивать друг друга по воскресеньям. Но на этот раз избирательная гибель не сработает. Раз не годится она, что годится – примирение и согласие? Станем жить сообща, включая потомков, в тесном до невыносимости Мире? Но ведь никто на это решение не вышел, и мы не знаем, как выйти. Значит сюда, в этот зазор, в эту расщелину, непременно просочится убийство. В России снова проигрывается праситуация Номо sapiens.

Путь шел через табу на убийство своих и свободы убийства не-своих, чужих. Через идею упразднения убийства созданием *аэволюционного родства в человечестве*. И перешел к восхождению, равнозначному избирательной гибели. А сегодня куда? К чему нам теперь вернуться?

К табу на убийство своих, а следовательно, к новой свободе на убийство чужих? К оживлению внутри глобализации страшного слова *нам*, которое заранее предвещает расправу, а

стало быть, кровь? Надо иметь элементарное мужество признать, что конец избирательной гибели равен концу истории как восхождения, как бытия в форме экспоненты.

176. Фашизоиден ли президент фашизоидного псевдогосударства? Поговорим о нашем фашистском будущем.

– **Что-то нам явно грозит, но является ли это что-то фашизмом? Я не люблю злоупотреблений словом «фашизм». Если это фашизм вне известного облика, то проклятья «антифашистов» теряют всякий смысл.**

– Тем не менее смысл задаваться вопросом есть. При нашем пространстве, нашей истории и при нынешних обстоятельствах мы не осилим структур, которые считаются правовыми, либеральными, демократическими. Монетаризм себя дискредитировал. Понимая, что на помочах у других идти не можем, мы хотим тем не менее стать развитыми и свой потенциал развития употребить.

Итак, Россия идет на операцию интенсивного догоняющего развития. С использованием ресурсов, сосредоточенных в ВПК и ТЭК. Намерены психологически включить в это дело – через державность – попавшие в отчаянное положение широкие слои населения. Итак, давай обсудим – не является ли уже заданность этой цели и этого совмещения *фашизоидной по потенции*? Спокойно это обсудим.

– **Так в этом же главный интерес!**

– А если сразу начинают кричать про «баркашовские погромы» и всяких опереточных подонков, какие тут теории на первый взгляд? *Почему бы не обсудить самого Ельцина с точки зрения фашизоидности?* Вот почему я требую дисциплины при постановке вопроса о фашизме в России.

Иллюзия 1945 года, будто с фашизмом покончено, опиралась на представление, что он явление экстраординарное. А сейчас это надо рассматривать в планетарном масштабе, с учетом эволюции послевоенных диктатур. Свыкнемся с тем, что человеческий мир в экстремальных ситуациях дает устойчиво фашизоидные варианты. От этого и идет, пока этот Мир таков, каков он сейчас.

Догоняющее развитие как таковое дает кентаврообразные гибриды *псевдогосударств-псевдообществ*. Так как современная модернизация располагает и к обществу, и к государству, возникает тип псевдогосударства, которое само не знает, чем заведовать; захочет – большим, захочет – меньшим. Псевдогосударство регулирует внутреннюю жизнь общества, прибегая для этого прямо и непосредственно к ресурсам власти. Фашизм как тип модернизации в уплотненный срок.

– **После нацизма трудно рассуждать о фашизме лишь как об одной из версий будущей модернизации.**

– Как ни называй, но говорить об «исключительности фашизма» в отношении к не менее исключительному коммунизму или исключительным западным демократиям XX века нет смысла. Исключительность надо вынести за скобки и рассмотреть как механизм, обслуживаемый с разных сторон. По-разному представленный в разных мировых системах, и все же общий.

Интересно проанализировать, как мировые процессы в стадии структурного перелома, идентифицируясь на национальном уровне, в силу обстоятельств дают новые шансы фашизму. Для этого надо разделить и рассмотреть врозь *фашизм-движение* и *фашизм-власть*.

Антифашистские и антикоммунистические филиппики – часть этой общности и лишены смысла вне ее. Ты читал речь Бжезинского, где он легко и непринужденно переходит от Холокоста к Сербии и советует – «будьте как Черчилль»?

Идея Бжезинского ясна – это концепция *упреждающего возмездия*, когда все предупреждены о том, что с ними будет, если... Для этого нужно создать прецедент, когда все, кому придет в голову выяснять межэтнические отношения оружием, знали, что последует упреждающее возмездие. Но вернемся к более серьезному вопросу.

Все рассуждения общего свойства, морали и неморали – я отклоняю. Внутри человеческого существования давно сидит нечто прологовое, себя реализуя. Когда люди заходят в тупик, где зреют возможности, еще не понятные их языку, а старые элиты дряхлеют, глупеют... Кризис элитарных структур развивается быстрее, чем те успевают оправиться под натиском популистских сил. И выскакивает *гибридик!* В рамках популистской эгалитарности формируется новая элита душегубов и распорядителей.

Вообще говоря, человеческий ум весьма расположен злодействовать. Благоприятен приходу фашизма к власти и упрямый монетаризм экономической политики. В условиях такой прострации, такого социального отчаяния, резкого выбрасывания массы людей из их ниш – идет напор идей единого вида реформ, то есть централизаторских идей. Даже Маркс с Лениным в этом смысле были несколько гибче Чубайса с Гайдаром.

– Но откуда в нашем банальном поле появиться нацизму? Фашизм Баркашова банален. То, что сделало возможным Гитлера, пришло из более глубинных пластов. А у тебя начинается с факторов на социальном и политическом языке, вдруг переходя в плоскость становления человека. Как бог из машины.

– Пока мы остаемся в пределах XX века, как он себя очертил, фашизм из него не вычеркнешь. Это один из способов человеческого бытия в нашем веке, и я не против, чтобы об этом прямо сказать. Я даже склонен это утверждать. Но есть еще и *проблемное опережение* фашистских решений в глобальном контексте. Здесь уже дело не в проблемном родстве видов фашизма, а в родстве, обнимающем все вообще значимые варианты решений XX века.

– Включая и Рузвельта? И Ганди?

– Конечно! Но включая и антагонизм этих способов. Таково условие в контекстный век. Не выйдет отстраниться – мол, фашизм есть чудище обло, озорно, стозевно. Не выйдет это, не работает. *Когда нация отождествила себя с государством, государство приобретает фашизоидность.* Страшная вещь – все понятия обрачиваемы такой стороной. Возьми хоть понятие суверенитета – можно и суверенитет сделать фашизоидным, хоть сам по себе он этого не содержит.

– Характерное свойство фашизоидной речи – ее безынтонационность. Где интонация заранее задана или наигрывается.

– Моноинтонационность. И все привыкают к единственности этой интонации.

– Но как пойти в этих рассуждениях дальше с термином «фашизм»? Возникает ощущение, что берешься воевать со всем миром. Этот термин раздражает всех, включая фашистов. Едва произнес слово «фашизм», все против тебя объединяются, и возникает, опять-таки, ложный образ.

– Говоря о фашизме, не забывай, что это лишь один из проходных терминов раннего нацизма в Германии. Ходовым у социал-демократов был «коммуно-фашизм», у тех и других – «клерико-фашизм». В пику им коммунисты ввели «социал-фашизм». Превращаясь в бранную кличку, слово потеряло всякий смысл. Гитлер говорил, что он вообще не фашист.

Когда навязываемая мировым ходом проблема вламывается в твой дом, все должны выровняться по отношению к образу жизни. Как Фукуяма говорит – в чем конец истории? Восторжествовал западный способ потребления. Какое торжество может реализоваться в ширпотребе, в Макдоналдсе? Эту подмену еще Гегель предвидел.

Но что именно фашизирует? Эта подстегивающая сила желания уравниваться с чужим образом при нехватке сроков времени, которые позволяли это прежде сделать органично. Вот это фашизирует.

– Сама «нехватка времени» навязана телевидением, подстегивающим навязанный выбор. Навязанность заводит ум в болезненные состояния, совесть отказывает, сталкиваясь с пародией на саму себя. С оборотнем, который ее имитирует. Человек плавится в проточеловеческом мейнстриме. Можешь называть это фашизмом. Но оно может быть под любым именем.

– Что-то фашизоидное здесь, несомненно, есть. А помнишь их референдум? Моление на кумира, на сильную руку, эти дикие призывы к Ельцину – прояви! Прояви! ДА, ДА, НЕТ, ДА! Типичное поведение фашизоидов.

Ты прав, жесткая контекстность – дело СМИ. В XIX веке кого-то всегда мучили, убивали – в Индии, в Африке – кому было дело? Но XX век возвращает человека к проблеме табуизации заново. К такого рода запрету, который бы был принципиально открыт, разрешая иные, совершенно необычные ходы мысли. В общем, давай поговорим о фашизме спокойно.

– Поговорить о фашизме спокойно – это значит спокойно поговорить о нашем фашистском будущем?

– «Спокойно» в весьма условном смысле, конечно. То есть признавая, что фашизм сущностен для нашего века. Стало быть, это вопрос, адресуемый каждым самому себе.

177. Рухнувший человек упрощает убийствами. Суверенный убийца и потешный победитель.

– Есть вещь, о которой пора говорить. Это неоднозначное и ужасающее воздействие, которое оказала на поколения людей холодная война. Как человек жил, зная, что все на земле в любую минуту может быть сожжено, и жизнь прекратится? Тут два способа жить: бунтовать, вступив с миром в конфликт, либо запереться в равнодушии. Как вдруг однажды холодная война отступает. Пружина, именуемая «гарантированное взаимное уничтожение», перестает управлять поведением – и человек катастрофически рушится в его жалкую обыкновенность.

В первозданном человеке убийство играло если не решающую, то одну из основополагающих ролей. В Мире, где убить стало просто и нет больше страха перед ядерной кнопкой, убийство предстало разрешенно-свободной формой поведения. Оно освобождает от сдержек и смирительных табу, в которых людей держала холодная война.

Холодную войну в СССР плохо поняли – советские люди еще долго продолжали жить во Второй мировой войне. Мы жили в рамках системы, которая отличалась *искусственной простотой*. Простота пропитала все. Она обкрадывала умы и души, одновременно внося элемент успокоения в рядовую жизнь.

Был такой Мстиславский. Удивительнейшая у человека судьба – когда-то руководитель боевой организации эсеров, член президиума II Всероссийского Съезда Советов. В 1937 году уцелел чудесным образом и даже написал детскую книжку «Грач – птица весенняя», про Баумана. У него есть маленькая книжица «5 дней» про 1917 год. Сидя в президиуме на съезде Советов, он наблюдает вблизи Ленина с Троцким, слышит, как они обсуждают: штурмовать Зимний уже нет нужды – власть валялась на улице, а улица была в руках большевиков. Но Ленину *необходимо*, чтобы власть в России перешла к ним путем вооруженного восстания – ведь таков закон революций! Чтобы власть не просто подняли с земли и проголосовали, а отвоевали и утвердили акцией, которая войдет в историю и запечатлется в ней.

«Аврора», зачем-то палящая среди уже покорного города, – это потешное подражание взятию Бастилии. Преобразуясь далее, эта повадка перешла в эволюцию сталинской системы. И сидит в нас вирусом упрощения, доведения любой ситуации до *крайней, то есть простой*. Простой, то есть тяготеющей к чрезвычайности.

Тема сталинской простоты довольно сложна. Простота сидит в людях, человек все норовит *упростить*. Вместо того чтобы в маневрах нэпа нащупать политическую тактику и механизм социального регулирования, все разом подчинили доминанте могущества. Чего проще – решать стратегические задачи в сжатые сроки, не считаясь с людскими жизнями? На этом выросли поколения. В 1993 году депутаты в Верховном Совете и президент в Кремле взаимно норовили *упростить ситуацию*.

Она сложная, никак не укладывалась в одно-два простых решения. Начинаются переговоры сторон в Спасо-Даниловском монастыре – патовая ситуация, почти испуг: если не будет ни победителей, ни побежденных, то как дальше? Ладно, Останкино отбили, из мэрии выкурили, Белый дом зажат в кольцо. Казалось бы, теперь можно с успехом возобновить переговоры хотя бы с позиции силы? Но как быть Ельцину – ведь *они* опять выйдут, и ему *их* придется терпеть.

Патовую ситуацию ему нужно *упростить до триумфа*, до эталона «взятия Рейхстага». Потешный балаган обернулся кровью – для него была нужна кровь.

Как ведет себя в крайних ситуациях рядовой человек? Человек сам начинает *себя упрощать*. Он стреляет в другого, находит в этом *упоение упрощением*. Эту смертельно серьезную болезнь надо лечить, делая человека человеком заново. Способствуя тому, чтобы он опять смог

ответственно распоряжаться судьбой. Чтобы русский человек перестал быть статистом кровавых потех и его голос опять что-то значил.

А когда уже есть *событие войны*, люди просто убивают людей. Раз в действие вступила армия, инструмент, предназначенный поражать, о чем речь? Стреляют теми снарядами, какие входят в боекомплект танка, вот и все.

– 4 октября проявилось наше неожиданное человеконенавистничество. Мы убивали друг друга без необходимости, не защищая себя и свои семьи, а просто жали на курок. Вот парадокс: нас столько воспитывали в братской любви, «человек человеку друг, товарищ и брат», как вдруг – слепая ненависть!

– Эта жестокость отчасти проявление нами свободы. Человек поступает не так, как ему предписано, но и как ему хочется. Люди в событиях 3 и 4 октября – огромная тема. Скажем, зеваки – люди, которые, несмотря на то что некоторые падали от шальных пуль, продолжали наблюдать, как одна власть убивает другую. Они приобщались к *зрелищу*, где убийство играло роль режиссера. Легко ужаснуться человеку, который норовит сфотографироваться рядом с трупом или рыбачит с удочкой под мостом, откуда танки расстреливают людей. Легко высказать отвращение в адрес баркашовцев, для которых унижать человека – наслаждение. Но так мы не доберемся до причин планетарного свойства – *убийство высвободилось*. Суверенный убийца шагает по планете.

178. Endl sung и «коммуно-коричневый заговор». Язык окончательных решений.

– Вот пример, немцы уничтожали евреев. Поставили себе такую цель и, что любопытно, назвали это «окончательным решением» еврейского вопроса, *Endlösung*. Обычная точка зрения в литературе, что нацисты лицемерили и не решились вслух сказать «уничтожение» (а между собой втайне так говорили). Это не так. И зря думают, что, если поставить слово «уничтожение» на место «окончательного решения», все выглядело бы чудовищнее. Ничего подобного. Это психологический мотив человека: искать всему окончательное решение! А когда ведущий импульс – ненависть и ей нужен объект, окончательное решение не может не стать уничтожением людей. Либо все эти «решения» останутся простой болтовней. Есть зловещая логика слов и поступков: пока вы не готовитесь к настоящей войне, у вас и ракеты ваши в небо не полетят.

Так и в сталинском СССР. Со всех сторон несло: окончательное решение товарища Сталина, окончательное решение генерала Жукова. Тем, кто домогался «окончательного решения», такие люди, как Бухарин, мешали. В перспективе, при смене обстоятельств совпав с переменой в людях, они могли помешать политике окончательных решений.

Вот и теперь – окончательное решение Ельцина 4 октября 1993-го. В дни октябрьских событий 1993 года все стороны говорили на одном убогом диалекте. Это был язык *Endlösung*, которым всякое человеческое действие можно подвергать в заговор – на языке окончательного решения вопроса. И выдумки о «коммуно-коричневом заговоре» – просто цитата из стенограмм пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Казалось бы, теперь этот номер не пройдет, но ведь нам это еще неизвестно.

179. Неуправляемая Россия в Мире: торговать страхом или сдерживать.

– Выпавший из ниши человек превратился в того, кто обладает властью растоптать другого человека. Этим он скомпенсирован за утрату себя прежнего. В нем пробудились чувства, какие бывают в каждом, но сглаженно. В них могучая сила, и она всех опережает. С этой точки зрения где тут «веймарское состояние»? Наше хуже веймарского, и спасает нас только то, что мы опасные обладатели ядерного оружия. В силу этого Запад вынужден приходить нам на помощь.

– **Да. Но в какой-то момент на Западе наступит оценка нашей ситуации как неуправляемой. Впрочем, Москве она даже выгодна.**

– Да, именно как ты сказал. Здесь научатся управлять своей неуправляемостью, а Запад опять станет нас сдерживать.

– **И найдет, как нейтрализовать Россию в этой области. Теперь спроецируй-ка все это в контекст преобразующегося Мира.**

– Мира, у которого нет явных ресурсов для одоления его главных недугов. Надеялись на капитализм? Послушайте, этот ваш капитализм ничего глобального решать не умел и не смог бы. Сперва он вынужден был провести людей через беды – через Великую войну и Великий Кризис, через фашизм. Пережить Соппротивление, Победу 1945 года, деколонизацию – и прийти к нынешнему социальному капитализму, который слегка образумился и с потрясениями научился справляться. Но неизвестно еще, справится ли с будущими встрясками.

Часть 13. Персонаж Ельцин и герои конца русской истории.

180. Вы не знаете, что делать? Вам нужен Ельцин.

– В предальтернативных ситуациях чья-то *гибель таится в приходе новых людей как ограничивающем моменте*. Здесь одна из ключевых тайн. Нашей искомой опасности Ельцин показанной Горбачева и Явлинского, вот в чем дело. Ельцин внутренне отвечает ситуации, где неизвестно, с чего начать, поскольку не решили, чем кончить. Что вы намерены делать дальше с беловежским стартом? Гайдар, например, чего хочет – упорядочить рубль или не выдать старухам в Приморье пенсию за февраль месяц? А безопасности, предмета которой мы не опознали, возможно, показанной был бы кто-то другой. Но на место «безальтернативного Ельцина» социум власти ищет такие же безальтернативные вакансии.

Не знаете, что делать? Тогда вам нужен Ельцин! Своим ростом, голосом и манерой вести дела он подойдет больше всех. Ельцин сродни опасностям. Ну а чтобы искать лидера, показанного безопасности, предстоит пуститься в сложный путь анализа ее предмета.

Пока у вас нет знания о сложных угрозах, не будет и альтернатив; тут и сценарные варианты едва проступают. Отсюда персонаж Борис Николаевич Ельцин, который всегда, по точному определению Явлинского, излагает то, что ему сказал некто, забежавший в кабинет первым. Он безальтернативен, пока не мыслят, что именно хотят менять как целое.

181. Либеральная революция как захват партийной недвижимости.

– Отсчетная точка – август 1991-го. В политическом плане Август расчистил почву для перетасовки в верхнем эшелоне власти со сменой лиц. А та повлекла перемены далеко идущего свойства, начальной точкой которых стало упразднение КПСС. Но как? *Захватом недвижимости* – комплекса зданий на Старой площади!

Политический аспект – психологическая иллюзия демократов, что им теперь все доступно. Здесь совпадение ситуации с характером Ельцина роковым образом повлияло на весь остальной ход. *Вседоступность означала политическую катастрофу демократии на первом же шаге.*

Типологически близкие хрущевская оттепель и горбачевская перестройка споткнулись на проклятии *второго шага*. Горбачев ведь тоже жертва второго шага. В борьбе наверху он опирался на демократов и интеллигенцию, и тут же воздвиг плотину против демократии – с 1989-го еще, с I съезда народных депутатов.

Ельцин же споткнулся на первом шагу – история ему подарила слишком большой и красочный *предшаг*. Вообще говоря, Ельцин подобен Хрущеву: Горбачев мало биографичен, Ельцин и Хрущев индивидуально заострены. Этим они поначалу импонировали России, где отсутствие публичной политики восполняет красочность личности, выломившейся из общего порядка. Само выламывание и привлекает. Кстати сказать, и выламывающийся из речевого убожества демократов Жириновский этим подпитывается.

Но если Хрущев – это попытка обновления коммунизма, а Горбачев – попытка его реконструкции при удержании системы в неравновесном состоянии (поощряя демократов в ущерб демократии и этим стопоря ее саму), то Ельцин – это разрыв с коммунизмом и попытка укрепить личную власть с помощью антикоммунизма.

Надо сказать, что ничья мысль к этому не была готова. Доступность любого шага сделала лишним создание демократических структур – все и так шло в руки. Вместе с тем вседоступность требовала ярких масштабных шагов. Горбачевский либерализм для этого не годился, он себя дискредитировал. Его заменил конвульсивный антикоммунизм, в спектре от Говорухина до Марка Захарова.

Нельзя идти вперед – нельзя пятиться назад – нельзя кризис доверия заместить доверием, основанным на коалиции. Что дальше? Перебор президентских прерогатив при пустоте демократически деятельного поля и бессодержательности фигур привели к взрыву 1993-го. Все общество отброшено к элементарным задачам диссидентской поры. Например, к небеспеченности прав человека и гражданина. Но эти задачи не осознаются.

182. «Коллективный Ельцин» и персонифицированно-закрытая властная система.

– Твоя статья⁴⁸ отменно написана. Но в ней есть недотянутый пункт – образ *коллективного Ельцина*. Мне это ясно. Неясно, каким образом человек, будто бы не имеющий для этого данных, нас всех повязал собой? Конечно, неприемлема версия, будто Ельцин не знает, кто у него за спиной. Но в какой степени он стал главным? Отчего теперь все сконцентрировано на нем? Как вышло, что все с разных сторон сходятся на одном – лишь бы от Ельцина освободиться, хуже не будет?

– **Я не утверждал, что хуже не будет. Скорей всего, думаю, будет хуже. Я о другом, что Ельцин «защиту от худшего» сделал профессией. Теперь в принципе нельзя сказать, где он, а где его окружение. Эту размытость я и назвал «коллективным Ельциным». Она исключает политическую постановку вопроса о его удалении от власти.**

– Ельцин – выдающаяся ипостась персональной системы власти, синтезирующей наследие Сталина с частичным его преодолением. Система сложилась при Никите и Брежнев, достроена при Горбачеве, всякий раз предъявляя новые персонификации, что для нее крайне характерно.

Власть персонифицирована постольку, поскольку закрыта. Когда нечто надо скрыть, является персона, никем не контролируемая и готовая к непредсказуемым действиям. И все, забыв о существовании дела, бросаются ее обсуждать.

Горбачев персонализировал перестройку, чем подвел всех к краху и в то же время к иллюзии, будто все дело только в нем и Ельцине. Теперь эта *персонифицированно-закрытая* система закрепила себя в виде «государства», которое стало персональным, именованным. Для начала ельцинским, но это лишь начало.

Кто в этой системе лично Борис Николаевич? С одной стороны, он не охватывает проблем в комплексе. С другой стороны, движение проблем идет только через него, от этого приобретая безумный характер. Откуда в такой системе возьмется комплексный лидер – непонятно. Некто, кто действовал бы с меньшей долей безумия, с большим хладнокровием и, главное, давал бы работать правительству?

– **«Эта система» всегда та же самая? Сама она при этом не меняется?**

– Кардинально нет. Перемены в ней можно выявить только в ряду ее неуходящих свойств. Из ее моноприроды и вытекает страшная сила персонифицируемости власти.

---

⁴⁸ Статья «Человек из Свердловска» в «Новой газете» (октябрь-ноябрь 1993-го).

183. Эталон победы и повторное изобретение права убивать.

– Есть слова, которые я не признаю, отторгаю – например, *суд истории*. Я истории не судья и не адвокат. Я хочу знать правду, которой не знаю. Есть три человека, назову по алфавиту: Ельцин, Руцкой, Хасбулатов. Мне представляется, что без этих троих не случилось бы то, что случилось 3–4 октября.

Допускаю, и даже убежден в том, что ни один из них не помышлял пролить столько крови, превратив в трупы столько живых людей. Но так случилось – кровь пролилась, люди стали трупами. Может быть, вопреки намерениям этих трех, но при их непременном участии. Почему? Я хочу это понять. Я не выдаю ордеров на арест и не выдаю индульгенций; я не следователь Гдлян и не папа римский, но хочу понять – почему?

Вернусь к сюжету, который затрагивал еще после апрельского референдума: истолкование его результатов в терминах *победы* приведет к беде. И привело. Правда, я не знал, к какой беде, и не помышлял, что она будет такой. В сердце беды – привычка власти все решать в единственном варианте. Притом, что всякий следующий шаг по отношению к предыдущим должен быть все более решительным. В конце у таких людей не остается сил ни для компромисса, ни для согласия, ни для оценки последствий. Ни для чего, кроме единственного: *убить*.

Ельцин не смог *повлиять* на ход реформы через Верховный Совет – и решил, что ему нужно *захватить* власть. Когда один считает, что на ход реформы нельзя повлиять через Верховный Совет, а другой из этого сделал вывод, что с первым надо покончить, они с двух сторон идут – к чему? К взрыву ненависти, способному втянуть в абсурд множество людей, используя их социальное отчаяние, корыстные надежды, предрассудки и тому подобное.

184. Заявка Ельцина на первенство и заявка улицы на Событие.

– Надо осмыслить роль в бойне 4 октября, которую сыграла заявка Ельцина на первую роль. И оспорить термин *толпа* как заведомо негативный. Мол, толпа – это бедствие, почти улика преступных намерений. Что такое толпа в формировании события? Как менялся замысел и поведение действующих лиц? Событие не описание случившегося, оно формирует само себя. И только потом к самому себе относится как к *Событию*. Сперва формируется, а затем формирует.

История не «состоит из» событий – она события творит, а после их редактирует. И, говоря по правде, только из этих двух моментов вся история состоит. Так мы опять пришли к проклятой русской проблеме – власти и безвластия. Ведь как произошла революция в России в 1917 году? Большевистская партия, эсеровская партия? Да бросьте все это!

В феврале 1917 года задержались на несколько суток эшелоны с хлебом для Петрограда. На улицу вышли женщины, и для казака и солдата возникла альтернатива: стрелять в женщин или перейти на их сторону? Казаки решили не стрелять и перешли на сторону женщин. Так в России перестал существовать дом Романовых, лидеры эмиграции понаехали из-за границы и стали произносить речи.

Ощущение безвластия возникает тогда, когда вы выходите за инерционные рамки традиционного поведения, а власть на это не реагирует – не способна или не готова! Вот тогда у всех возникает ощущение безвластия.

То же и в 1993 году. По «гениальному» плану ельцинского окружения следовало пару недель подержать Белый дом в бойкоте, и те сами сдадутся. Могло получиться, не исключая. Многое носит слишком явные черты провокации. Пропустив толпу через Крымский мост, вдруг милиция стала расходиться, а толпа прорываться. Чем это было для тех, кто составил сценарий событий? Поводом перейти к более сильным действиям против политического противника. Весомый аргумент, чтоб сказать: *отныне ваше событие – мое!*

Только человека с улицы забыли вставить в план. И когда появился человек улицы, событие переломилось. Тогда одни понадеялись победить – им так кажется в их больших головах, а вторые решают, что для спасения России настало время убивать.

185. Тайные технологии Ельцина-сценариста.

– У меня в памяти засела одна фраза Ельцина, ключевая для его поведения и для избираемых им сценариев и решений. Вспоминая об августе 1991-го, Ельцин тогда сказал: главным для меня было выманить Крючкова из кабинета! Вот исток «технологии» октября 1993-го: подстрекнуть людей Верховного Совета выйти из парламентских стен на улицу. Запятнать себя действием, которое «оправдает» разрушительно-убийственное противодействие.казалось наивным, когда президент говорил: артподготовка в августе, а наступать будем в сентябре. Между тем это был провоцирующий вызов: *действуйте* – выйдите на улицу и сделайте нужный мне шаг!

– **Ты говоришь о технологии сценария как о преднамеренной провокации?**

– Провокация заключена уже в императиве победы любой ценой. При одновариантности движения к этой predetermined победе и обесмысливании всякого сопротивления – сужением его до схватки «кто кого».

Что для Ельцина значил императив победы? Скрытое перевертывание формулы «*Я принадлежу России*» в формулу «*Россия принадлежит мне*». В одновариантном мышлении, ориентированном на «победу», каждый следующий шаг неизбежен и более необратим, чем предыдущий. И это не прихоть, это жесткая логика одновариантности, помноженная на типологию его самого и кремлевских людей, его окружающих, которые его стбят. В этих условиях всякий шаг по избранному маршруту неизбежно вел к схватке.

Ельцин будто медлил – он нуждался, чтобы его подталкивали, подстрекали на крайние действия. Инициатива Церкви стала ему помехой. В условиях, когда ничего содержательно-примиряющего, хотя бы отдаленно напоминающего инициативу, не было *вне* этих двух сил – и заведомо не было *внутри* них, – развязка могла стать только той, что произошла. С ббольшим кровопролитием или меньшим. Но даже если допустить, что подстрекательство к первому убийству было несценарно, случайно, и что с какого-то момента уже не было иного решения, чем применение силы, – *способ* применения силы и заматание следов ее применения перечеркивает все оправдания власти. Есть моменты в человеческой жизни, когда оправдания запрещены.

– **Даже если в намерениях содержалась военная или политическая необходимость?**

– Это кумулятивный снаряд содержал? Или мозг, разбросанный по стенам?

Одного сокрытия неопознанных трупов среди «неучтенных прахов» довольно, чтоб вымарать все благие намерения. Произошла схватка двух однойцевых близнецов, где один пожрал другого. Не стало фундаментальной разницы между сторонами. Отсюда ожесточение, кровь, отсюда крик «Брать Москву!» и команда стрелять на уничтожение.

Это еще и аннигиляция демократов, их политическое самоубийство. Демократы своим дезертирством сделали Верховный Совет одновариантным – одна одновариантность была дополнена другой. Они ушли из парламента, махнув на него рукой, многие перепродались или стали равнодушны ко всему, что происходит. Само слово «демократия» теперь останется опозоренным, пока его не переосмыслят. Употреблять его в институциональном смысле, связывать с процедурами (которые существенны, но лишь при нормальном ходе вещей) после происшедшего кощунственно. И за это всем еще придется расплатиться. Избирательная кампания, в которой такие вещи выпали из центра внимания и дебатов, *несвободна*, если бы даже соблюдались все юридические нормы. Впрочем, их и не соблюдают.

Вопрос о демократии в России теперь стоит не как вопрос соблюдения публичных норм. Вопрос о демократии теперь для меня вопрос об отстаивании коренных условий существова-

ния человека среди людей. Это легче выразить на языке, внятном верующему, и трудней на языке, принятом у светских людей.

186. Иллюзорная десталинизация предполярной Евразии. Пара Жириновский – Ельцин.

– Иллюзией десталинизации было – из советской несвободы, насильственной и полудобровольной, перейти прямо к свободному существованию – мы и провалились в пустоту. Этот провал в условиях семантической разрухи высвободил стихию самоосуществления убийством. В таких конвульсивных формах идет устранение самого страшного, что было в сталинском режиме, который с успехом усреднял советских людей. Нивелировал, унифицировал их. Сейчас усредненность разрушается. И появляется новый тип: неусредненный человек, брошенный в ситуацию хронически неустроенной жизни. Он не знает, что завтра скажет, за кого проголосует, как он поступит.

Эта фаза критична. В этот момент выявляется отсутствие демократических сил, которые могли помочь удержаться от срыва в самоосуществление убийством. В России подымается страх быть нечаянно зарезанным, застреленным при разборке на улице. И новая угроза – желание найти человека сильной руки. Соблазн, который работает. Проблема осложнилась составом России в ее новом облике – более явственным после отпадения Украины и азиатских частей бывшего Союза. Российское государственное пространство впервые стало евразийским буквально, с акцентом на азиатские составляющие. Мы обнаружили, что европейская Россия – придаток к азиатской, а азиатская Россия – предполярная и заполярная страна. Совершенно новое представление об условиях идентичности.

Мы на мировом рынке не можем предложить ничего, кроме неплохих боевых самолетов, еще кой-чего военного да нефти-газа. И к нам явилось искушение. С одной стороны, искушение торговать оружием и сырьем. А с другой стороны, торговать своей опасностью. Мы заявляем: раз мы опасны – платите! Не хотите, чтоб мы были опасны? Платите! Не хотите Жириновского? Раз не хотите, платите, господа! Если б не было Жириновского, его на до было б придумать. Жириновский-Ельцин, их крепкая пара – новый генератор фашизоидности.

187. Жириновский – ельцинское альтер эго. Соблазн управляемой политики.

– Фиаско практикующего коммунизма и начало выхода из холодной войны при их совмещении создают сложную картину с вытекающими из нее политическими трудностями. Речь идет о ядерной державе – победительнице во Второй мировой войне, способной уничтожить жизнь на Земле. По крайней мере, высшие формы жизни. Все это необыкновенно ново. Глобальный контекст доминирует, а переход к внутренней политике, наоборот, осложнен. Происходит, пока еще в ранней фазе, не сведенное в идеологию – опрокидывание глобальности во внутреннюю политику с вытекающей перегрузкой.

Внешний ли момент – судьба русскоязычного населения на сопредельных территориях, бывших составных Советского Союза? Внешний ли момент беженцы? Внешний ли момент «горячие точки»? Внешний ли момент судьба ядерного оружия? Нет, все это внутренние вопросы, ушедшие от демократов к другим.

Судьба сокращаемой армии и проблема конверсии – просроченные вопросы, которые усугубили горбачевскую асимметрию политики. Изменение мирового статуса Советского Союза зашло далеко, не получив компенсации в органике внутренних перемен. На этом перекосе и подорвался режим Горбачева.

С этой точки зрения крикливый, нарочито упрощающий *агрессивный изоляционизм Жириновского* (странное совмещение этих интенций) опережает демократов. Опережает в месте перехода мировых обстоятельств в органику внутренней жизни. Поэтому «демократы» не смогли превратиться в политический фактор, ведущий к демократии.

Жириновский человечней. Людям ведь плохо, да? Они близки к социальному отчаянию, хотя я не скажу, что оно доминирует в их поведении. Они слышат речь человека, который называет боль болью и разговаривает с нагло обескураживающей, но симпатичной им откровенностью. Люди привыкли к *стилю однозначности* – пожалуйста, им возвращают воинствующее однозначие. Ему внимают, ведь это совпадает с тем, что они сами хотели бы крикнуть в лицо властям.

Тут я ставлю вопрос о *нехватке советского ментального иммунитета и о дефиците русского ментального сопротивления*. Без обновления речевого поведения открытая наглость Жириновского импонирует выходом за пределы стертых, ничего не значащих слов. На фоне смысловой анемии демократов, говорящих на языке, не внятном миллионам людей, словами, которые не проникают в сознание. Этот момент существенный, но преодолимый. Он мог бы стать кратковременным, если на место однозначия явится разноязычие и разные смыслы найдут дорогу к разным слоям людей. Без этого тоталитарная инерция не будет ни ослаблена, ни пресечена.

Жириновский паразитирует на неспособности демократов к альтернативе, привлекательной для человеческих чувств. На пустоте паразитирует простота, призывая к действию однозначному. Однозначность «виновниками» *заместила причины* – спутанные истоки нашего сложного состояния, ведущие вглубь прошлого, не доступные осознанию вне мирового контекста. Намеренной прямизмой, *привлекательной оскорбительностью* Жириновский тревожит ущемленное чувство справедливости.

Вульгарность считывается как открытость. Он что-то обещает сделать сразу – и не исключено, что смог бы, будь Мир таким, каким был в середине тридцатых годов. Но Мир не таков.

Мир спотыкается на нас здесь, в России. Деколонизированный Мир миллиардов, которые еще далеки от полноты возможностей, но уже бросили вызов цивилизациям белых континентов. При затягивании наших недугов этот Мир успевает выйти без нас на альтернативное поприще, к земному единству жизнотворящих различий.

Вот в чем дело, а не в мнимом «русском фашизме». И не жалкий Жириновский опережает – всех опережает никем не распознанный *грядущий* фашизм. Жириновский не более чем табло: «Внимание, идет съемка!» Глядя на него, поймите: фашизм будущего имеет шанс снова опередить вас всех.

Антирыночность в фашизме будущего несомненно будет присутствовать, как у Гитлера в его анти-Веймарском антикоммунизме всюду присутствовали евреи. Теперь опять нужен, еще непонятно кто, но кто-то различимо присутствующий всюду. Должен найтись универсальный злобещий враг – к счастью, Жириновский в этом недобирает.

Нужен враг, персонифицирующий все, что своим существованием ухудшает положение русских и за счет кого якобы можно разом улучшить их положение. Тогда и будет фашизм. А Жириновский лишь заявка на него, суетливый помреж с предупреждением: осторожно, съемка началась!

Но тут мы подходим к другому вопросу: Жириновский не только обязан слабости демократов – его патронируют из Кремля. Он по-ноздrevски играет в шашки в Завидово с президентом, с ним парится в бане и всюду говорит: мы с президентом заодно! И это не лишено реальности: без его поддержки не прошел бы проект Конституции 1993 года.

Само существование Жириновского создало новый соблазн для Кремля – соблазн *управляемости публичной политикой*. «Гляньте, Жириновский опасен!» – и избиратели сплачиваются в доверии президенту. Жириновский опасен – и Запад поворачивается к Ельцину с займами в руках. Создалась необычная ситуация, когда кажется, что *демократической политикой легко управлять*. Опасное заблуждение! В конечном счете обманутым в своих расчетах окажется не столько Жириновский, сколько президент. Важно, чтобы не поплатились люди, чтобы вновь не пролилась кровь.

188. Гайдар «вводит рынок», и силовые структуры оживляются.

– Смешно сказать, два-три человека, ни один из которых не экономист, ты да я сидели и обсуждали нынешние бедствия аж еще в 1980 году. Зачем было нам их обсуждать? Забавно.

Здесь никого ничему нельзя научить. Я в лицо говорю Гайдару, что правительства нет и он угоден президенту тем, что не ведет политику как премьер, мирясь, что сфера власти вне компетенции правительства вообще. А Гайдар на это мне говорит – пожалуй, да! Но, знаете ли, мы были заняты – вводили рынок. На это я смотрю как на их коллективное безумие: *вводить рынок!*

– У этих слов политическая нагрузка – заявка на место вождя. Когда рынок «вводим», ему нужен «вводящий».

– Вводитель у нас великолепный, Верховный Совет. Хасбулатов поначалу был большой рыночник. Я ему говорил: слушайте, примите минимум правил, но не устанавливайте особое правило на всякий случай. Иначе всякий раз нужно идти к вам, что мучительно и разорительно. Но я видел, что это-то ему и нужно!

Гайдар не понял простой вещи: поначалу монополистов можно было цинично разорить. Но это стало невозможным в обстановке распада, когда в людях восстали страсти по утрате СССР. И возникла хорошо известная схема – «через пропасть в два прыжка».

Ему кажется, что проблема власти решается тем, что Ельцин взял ее на себя, а проблема Союза решится тем, что России без Украины и Средней Азии проще делать реформы. Два несовместимых условия были положены им в основу политики.

– Он забыл то, что в России нет государства и некому его создавать. Все прежние возможности общеобязательных решений держались на авторитете Союза.

– Между прочим, при сохраненном Союзе и некоторые реформы им было бы легче осуществить. Силовики с военными под партией сидели тихо, как шелковые. Распад породил соблазны, усилив силовые структуры с их ухватками. Монополисты первым делом нашли общий язык с силовиками. Как это увяжется с «вводимым» рынком?

189. Как советская система выбрала наихудший вариант. Гайдар в прогрессе безальтернативности.

– Гайдар – человек, который был бы очень полезен в другой роли. Иногда нужен министр финансов, обладающий социальным безразличием, чтоб резать по живому. Которому все равно – все эти тетки, врачихи, дети... Но что ж вы, идиоты, сделали такого человека главой правительства?! Зачем вы ему вручили все дело, когда у него на лице написано полное социальное безразличие? Реальные люди искренне не укладываются в его голове.

Но давай объективно отнесемся и к несимпатичному нам Гайдару. До поры до времени все говорили о том, что «нужны радикальные реформы», и не делали ничего. Произошел перелом: пришел человек, который стал делать. И нам нечего против этого возразить. Именно страх действовать, вечные колебания Горбачева с отсрочкой действий при бессмысленном накоплении прерогатив привели к этому результату.

Скажу больше. Когда советская система, не будучи разрушенной до конца, стала что-то делать, спасая себя, она – силой заложенных в нее ограничений! – *выбрала наихудший вариант*. Она и не могла выбрать лучшего варианта, поскольку она остаточная сталинская система. В ней нет интеллектуального задела, чтобы, перебрав варианты, выбрать оптимальный с учетом разнообразия и несводимости России к общему знаменателю. Система выбрала самый плохой вариант, или один из самых плохих.

– **Ты же сам говорил, что надо пожить со своими бедами один на один.**

– Конечно, России надо побыть собой. Но это опасная ситуация, бесконечно опасная. Побывать наедине с собственными бедами – значит разорять себя и кровопролитствовать.

Ситуация пороговая. Система не только безальтернативна, она еще погрязла в прогрессе безальтернативности. Ей надо выпрыгнуть из самой себя какой-то новой протоальтернативой. Без полосы болезненного обретения сверхсуверенности ей не прийти и к новой интеграции.

190. Провинциальный бартер. Самопоедание системы, власть как товар. Что такое Администрация президента?

– Интересно, куда движется почти не затронутая событиями внесмоковская Россия? Ведь провинция не претерпевала всего, чем трясло Москву. Она не прелестилась перестройкой и поэтому не разочарована. Ничего московско-демократического там уже никогда не будет. Под давлением задач выживания власть переориентировалась с идеологом на социобиологию населения. Почти всюду первый секретарь горкома стал главой администрации, и Ельцин уже не возражает.

– Мне рассказывал человек, чем держится Свердловская область. Понимаете, говорит, у нас теперь все на бартере. Связи экономические порваны, все на натуральном обмене. Самые предприимчивые – из бывших инструкторов горкомов и обкомов. Они всех знают, и их знают все. Связывают одних с другими, меняют то на это, как могут. Кадры обновилась, пришло много молодых людей, и самые опасные хищники – из комсомольских работников!

В этой связи опять вспомнил поразивший меня архивный документ «Народной воли» – письмо Льва Тихомирова⁴⁹. Тогда как раз была пауза в терроре. С приходом Лорис-Меликова⁵⁰ народовольцы прекратили террористические акты, даже с конституционалистами связались. И есть письмо Тихомирова о том, что мы, революционеры, совершенно проморгали *проблему учреждений*. Никто из нас не разбирается в учреждениях! А без этого знания как переделывать Россию? Пора срочно изучать учреждения Империи и как те работают.

Уже при Брежневе власть превратилась в товар, и пошли структурные метастазы. Гигантская сталинская машина, что умела по приказу за день перебросить завод по воздуху, стала разлагаться. Абсурд в планировании, в системе служб отбора и перераспределения ресурсов наносил землям страшные увечья.

У меня был знакомый экономист по размещению производительных сил – один из тех, кто спас от затопления район Тюмени, где теперь добывают нефть. Уже появились данные, что там есть нефть и газ, но зачем-то решили строить ГЭС и затапливать земли. Им едва удалось отбиться – у секретаря обкома патрон был членом политбюро. Друг был в государственной экспертизе и говорит: «Ну для чего вам такая плотина?» – «Как зачем, – говорят, – а у соседей же есть!» – «Нет, вам-то зачем?» – «Мы просчитали, все окупится!» – «А нефть, которую вы затопите, посчитали, сколько стоит? А во сколько обойдется перебазировать людей на новые места, чтобы те обзавелись жильем?» Каждый секретарь обкома мечтал, чтобы у него была самая высокая плотина в регионе – и сколько прекрасной земли при этом загубили!

Система стала самопоедающе страшной. Теперь ее руины заселяются, но предмет деятельности стал окончательно непонятен. А *непонятный предмет в России всегда предмет власти*. Демократы нахлобучили на власть атрибуты демократии, при этом удвоив презрение к людям. И еще удивляются, что число чиновников растет!

В новой политической системе России особенность: исчезло правительство. При Никите и Брежневе правительство еще было, при Горбачеве оно начало становиться ничем.

Теперь зато есть подполье власти – Администрация президента, смысл существования которой вообще непонятен. Что такое Администрация президента, что это за государственный институт? Заняли помещения в центре Москвы и управляют делами, не будучи, в сущно-

⁴⁹ Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) – русский общественный деятель, в молодости – народоволец, отрекся от революционных идей в 1888-м, что позволило ему вернуться в Россию из эмиграции; впоследствии – монархист.

⁵⁰ Михаил Тариевич Лорис-Меликов (1825–1888) – российский военный и государственный деятель, автор проекта первой Российской Конституции (январь 1881-го). Министр внутренних дел (с ноября 1880-го по май 1881-го), проводивший либеральную политику и активно ищущий поддержки общественного мнения. Во время его руководства МВД произошло успешное покушение на Александра II (март 1881-го).

сти, никем. Исполняют, лезут в функции правительства. Народу в ней три тысячи, чем заняты они все? Гигантская сила, которая приводит в движение самого президента, пока все попусту обсуждают его так называемые «намерения».

191. Нельзя «вводить» естественные процессы в неестественном социуме.

– Все сходятся, что нужно ввести рынок и правовое государство. Ну что за ересь! Правовое государство нужно определенным образом выстраивать, но законодательно ввести рынок – это мысль идиота. Рынок – состояние, проходящее через все существование людей. Разделение, кооперация, труд, обмен результатами деятельности. Со сложными производными, если цепь удлинится. Тем более когда она охватила практически весь земной шар.

– **У тех, кто сегодня обещает ввести «рынок», в этот мешок свалено много чего. Отчасти конкуренция, отчасти свобода от сильного государства. Отчасти мифологии советского происхождения вроде *чувства хозяина*.**

– Советский отрезок истории я не обсуждаю сейчас в полном объеме. Не касаюсь Октября и того, что мировая революция – не выдумка большевиков. Я касаюсь того неперемного условия советской модели, когда все, что производят люди, переходит в распоряжение власти, и та это распределяет. Пользуясь дензнаками как субститутутом рынка. Порядок, когда ежегодно в феврале пересматривают трудовые нормы, их повышая, зато каждый год в апреле снижают цены. Вот целостная система, она работала. Но в такой системе нужна очень крепкая власть – причем всеми признанная крепкой. Когда разглядят, что власть не крепка, то пересмотра норм не произойдет.

– **А снижения цен захотят все равно!**

– Весь результат деятельности забирала власть, и она же ведала его распределением. Что называлось «жизнеобеспечением населения» и, между прочим, не было чистой фикцией. Государство Сталина отбирает продукты труда и само их распределяет. Благодаря этому получая возможность *производить мощь и поддерживать лояльность* советских людей. Раз его нельзя поправить, что – давайте разрушим? Но люди станут сопротивляться, саботируя на уровне антропологии повседневности, самом важном уровне.

По какому пути шли, либерализуя цены и оставляя нетронутым монополизм? Предоставили его своей судьбе, и он попал в трудное положение, будучи обременен военно-промышленным комплексом. А после стал брать свое! Возможно, все необратимое с нами уже случилось. И я хочу прояснить это, понять.

– **Тогда разберись, совместимо ли «господство права» с идеей рынка, строящегося из Кремля.**

– При *данных* условиях, при *данном* наследстве и при *данном* населении к тому же! Сегодня *естественный процесс рынка хотят учредить, спустив его из Кремля вниз указом* – так дело не пойдет. В нашем случае *в стране почти нет естественных процессов!* Чтобы делу придать минимальную естественность, надо было сразу ставить вопрос о власти. Что Гайдару чуждо, ему это все равно.

Я б еще понял, скажи Гайдар – мы хотели просто разорить монополистов, но те показали мне кузькину мать. Прекрасно, вы хотели разорить монополистов социализма? Но вы разорили миллионы одиночек, и те не сегодня завтра полезут под чью-то власть. И это потому, что для вас, Гайдар, проблема власти была нулем.

192. Государство Россию можно строить только в отступлении.

– Вернемся в сегодня. Чем еще на останках советского тела может стать государство Россия? Как действовать, не пойдя на риск обвала, которого испугались в сентябре 1991 года? Ирредента тогда ведь была реально возможна, ее боялись. Я помню, как вскричали все демократы города и деревни: никакого экстремизма, никакой ловли ведьм!

То, что у Гайдара концепции не было, не умаляет факта, что концепции нет и у нас.

– Я думаю, что у меня она есть. Новое государство можно строить только в стратегическом *отступлении*. Оно должно политически отступить в жестко ограниченные, всем известные пределы. Урезав ряд функций, за счет суверенизации или республиканизации России, как угодно. Сильная государственная власть еще возможна, но она уже не «Москва, Кремль». Не располагая ресурсами, чтобы у всех все отобрать, а затем распределять самой, она вынуждена будет вступить в политическую игру с землями и договориться про новые правила. Но оставаясь в данных своих пределах, власть станет интенсивно и злокачественно разлагаться.

Часть 14. Приключения демократии в социуме власти.

193. Социум власти – это конвейер производства угроз.

– Меня интересует наша система власти, которая в принципе не умеет стать демократической. Не хочет тоже, но чаще не может, чем не хочет. И которую указами Ельцина превращают в фантом «государства».

– В термине «эта система» запрягано утверждение, что та была ею и десять, и двадцать лет тому назад. Но она была разной и оставляла людям разные шансы сопротивляться. Сегодня шансы исчезают. Мы это лишь констатируем взглядом наблюдателя? Либо все же попытаемся что-то с ней делать, следуя в ее потоке?

– Она всего лишь испорченная сталинская система власти.

– У Сталина было государство?

– Нет, это не было государством. Важно правильно называть вещи. В России всегда был *социум власти*, машина властвования. Он существовал *для защиты* от опасностей и не менее того *для продуцирования угроз*. Без угроз наш социум власти не работает. Ему нужно самому производить угрозы, чтобы масштабно и с нарастанием масштаба на них отвечать. В сущности, страшный механизм.

Была построена и работала система, которая (с точки зрения *мирового* хода вещей) решала *простые* задачи способами, которые прежде не применялись. Принося любые жертвы, зато делая все в кратчайшие сроки.

194. Человеческий ресурс советской системы – человеческие импровизации. Кто там остался живой?

– Россия наследует не только устарелое оборудование на заводах, но и особый сорт советского человека с ресурсами, отпущенными ему историей. При политическом анализе ситуации давай исходить прежде всего из этого.

В изречении Павла «не на развалинах, а из развалин», в его чисто библейской афористичности заложен политический смысл. Вопрос об остаточных возможностях советского социума и советских людей. Привычных к определенным условиям, но в крайности способных на что-то отчаянное. Пока что эти способности уходят на выживание. Люди неожиданно человечно перенесли разорение и хаос, авансируя систему непонятно за что.

– Послевоенное восстановление СССР без внешних инвестиций для меня экономическая загадка.

– Первичный технический задел тогда взяли у немцев, благодаря чему и ракетное дело пошло далее собственными силами. Увидев, что в руки попало, наши ахнули – они не думали, что такое возможно. А теперь твердят, что тоталитарная система чего-то там не позволяла, – ничего подобного! Производство ракет у фон Брауна было поставлено на таких скоростях, к которым США пришли во время войны в Персидском заливе.

Ядерного оружия Германия не завела только по глупости Гитлера. Иначе они его получили бы первыми. Американцы торопились не зря, могли не успеть. Зато когда под эгидой Сталина началось освоение ракетного дела, все пустили по правилам системы, – вводится десять ведомств, чтобы увязать их усилия, надо подняться на самый «верх». А «сверху» команда: никаких вольностей – делать, как у немцев! Не отклоняясь и не привнося своего, чтоб не испортить.

И вот эти советские люди, многие из них в лагерях посидели, ищут выход из положения. Конечно, и честолюбие Королева играло роль, его нежелание «под немцем» ходить. Эти главные конструкторы, все из разных министерств, у каждого свой министр – на собственный риск создают совет главных конструкторов. И, несмотря на трудности личных взаимоотношений, договариваются между собой – как делать и что решать в обход верхов. Благодаря чему дело пошло.

В этом вся наша советская система. С одной стороны, в самом капитальном она мертва и *мертвит собою*, с другой стороны, в ней всегда есть лазейки для человеческих импровизаций. Понятно – то, что вышло тогда, сегодня не выйдет. Но вопрос, от чего отсчитываться и что все-таки можно еще сделать, требует бесстрастного анализа всего, что там у нас есть за спиной. С запретом на оценки – оценочные выражения запрещаются! Запрещены эти глупости про «тоталитарную систему» и «совков». Лучше выясните, что и кто там остался живой?

195. Советское человеческое пространство.

– Дано: советское экономическое пространство. Оно воздвигнуто монополией и перешло к России без убытия монополий. Оживить это пространство, сделать его качественно иным нельзя. Однако есть еще одно, уникальное по смешанности, чересполосности *советское человеческое пространство*. Его можно реанимировать. Оживление *второго пространства* даст России шанс: отсюда может вырасти иная экономическая повседневность в обновленном, внутренне реорганизованном виде. Новое место в том Мире, который уже не будет «геополитическим» в старом смысле.

Нужен опыт обратного движения, от человеческого к экономическому пространству и далее – к тому, что некогда было геополитическим, а сейчас стало великим неизвестным. Этот обратный ход от человеческого пространства реструктурирует экономику и наше место в Мире – который тоже не стоял на месте. И сможет благодаря нам стать другим, чем сейчас.

Проблема, о которую все споткнулось, – проблема *политики реверса* от человеческого пространства к экономическому и мировому. Первое еще можно оживить – в людях и их отношениях, тех «великих малых делах», которые имеют спасительный смысл. Много неявных возможностей, отсчитывающихся от человека, не входят в патологически зауженный оком «процесса реформ». Проблема деформации поля зрения – вообще одна из фундаментальных для человеческого сообщества.

Альтернативу, которую можно выразить словом *неоинтегрализм*, можно рассмотреть как вопрос *исходных условий реформы*. Концепция нового интегратализма – ее ядро. Безадресность наших усилий сегодня – это реальность. Но эта безадресность связана с ничтожностью российских «политических сил». Новая их демаркация только намечается. Вопрос «кому адресоваться?» решается не по нынешнему справочнику «вертушек», а способностью открыться проблемам большинства. Надо завоевать и расширить адресность до нового большинства!

То прежде сдавленное, что вышло наружу и болезненно распрямляется, – различия в образах жизнедеятельности предстают сегодня в виде *невзаимного соседства*. До сосуществования в ясных статусах дело не дошло.

В рамках старой логики нам эти потенции не реализовать. В свете этих проблем нынешний спектр политических партий с незначимыми различиями в интонациях отстает перед объединением разных на почве нового интегратализма.

196. Порча советской результативности.

– Возьми советскую систему в свете освобождения советского раба. Эта система в классическом варианте сочетала в себе такие несочетаемые вещи, как страх, заботу и сумасшедший ежедневный патернализм. Проклинай «распределительную систему», но человек ощущал ее и как вериги, и как заботу. Советская система была еще и миродержавной – то хамски, то поинтеллигентнее. И благодаря гигантским жертвам она долго была результативной. Что органично для России власти – воспроизводя застрявшие экстремальные ситуации, саму себя она делала все необходимей. Становилась предметом общей жизни и заботы. Леонид Ильич довел это до бессмысленного предела, хотя он редко вмешивался в экстремальную ситуацию. При военных мощностях того уровня, которыми можно решать судьбы Мира, Брежнев был еще очень сдержан. Впрочем, Чехословакии с Афганистаном оказалось достаточно. Зато ничего нельзя было решить толком. Далее система в *каждом* из этих пунктов стала портиться: ее патернализм, ее миродержавность и ее сдержанность становились все более аритмичны и безрезультатны.

197. Демон «отмирания государства». Пространство лимитирует унификацию Евразии.

– Вот известная ленинская формула: *отмирание государства*. Этакий теоретический парадокс, на слух приятно-либеральный. Но это же страшная вещь – отмирание государства. Оно предусматривает, что сперва государство стало *всем*, присутствуя в каждом моменте человеческой жизни от колыбели до могилы. А затем оно само себя упраздняет. Но какое же государство, став всем, будет себя упразднять? Да у нас и не государство вовсе.

Собственно, в истории России государства не было. Историки забывают, что в России даже правительства не было до октября 1905 года. Каждый министр входил с отдельным докладом к государю, и так велась государственная жизнь. После этого были, собственно, всего два заслуживающих внимания премьер-министра, и обоих устранили со сцены: Витте и Столыпин.

Идея отмирания государства внутри не-государства сыграла скверную роль. Эту идею ухватил Сталин, используя в своих интересах. Именно на витке, когда псевдогосударство, а на деле власть нового образца, становилась всем. И в качестве таковой стремилась себя увековечить.

Советская система была по-своему уничтожающе героической. При начале войны Устинов⁵¹ был наркомом вооружения, еще молодой. Вызвал Сталин, сказал, что какая-то важная часть самолета нужна, захвачен завод, который единственный это производил. Территория была под немцем, и станки уже повезли на Восток.

Сталин ему сказал: «Вы знаете, товарищ Устинов, что наши летчики не могут летать?» Тот говорит: «Меры приняты, товарищ Сталин, завод следует эшелонами и прибудет на место тогда-то. Площадка уже подготовлена». Сталин ему: «Товарищ Устинов, вы меня не поняли – наши летчики без этого не могут летать. Поняли, что вам сказано?» Тут же из остановленного эшелона по воздуху все перенесли на ту площадку. В считанные часы.

Можно так управлять сегодня? Нет. А отвыкнуть так жить смогли? Тоже нет.

Теперь мы вошли в ситуацию, где *простых задач нет*. Но есть руины системы, заточенной на решение простых задач любыми жертвами в уплотненные сроки. А самих этих задач нет, они стали сложными.

Эту систему сегодня рушат глупостью и коррупцией. Но система начала разлагаться еще тогда, когда простые задачи ушли и выдвинулись такие, которых эта машина по природе своей вообще не может решать. Теперь с ней может быть все что угодно.

Переход от простых задач к сложным пространственно лимитирован – включается *лимит пространством*. Унифицированное пространство советской Евразии не мешало системе, решавшей простые задачи безжалостным способом. Но когда задачи усложнились, само пространство говорит: «Стоп! На такой территории вы сложных задач единообразно не решите!»

– **«На такой», в смысле – такой большой?**

– На столь не сводимой к единому основанию. Такой неподатливой унификации. При той гамме цивилизационных различий и рвущихся наружу несовпадений.

---

⁵¹ Дмитрий Федорович Устинов (1908–1984) – советский политический и военный деятель, в 1941–1953 годах народный комиссар – министр вооружения СССР.

198. Кейс унифицированной реформы: Рыжков, Алиев, кефир.

– Знаешь, что значит унифицированная реформа? Вот Явлинский рассказывал. У него только начиналась карьера в Министерстве труда, и готовился закон о социалистическом предприятии. Явлинский написал собственный проект закона, разослал по всем адресам, и бумага каким-то образом попала Горбачеву. А в правительстве уже была группа по разработке закона во главе с Гейдаром Алиевым, он тогда был первый заместитель председателя Совета министров Рыжкова. Горбачев пишет: «Товарищу Алиеву – надо учесть». По этому поводу Явлинского вызывают в кабинет Рыжкова. Рыжков читает проект, сличает с алиевским, наконец ему надоело, и говорит: почему я этим занимаюсь, раз есть Алиев? Звонит Алиеву: «Зайдите». Тот: «Не могу». Рыжков: «То есть как это не можете?!» – «Не могу, здесь у меня член политбюро сидит!» Рыжков в ярости бросил трубку. Через полчаса появляется Алиев (а Явлинский еще не ушел). Рыжков почти кричит: «Вы мой заместитель? Когда я вас вызываю, вы должны прийти – чем вы там занимались?!»

«*Вопросом о кефире*», – отвечает Алиев. – «То есть как?! – Рыжков уже совершенно вышел из себя. – Вы издеваетесь – какой еще вопрос о кефире?» – «Готовим закон о запрещении производства кефира. В кефире, – говорит Алиев, – есть алкоголь». Идет антиалкогольная кампания, и в политбюро обсуждают запрет производства кефира!

А сейчас что, не так? Столь разные деятели, как Жириновский и Собчак, предлагают нарезать Россию на равномерные губернии по старому образцу. Что нереально и стало бы катастрофой, если б сделали.

То, что сейчас нужно, – не «реформа», а *условия*, чтобы начать реформы.

199. 1933–1993: две революции сверху. Гайдаровская машина люмпенизации.

– Гайдар – Ельцин, это попытка осуществить *антикоммунистическую революцию сверху* в условиях, которые объективно ее уже не позволяли.

– **В чем тут функция ельцинского антикоммунизма?**

– Тот предполагает искоренение памяти Революции и всего, что она соорудила и ввела в человеческую жизнь. А вместе с Революцией искоренили Республику. Пустота таких масштабов по законам повторения, таящихся в людях, повела к очередной *революции сверху*, со всеми ее атрибутами, приметам и аксессуарами. В этой уродливой форме полубессознательно вышла наверх пародия на сталинского нового человека – *россиянина*.

– **И в чем ты видишь сегодня революцию сверху?**

– Уничтожая крестьянство, Сталин из этой уничтожаемой среды добыл социальную опору. Вот и люди Гайдара, уничтожая советский социум, провели свою *революцию сверху*. Одним ударом изменив все отношения собственности, они изменили основания власти. Кажется, если наносят удар по сбережениям и социальной безопасности людей, они принуждают их к экономической деятельности и получают опору. Но они вызволили монстра монополизма и подчинили ему жаждущего активности человека. Монополизм обрел новую мощь и многомиллионную клиентуру.

Январь 1992-го: гайдаровская обвальная реформа, призванная не столько убрать пресловутый «рублевый навес», сколько одним ударом вышибить советскую толщу из прежних локусов жизни. Принудить миллионы «совков» к полной и одномоментной смене стандартов поведения. Результат – обеднение при мгновенной поляризации на утрированно богатых и бедных. Отказ от демонтажа советского монополизма. Высвобождение монопольного монстра с опорой на него и поощрением его к захватам государственного имущества. Это *приватизация власти*, стремительно перешедшая в приватизацию собственности на криминально-бюрократический лад.

Простая мысль не приходит в голову ни одному человеку, но заслуживает быть обсужденной. Ведь безумное и, в сущности, бесполезное кровопролитие октября 1993-го произошло между людьми августа 1991 года.

Ситуация, как она сложилась после августа, в гигантской степени определяет поведение Ельцина. В августе и сразу после него им было возможно все. Момент, когда все доступно, все можно сделать. *Чего нельзя?* Конечно, это гипербола, но то, что трое людей, дабы устранить четвертого, упразднили Советский Союз – этот скверный анекдот имел глубокие основания в той ситуации всевозможности. Исчезновение Советского Союза обострило проблему *удержания человеческого пространства Евразии* – проблема, которую не осознали и не поставили. Власть в лице Ельцина шла навстречу суверенным поползновениям, одновременно стремясь удержать пространство в рамках единой и неделимой. Несовместимые политики, провоцирующие одновременно радикал-централизм и сепаратизм.

Каков результат? *Отказ от поиска альтернативы советскому* мстит за себя опустошением деятельной стороны власти. Излишек функций и прерогатив центра стал искать себе более простого, то есть по природе – крайнего поприща. Вот момент, разъясняющий сентябрьско-декабрьские события 1993 года. В результате в России стремительно импровизируются варианты авторитарного режима, лишенные реального государственного поприща. Беда не в росте авторитарности, беда в *авторитарности при отсутствии альтернативной программы и государственных задач*.

– **Авторитаризм без программы и карты движения по маршруту назван ими «процессом реформ».**

– С одной стороны. А с другой стороны, это неточно. Проблема, нараставшая в течение всего 1993 года, состояла не только в неясности, как продолжать. Налицо был нарастающий кризис доверия, болезненный для Ельцина как для импровизированного лидера. Грозный дефектами в *рейтинге* – *единственном показателе, которому сознание президента доверяло*.

Проблема для него выглядела так: можно вернуться назад? Нельзя. Тогда *чем откорректировать состоявшуюся революцию сверху*? Попытку команды Гайдара одним ударом вышибить людей из советских ниш, принудив к смене своего поведения?

Тут еще одна параллель с фазой коллективизации, когда Сталин потерял было контроль над процессом. Выражаясь языком «горячих точек», ситуацию начинают определять полевые командиры, которые манипулируют политическими лидерами. В Белом доме мы видели, как Хасбулатов с Руцким стали заложниками тех, кто там находился. Но ведь другие полевые командиры с этой стороны сидели в Кремле.

– Гайдар действует по плану Сталина? Недурно для заголовка, но слабо вяжется с твоим взглядом на историю как непланный процесс.

– С этой точки зрения либерализация 1992 года была той же *революцией сверху*. Гайдаровская попытка разом изгнать людей из советских ниш, принудив их к одноактной смене экономического поведения. Всех и сразу! Но так как это невозможно, процесс откатился в сторону, где ранее начавшаяся приватизация власти подмяла под себя приватизацию собственности. В спазматические краткие сроки бюрократическо-криминальная собственность преобладает в единую власть. Где выход из этого? Что нам предложить альтернативой?

– Что если саму приватизацию собственности обусловить сохранением централизованной власти? Чтобы нанести удар приватизации власти изнутри, силами самой власти. Этакая «контрреволюция революции сверху».

– «Революцию сверху» можно остановить, лишь дав ей альтернативу, а альтернативу нельзя предложить в домашних рамках РФ.

200. Российский лагерь как преступление российской демократии.

– Центральный вопрос уже не отношения Президента с Верховным Советом. Люди на первый план выдвигают даже не обнищание, на первый план они ставят *преступление*. Шоковая терапия Гайдара чудовищно сработала на рост преступности. Не затронув монопольных структур, она дала зеленый свет шарлатанам, нуворишам и просто уголовникам. Люди это ясно чувствуют. Но чтобы бороться с преступлениями, нужно не внедрять западные институты, а что-то энергичное, сильное, властное. С убийцей надо действовать быстро.

– Ну, быстроты нам не занимать. Заметь, что после всех клятв Солженицына ГУЛАГ на месте и даже расцвел на «процессе реформ» по Гайдару. Эшелоны, полные зэков, идут на Восток. Абрамкин говорит, с пятидесятых годов по девяностые пятьдесят миллионов прошли через тюрьмы и лагеря. Примерно *каждый четвертый мужчина* активного возраста через это у нас прошел, а лагерная масса только выросла при демократии.

– Я спрашиваю, сколько еще будет оставаться в России такая гадость, как лагерь? В нормальных обществах «лагеря» вообще нет – есть тюрьма. В лагерь легко засадить сколько угодно людей, а тюрьма ограничивает. Скажут, тюрем у нас не строили с царских времен и они маломестительны? Но интеллигентам пора осознать, что тот способ борьбы с преступностью, который есть, а они его терпят, – тиражирует преступность, которая их подомнет.

Наше общество не делает *различия между проступком и преступлением*, оно их смешивает, ссылая людей в безразмерные лагеря! Оно творит рецидивистов. Нужна принципиальная перемена – *вывести проступок за пределы преступления. Декриминализовать поведение человека*. Ввести разнообразие форм внетюремного наказания. Без этого подавляющее большинство граждан России хотят смертной казни – и не видят, что зовут к себе в жизнь убийцу.

Вопрос о мотивах поведения людей и о страшном, часто безмотивном превращении человека в злодея в считанные минуты требует диалога, в котором участвовали бы и вчерашние преступники.

Проблема преступления связана с тем, откуда растут несогласие, несовпадение и конфликт – и как переходят в ненависть, подавляясь по правилам ненависти.

Раз вам так хочется иметь смертную казнь, не будьте трусами. Довольно расстрелов по подвалам – вешайте преступника сами на месте преступления. Но не превращайте своих детей в рецидивистов. Ведь молодых ребят, даже девочек, волочат в лагеря через всю страну! И все знают, что с ними делают на пересылках. Кто-то верит, что они вернуться домой нормальными матерями? Господа московские демократы, вы звери.

201. Тупик непарламентской оппозиции. Растление идет по вертикали из центра на места.

– Говоря по-честному, не вижу, чем откорректировать развернувшийся по всей стране процесс захвата и присвоения власти. Здесь нужна прямая политическая борьба, прямое действие, а от этого все бегут – интеллигенция первой.

– Но есть и права политической борьбы. Если это обойти, в чем вообще реальность прав человека, чем они, собственно говоря, обеспечены? Допустим, Валера Абрамкин защитит человека, если того неправильно посадят. Но как защитить человека, когда за его спиной и его именем решают его судьбу? Ревизуем проблему демократизации: чем сбалансировать растущий дефицит самостоятельности? Как осуществить право человека на самореформирование, чтобы его не загнали в угол? Ты сказал «на это есть политическая борьба» – что такое с этой точки зрения ваша внепарламентская оппозиция? Она защищает массового мелкого собственника против криминального приватизатора власти.

Гайдаровская политика привела к тому, что на свободу выпустили монопольного монстра, которого прежде контролировала КПСС. А он еще приобрел криминальный характер, а его внутренняя противоправность реализует себя в удобных легальных формах. А после 4 октября он делает заявку и на центральную власть.

Надо этому помешать! Помешать можно, только перераспределив власть и собственность на места, где их легче оспорить. Это не идиллический процесс, и люди у нас не святые. Потребуются демократические формы перераспределения власти и собственности, от центра к местам. И с этой точки зрения затеянная вами внепарламентская оппозиция – это самоорганизация людей на местах для воздействия на власть, от них не зависящую, корыстную и далекую.

– Я бы сказал, это не вполне релевантно. Из того, что люди на местах самоорганизуются, не вытекает смена системы. Растление идет и снизу, я не знаю, где теперь корень зла.

– Нет, органикой социума власти *растление идет как процесс, спускаемый из центра на места*. Региональные власти стали не более чем проекцией власти Кремля. Государственность – это огромный Чубайс, поделенный на восемьдесят Чубайсов, бюрократическая машина со своей периферией. Реформы остаются проекцией центра, ведомого узкой кучкой, с вытекающими отсюда следствиями. Необходимо становление *«мест» в качестве власти*, способной распорядиться всем, что есть на ее территории с отделением собственности от власти.

Мне важны эти вещи с законодательной точки зрения. В ситуации, которую ты описал, где тут права человека? Но ведь у человеческого субъекта есть права. Ситуация пока не вышла за рамки так называемой «всенародной собственности». Эта всенародная собственность претерпевает описанные тобой превращения. И встает старый русский вопрос о *правах человека как народных правах на власть и землю*.

– Он стоит еще традиционной – как вопрос минимизации прямого насилия. В новой Конституции указаны изъятия, какие из прав не могут быть ограничены в период чрезвычайного положения. Причем не указаны – право на национальное равноправие, на свободу совести, частную собственность и так далее. Целый ряд прав провис при полном безразличии интеллигентов к вопросу.

– Потому что для них Конституция – это фиктивная вещь. Движение в защиту прав человека создано экстремальным моментом октября 1993-го. Оно должно теперь перевести себя на долговременную основу, с иным классом решения задач. Вторая плоскость задач – последствия распада и расчленения Союза и все, что отсюда проистекает, включая беженцев. Уже есть диктатор Лужков, теперь в Питере вводят особый режим, а миллионы русских людей вынужденно кочуют. И третье – место России в мире. Формирование новой державы, нового сообщества в

рамках мирового. Это и проблема ядерной безопасности, касающаяся глобального множества сил. Всем этим можно задать тон и повестку движению внепарламентской оппозиции.

И на твоём месте я бы выдвигал требование предоставить телеэфир представителям независимой общественности. Потребуй – пускай откажут!

– Откажут не задумываясь.

– Пусть откажут. Глеб, в том и политическая борьба, что противнику подсовывают неприятные ему лакмусовые бумажки. На чём надо стоять твердо, так это на том, чтобы избранная в декабре Дума стала Учредительным собранием. Внепарламентское движение должно потребовать, чтобы Дума объявила себя Учредительным собранием. Но это зависит от того, как они толкуют все на свете. Как ты знаешь, Ельцин теперь у нас *дважды легитимный Президент*. Это замечательная формулировка, юридический шедевр нашей сволочи – «дважды легитимный».

Я бы отдельным заявлением высказался против референдума по Конституции. Это замаскированная форма попрания прав человека. Конечно, они 50 процентов от явившихся соберут. Хотя черт его знает? Многое зависит от этих дней. С другой стороны, ради собственного блага я не хочу, чтоб ты этим занимался.

Демократическая проблема России сегодня в том, *как принудить новые большие деньги к деятельности.*

202 Демократия как хорошо адаптированная революция

– В конце концов, что такое вообще демократия? *Демократия – это адаптированная революция.* Она никогда не опережала, она всегда *post*. Демократия является формой ассимиляции *сопротивления человека историческому процессу* в крайних его формах. Она закрепляет то, что было завоевано, в общем говоря, недемократическим и неправым путем. Если этого нет, нечего говорить о демократии. Равна ли демократия, например, правовому государству, о котором твердят на каждом шагу? Хорошо иметь правовое государство, но тождественно ли оно демократии? Я лично сомневаюсь. В конце концов, каким образом утвердилась демократия?

Демократия, если вдуматься в ее исторический генезис, – это всегда обновляемая оппозиция правовому государству. Если такой оппозиции нет, то нет демократии и само правовое государство пойдет насмарку.

И для нас проблема демократии состоит в том, чтобы наполнить смыслом, серьезностью и ответственностью *зону сопротивления*, раздвинуть ее. Демократия в России возможна не только в качестве силы, противопоставляющей себя авторитарному режиму, но в качестве суверенного движения мысли и действия, которое оппонирует централизованному государству.

Часть 15. От холодной войны к третьей мировой.

203. Американская диктатура именем счастья человеческого. Дефицит вариантов сопротивления.

– Мы свидетели возрождения коалиции сил, именуемой «Западом» старобрежневских практик в новом виде и иными средствами.

– Жесткой глобальной доминанты, которая не оставляет воздуха ничему, не известному заранее. Конечно! Но ведь и Мир холодной войны не вернуть назад. Отобрать автоматы у воюющих в Сомали? Это даже не утопия.

– Некогда, на перегоне от двадцатых к тридцатым-сороковым годам все оборвалось катастрофой. Достигают ли наши нынешние попытки работать с мировыми задачами хотя бы уровня двадцатых годов? А ведь тогда и его не хватило. Мы выше этого уровня или хотя бы на нем?

– Нет уж, какое там «выше». Только вчера прошло, и вижу, как все заново начинается. Кто-то хочет предписать таджикам образ их жизни, ради этого русским надо снова сторожить Памир. Какая беспомощность ума перед запертостью людей при открытости их горя. Казалось бы, что плохого, если в мире глобальных СМИ человеческие несчастья стали всем ведомы и доступны для внешней помощи? Но и отсюда уже растет новая диктатура – американская *диктатура будущего именем чужого горя!*

– Тогда мы опять стоим перед старой проблемой русских – дефицитом средств выживания. Нельзя исключить, что при вакууме политических инструментов некие личности окажут воздействие. Как Гусейнов в Азербайджане. Кто предвидел, что директор мясокомбината свергнет филолога Эльчибея?

– Да. Вообще, где это предписано? Действует сталинская машина негативного отбора. Приведенная Сталиным в действие и покинутая в одиночестве, она не справляется с задачей отбора лучших вариантов. В ней исключен фактор непредусмотренности, нет учета импровизаций. Но тогда сам отбор становится ограничителем выбора и склеротизирует политику.

204. Горячие точки как институт социума власти. Противоальтернативные войны близкого будущего.

– Заплачена дорогая цена за то, чтоб кончилась холодная война. Пусть говорят, что довольно было Горбачеву пойти навстречу, чтоб та кончилась. А я скажу, не будь Чернобыля, беды глобального уровня, – не было бы ни Рейкьявика, ни Мальты. И нынешнего соглашения в Вашингтоне Ельцин – Буш не было бы без августовских событий 1991 года. Что же, нам каждый раз выходить из холодной войны через собственные и мировые катастрофы?

Холодная война – это два поколения людей, выросших в ее рамках, надышавшихся ее воздухом. Это не заблуждение, которое можно отслоить от остальной жизни, – это проекция человека как такового. Это человеческая жизнь, которая дышит кровью.

– Сумгаит, Баку, Вильнюс, Бендеры – дыхание кровью нашей системой освоено. Она где-то остановится, как думаешь? Или нет?

– Скажу одну вещь, она покажется странной. Рад буду, если неправ. Говоря откровенно, вот эта нынешняя беда – «горячие точки» – места, где человек свободно убивает человека, – они новый *институт нашего социума власти*. Они тонизируют нашу верховную власть, надевая ту ролью. Допустим, их к общему счастью не станет, и Кремлю останутся одни экономические трудности с тяжелым социальным хвостом. Трудно сказать, как бы повернулось дело, а теперь Москва занята делом – она «урегулирует кризис».

Многие человеческие инстинкты различимы в коллизиях горячих точек, от благородных до низменных. Один говорит: я за русских в Молдавии! Другой – ще не вмерла Украина! – и так далее. Это невольно образует сильный политический ресурс человека в Кремле. И очень опасно, как бы он, идучи этой дорожкой, не потерял самоконтроль.

Возьми то, о чем мы говорили, – кровопролитие и бойня в Бендерах. Погляди, как быстро помирились лидеры и о чем-то договорились! Можно смотреть на это как на плюс, а следует ужаснуться. Ведь для того, чтобы договориться, обменявшись поцелуями и рукопожатиями, всем нужно предварительное кровопролитие. Нужен театр экстремальной ситуации! Привыкание к экстремальности очень опасно. Такая власть легко выйдет из-под контроля, да она почти уже вышла.

Россия представляет явную картину беды. Дело не в том, что у Ельцина дурные свойства характера, а Гайдара тянет к Пиночету. *Может ли с России импровизированно начаться мировая нивелирующая катастрофа?*

– Такой вопрос требует ответа: «да, может» либо «нет, не может».

– Внутри СНГ, а теперь и внутри самой России наметилась тенденция *противоальтернативных войн*. Когда, не достигая альтернативности в развитии, задачу пытаются решить с помощью силы. Россия либо выполняет функции Объединенных Наций на территории СНГ – либо действует, как Москва, вторгаясь в жизнь государств, объявленных независимыми. Что потом? Россия ли за счет Молдавии и Украины, Азия ли, двинувшись обратно на север за счет России? Вот открытые вопросы, доходящие до реалий сегодняшнего дня. Согласится с этим население России, имея в виду человеческие жертвы, и согласятся ли другие? А когда этот новоявленный ангел добра Шеварднадзе устроит «марш мира» на Абхазию – что делать абхазам? Выставить участникам марша угощение? Они зовут российских генералов, и это понятно. Непонятен кардинальный вопрос. Мы возвращаемся куда, в X век? В XVIII? Христианские страны хотят быть с Россией, а горские народы, которые некогда явили образец отпора экспансии, еще могут отбросить нас к временам Шамиля и Хаджи-Мурата. Разве такое исключено?

Россия как угрожаемая ниша Мира – сейчас самая опасная для Мира страна. Идя по этой ниточке, я прихожу к выводу: только став *Миром внутри себя*, русское пространство Евра-

зии может из уже наметившейся *перспективы не быть* перейти в реалистичную «перспективу *быть*». Оказав решающее воздействие и на поворот Мира к глобальной *перспективе «быть»*.

Есть не решаемые нашими средствами проблемы. Их нерешаемость не представили те, кто мог пойти навстречу им ответственно, а потому их оглашают такого рода персонажи. Которые обещают одному человеку возможность самореализоваться за счет другого человека. Можно сколько угодно говорить, что это фашизм, – да, это фашизм. Но почему мир должен бояться Жириновского, раз Кремль его не боится?

Мир должен понять, что, вкладываясь в людей типа Гайдара, он ничем себе не поможет. Надо вкладываться в русскую непохожесть на Запад. Но сперва непохожесть должна заявить себя альтернативной программой, говорящей на языке большинства людей.

Ты прав, не может же Мир мириться, что перестает существовать государство-член ООН. Но под каким знаком он вмешивается? Гротеск: в Сомали под флагом защиты гуманитарной помощи. А в Югославию тоже под флагом гуманитарной помощи? Под каким знаком происходит вмешательство и убивают людей?

– **Есть набор оснований, не вполне формальных. Например, защита населения.**

– Вот мы и вышли на то, с чего начали наш разговор. Дело в том, что Всеобщая декларация прав человека, будучи факультативным документом-рекомендацией, делает всем предложение. Им на до руководствоваться, пусть в формах императива, но императива заявительного. Заявляется, что принципы международного права выше национального, а принцип прав человека выше суверенитета. Далее, надо силой заставить стороны договориться между собой. Но – кому надо?

Можно устроить блокаду Сербии с сомнительным результатом, блокада Ирака результата не дала. А кто устроит блокаду России? Если Кремль встанет на путь крупного шантажа – как вы будете блокировать Россию?

– **Этого механизма нет. В Югославии и в Сомали существенно, что те маленькие и безъядерные.**

– Конечно, и то с ними не справляются.

– **Неизбежно наступает час Америки. Но что такое американцы? Что они вообще могут, американцы? Они могут, собрав коалицию в пятьдесят стран и держа жертву за руки, уничтожить одну страну. Да и ту не очень – что они смогли в Сомали? В какой-то момент американский гипноз перестанет действовать. Теперь реакция может быть нестандартной. Она работает на идею нового изоляционизма.**

– Кстати сказать, Жириновский, если отбросить его демагогию, – это, в сущности, агрессивный изоляционист. Недавно был опрос городского населения России, довольно репрезентативный. Большинство впереди всех приоритетов поставили *сильную Россию*. Не благополучие, заметь! А еще 41 процент – независимость по отношению к Западу. Какой-то процент, 12, даже за отказ от помощи.

Россия в нынешних границах – огромное пространство, какого история не знала. Тем не менее это и сверхдержава, обладающая достаточным оружием жизнеуничтожения. Холодная война кончается, не закончившись. Мир захлопывается. Он превращается в одномирный – с одним преобладающим, доминирующим управленческим устройством: из двухполюсного в однополюсный. Это добром не кончится и будет вызывать кризис за кризисом в мировых отношениях. Отсюда проблема: найти место новой России в меняющемся Мире. Россия должна найти себя, начиная с элементарного: накормить себя и найти свое место в Мире, кончая самым сложным и важным – уберечь Мир от тотальной катастрофы. Проблемой изменения Мира при участии в этом процессе меняющейся России надо заниматься особо. Она требует времени, знаний, специальных контактов, поддержания личных связей с главами государств и правительств. Это *призвание главы государства*: быть стражем. Быть строителем нового статуса Мира и статуса России в этом стремительно, но еще неясно к чему меняющемся Мире.

205. Вселенский черный передел в XXI веке не исключен.

– Но ты погляди на другую сторону – схлопнутый однополюсный Мир «победы Запада» – что он означает для нас?

– Россия – прообраз Мира, которого может не быть. Почему Мир еще может не состояться вообще? Потому что гигантская нивелирующая тенденция Запада действует не одним насилием. Она действует англоязычием, подавляет успехами и ментальной моделью. Есть и другая угроза того, что глобальная альтернатива не состоится, – цивилизации, ушедшие вперед в достатке и уровне жизни, недооценивают остальной Мир с его коалиционным потенциалом. А тот пойдет на вселенский передел. *Вселенский черный передел XXI века не исключен!*

Мы хотим занять некое место в Мире. Становясь новыми, мы зайдем и новое место, но в каком Мире – в мире Персидского залива, в мире Сараева? Все стоят перед новой дилеммой: вмешательство рождает соблазн, кто-то начинает командовать Миром, а невмешательство равно риску нового Мюнхенского сговора. Когда-то назвали «доктриной Брежнева» принцип ограниченного суверенитета на примере Чехословакии 1968 года. Сегодня дело опять идет к Миру ограниченных суверенитетов, но не в брежневском, а уже в американском смысле.

И в этом видят *новый мировой порядок*? Надо же реально смотреть на опасности – на стареющее европейское общество; на молодые миллиардные континенты, которые еще не сказали своего решающего слова, но рвутся к тому, чтобы его сказать.

Ясно, что холодная война не кончилась. Кончился определенный вариант холодной войны, и мы вступили в новую ее фазу.

206. Кто доказал, что человек сумеет выжить? «Не от нуля, но с начала».

– Здесь вдруг вырисовался основной вопрос нашей планеты. Кто обещал, что человек сможет выжить? Кто докажет с фактами в руках, что человек может выжить? Правда, несоразмерные пространства России пока ее защищают. Методику Войны в Заливе к нам не применить, значит, найдут другую методику. Мы вступаем в новые времена, когда Мир будет сосредоточен в чьих-то руках, и где тут международное право? Совершенно другое существование: то-то и то-то вам не позволено! Но по отношению к нам придется подобрать другую процедуру, все же Россия не Ирак. Может быть, Югославию Европа еще сумеет остановить, взяв за глотку. А нас кто остановит?

Русскому миру нужно еще очень глубоко влезть в Мир, просчитывая альтернативы хода мировых процессов, прежде чем определяться самим. Апостол говорил «не на развалинах, но из развалин». А я говорю: не от нуля, а с начала! Я давно это нашел, в диссидентские еще годы, видя, к чему идет Мир, исповедовал – *не от нуля, но с начала!*

207. Можно ли защититься в мире будущих войн? Маршал ЖУКОВ и советский способ приходить вовремя.

– После 1945 года нельзя было военным путем упразднить суверенное государство. Эта идея была заклеена победой над Гитлером – врагом суверенитетов. Война в Заливе была войной за суверенный Кувейт. Фундаментальный принцип Ялтинской системы – государство-член ООН исчезнуть не может. Кувейт отвоевали – и года не прошло, как исчезло государство Советский Союз, постоянный член Совета Безопасности ООН.

Сегодня любой суверенитет можно рассматривать как добычу. Потеряв принцип суверенитета, Мир стал другим. А Россия потеряла причину защищать Мир.

– Мы сходимся в двух пунктах, а дальше расходимся. Разговор о «веймарской ситуации» для России существенен, пока мы рассматриваем принципиальное несовпадение миров при совпадении ряда составляющих – либо эта аналогия вообще пустой звук, она банальна.

Всем кажется, что как-нибудь изловчимся и опасности проскочим. Но ведь опасность уже с обеих сторон. Есть опасность неконтролируемых последствий наших действий – и есть соблазн США выступать директорами земного шара. И мы нашей слабостью соблазняем их на это. Нам всем в России недостает этого императива – *закона наименьшей исходящей от себя угрозы*.

Что касается мира будущих войн, ты прав. Это же человеческая жизнь – кто знает, что в ней важнее, кто это может установить? Наша цель найти в нервном узле системы *способ действий, который менее опасен*. Не считай, что этого мало. Это уже много в наше время, а во вторых, поскольку он более творческий, этот способ откроет глаза на принципиально другие возможности.

– **А вдруг все-таки не успеем? Ведь это неприемлемый риск.**

– Мы не хозяева всех будущих, спонтанных и адских вещей. С какого боку вырвется магма, не знаем, а если бы и знали, нам ее не остановить. Когда попадаешь в автомобильную аварию, что происходит в первую секунду? В лаборатории имитировали эту ситуацию с датчиками, по всем правилам. В первые миллисекунды включаются – совершенно хаотически, сумбурно! – все системы организма. Печенка, глаза, селезенка – все включается в ход, но потом начинается главное: *отключение лишнего*. И выживание зависит именно от того, как быстро отключится ненужное. Катастрофа может прийти с разных сторон, и задача России в том, чтобы положиться на адаптационный синдром. Но если опереть всю политику на одну только систему, а та не сработала – и всем как-то. Отбор эволюции нашел мудрейшую вещь. Не включение якобы необходимого, а отключите все ненужное.

Кто-то хочет дать «окончательное решение» государственному процессу, а я требую дать ему внутреннюю свободу. Не притязая на то, что будущее мне подчинится и я задам ему этапы и сроки. Мой способ хорош уже тем, что менее опасен.

Давайте научимся отключать ненужное так, чтобы искомое смогло включиться само, когда нужно.

С другой стороны, есть разные способы идти к успеху. Вот притча о том, как мы решали наступать на Берлин. Сталину вошло в голову Берлин освободить раньше союзников, не считаясь с жертвами. Но как это сделать? Генеральному штабу и Жукову надо было выйти на Одер, отрезав отступающие немецкие части. И они приняли решение: в лоб на Берлин идут наши войска, 600 тысяч из которых мы уже положили в Польшу. А слева и справа шли стратегические танковые армии, которым строго-настрога запретили открывать огонь. Отступающие немцы видели, как в клубах пыли несутся танки, к тем же переправам через Одер, что

они, но посчитали их за свои – ведь те не стреляли! Громады идут-идут-идут, прорвались – и отрезали переправу!

Пришли вовремя – а могли не прийти. А ты что, разве знаешь другие способы приходить вовремя?

Часть 16. Русские страны. К будущей суверенизации России.

208. Демократизация как суверенизация «снизу».

– Исходят из ложного предположения, будто центральная проблема – это проблема демократизации в либерально-западном смысле. Но центральная наша трудность – демократизация в совершенно новом смысле. Новый интеграционизм в самоорганизованном евразийском пространстве, выстраивающийся снизу. И моя будто бы химерическая, а на деле реалистичная задача выстраивания России суверенизацией ее снизу – ключ к тупиковой, взрывчатой мировой ситуации, невмешательства пополам с вмешательством.

Несовпадение стартовых позиций – не теоретическая проблема. Это и проблема будущего евразийского сотрудничества. С этой точки зрения опыт Европейского сообщества интересен. Для того чтобы войти в Мир (о чем у нас любят поговорить), нужно приблизить внутреннюю жизнь России к типу содружества наций-государств. Тогда только проблемы интеграционного типа могут решаться, – не единообразно, но в какой-то связности.

– Сегодня повторно «сокращают государство» при расползании социума власти. Ты не думаешь, что и это кончится тем же?

– Конечно! Ведь что, собственно, мы беремся у себя завести? Власть, которая будет «вводить рынок», всем распоряжаясь – то ли в пределах Садового кольца, то ли в очертаниях всей прежней Евразии. Иначе здесь нельзя: либо ты президент Садового кольца, либо повелитель Евразии, либо – либо! Или мы наконец готовы от этого абсурда уйти к *государству* в действительном смысле?

Тогда станет вопрос: *кто решает?* Кто и чем управляет? Если решают за меня – дела плохи, если каждый решает в отдельности, стоя посреди трех океанов – дело неисполнимо. Опять открытый вопрос.

209. Противоестественно ли Россия? Полковник Алкснис. Русский мир среди остальных миров.

– Нашу страну – если можно ее называть страной – нашу Евразию раздирают межнациональные конфликты. Она распадается, судорожно пытается сохранить единство, и не находит для этого формы. В чем путаница? Нужно набраться смелости и признать одну вещь для того, чтобы, отгалкиваясь от нее, искать проект выхода.

Признаем, что мы противоестественно соединены и что нормальной было бы разойтись. Так не лучше ли разойтись, избежав противоестественного? *Нет, не лучше.* И не потому, что речь идет об умственном климате нашей Евразии, где мы связаны веками русской культуры. Это существенно, но перевешивает все-таки не культура, а Мир.

Когда-то история открыла крохотным русским удельным княжествам гигантское пространство экспансии, освоенное последним выбросом из Центральной Азии – нашествием монголов. Возникла ситуация совершенно непредусмотренная. Никто не докажет (хотя на этом прочно стоит вся наша историография), что этим уделам, этим русским полугосударствам суждено было стать царством, а затем гигантской Российской империей. То было новшество. Соединенное случаем в нечто целое, новое пространство вломилось в универсальный мировой процесс. И в какой момент! Шел XVI век – Европа становилась Миром. Два встречных взрыва сошлись: *русское стало российским и невольное – мировым.*

А сейчас, когда швы гетерогенности выглажены многими катками, из которых сталинский самый страшный, различия цивилизационного свойства, различия языка, отношений к труду, собственности и человека к человеку вышли наружу. А обруч ослаб. Сколько ни тверди – давайте заимствовать, давайте соединим правовое государство с рынком... *Ничего не выйдет.* Надо открыто это признать: да, наша государственная связь противоестественно. Да, разрушить ее можно.

Почему нельзя пойти навстречу естественной тяге – разойтись? *Мир.* Расходясь, мы легко взорвем очеловеченную планету. И подрывники до самого конца не поймут, что творят.

Вот полковник Алкснис, он производит на меня впечатление достойного человека. А скажи ему, что он готов взорвать Мир, отмахнется. Вот где великая путаница: просто чтобы жить рядом друг с другом, жить нормально, естественно, нам должно измерять свое существование *Миром – не меньше.* Но как? Мы к этому не приучены – а кто приучен? Где люди руководствуются планетарными заботами непосредственно, в своей повседневной жизни?

Ни один из явленных Миром примеров человеческого сообщества нам не подходит прямо – будем искать свой. Начав искать, мы тем самым уже сообщим Миру что-то новое. Спасая себя, быть может, сохраним и его.

Мир должен состоять из миров, каждый из которых внутри себя не меньший, чем Мир. Акцент на единство должен замениться акцентом на различия, которые показаны жизни. Нужна не подслащенная либерализмом формула толерантности – мы, мол, не против различий, – нужен заинтересованный политический труд различения. Все надо перенацелить на это.

И тогда мы, русские, если захотим сохраниться, возможно, сумеем стать Миром среди этих миров. То есть русский Мир должен внутри себя организовать наподобие международного сообщества, с акцентом на различия. Это содружество, где мы будем различаться не деталями права или административного устройства – мы будем существенно отличаться в главном – в политической организации общества, отношениях собственности земель и прочем. Это надо осознать. Не осознав этого, путаница будет длиться и длиться, расплачиваясь и расплачиваясь нашей кровью.

210. Советская и русская идентичности. Русские были советскими. Новый тип человека старой власти.

– Я не знаю уже, что считать советской идентичностью, а что русской.

– Первым делом избегай ошибки – не ищи русское в чистом виде. Отбирать русских с точки зрения того, «чем они русские (исключительно)». Все не так. Как неточно было и записывать всех граждан в СССР в «советские люди», со специфическими чертами сознания и поведения. Но тем не менее *русские были советскими*.

Специфика момента – в нерастраченности вложенного десятилетиями своеобразного менталитета. Связанного с идейным сталинизмом – подходом к действительности *как к чему-то само собой разумеющемуся*. С однозначностью поступков, вытекающих из идеологических постулатов либо им противостоящих, но в пределах однозначного стиля поведения. Это убывает, но не ушло и катализируется обстоятельствами. Так называемый *Гомо Советикус* едва начал уходить, как его на выходе активизировали. Ситуация его призвала наружу. В том числе воспоминания и иллюзии равенства.

Поначалу равенство на низовом уровне отождествляли с революцией и принимали за вселенский императив. Потом терпели как неизбежное. Произошло глубинное сращивание человеческой массы со стереотипами равенства – мнимого и действительного. Включая равенство народов. Свою государственность в СССР получили почти все нерусские народы.

Стереотипы равенства связались с культом власти как распорядительницы благ, источника всех возможностей – и с потребительским отношением к власти. Обстоятельства *катализируют* характерные советские свойства, а не подавляют их.

Что из себя представляет сегодня русский человек? Это человек, который тяжело расстается с миродержавием и трудно идет к себе, отдельно взятому. А навстречу ему, заполняя трещины в советском мифе, спешит возрожденный *миф-родословная*. Апелляция к «голосу крови»; комплексы величия и неполноценности, сумасшедшим образом переплетенные со сталинским киномифом о русскости. Неуходящая советскость сознания и поведения, катализируемая событиями, сама подстраивается под архаику. Образ одного входит в пазы другого, не совпадающего с ним по генезису, – предреволюционное, вековое и постреволюционное – патологизированный синкретизм.

Процесс уже несколько раз возвращался на круги своя, укрепляясь при этом. Сегодня в России растут нерусские национальные образования, опережая проявление русских стран. Все ищут «партократию», а не видят, как формируются этнократии. В нерусских республиках партократия в симбиозе с этнократией представлены одними и теми же людьми.

Нынешний натиск на образ жизни людей резко *катализирует* черты и травмы советского, вот что важно! И эти черты неубывшего сознания, скрещиваясь, входят в пазы ожившей мифической родословной с ее сочиненными кинопреданиями. Встреча ведет к гибридизации. Патология гибридов выражена то в фантомах равенства по миродержавному изоляционизму, то в синтезе ущемленности с превосходством. Гибрид связан с пространством, с государственностью, размазанной по Евразии.

И с тем, что в отношении к Советскому Союзу Россия единственная правопреемница. Еще один лгущий символ – РФ якобы правопреемница и всей бывшей Российской империи. Вот где место плотного вхождения патологий в пазы.

Формируется *новый тип человека старой власти*. Болезненный гибрид советскости, скрещиваемой с реставрацией мнимых «русских» родословных, – вот где социум власти уже ищет себе и найдет добычу!

211. Необходимо восстановить русские земли, существовавшие до административных сталинских реформ. Президент – лидер союза стран, составляющих Россию.

– Надо смотреть вперед. Надо видеть, как национальные республики упорно поднимают планку суверенности, и путь компромисса, на который Ельцин встал по отношению к этому, – это единственный путь возможного решения проблемы. Но когда поднимается планка суверенности национальных республик, разве могут оставаться в неоформленном положении земли с русским населением? Это бессмыслица! Переструктурированной должна быть вся эта огромная территория, все историческое пространство России.

Еще недавно, до административных новаций Сталина, в тридцатые годы в составе России существовала и отдельная Сибирь, Западная и Восточная, был целостный Дальний Восток, был Большой Урал, был крупный предкавказский Юг, Центральный район России и так далее. Я не говорю о том, чтобы просто вернуться к этому, но ведь это же было!

Сейчас речь идет о большем. О том, что основная тяжесть забот о ведении текущих дел возлагается на сами территории. И процесс суверенизации этих земель, по истории, масштабу, характеру населения растущих в целые страны – *русские страны!* – этот процесс неустраним. По отношению к нему есть только двоякое решение. Либо сила запрета, и тогда превеликая кровь, либо настоящая реформа – доведенный до конституционного основания федеративный союз. Включающий и русские страны, как бы те ни звались: земли, края, республики и так далее. В качестве главы государства, но не главы исполнительной власти президент должен стать лидером союза стран, образующих Россию. Стражем новой Федерации.

212. Русский вопрос – это не национальный, а главный государственный вопрос.

– Русский вопрос даже в качестве неточного и неадекватного – главный государственный вопрос. Он не национален совершенно. В нем есть всемирное начало и есть начало рабское. Эти иррациональные переходы послушания в нигилизм, расчеловечивающий путь отбора кадров в верхах власти. Всею в России, взятому порознь, можно найти аналогии на Западе. А взятому в целом – не получается.

Когда я выстраиваю политическую версию альтернативы, я подразумеваю свою идею фикс *русских стран*. Все остальное подверстывается к этой идее. Я действительно в этом вижу единственный выход. Ответ на вопрос, кто мы – с *множественным «мы»*, – не отклоняющий никого, никого не отвергающий, движет к интеграции «русскостей».

– Твоя мысль о русских странах и согласными с ней может быть по-всякому истолкована. Например, таким образом, что и русских нет. А есть формирование иногосударств на бывшей советской территории.

– Как ярлычок для регионализации, которая подготовит новую интеграцию.

– Ярлычок – или анестезия при удалении идеи единого народа? Новое государство будет уже не русское для себя. А русские в нем станут меньшинством вроде евреев.

– Мне кажется, они и в этом случае сохранятся в качестве русских. На чем настаивают не без основания, хотя основание «призрачное», то есть при участии великих призраков прошлого. Русская культура не пустой звук. Нужно ли русскоговорящей культуре консолидированное пространство? Или она получит новый шанс в энергетике интегрирующихся русских стран?

213. Фикция российской нации – реальность нерусской власти.

– В Москве верят, будто символом довольства для России стала колбаса. Но на первый план вышла проблема места России в Мире и престижа всего, связанного с российским, как тем, с чем должно считаться. Политики уже пристраиваются, чтоб не выпасть на повороте. Национальная Россия – это фиктивная цель, реальностью могут стать только *страны-цивилизации*.

Фикция российской нации – это реальность нерусской власти. Никак им, видите ли, не прожить без Грановитой палаты! Представь себе, что власть переселят из Кремля, превратив тот в музей? В обычном здании их сброд вообще не смотрится.

Ты прав, в слове «нация» есть понятийная шероховатость, оно из XIX века. И зачем? Просто чтобы так себя называть? Все-таки нация – это ощутимая близость. Начинать сейчас исправлять императора Петра не пройдет. Нельзя быть близкими друг другу от Смоленска до Тихого океана. Вне русскости мы не близки.

– **Понятно. Зато непонятно, как стать близким хотя бы в пределах Северо-Запада или Нечерноземья.**

– Дав свободу и поощрив *протоцивилизационные различия русских*. Только так, если свети к самому ключевому моменту. Не исчерпываясь им, но обязательно вводя его. Да, таков ключевой момент. Хватит держаться за сталинскую систему областей.

– **Ну, это какие-то призывы... Проще укрупнить регионы.**

– Из деления на 25 краев тоже цивилизации не выстроишь. Страна не выстроится так, различия идут в более крупных пропорциях. Не могут быть калужская нация, владимирская нация, рязанская нация, смоленская... Это просто глупость.

Поэтому есть резон и право говорить о *русских странах*. Есть Центральная Россия, у которой свое лицо. Европейская Россия, по отношению к которой Сибирь была пристяжной, но соотношение меняется. Почему? Понятно – нефть, газ, золото, алмазы и так далее. Но ведь Европейская Россия может заново стать собой за счет интеллекта Питера и Москвы. За счет современных наукоемких отраслей и просто за счет развития культуры и интеллекта, который сконцентрирован здесь в больших масштабах, чем на Востоке. И пойдет не усреднение, а выравнивание. Но для этого нужен новый масштаб.

– **Так ведь масштаб и есть исходный пункт. Почему бы не назвать его национальным?**

– Весь вопрос о «российской нации» вбит в административно-бюрократическую теснину. Понятие «нация» до известной степени условное. Освободим его от восторженного оттенка: сказал «нация» и встал на цыпочки, руку на сердце и поешь гимн.

Нация – историческая случайность, ограниченная временем и пространством европейского региона. *Мир не состоит из наций*. Китай не нация, Индия не нация тем более. Украина и Казахстан не станут нациями никогда. Наполнение сакральным смыслом простого политического термина вообще путает карты. Что в ней священного, в нации? Да, так сложилось в Европе и США. Есть в этом свои преимущества, есть минусы. Минусы самодовольства, прежде всего... Но вижу, в тебе есть законный червячок сомнения.

– **Сомнения оттого, что точка политической возможности для этого пройдена.**

– Потому что регионализация пошла неверно. В рамках административной структуры она не реализует русский протоцивилизационный потенциал. России нет места в суверенных нерусских анклавах среди студня неопределившейся русскости. *Протоцивилизационные различия* существенней. И разговоры о сепаратизме и федерализме неверны вообще. Вот, мол,

как придет к власти прежняя номенклатура... А в Кремле какая сидит? Так лучше пусть будет власть на местах, где рядом с ней местный житель, который может сказать свое «фэ».

Но есть иное русло. *Укрупнение до земель-стран*, делающее возможным принципиально другую реинтеграцию. Беря за основу формы, типы, уклады человеческой жизнедеятельности русских, я вижу огромные различия. Дать культурную программу.

Политическим фактом является тупиковость *этой* России. И опасность рецидива «единой и неделимой» в рамках ядерного мира. Отталкиваясь от зачатков русской суверенности и отвечая существующей угрозе, мы ищем альтернативу. Альтернатива срabатывает через невозможность. Единая неделимая не несет будущего для России, она его лишает и она невозможна. Здесь – есть ресурс.

Мы формулируем некоторую *не исключенность*, с опережающей альтернативой. Как таковой ее еще нет. Но мы знаем, что регионы сами не выплывут к русскому цивилизационному уровню, пока мираж «Москва-Кремль» не растает. Тогда нас снова ждет булгаковский финал в гибнущей Москве. Либо мы успеваем предложить опережающую альтернативу русской суверенизации.

214. Множественность стран русского мира или «русский сионизм»?

– У политических промежутков есть свои обязательные повестки. Характер промежутка диктует нам промежуточную идеологию. Шокирую я тебя или нет, но России нужно что-то вроде *русского сионизма*. У евреев сионизм – это ведь идеология промежутка, кому религиозная, кому светская, а главное – предельно практичная.

– Она и объединяет, и вдохновляет... и вместе с тем никого не обязывает.

– **Всеядность, ограниченная кратким списком ближних государственных задач. Чем русские хуже? Меня все больше занимает русский список первоочередных задач. Повестка самого необходимого для того, чтоб Россия состоялась.**

– Если бы от меня зависело, я бы долбил в одну точку – *множественности стран русского мира*. Что конгениально твоему «русскому сионизму». Конкретизировал, привлекал внимание. И все время напоминал об этом как о русском проекте.

– **Для такого нужен слишком глубокий разрыв с обычаями централизма еще на старте, а это добавочный риск. Перевод твоего философского концепта многоцивилизovanности русского мира в регистр текущих задач довольно труден.**

– Согласен. Критерии, логика, иерархия... Да, нелегко, конечно.

– **Но мне это подсказывает, как двигаться дальше.**

215. Россия-диаспора. Ксения Мяло и Зеев Жаботинский. Надо ли жить метеком.

– Если новая европейская цивилизация в ее фазе критического самопреодоления обрела практическую реальность, то и Россия нашла способ обнаружения себя в Мире. Стало возможным сдвинуть с места цивилизацию, иначе обреченную на непреодолимый циклизм. За все это расплачивались окольными блужданиями и катастрофичными корректировками. Там, где кресты пересеклись, возник контур «цивилизации Россия». Обреченная оставаться прелюдией Европы и вскоре пропасть, она открыла ресурс самоудержания, надолго застряв в промежуточной роли. Но перестав быть европейской прелюдией, Россия становилась чем-то уже совершенно иным.

– Но Россия более не субъект. «Россия страдала», «Россия пыталась» – все это лишено смысла. 1991–1993 годы – достаточное основание запретить обороты речи, предполагающие, будто Россия еще что-то решает. Мы не решали ничего, хоть могли. Оказалось, что Россия была Россией в еще более несовместимых смыслах, чем Франция. Мы не дали ей стать суверенным субъектом – и нет смысла впредь говорить о «России».

– Ну почему? В пределах Российской империи Россия – субъект. Я имею в виду нетождественные, но взаимно пересекающиеся аспекты вступления в новое состояние – да, оно не состоялось. Но люди, которые в рамках нашего пространства все это делали, – люди не фикция!

Каждая из цивилизаций в той или иной степени катастрофична и губительна. Свойство человеческого существования – протекать в виде смены типов губительного развития. Всю историю цивилизаций нетрудно представить эволюцией губительности. У этого не меньше оснований, чем представлять ее эволюцией прогресса или степеней свободы.

– Мы и находимся в ситуации реального выбора губительности. Но может быть, сперва восстановим утраченное, а потом станем решать дальнейшие проблемы?

Давай рассуждать, как Жаботинский⁵²: евреи вечно спорят об идеях, и как только восстановим Израиль, говорил Жаботинский, мы немедленно начнем дебаты по всем позициям. Но до восстановления ничто из этого нас *не интересует*. Капиталистическое или коммунистическое государство строить, когда нет никакого, – все это нас не касается. Нужна своя страна, и только внутри нее дискуссии получают смысл. Не пора ли и русским так рассуждать о России?

– Я понимаю тебя. Но для Жаботинского выбор еврея был в том, чтобы создать государство или быть обреченными на вечную угрозу истребления.

– Русские в нынешней России так же в диаспоре и так же перед вечной угрозой. РФ не государство русских, это ясно. Когда Ксения Мяло⁵³ говорит «мы метеки», она права, хоть я с ней спорю, – мы вправду метеки. В конце концов и я готов стать метеком. Но только пусть помнят, что метеки опасны.

– Между прочим, этим ты не сделал никому одолжения. Твоя позиция заслуживает обсуждения. Если Мяло говорит, что мы только метеки, а ты говоришь: я готов жить в качестве метека, то эта позиция заслуживает быть выслушанной.

⁵² Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940) – лидер правого сионизма, поэт, писатель, переводчик.

⁵³ Ксения Григорьевна Мяло (род. 1936). Использовала для обозначения самосознания русских понятие «метеки» (древнегреч.) – чужеземцы, которые были свободными (в отличие от рабов), но политически бесправными и не могли владеть недвижимостью. См. об этом: *Мяло К.* Демократия в свете русского вопроса // Пределы власти (приложение к журналу «Век XX и мир», № 2–3).

– Да, но затем и у меня спросят – где твой полис, метек? Я не готов ждать мессию, который восстановит мое государство. Я хочу самоопределиться по отношению к России.

– Я понимаю. Тут опять возникает спор, состоящий в том, в каком смысле можно говорить о советских людях как о русских?

– О, это весьма упростит вопрос.

– Я бы сказал, несколько дисциплинирует. Я не ответ тебе зашифровал в виде вопроса – я действительно ставлю такой вопрос. Русские стали русскими в силу того, как собралось пространство России в мировом процессе. Они являются русскими либо в качестве подданных державы, либо в качестве субъектов русских цивилизаций – выбирай.

– Но вторые не состоялись и остались в потенции. Реально русские определились внутри миродержавия. Пушкина не было в рамках вариантных русских цивилизаций, он жил и умер в Российской империи и немислим вне ее. Не бывало новгородского или кубанского Пушкина.

– Это правильно, но на Пушкине не все кончено. Я говорю о русских же цивилизациях. Об урало-сибирской, северной...

216. Новгородский осколок Руси, не ставший Россией: рукодельщина. «Единая и неделимая» Россия – русофобская идея. Россия – страна стран.

– Был в Новгороде, бродил по нему и не мог понять тайну и прелесть новгородских церквей. Девушка из музея меня приютила, а рядом церковь в Кожевниках. Утро, солнце стояло, и до чего же церковь была красива. Я говорю хозяйке – удивительно, но как это сделано? Она и говорит – у нас это зовут «рукодельщина»!

Зодчие были вольные люди, свободные. Основной каркас ставили простой лепки. Углы, ребра здания – все нарочито грубо. Поднимается к небу барабан – и лишь тогда резьбой на него накладывают ажур; это изящество, где каждая деталька светится, будто над ней годами трудились.

Контраст грубой первопостройки с ажуром и образует эту – ах, до чего прекрасное слово! – новгородскую *рукодельщину*. Остаток чего-то русского, который не стал и не станет российским.

– Это прекрасно, но я из той русской культуры, которая не была ни этнической, ни земской.

– Та культура была вселенски-державной. Но кроме нее была культура текущей жизнедеятельности. Эта культура повседневности сложно соотносилась с имперской культурой.

– А почему бы не попытаться связать империю с повседневностью людей заново? Почему нет? Русскими я признаю только людей, у которых стоят на полках книги русских писателей в том – имперском, от XIX века, смысле слова. Тех, кто несут книги Чехова, Тургенева, Ленина к мусоркам, как вижу в каждом московском подъезде, я их русскими не считаю.

– И в тебе та же ярость, эта клокочущая сегодня пена ненависти. Противоборствуя, раскалываясь, сея кругом себя ненависть, мы только возвращаем себя к социуму власти.

Дело не в названии. Назовется Россия федерацией или конфедерацией – что нам бояться названий? Дело в том, что мы *страна стран*, и нельзя это делать в обход русских. А «единая и неделимая» сегодня псевдорусская идея! *Стоящий за единую и неделимую сегодня, в сущности, политический русофоб*. Один из самых опасных врагов будущей России, ее возрождения как уникального планетарного тела. Все еще возможного.

– За «русофоба» спасибо, только есть еще и страна. Московский центр для меня не догма, а центр коммуникаций, как электрощит. Отключил – и страны нет.

– Нужно прямо признать парадоксальную вещь: *Россия не была страной*. Она была встречей и конфликтом *протостран*. Русь была протостраной, был Новгород, были иные протостраны... Потому что страна – это общество и государство, а тут власть, притязающая на все, исключила место для общества и для нации. И явилась в страшном феномене социума власти.

Мы страна стран, как родословная и как потенция. Россия либо страна стран, в том числе русских стран, либо «социум власти», антирусский в принципе.

Обычная страна – это непреложность. Это оптимальное пространство неповторимой человеческой жизни. Где людям просторно и в поле их зрения остаются условия и плоды их жизнедеятельности. Они могут обнять взглядом это пространство, могут в нем породниться, не тесня и не мешая друг другу. Страна в таком смысле для русских крайне нужна, но пока что мы ее не имеем. *Русские страны – вот ключ ко всему*. Ничего не решим, даже пойдя навстречу регионам и автономиям, даже если не станем отвечать танками на каждое превышение воли на местах – мы не решим проблемы.

Вот центральный вопрос: разве можно было выстроить единое общество всея Евразии? На этом русские надорвались – и получили социум власти.

Вспоминая человека, чья могила в Донском монастыре, Чаадаева, мы как-то не понимаем, что должны решить чаадаевскую проблему. Мы повторяем и повторяем: «общечеловеческая цивилизация» и тому подобно – а нам предстоит войти в состав нынешнего Мира.

Россия сегодня вообще возникает впервые, поскольку прежде никогда не бывала страной. Либо она так и не возникнет. И мы должны наконец честно ответить на вопрос о России, который задавал Чаадаев. В этом нет ни унижения, ни мессианизма – мы просто не такие как другие. Если мы не расслышим чаадаевского вопроса, если не озадачимся им, не увидим равноправия наших несовпадающих мертвых, то мы обрушим себя и Россию во мглу.

217. Возвращение чаадаевского вопроса. Плюрализм наследства и русские суверены.

– **А какую ценность сегодня представляет антиквариат чаадаевской задачи?**

– Как ни странно, мировой революцией по Ленину Россия еще раз воспроизвела сотворившее некогда ее саму степное нашествие. Ведь степняки *соблазнили нас пространством* Евразии. Создали пространственную тягу и государственную задачу, для которой не нашлось решения в институтах и смыслах истории. Октябрь 1917-го повторно и еще сильнее соблазнил нас Миром.

На России мировая история спотыкается. Эта запинка имеет вид рока и тупика личности, о чем Чаадаев изъяснялся столь резким образом. Не буду говорить языком мистики, хотя рациональным языком его мысль и сегодня высказать трудно. А ведь она не чужая нам – она исходная фаза русской рефлексии.

Сейчас мы снова заблудились. И не найдем себя, не войдя кем-то в Мир, который тоже не стоял на месте. Он давно не Мир Ялты, не Мир 1945-го и полета Гагарина – нет! Это Мир, где западные демократии социально обновились, исчезла колониальная система и в глобальной перспективе обозначилась коллизия Север-Юг. Все это уже сосредотачивается у нас внутри. После испытания коммунизмом и Сталиным, того перенапряжения пространством, где перестают работать смыслы и образы истории, мы не найдем себя, не войдя в этот меняющийся Мир. Но как нам войти в Мир, не воспроизведя его перемен внутри России? Итак, мы опять вернулись к чаадаевскому вопросу.

О чем нам Явлинский вчера толковал, клеймя «неистовство казанское»? Разве оно не напоминает неистовство африканское, неистовство ближневосточное? Разве это не откладываемое столько лет упразднение Россией внутреннего колониализма? Едва выскользнув из мировой холодной войны, мы близки уже к холодной войне внутри России. Притом что исподволь возвращаемся и к ее классическим жанрам – торгуем оружием, пикируемся с Западом и т. п.

Итак, чаадаевский вопрос...

– **...своей нерешенностью проясняет нам масштаб будущих задач?**

– Да. Мы повторяем старую коллизию русской мысли, но в другое время и при худших обстоятельствах. Вопрос Чаадаева опять стал вопросом. Узкое место России – дефицит связи в паре *повседневность и вселенскость*. А что посредине? Как связать русскую повседневность с человечеством?

Внутри повседневности каждый достаточен в своем существовании. Он свободен от тщеты и гордыни управления судьбами, но достаточен лишь, если найдет маршрут от повседневности к самоопределению в составе Мира. Что наш мост – *нация*? Чаадаев, между прочим, принцип национальности отклонял. И отклоняя, он прибег к универсуму религии, в наиболее принятой для этого универсума католической форме.

На деле чаадаевский вопрос открыт по сей день, поскольку существование человека в России не упрочено ни правом, ни бытом. Признание места России в Мире сегодня все в шрамах миродержавия да пустых речах про общечеловеческие ценности. Что станет рабочей платформой – парламентарный строй? Нет. Такой платформой мне видится возникновение русских стран внутри России. Вот форма общежития, которая может протянуть руку Миру и необременительна для человека в его повседневности. Зато существование в качестве подданного РФ-правопреемницы Советского Союза и Российской империи – обременительно. Гражданином в этих рамках он стать не может и не становится, что уже видно.

– **Хорошо, но как вписать столь необычную модель в Конституцию и Федеративный договор?**

– Вот предварительные формулировки. Первая: *русская страна* (наряду с нерусскими странами, какие в РФ уже есть) – это интегральная часть пространства России, которая вправе и во взаимодействии с другими русскими и нерусскими странами России войти в Мир. Пока же РФ входит в Мир то с протянутой рукой – помогите стране-инвалиду! – либо колотя кулаком по международному праву.

Земли как интегральные составные части России могут протянуть руку Миру, сделав это каждая по-своему. Вместе с тем такие *русские интегралы* достаточно жизненны, чтобы человек в России не чувствовал себя бесприютным бюджетником, чтобы он действительно смел стать гражданином. Чтоб в его политическое поле зрения помещалась вся его страна – ведь невозможно быть гражданином в евразийской размазне.

– Хорошо, но прокламационно. Это освободит человека от региональных баронов-разбойников, но как вписать это в повседневность?

– Вот почему должно возобновить оборванную нить русской рефлексии о России. И, опираясь на непродуманный никем *русский советский опыт*, заново научимся ставить вопрос, прежде чем давать ответы.

Но сегодня мы не ставим вопросы и некомпетентно пользуемся понятием «глобальности». Мир для нас – на одно усредненно-западное лицо, и само «западное» понято пошло. Из понимания Запада исключены их страдания, зато мы требуем, чтоб они признавали наши. Делая вид, будто Запад извечен, закрываем глаза на путь, каким они шли к нынешним благам, – забыв, как менялся Запад под русским и советским влиянием. То все западное принимаем, то все клянем.

Внутри России настаиваем на правах человека и его суверенности – будто в принципе мыслима государственная связь личности с Евразией! Опять же, вопрос поставлен неквалифицированно, политически это нереализуемо на прямую.

Говори что угодно, а я стану повторять: ничего не увяжется, пока мы внутри России не организуемся по принципу интегрированных суверенных территорий – включая *русских суверенов*. Земля делегирует центру минимум доступных ему реализуемых полномочий: внешние дела, военные, страховой фонд, фонд развития – для выравнивания перепадов уровней между богатыми и бедными землями. Что-то еще для поощрения фундаментальной науки и поддержки культуры, а все прочее – землям! И все жизнеобеспечение на них. До тех пор мы вообще ниоткуда не вылезем. Вот тебе и «один трактор в день»!

Если Россия сохранится в виде человеческого пространства, то столкнется с *плюрализмом наследства*. Нам не стать наследниками только пути, пройденного Западом, даже считая его более привлекательным в его нынешней форме, – кстати, совсем недавней. Русские *обречены на множественное наследование*, а внутри него уже обозначились глобальные разломы.

– То есть мы обречены вечно быть моделью того, что нельзя привести ни к общему виду, ни к единому знаменателю?

– Да. Не повторяя путь других, а перерабатывая все опыты, не исключая своего собственного. Тогда и китайский опыт самоограничения при самоостановке не так бесполезен, как кажется. И японский опыт скромного ученичества, перерастающего в новаторство в формах того же ученичества. Но главное – не сумма опытов, а восприимчивый к ним *интеграл* – вот принципиально новое. И в нем решение чаадаевской проблемы.

Часть 17. Теология постчеловечества.

218. Творимое время XX века.

– Надо бы заново пройти все темные повороты и углы, на которых XX век представал своей тревожной, непонятой стороной – и вместе с тем прояснялись бы сама эта тревога и непонятность. Сопоставления с XVI веком, или с исходным христианским рубежом, выступают в этой связи эпохами, когда человеку приходилось иметь дело *со временем напрямую* – и *время творить*. Не говоря об Иисусе со всей иудео-христианской историей, но ведь и Шекспир творил *время как таковое*, себе и человеку довлеющее. Булгаков в разговоре заметил, что главным действующим лицом в «Гамлете» не менее принца является время. Которое вступает в действие неожиданно, через раздвоение главного действующего лица.

Главное неудобство человека в XX веке то, что он опять очутился один на один со временем – которое сам создал, но которым уже не в силах распорядиться. Время то прибывает, то убывает, норовя его пожрать, продиктовать условия жизни.

219. Время и преждевременное в истории. Бесчеловечность постисторического.

– Время в истории действует в специфической форме *прежде-временности*, без чего неясна ситуация выбора. Говоря об истории, мы говорим об аномальной норме – человек сам творит пороговую ситуацию. Отличая ее от тупиковых, где, загнанный в угол, он бунтует и превращается в зверя, отстаивая телесное существование.

Сегодня мы в точке, которая уже не вполне исторична, она за пределами истории. Человек опять решает эволюционную задачу, проблему сохранения своего вида. Наше историческое сознание впервые решает чисто эволюционные проблемы. В этом трудность момента.

Сознание человека не решало эволюционных задач. Те решались средствами эволюции, на что потрачены миллионы лет от пред-предков до рубежа речи – гибелью неудачных форм, их отбраковкой. Либо собственно историческими способами, которые были аэволюционными. Неслучайно понятие вида заместилось понятием «человечество», отнюдь не эволюционным понятием. А его реинтерпретировали как эволюционное – и хотят решать эволюционные задачи, применяя исторические средства политики.

Исторические задачи были человечней эволюционных задач. Как *Homo historicus* решать задачу сохранения себя не отъемлемой частью природы? Задачу сохранения вида *Homo sapiens* от того, что грозит виду изнутри его самого? С разных сторон идет пальпирование истории. За всем стоит тревожность потери и ощущение ее присутствия.

220. Человек превращается в ресурс выживания рода. Истощение разнообразия. Духи первопосылков.

– У нас есть узловой пункт. Мы все крутимся вокруг него, но недопроработали, хотя уже прощупали. Холодная война, ее неполное исчерпание и родовой надлом в людях. Что скрыто в глубине?

– **А в чем родовой надлом?**

– Человек впервые жил в смирительной рубахе планетарных масштабов, во имя высших проявлений того, что звалось прогрессом. Его как бы вернули в древность, в зону табуизирования, где он снова познал Запрет. Происходящий на этот раз не от ограниченности его первых шагов от обреченности вида к самосохранению. Нет, к этому люди пришли на высоком взлете духа, победителями в страшной Второй мировой войне.

– **Но холодная война ушла – разве пришел мир? Кто победитель?**

– Его нет. Человеку из этого состояния не вернуться к состоянию ДО, к прогрессу без смирительной рубахи. Он может вернуться только к первичным основаниям вида. Почему?

Человек – существо, живущее на Земле. Земля, по моему непросвещенному мнению, уникальное тело Вселенной. Сочетание благоприятных условий для жизни вообще и особо для жизни человека.

И здесь начинается перелом. Человек-добытчик использовал ресурсы Земли, заданные планетарной и космогонической эволюцией. Из обреченного он стал существом, использующим все, что есть на Земле. Теперь его главным ресурсом станут ресурсы, заключенные в самом человеке. Он переходит в этот модус вынужденно – отступая из эпохи истории, где наметилось уничтожение его вида и высших форм жизни на Земле.

– **Разве можно к этому перейти, просто сбросив старую заданность?**

– В это вовлечены все века. И я возвращаюсь к тому, что было до этого перелома: человек как добытчик, в формах, диктуемых климатом, ландшафтом, другими природными условиями. Здесь я ввожу понятие *трех человеческих пространств*.

Во-первых, человек в качестве добытчика *не мог* обеспечить существование всем существам, входящим в понятие этого вида.

Во-вторых, он *не мог* преодолеть барьер досрочной избирательной смерти.

В-третьих, он *не мог* дать полное удовлетворение индивидуальным возможностям в рамках вида.

С тройной ограниченностью добывающего эона человеческой жизнедеятельности связана и объединяет их *распределительная функция*. Она реализована в формах *власти*, тяготеющей к выходу за предел строго экономического воспроизводства. С целью сдвинуть сферу господства и окольно, за чужой счет восполнить недостающее.

В рамках этого есть нечто, прямо не связанное с воспроизводством вида и свободное от недостаточности, о которой я говорил. Способное преодолеть барьер досрочной смерти и, возможно, смерти вообще. Эта сфера человеческого существования бытует в том, что мы называем *культурой*. В культуре человек актуально универсален, актуально достаточен, проявляет себя как достойное бытия существо.

Эта действительность существует в нематериализованном виде и формирует по отношению к пространству геополитическому и пространству хозяйственному третье – *человеческое пространство*. Где возникла и производится идея человечества.

Идея человечества лишена обоснований в повседневном бытии людей. Она находится в сложных отношениях, оспоривания и обережения, с повседневностью. Но она тяготеет к реализации и в формах реализации пересекается с властью, образуя геополитические пространства.

Есть секущая плоскость, своя для непосредственной человеческой жизнедеятельности и культуры. Эта сфера – *история*. Она ареал прогрессирующей и никогда не доходящей до реализации идеи человечества. Историю вообще можно представить как *осуществление неосуществимого проекта человечества*.

Но начинается перелом, связанный с переносом центра тяжести на человеческие ресурсы. Запущенный с западного края геополитического пространства, он обладает гигантским унифицирующим действием, подминая различия в укладах человеческих цивилизаций. Преодолевая связанность их с первофакторами человеческой жизни и культуры. Глобализация, так ее называют, делает избыточной идею человечества и культуру как духовную повседневность людей. Но разнообразящаяся динамика культурных существований была краеугольным условием воспроизводства вида! Вид уже не воспроизводит себя так, как прежде. Технологически преодолев ряд барьеров, которые не мог взять прежде, он вместе с тем исключил нечто, без чего не стал бы человеческим видом.

На этом все заклинилось. Появляется избыточность культуры – когда предметом рефлексии и творчества стало осознание собственной избыточности культуры. В новом существовании, где ресурсом стал человек, как будто не нужны и геополитические пространства; избыточным стало пространство самого человека. Зато выросла опасность конца вида Homo вследствие нивелировки его высшими, «умными» технологиями прогресса. То есть вид Homo sapiens должен будет как-то спасать себя от успехов собственной деятельности, искать новую основу и фундамент для разнообразящейся динамики человеческого.

– Я не понимаю, мы с тобой что, уже по ту сторону истории? Второе пришествие состоялось?

– Говоря, что идея человечества не осуществилась, я не подвожу итога истории. Я говорю, что идея, манившая людей неосуществимостью, не дает достаточного мотива тому, чтобы люди вдохновлялись и действовали во имя ее.

Я не сказал, что идея человечества «выдохлась», и не верю, будто ее «дискредитировал коммунизм». Я отношу это к исходным трудностям воспроизводства вида человеческого. Несовпадающие условия делают человека *витально раздвоенным существом*: локальным и планетарным, тяготеющим к равенству и единению под стягом универсализма. К снятию делений на своих и чужих.

В чем фокусирующий момент? В том, что людьми не движет идея, двигавшая их своей неосуществимостью. Величайший проект, который то подымал своей невозможностью, то дискредитировал скверными воплощениями – побуждая начинаться сызнова. Для всего такого сейчас вроде бы нет импульса.

Вместе с тем перенос центра тяжести на ресурсы самого человека неявно создает *новую унифицирующую тенденцию*. Последняя не была включена в условия воспроизводства, и она смертельно опасна для человека как вида. Ибо условием существования вида является динамика разнообразия. Кажущийся выход из холодной войны вызвал на сцену убийство – Homo sapiens обращается к первопосылкам существования. И, возвращаясь, вызывает забытых духов этих первопопылок.

В России это представлено как нигде более. Потому что идея человечества была здесь разыграна на тесной временной сцене – всего двух столетий. Разыграна более чем понятием – умами, образами, судьбами! Что сейчас проявляется в банальных тупиках повседневности. В усталости человека от мелькания ничтожных фигур и кроваво-случайных обстоятельств.

Недостаточно представить Россию лишь пограничем Европы и полигоном человечества, в ней намечается выход из всей коллизии. Выход – в воссоздании человеческого пространства, при уходе прежних его оснований в идею человечества. Вопрос, какую роль в этом сыграет то, что в недавнем прошлом именовали «культурой»? И что сегодня ею уже не является, и передвинуто в сферу повседневности.

– Культура массовеет, вульгаризируется – ты об этом?

– Идея человечества покидает нас, и культура вдруг осознает, что она избыточна! Первая перестает быть вдохновителем неосуществимого, зовущего на свершения вопреки утратам (здесь все революции и так далее), а вторая перестает сопротивляться воздействию истории на человека. Идет сражение за человека на том попроще, где он стал главным ресурсом. В нем самом заключен теперь единственный ресурс воспроизведения вида. Это смертельно опасно.

Есть же опережающие фигуры – воронежского Мандельштама или сугубо, казалось бы, ограниченного Италией Феллини. Но что значит ограниченность Италией у него? Что такое ограниченность Воронежем у Осипа? Это разговор о культуре, заново овладевающей повседневностью. Которая, признав приоритет повседневности, способна войти в нее, не теряя себя, – в этом весь вопрос для культуры. Причем без расчета на то, чтобы осуществиться «через века»!

Но с идеей человечества уходят понятия будущего и прошлого. *Раз нет идеи, движущей человека неосуществимостью, нет и коллизии «будущее-прошлое».* «Осуществимое будущее» не будущее – это экстраполяции. Они вне понятия будущего. Тем самым возник *вакуум политики будущего.*

Политика будущего возникает, когда мы говорим, что будущее – не настоящее. Оно должно быть выше, лучше; оно принесет человеку то, чего ему критически недостает. В силу этого человек рассматривал все предыдущее как пролог к себе, недовольному настоящим – которое превозмогал во имя лучшего, высшего будущего! Он выстраивал все свое существование как генезис, как родословную человечества. Без идеи человечества – откуда взяться будущему прошлого? На какой основе ему возникнуть?

– Ну хорошо. А если даже и нет такой задумки, а человек просто есть? Существует? День, когда ему удалось кое-что совершить, – хороший день, но бывает день, который ушел в песок. Человек – добытчик, человек – гедонист, да кто угодно, хоть ловкий бизнесмен.

– А если Кола Брюньон? Как тот краснодеревщик, о котором я тебе рассказывал, – находивший счастье в каждой изготовленной им вещи. Да он же молился Богу повседневности, она у него вся озарена светом! Ему не нужно было ничего, кроме моментов, когда он сам включался в историю или история вовлекала его в себя. Когда мой краснодеревщик пошел воевать и с Калининским фронтом вышел в тыл немцам к Витебску, не имея ни патрона в винтовке, он легко мог закончить войну для себя – но не закончил! В отличие от меня, который воевать не умел, краснодеревщик мой воевать умел, но не был движим антифашизмом. Он совсем не хотел воевать. Его призвала, завербовала, принудила даже – история.

– Чужая краснодеревщикам идея, замечу.

– Идея человечества – да она всем вообще кровно чужая! Она всегда идет извне вовнутрь и никогда не овладеет нутром человека полностью. Кроме тех, кто способен повести по этому пути всех или многих. Что ж это за вирус, который занесла древняя Иудея и который пошел-пошел после?

Вся сложная, дикая, кровавая и исполненная горних ангелов полета эта машина – вся она, я настаиваю – генетизирована и вошла в основной набор условий воспроизводства рода *Homo sapiens*. Но этот фокус кончается прямо сегодня. Что последует за ее упразднением? Какие повреждения в человеке? В чем откроется новый источник сопротивления унифицирующей экспансии человека – уже в роли главного ресурса воспроизводства вида *Homo sapiens*?

Или я вообще неправ, что не исключено? Я слишком озадачен судьбой России и идеей человечества.

– Если это и безумие, в любом случае оно логично. Но культура, с ее автономией, в твоей картине стала безработной, она не встраивается в общий ход.

– Меня не устраивает необязательность разговоров на культурные темы. Что такое культура? Мы возвращаемся к старой теме: если культура наше все, то зачем вообще это слово? Когда культуре пришлось предметом рефлексии сделать избыток себя самое, она присоединилась к коренной коллизии людей.

Культура конфликтна по отношению к человеку-добытчику, который – когда-то, где-то – превозмог обреченность вида. Воспоминание об обреченности и о том, что человек ее превозмог, дышит внутри культуры. Когда эта память утрачивается, перестав быть интимно-витальной для человека, то и культура становится избыточна.

– **Миф глобализации именно в том, что «теперь человек сможет все».**

– Это «все» базируется на его способности уничтожить себя и жизнь на Земле. По отношению к чему культура выступает в роли дуэлянта, бросает вызов, говоря: нет, брат, – *не все!* Она настаивает на том, что человек *не должен уметь делать все*. Только так откроется вход в Мир динамики разнообразного.

Идея человечества из проекта неосуществимого и двигавшего человека его неосуществимостью *превратилась во что?* Эта идея иссякла? Или она исчерпала свой *ресурс неосуществимости*, подобно Второму Пришествию? Нет, она *дискредитирована осуществимостью* – которая, перестав совпадать с утопией человечества, стала извращением его, оборотнем.

– **Бердяев предупреждал об опасной простоте осуществления утопий в XX веке.**

– Да, он вел к антиутопии, но после Сталина и этого мало. Что нужно исследовать? Я сказал, что человеку грозит утрата некоторых его решающих свойств. Но что это за свойства, которые, будучи непременными условиями воспроизводства вида, могут быть утрачены – тогда как физически вид продолжается? Что это за страшные моменты?

Несбывшееся человечество мнимо осуществилось глобализацией. Проект человечества сделался невозможным в его функции условия воспроизведения вида – зато в формах глобально осуществленного стал вероятным фактором самоуничтожения. Эта точка мне важна.

– **Итак, история исчерпана, а породившее ее христианство живет?**

– Классическое христианство удержалось тем, что успело отстраниться от прямого участия в истории, а коммунизм не успел. Ситуация холодной войны это для него вообще исключила. Произошел вторичный прорыв, принципиально несводимый к предпосылкам. Из сферы, где царил холодная война, в абсурднейшей перспективе панубийства человека и высших форм жизни вообще, идет прорыв к жизнедеятельности человека, где основным ресурсом будет уже не Земля, а сам человек.

221. Новая смертность рода *Homo sapiens*. Задача переоткрытия жизни.

– В XX веке человек возвращается к тому соотношению с Вселенной, которое было сугубо небезразлично его архаическому предку. Он заново ощутил себя *смертным родовым существом*. Это ощущение вводит его соотнесенность с Вселенной в отношении к текущей истории. Человека озадачивает судьба Вселенной, в пределах которой он стал одинокой фигурой.

Это заново стало мерилom. А в XIX веке кому было дело, тысячу или миллиард лет существует Солнечная система? Нынешний человек неосознанно ввел поправку на смерть в отношении к сущему и к своему месту в мироздании.

От Сократова переворота человек возвращается к досократовскому времени. Он ставит под сомнение высоконравственный императив определяемости человека через человечность. Нацистская душегубка и Колыма делают невозможным утверждать, что человек есть мера всех вещей, – в лагере и без Сократа все на этом построено.

Поскольку речь идет о Гитлере и о Сталине, с этими двумя персонажами человеческая жизнь оказалась развернута к смерти. Здесь виден масштаб задачи переоткрыть жизнь. Которая еще должна найти свой язык, свой ход к повседневности.

222. Светлый ужас конца века.

– XX век для меня я бы назвал – *светлый ужас*. Ужас остается ужасом, сохраняя внутренне просветляющую сторону, не приписываемую ни к чему. Катарсис века – это доведенная до прозрачной остроты потребность *быть с кем-то*. Быть вдвоем в этом веке означает уже быть со всеми на Земле. Этот катарсис предьявлен самыми страшными местами планеты: Варшавским гетто, Трешлиной, Колымой! Мне могут возразить, это вопрос психологии или экзистенции, – нет, здесь существеннейшее, не до конца уясненное нами отношение к истории. Когда мы говорим: ничего не делать в обход человека, это значит – не мешать ему *быть где-то с кем-то*. Вся человеческая жизнь может быть направлена только на это. Но до того она должна стать невероятно богатой внутри себя и научиться совмещать человеческие *врозь и вместе*.

Последний разговор в феврале 1995-го.

– Не будучи профессионалом, я много занимался первобытностью. Все существующие исследования не объясняли, что случилось с нашим предком. Ведь что-то случилось. Не простое изменение, не эволюционный переход «от» – «к». Нечто такое, чем он, обособившийся от всего живого, поставил себя в особые отношения к смерти и к жизни. *С Ното что-то произошло.*

Второй раз что-то случилось с ним при Иисусе. Распри маленького народа в рамках Империи Рима дали нечто, откуда вышла цивилизация с запросом на весь Мир. И опять что-то произошло с человеком. Сейчас мы снова накануне – с человеком опять что-то происходит. Это невыразимо словами, которые мы используем. Критика употребляемых нами слов – способ это понять.

Ельцин – *фольклорный лидер*, который равно случаен и необходим, равно невыносим и неустрашим, – *что он такое?* Как он стал ваятелем, по отношению к которому мы – глина, из которой он лепит себе людей? Вот каким языком надо теперь говорить и в соответствии с этим действовать. А мы мямлим, те ли средства Ельцин употребляет, не те ли.

Мы приняли замечательное наследие! Тончайшее, умнейшее, провидческое наследие Мандельштама, Платонова, Булгакова. И что мы из этого наследия извлекли в интеллигентной среде – что большевики сволочи? Да о том ли вообще идет речь?

Чечня оказалась способна выбить из нас какой-то антропологический отзвук. Не политический, не нравственный, не правозащитный. Мать, которая вырывает ребенка у армии, – это антропология, первичный космос человеческой жизни. Можно сказать – что у вас за власть слабая! Ну, слабая она или нет, еще неизвестно. Норвежцы запустили пустяковую метеорологическую ракету, и наши ракетчики побежали к пусковым кнопкам. А почему? Задним числом Ельцин изобразил все так, будто он на страже и в случае чего кнопку нажмет. Да нет же, это офицеры, боясь немилости начальства, *на всякий случай* дали боевой сигнал – и включились, заработали системы панубийства.

Итак, с одной стороны, в Кремле бессильны перед солдатской матерью, с другой – по-прежнему готовы спалить планету. И не одно либо другое, а *то и другое вместе!*

Что-то грандиозное, изначальный российский хаос. Первичность возникновения человека. Оpozнавший себя в лучшем и в худшем, он никак не разберет того, что опознал. Как разместить факты в его двойном состоянии? Какие у него есть слова для различения этих фактов? Все наше существование приобрело мистический характер.

Смотрел на нашего президента, как он разговаривает с американской журналисткой: «А я в рай не попаду», она – «Почему?» – «Грехи». – «Какие же у вас грехи?» Он ей: «Исповедовать меня вы не можете, может только священник». «Ну а если бы, – спрашивает она, – вы все-таки попали в рай? Как вы себе его представляете?» – «Рай – это когда у каждого свой дом, а кругом живут друзья». И тут же: «Мне альтернативы нет». Замечательно! Это проливает свет на то, *почему* у нас нет ему альтернативы, – потому что только его устами может говорить то, что эти газеты высказать не способны. Вот отчего я называю Ельцина фольклорным лидером.

Я стою перед лицом момента, заставляющего продумывать себя до конца. Хотя знаю, что ни одному человеку это не удалось. Либо все, что тут происходит, лишено интеллектуального интереса, и я вправе отнестись к нему как к внешнему для себя. Либо чем оно банальней, тем более утверждает меня в догадке, что за Ельциным стоит что-то страшное. Что-то касающееся существа, которое именует себя человеком; невыговариваемое словами. Мне тяжело писать под властью этого ощущения.

Хотя, вообще говоря, человек довольно *живуч*. Существование таких фигур, как Ельцин, должно быть истолковано и как проявление родовой живучести *Homo sapiens*.

– В чем ты видишь признак живучести – в абсурде чеченской войны?

– А живучесть вот в чем. Пока такие люди являются и при них что-то может произойти, хотя бы разрушительное, *они – проба*. Человек-проход, человек-проскок через что-то, что иначе не смогло бы случиться. Есть в человеке нечто, чему такие персонажи помогают сбыться.

– Но это можно отнести к кому угодно. Разве это нельзя было отнести к Горбачеву?

– Нет, к Горбачеву это отнести нельзя. Ельцин сулит Миру что-то иное. Был Хрущев, был Брежнев, но Ельцин даже не второй Брежнев, он чем-то тянет на Сталина. А Сталин тянул на то, что с человеком что-то случится. У меня появился новый взгляд – самокорректировка по отношению к отвратительным мне персонажам, от которых к тому же возмутительно зависишь. Нас с тобой он не устраивает, он нас прямо оскорбляет своим существованием. Но я себя корректирую, соотнося абсурд ельцинской власти с догадкой, что *с человеком должно что-то произойти*. Это несколько мистический тезис, да?

– Но что это значит для современника, например для меня, – отойти в сторонку и смотреть, чем все закончится?

– Нет, только не это! Если кто так поступает, я осуждать не стану, но с моей точки зрения – не так. Однако, противясь таким фигурам и даже вступив с ними в единоборство, имей в виду, насколько они масштабны и функциональны. Просто помни об этом.

– Ты сильно озадачиваешь меня тезисом о функциональности Сталина и Ельцина.

– А в отношении Сталина это моя давнишняя мысль, если сойти с легкой дорожки болтовни про зло и добро. Объяснений для глупцов, будто Сталин «побеждал благодаря коварству». Можно подумать, в политбюро перед ним простаки сидели облапошенные! Чем он все-таки поборол этих зубров?

Вся патология истории России выражает себя в регулярной селекции таких деятелей. Патология выражена в людях и приобретает грандиозную и странную форму, где замешаны личность, интеллект и масштаб злодея. Конечно же, во всем этом почти никакого сравнения с Ельциным. Но на некоторые его выходки пора посмотреть именно в свете сталинского прецедента.

– Не пойму я все-таки этого ряда, от Сталина к Ельцину.

– Думаю, появление таких людей – как геомагнитные возмущения, предупреждающие о неподвластных нам масштабных обвалах и катастрофах. Появление их означает, что уже близка ситуация, где *с человеком что-то случится*. Не добавочное к прежнему, а иное, масштабное, чему есть прологи и сполохи предвосхищений.

Говорят, если смотреть реалистичней, вещи выглядят проще. В моем понимании, нет – проще не выглядит. Иначе все настолько банально, что выпадаешь из сферы умственно значимого. Тогда незачем быть историком, лучше выключиться из текущей жизни и заняться, например, соратниками Петра Великого. Один Алексашка Меншиков колоритней всех, кого я встречал в Кремле!

Есть сюжеты, которыми пора заняться. Вот Николай I. До междуцарствия 1825 года отличался разве что парадным рвением, однако 14 декабря проявил себя замечательно незаурядно. И после расправ 1826-го первые его годы отмечены попыткой что-то в России переменить, стать палачом-душеприказчиком казненных. Его поразительная система подотчетности всех судеб, наказание плохих помещиков, его бесконечные ревизии. Одиозная система, которую Николай воздвиг из побежденного декабризма и к которой добавилось европейское могущество. Но после 1848-го это уже совсем другой человек, которого факты не убеждают ни в чем. В самом апогее могущества идет ко дну и тянет за собой всех. Вот и Ельцин всех потянет на дно, при содействии интеллигентных дурачков.

– Вслед Ельцину придет Оно?

– Да, по Щедрину – Оно⁵⁴.

– **Все-таки непонятны мне эти твои «страшные люди» – зачем они нужны?**

– Лапочка мой, а зачем мы с тобой нужны?

– **Это, в общем, не ответ.**

– После горбачевской истории Ельцин подорвался на проблеме *равномасштабного второго шага*. У него не было ресурса для *второго начала*, и проблема *второго шага* встала, когда первого уже нет. Отсюда бессодержательность новой власти, восполняющей невозможное чем попало. Власть авторизует все, что делается под «*ельцинское*».

Бессодержательность власти страшная, но и потенциально масштабная вещь. Помнишь, на чем сошлись Ельцин с группой Гайдара? Те дали ему содержание, отвечающее несусветной претензии авторитарной власти. И тоже *мнимое содержание!* Возникла атмосфера азарта, где происходящее выглядит мнимо бесповоротным. Притом что проблема создания исходных условий для второго шага никуда не ушла.

Начни я Ельцину такое объяснять, он скажет, что мы сумасшедшие. Но сам Ельцин знал, о чем говорит, намекая Гайдару, что президент не единственный инициатор октябрьских убийств.

– **Да, для Ельцина это было важно. Может, это личное?**

– Личное, но такое, под что подверстана вся система властвования и управления. Желая самодержавно авторизировать события, выстраиваешь под это структуру авторизации. Что очень похоже на Николая I. Сталин, кстати, не делал вид, будто действует не он, а другие. Даже изобретая врагов, он делал это своеобразно. Брал все, что сам сделал, и с прибавками переносил в состав обвинений. Зачем ему было нужно, чтоб даже НКВД оказался звеном несуществующего «фашистского заговора»? Ведь коли так, в СССР вообще нет ничего не пораженного им. Ни-че-го! Для чего-то это ему нужно, а?

– **Тактика понятна, непонятно, зачем она.**

– В отношении него понятно стало лишь на расстоянии. Согласись. Если определять финалом, то когда Николай то ли умрет, то ли покончит с собой, все рухнет с его уходом. Сталин умирает – и где его магическая власть над судьбами? Ни политбюро, ничто другое не имело в 1953 году никакой власти. Была только его страшная власть. Пока он существует, они не чувствовали себя свободными ни в чем.

Помню мои ощущения. Впечатления от речи Черчилля, напечатанной в «Правде» на первой странице: ушел человек, сотворивший величайшую империю! Мао Цзэдун, знаменитое послание – превратить скорбь в силу!

И волнами, волнами идут перемены. Одно из первых действий, когда эти пришли к власти, была отмена ночного присутствия на службе при Сталине до четырех утра. Работу стали заканчивать в шесть вечера. И сразу пошли первые слухи-намеки на то, что со Сталиным связано что-то нехорошее, ужасное.

– **Как в этот ряд поставить нашего президента?**

– А представь себе, что его завтра не станет. Тогда что? Ведь все придется начинать заново, при массе необратимостей, которыми уже обросли со всех сторон.

– **Ельцин оседлал дефицит авторства, ощутимый уже в восьмидесятые. Вал событий и пошлость, мелкость, дефицит личности. Горбачев ничуть не был автором того, что мы переживали, а авторы «Огонька» тем более.**

– Да он автором и не был. Горбачев был кунктатор и дезертир ответственности. Но надо отдать должное – у него была гипотеза, что, начав энергично действовать в узком секторе, о котором его заверяли, что тот ограничен и не опасен, – и с места сдвинется все. А этого не случилось.

⁵⁴ Отсыл к роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1869–1870).

У Ельцина авторский дефицит с претензией на всеобъемлющее авторство. Людям кажется – где-то же есть автор всей этой бессмыслицы? А с какой настойчивостью ему это нужно! Вот проблема, возникающая в нашей ситуации безвременья, которое не переходит в междувременье. Для эпохи Ленина и Троцкого вопрос об авторах был просто смешон, авторы были всем известны – вожди. С другой стороны, им самим незачем было притязать на авторство. В них жило представление о том, что Революция больше любого из них.

Мне иногда недостает дерзости сказать, что люди, которые стоят в истоках кажущегося самым страшным человекоуничтожения в XX веке, – *эти люди были Миру показаны*. Значит, Миру показано было и человекоуничтожение, и я не побоюсь обсуждать этот вопрос.

– **Что значит «показаны»?**

– Мир в них нуждался, и они были показаны Миру. Не предопределено, но *показано*. Чего-то Мир не сумел без них, пробовал и не смог. Ведь и люди Рима чего-то хотели, но не смогли – и пришли другие, от апостола Павла. Что-то люди в этом веке захотели сделать недопустимое, отчего без лагерей не смогли. А там и могилы эти безымянные, и смерти, вообще безмогильные. Значит, нам показана была и могила. Я готов обсуждать этот скверный тезис.

– **Но как обсуждать могилы?**

– Начну с того, что утверждаю – да, убийство показано человеку. Отсюда могилы, и среди них – самых мне близких людей. А теперь скажу, что под этим понимаю. Я не буду размазывать манную кашу по столу. Я устал, мне недолго жить, и я не хочу с этим тянуть. Я готов это обсуждать вслух.

– **Все-таки не понимаю, где переход от ценного тезиса про кашу к тезису о показанности убийств человечеству?**

– Он внутри типа мышления, что выработался у людей, прошедших холодную войну, так и не выйдя из нее, цепляющихся за возможность уничтожения мира. Такой человек, даже желая доброго, и если хочет избежать смертей, все-таки исходит из предположения, что *пан убийство политически возможно*. Особенно в здешней ситуации, где никто не выпускает из рук возможность тотального уничтожения, на словах порицая тоталитаризм. Я хочу рассмотреть, откуда все это выросло.

Как вышло, что век, который, казалось, навсегда отменил рабскую заданность человеческого существования, загнал себя в ловушку коллективного самоубийства? Я хочу это понять. Ленин меня бы не понял, а я его таким образом надеюсь понять. Я должен бы вступить на путь двойной рефлексии, рассказывая о себе, вступившем с Лениным в отношения, которые сами по себе проделали эволюцию. Он человек, который занял кусок моей жизни и расположился в нем.

– **Ты говоришь о Ленине, но ведь у истоков смертоубийства стоял не один он.**

– Совершенно верно. Дальше надо говорить по существу, развертывая мысль. Я не могу облегчить себе ситуацию вопроса или ее упростить, отрекаясь от Ленина. Сказав, что «пришли негодяи и все испортили». Я тоже сумел бы твердить: извратили, испортили, исказили. Но не хочу. Ленин *дал* возможность это сделать. И не только тем, что создал партию и его политический предмет, в сущности, не имел субъекта...

– **Да, сегодня ты решил быть беспощаден ко всем.**

– Ладно, поговорим о чем-то веселом – о кино. Ах, эти послевоенные трофейные фильмы! Боже, с каким восторгом мы ходили на «Девушку моей мечты»⁵⁵! Испытывая легкую дрожь поколебленных основ мировоззрения и самой повседневности: гляди, как живут нор-

⁵⁵ «Девушка моей мечты» – немецкий музыкальный фильм 1944 года. Реж. Георг Якоби. В фильме намеренно исключены детали, напоминающие о войне и политике. Шел в советском прокате с конца 1940-х по конец 1950-х с заставкой «Фильм взят в качестве трофея».

мальные люди. Удовлетворенные, если их не обижают, не задумываясь о Мире и довольные даже тем, что у них кое-что житейски не ладится – муж пьяница или что-то еще.

Мы другие люди, советский народ. В нас бес недовольства, русский бес перемен. Между двумя породами русскости легла межа, и есть какая-то трудность. Временами обе наши породы сливаются в гремучую смесь – в народ, но тут же опять расходятся. И сейчас у меня нет больше веры в то, что русская человеческая «двухпартийность» сохранится.

В конце концов, советское превосходство неотъемлемо связано с представлением о том, что Мир можно изучить, понять и благоустроить по единому образцу. Даже топча «космополитизм», советское было универсально мировым и с Миром связано. А если к единому Миру пройти *нельзя*, как я убежден сегодня? Не думаю, что у русского выйдет жить, как живут люди на Западе, разделенно-совместно. Такое здесь не пройдет и, по сути, пройти не может.

Значит, скоро жди преткновения. Значит, *с человеком опять что-то случится*. Может, не в последний раз, а может, на этот раз Homo sapiens'у уже не удастся выскользнуть.